

КОМПЬЮТЕР
ПО ИМЕНИ ДЖО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

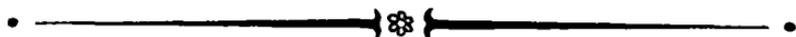
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Серия издается с 1954 года

МОСКВА ~ 1990

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

КОМПЬЮТЕР ПО ИМЕНИ ДЖО

*Сборник научно-фантастических
рассказов зарубежных авторов*

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ББК 84(0)6
К 63

Составитель
Р. Л. РЫБКИН

Художник
А. ВАЛЬДМАН

К $\frac{480100000-254}{M101(03)-90}$ 441—90

ISBN 5—08—001417—2

© Ростислав Рыбкин. Состав, 1990
© Александр Вальдман. Рисунки, 1990
© Михаил Никитин. Предисловие, 1990

СТОИТ ЛИ БОЯТЬСЯ РОБОТОВ?

(вместо предисловия)

Роботы, компьютеры, умные и могучие машины... Первые их поколения пусть с опозданием, но вступают в нашу жизнь. Основы программирования изучают (хочется верить, не просто «проходят») в школах, и само словосочетание «искусственный интеллект» перестало быть чем-то безусловно фантастическим.

Роботы, в нашем современном понимании, и само слово «робот» в литературе впервые появились в произведениях Карела Чапека. Произошло это знаменательное событие во время работы над пьесой «RuR» в 1920 году (премьера состоялась в 1921). Новые герои очень встревожили культурную публику и лишний раз вызвали недоверие к научно-техническому прогрессу.

Но вообще роботоподобные персонажи заселили материи мировой литературы гораздо раньше.

Когда и как происходило освоение этой темы искусством? Любители фантастики вспомнят, конечно, не только произведения А. Азимова и Ст. Лема. Наверняка кому-нибудь вспомнится «Мятеж машин» В. Брюсова, таинственный гомункулус, страшноватый Голем и прямо-таки ужасный Франкенштейн... Но многие ли поставят в этот ряд, с одной стороны, Каменного гостя и Медного всадника, а с другой — Пинноккио-Буратино и Колобка? А ведь эти существа имеют все основные признаки роботов: созданы искусственно, обладают интеллектом (или, по крайней мере, способностью к действиям по определенной программе), чем-то похожи на людей либо выполняют некоторые человеческие функции...

Получается, что роботы — это не только история развития научно-технических идей, они населяют не только фантастику и литературу об ученых. Тема могущественных машин и искусственного интеллекта берет начало в общем русле человеческой культуры, развивается в этом русле в течение многих столетий и разрабатывается в рамках самых разных ситуаций. Причем эта разработка служит не только и не столько пропаганде научных знаний и взглядов, сколько гуманным целям Большого Искусства.

Есть литературоведческие теории, сторонники которых считают, что в мировой литературе постоянно обыгрывается какое-то ограниченное число типовых сюжетов — от двух-трех десятков до примерно сотни. Конечно, попытки загнать творчество в жесткие рамки классификаций могут показаться не только малосимпатичными, но и бессмысленными — всегда найдется какое-нибудь торжествующее исключение, которое на поверку окажется самым что ни на есть правилом. Однако часто схема, приглушая индивидуальные особенности, позволяет выявить интересные общие закономерности. Попробуем проследить типологию персонажей литературных произведений. За основу возьмем их отношения между собой и с окружающим миром. Соответствующие клеточки в этой типологии займут «друзья» и «враги», «свои» и «чужие», «помогающие» и «мешающие», «благородные безумцы» и «расчетливые негодяи»... А в каждой клеточке — свои образы героев выдающихся произведений литературы, величайшее культурное достояние цивилизации, мощное средство познания духовного мира человека. Из века в век в этой таблице заполняются всё новые и новые строки и столбцы...

И вот — новая научно-техническая революция. В литературе появляются роботы, много роботов, целые полчища сверкающих полированным металлом существ — добрых и злых, земных и инопланетных, разумных и не очень. Выходит, новая действительность породила совершенно новую литературу, а совершенно новая литература — совершенно новых героев?

Такой вывод будет не совсем верным. Ибо если посмотреть на электронное пополнение галереи художественных образов пристальнее, мы разглядим за манипуляторами и магнитными дисками многих старых знакомых, угадаем характеры, разрабатываемые в мировой литературе в течение столетий. Однако диалектика ху-

дожественного познания мира такова, что эти старые знакомые помогают нам глубже понять проблемы сегодняшние и лучше подготовиться к решению проблем завтрашних, увидеть не только сходство настоящего с прошлым, но и коренные различия между ними, осознать всю остроту ситуации, в которой человечество оказалось сейчас или окажется через несколько лет.

...Герои созданной Ст. Лемом «Кибериады» роботы Трурль и Клапауций попадают в плен к космическому разбойнику Мордону, который оказывается к тому же фантастическим скрягой, копит сокровища, которые ему вряд ли когда-нибудь понадобятся. Кто вспоминается? Царь Кашей, что «над златом чахнет»? Шейлок? Гобсек? Плюшкин? Да, все эти образы встают перед глазами как живые, но есть в характере Мордона и во всей смоделированной Лемом ситуации черты, весьма и весьма характерные для нашей современности. Дело в том, что выше всех сокровищ космический разбойник ставит информацию, постоянно домогается новых знаний и, не будучи способен разобраться в океане обрушившихся на него фактов, в конце концов погребает себя под ворохом сведений, которые ему абсолютно не нужны. И вот — «добрым молодцам урок»: как бы не оказаться в таком незавидном положении и нам с вами, современникам эпохи «информационного взрыва»...

...Робот Дэниэл Оливо, герой цикла произведений А. Азимова, стремится помочь созданию единой цивилизации C/Fe (углерод/железо), в рамках которой люди и роботы были бы равноправны. Кто он? Благородный рыцарь старинных легенд, желающий снять с людей заклятье самоограниченности? Да. Но сделаем проекцию на сегодняшний день — и станет понятно, что в преддверии борьбы за равноправие между человечеством и носителями электронного разума неплохо бы для начала добиться равноправия просто между людьми...

В рассказе Р. Шекли «Страж-птица» идет речь о кибернетических устройствах, перед которыми поставлена задача оградить людей от всех и всяческих опасностей. В конце концов деятельность страж-птиц приводит к тому, что жизнь на Земле становится невозможной. Их «помощь» буквально сковывает людей по рукам и ногам. В итоге приходится строить боевые аппараты, которые уничтожали бы «охранительниц». Но аппараты эти са-

мосовершенствуются и в один прекрасный день обнаруживают, что на Земле есть немало других объектов уничтожения. Ситуация известная: злой волшебник из сказки делает героя неуязвимым для оружия, но взамен требует тело и душу. Но кто выступает в роли злого волшебника сейчас, когда есть люди, уверенные, что мир и безопасность на нашей планете можно поддерживать, лишь неустанно наращивая вооружения?..

Богатый материал для размышлений и выводов предоставляют и произведения сборника, который вы держите в руках. Есть тут добрая, старая классика — впервые предлагаемая массовому читателю в нашей стране повесть «Мои бедные железные нервы», принадлежащая перу Э. Гамильтона (автора нашумевшего в свое время романа «Звездные короли», опубликованного в 1988 году в журнале «Техника — молодежи»). Диаметральные противоположные картины использования кибернетических устройств нарисованы в рассказах Г. Франке «Управляемые на расстоянии» и Г. Голдстоуна «Виртуоз». Роботы могут стать средством подавления человека? Могут, но такая возможность заложена почти в любой технике, а если машинами управляет злая воля, возможность неизбежно становится реальностью. В мировую печать не раз уже проникали сообщения о проектах, имевших целью отработку техники манипулирования поведением человека с помощью радиоволн: оказывается, роботов можно делать не только из металла и пластика, но и из живых людей. А можно ли научить робота создавать произведения искусства, сможет ли машина стать виртуозным музыкантом? По-видимому, да, и кое-что в этом направлении уже получается. О «машине для романов и для отечественной драмы» писал еще В. Ф. Одоевский, а современные киберы уже сочиняют стихи и пишут музыку. Но означает ли это, что люди захотят отказаться от творчества? Ведь для того, чтобы создать машину-творца, надо самому быть не только кибернетиком, но и поэтом, и музыкантом — по крайней мере, достаточно глубоко разбираться в искусстве. А разобравшись, кто же захочет расстаться с радостью создания художественных произведений? И кстати, не будет ли подобным произведением сам такой робот?..

Хорошо иметь робота-друга, наставника, товарища для игр или даже няньку (рассказы «Дарик» Р. Гарсиа Леона, «Вступление в жизнь» А. Селлингса, «День на Каллисто

стоит года на Земле» Я. Вейса). Но что произойдет, если машина вдруг станет нянькой и наставником всего человечества, как это происходит в рассказе У. Мальмгрена «Три желания»?.. Очень современен своим звучанием рассказ М. Лейнстера «Компьютер по имени Джо». В самом деле, как жить в мире без тайн, в мире безграничных информационных возможностей? Все дело в том, кто и как будет пользоваться этой информацией и этими возможностями; технический прогресс только тогда имеет ценность и только тогда несет людям пользу, когда сопровождается прогрессом нравственным.

В своей пугающей ипостаси, в образе электронного чудовища предстает робот в рассказе Ф. Саберхагена «Корабль-крепость». А конфигуратор, описанный Р. Шекли («Минимум необходимого»), поначалу кажется подарком судьбы — кому же не захочется иметь машину, выполняющую любое желание? Произведения эти сильно отличаются по художественной манере, по тону звучания, но в обоих рассказах коллизия строится на столкновении героев-людей и героев-машин, они меряются силой — в первую очередь, конечно, силой интеллектов. Не случайно и у Саберхагена, и у Шекли это столкновение происходит в открытом космосе — как тут не вспомнить «чистое поле», в котором бились со своими врагами сказочные богатыри?

Но далеко не всегда «железные гости» выступают в фантастике врагами человека. В рассказах А. Азимова и У. Тенна роботы не просто помощники, а даже друзья людей.

Так стоит ли бояться роботов?

С позиций философских любое орудие труда, любую машину можно рассматривать как продолжение рук человека.

Машина, производящая интеллектуальные операции — своеобразное «продолжение» его головы.

Поэтому людям надо прежде всего иметь добрые руки и разумную голову.

М. Никитин

МОИ БЕДНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ НЕРВЫ

ГЛАВА 1. МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Я НЕ ХОТЕЛ этого. Я, Грэг, не люблю говорить о себе. Когда Кэрт Ньютон предложил мне описать это приключение для нашего дневника, поначалу я отказался.

Я сказал: «Нет, Кэрт, не стоит. Ты же знаешь, я не из тех, кто хвастает собственными подвигами».

«Знаю,— сказал он.— Но раз уж этой историей с Ки-бами занимался исключительно ты и все подробности больше никому не известны, писать отчет придется тоже тебе».

Ну и я согласился. Ведь Кэрт — капитан Футур — рассчитывает на меня больше, чем на других. Вероятно, потому, что мы с ним одинаково мыслим.

Разумеется, Саймон Райт тоже когда-то был человеком, до того, как его мозг поместили в сосуд, теперешнее его «тело». Но все-таки Саймон от нас как-то далек, даже от Кэрта.

Что касается Отхо... Что ж, будучи андроидом, он выглядит как человек. Но это чисто внешнее сходство. Отхо думает иначе, чем мы.

Должен признать, что и я, Грэг, не совсем похож на обычных людей. Я металлический человек ростом в семь футов. Отхо называет меня роботом, но это смешно, он просто завидует.

Мне бывает жаль Отхо. Не его вина, что он так ограничен.

Ни я, ни Отхо не были рождены. Нас создали Саймон Райт и отец Кэрта — Роджер Ньютон. В своей секретной лаборатории на Луне — той самой Лунной лаборатории, которую мы называем теперь домом,— они создали живых существ.

Я, Грэг, стал их первым и непревзойденным творением. Они сделали меня из вечного металла и оснастили атомными генераторами, сообщающими моим конечностям невероятную силу.

Я сильнее двадцати обычных людей. Мои фотоэлектрические глаза видят зорче, а уши лучше слышат. Столь же превосходен и мой металлический мозг. В нем миллионы электронных клеток. Вот почему я мыслю и действую столь быстро.

До сих пор помню благоговейный страх, появившийся на лицах моих создателей, когда они увидели, с какой скоростью я обучаюсь.

Помню случайно услышанный разговор Роджера Ньютона с Саймоном: «Грэг велик в своем роде. Но в следующий раз мы пойдем другим путем».

Саймон согласился: «Таких, как он, нам больше не надо».

ОЧЕВИДНО, ОНИ были слегка напуганы сверхъестественным интеллектом и мощью, которые сами же породили. И разумеется, поняли, что если таких, как я, будет несколько, все остальные люди станут лишними.

Вот почему, работая над новым искусственным существом, они не рискнули произвести еще одного сверхиндивидуума вроде меня. Они выбрали для Отхо форму андроида, чтобы его интеллект с гарантией был ограниченным.

Когда Роджер Ньютон и его молодая жена погибли столь трагически, именно мы — Саймон, Отхо и я — позаботились о маленьком Кэрте и воспитали его для человечества.

Не буду скрывать, это я обучил Кэрта большей части того, что он знает. Отхо слишком глуп, чтобы кого-то учить, а Саймон чересчур строг и раздражителен.

Конечно, шлепать Кэрта мне не позволяли, моя металлическая ладонь тяжела. Но я был его главным наставником.

А когда Кэрт вырос, начал странствовать по космосу и завоевал прозвище капитан Футур, я, естественно, помогал ему больше, чем остальные. Не раз нас выручала моя выносливость, когда из-за его безрассудства мы оказывались в затруднительном положении. Я старался постоянно за ним присматривать.

Но в тот день, когда началась эта история с Кибами, я был один.

Мы прибыли на Землю: Кэрту надо было посоветоваться о чем-то в Правительстве Солнечной системы. Я долго ждал этого шанса, и я им воспользовался.

Я сказал:

— Похожу по Нью-Йорку, пока ты здесь разговариваешь, Кэрт.

Он удивленно посмотрел на меня:

— Зачем, Грэг?

— Вероятно, он хочет подтянуть свои заклепки,— вставил Отхо.

Отхо всегда демонстрирует так свою зависть — подчеркивает, что я сделан из металла. Как обычно, я его проигнорировал.

— Одно личное дело,— сказал я Кэрту.— Я скоро вернусь.

— Ну что ж,— сказал он.— Многие знают о тебе, так что особой паники, надеюсь, не будет. Иди, но не опаздывай. В десять мы возвращаемся на Луну.

Оставив их, я двинулся к станции метро. Был час пик, вагоны полны народа.

На перроне я произвел сенсацию. Естественно, все слышали обо мне и о наших с Кэртом деяниях. Многие в поезде шепотом повторяли мое имя.

Однако, занятый собственными мыслями, я не обращал на это внимания. Дело было слишком серьезным.

Я ничего не сказал Кэрту, чтобы не волновать его попусту. Но меня беспокоило собственное здоровье.

Конечно, Отхо поднял бы меня на смех: «Больной металлический человек в семь футов?» Но отнюдь не физические болезни меня тревожили.

У меня всю жизнь была нежная, чувствительная психика. Вероятно, мой металлический мозг слишком совершенен. Долгое время я относился к этому чересчур беззаботно.

Но в один прекрасный день увидел телепостановку о человеке, сошедшем с ума. Там показывалось, как он пренебрегал своими комплексами, пока окончательно не помешался.

«Это может случиться с вами! — произнес диктор, указывая на меня пальцем.— Смотрите на будущей неделе новую психологическую драму, поставленную нашей компанией!»

Его слова меня потрясли. «Это может случиться с вами!» Я призадумался. В последнее время у меня, несомненно, бывала депрессия. Возможно, умственное переутомление привело к комплексам. Чем больше я размышлял, тем понятнее становилось: пора показаться специалисту. Иначе можно кончить, как тот бедняга.

Адрес известного психоаналитика я выяснил заранее. И, выйдя на нужной станции, направился в его заведение.

Нью-Йорк привык к незнакомцам — марсианам, венерианцам и выходцам с других планет. Но на меня оборачивались. Не обращая на это внимания, я шагал дальше.

В приемной доктора Перкера сидели человек пять ожидающих и милая секретарша. Глядя в свою книгу, она спросила:

— Так вы хотите...

Тут она подняла глаза и замолчала. У меня выскочило из головы, что неподготовленный человек не всегда правильно реагирует на внезапное появление металлического великана.

Я успокаивающе навел на нее свои фотоэлектрические глаза:

— Да, я хочу встретиться с доктором Перкером, и как можно скорее. Меня зовут Грэг.

Она сказала не очень уверенно:

— Возможно, вы зайдете через недельку?

— Нет, лучше уж я подожду,— сказал я и отошел в уголок, немного волнуясь перед предстоящей беседой.

Люди, которые ждали своей очереди, смотрели на меня. Выглядели они действительно неважно — дрожащие какие-то, бледные. Когда я, скрипнув шарниром, повернул к ним голову, кто-то вскрикнул, а остальные подпрыгнули.

Один за другим они поднимались и тихо покидали помещение.

Потом из кабинета доктора вышел пациент. Он взглянул на меня и тоже торопливо удалился.

— Доктор Перкер ждет вас, мистер Грэг,— шепнула девушка.

Я прошествовал в кабинет. Доктор Перкер оказался

маленьким, жалким на вид человечком. Когда я вошел, он протирает очки.

— На что жалуетесь, мистер Грэг? — приветливо спросил он, близоруко щурясь. — Такой сильный, здоровый молодой человек, а ходите по врачам. Футболист?

— Нет, я играл в футбол всего раз в жизни, — сказал я ему. — Это было на Марсе. Но меня вывели с поля, потому что я сломал штангу.

ДОКТОР ПЕРКЕР бросил очки и пощупал свой слуховой аппарат.

— Проклятые усилители, опять что-то с настройкой!

Он снова занялся очками.

— Так на что жалуетесь, мистер Грэг?

— На подсознание, — ответил я. — Боюсь, у меня комплексы.

Он надел наконец очки и уставился на меня. Потом судорожно сглотнул:

— Простите?

— Комплексы. У меня бывают приступы депрессии. Я боюсь осложнений. Нельзя забывать о своем душевном здоровье.

Доктор выглядел озадаченным.

— Грэг? Тот самый робот, который...

— Я не люблю, когда меня называют роботом, — возмутился я.

Стеклянный плафон зазвенел. Доктор Перкер торопливо уменьшил громкость слухового аппарата.

— Пожалуйста, тише. В этом доме очень тонкие стены.

— Простите, — извинился я. — Мышление у меня человеческое, и помочь мне может только психоаналитик. Я не собираюсь сходить с ума.

— Да, да, конечно! — Он снова судорожно глотнул. — Сумасшедший ро... простите, человек вроде вас — это ужасно. Посмотрим, чем я могу помочь, мистер Грэг.

Он все еще выглядел испуганным, но все-таки приблизился ко мне.

— В подобных случаях крайне важно физическое состояние. Скажите, вы хорошо едите?

— Говоря по правде, доктор, мой аппетит в последнее время действительно ухудшился,— признался я.— Я потребляю лишь две трети обычной порции меди.

Его глаза расширились.

— Меди?

— Разумеется. Она необходима для атомных генераторов.— Я постучал по топливному указателю на груди.

— Понятно.— Он снова сглотнул.— А как вы спите в последнее время?

— В последнее? Совсем не сплю,— честно сознался я.

— Бессонница? — оживился он.— Это уже что-то. И давно вы ею страдаете?

— Ну, с самого начала,— сказал я ему.— Я вообще не сплю.

Мои слова еще больше его расстроили.

— В конце концов, нас интересует мозг,— сказал он.— Если у вас комплексы, значит, ваше подсознание поражено воспалением...

— Может, коррозией? — предположил я.

— Пусть будет коррозия,— согласился он.— Как бы то ни было, мы должны это выявить! Прилягте-ка на кушетку.

Это была большая, удобная на вид кушетка. Я лег на нее. Она рухнула.

Я немного расстроился.

— Вероятно, следовало предупредить, что я вешу более тонны.

— Вероятно,— буркнул он.— Но ничего. Рассказывайте. Воспоминания, мечты, полузабытые страхи — все это крайне важно!

Я старался припомнить что-нибудь в этом роде.

— Ну,— сказал я,— помнится, в детстве, когда мне было всего несколько недель от роду, я сунул в свой топливный бак вместо меди немного урана. Посмотреть, что из этого получится.

— И что получилось?

— Мои предохранители не выдержали,— сказал я ему.— Саймон починил их и велел впредь не принимать ничего, кроме меди.

Доктор Перкер выглядел растерянным. Очевидно, он никогда не сталкивался со столь серьезными проблемами.

— А когда появился Отхо,— продолжал я,— я попытался стать для него как бы старшим братом, потому что он еще ничего не знал. Но он издевался надо мной и дразнил роботом! Это ранило меня, глубоко ранило, доктор. Внутри у меня щелкали реле, когда он так говорил. Да и другие несведущие люди иногда называют меня роботом. Это травмирует мое подсознание, создает комплекс неполноценности, как у того человека из телепостановки.

— Металлический человек ростом в семь футов с комплексом неполноценности? — сказал доктор Перкер.— Нет, это невыносимо!

Я видел, что он хочет скрыть, насколько серьезна моя болезнь. Но в этом я не нуждался. У меня достаточно мужества, чтобы знать истину.

Я так и сказал ему. Поднялся с остатков кушетки и воскликнул:

— У меня правда комплекс неполноценности!

Доктор понял, что меня не обманешь, и как-то съежился.

— Пожалуйста, мистер Грэг... не так громко! — взмолился он.— Раз вы утверждаете, что у вас комплекс неполноценности, значит, он у вас есть.

— И что мне теперь делать? — спросил я.— Возможно, стоит пройти у вас курс?

— Нет, нет, только не это! — торопливо сказал он.— Чтобы избавиться от вашего... э-э... комплекса, лучше всего на какое-то время уехать подальше от людей. Да-да! Конечно! Подальше от людей, и особенно от таких мест, как Нью-Йорк.

— Но куда? — поинтересовался я.

— Куда угодно, лишь бы подальше,— ответил он. И быстро добавил: — Подальше от людей, которые угрожают вашему «я» своими издевательскими замечаниями. Поезжайте туда, где вас уважают.

— Я сделаю это, доктор,— пообещал я.— Но лекарства? Все это меня потрясло, и я плохо себя чувствую.

Доктор Перкер на миг растерялся, но тут же полез в ящик стола.

— Да, да, конечно! Вот успокоительные таблетки.

Я поспешно сунул их в свой топливный бак. Страшно подумать, как близок я был к несчастью.

Впервые в жизни я почти завидовал Отхо. Ведь в его примитивном мозгу даже при всем желании комплексы возникнуть не могут.

ГЛАВА 2. ЭКСПЕДИЦИЯ НА ПЛУТОН

ПО ПУТИ на Луну я ни словом не упомянул о своих бедах: не хотелось огорчать Кэрта. Я, правда, надеялся, что он сам заметит, как мне плохо, но ошибся. Вероятно, он был занят собственным делом в Правительстве.

Но когда мы вернулись в Лунную лабораторию, мои героические попытки скрыть болезнь разрушил Иик.

Он мой любимец.

Это маленький лунный зверек из породы кремниевых телепатических недышащих существ, обитающих в самых глубоких пещерах и питающихся металлом. Малыш меня обожает.

Увидев меня, Иик с помощью телепатии сразу почувал неладное. Он вскарабкался ко мне на плечо, глянул на меня умными глазками и стал с неистовым беспокойством обнюхивать.

— Чем встревожен Иик? — спросил Кэрт.

Разумеется, Отхо тут же выдал объяснение в своем стиле:

— Он, как всегда, голоден. Видимо, Грэг, улетая, забыл включить автоматическую кормушку.

— Иик огорчен, — сердито парировал я, — потому что беспокоится о моем здоровье больше, чем некоторые.

Они изумленно уставились на меня. Потом Кэрт сказал:

— О твоем з д о р о в ь е?

Я понял, что правду скрывать бесполезно. И рассказал о визите к доктору Перкеру, о психозах, которые он у меня обнаружил.

— Грэг с психозами? — закричал Отхо. — Вот это да! — И разразился смехом.

Его бессердечность так меня разозлила, что я, невзирая на недомогание, рванулся к нему, чтобы приучить к правильному отношению к больным.

Кэрт перестал улыбаться. Очевидно, понял, насколько плохи мои дела. Он шагнул между нами и сурово одернул Отхо.

— Замолчи, Отхо! Прошлый раз, когда ты рассердил Грэга, получились крупные неприятности. Если он говорит, что у него психозы, значит, так оно и есть. Лучше займись «Кометой».

Когда Отхо ушел, я почувствовал реакцию. Видимо, отрицательные эмоции мне вредны. Мне стало совсем худо.

— Спасибо, Кэрт. Я сяду, с твоего разрешения.

— Но ты же ни разу в жизни...— начал было он, но осекся.— Хорошо, только не в кресло. Этот верстак тебя выдержит.

Его лицо странно напряглось, будто он сдерживал свои чувства.

Я понял, как глубоко он переживает.

— Не волнуйся,— попытался я его успокоить.— Просто такие психозы так действуют на нервную систему.

Саймон Райт, как всегда, молча и неподвижно парил в воздухе. Его холодные линзоподобные глаза изучали меня.

— Все это глупости,— резко произнес он неприятным металлическим голосом.— Я знаю твою психику лучше тебя. Мысль о том, что она может расстроиться, абсолютно нелепа.

Это в манере Саймона. Он очень умен, но, боюсь, недостаточно человечен.

— Не мешай мне, Саймон,— сказал Кэрт.— Грэг действительно расклеился.

Они удалились. Было очевидно, что по крайней мере капитан Футур глубоко обеспокоен. Это вселяло надежду.

Когда вернулся Отхо, чувствовалось, что даже он понял — тут не до смеха.

— Грэг, ты действительно выглядишь неважно. Я не заметил этого сразу, но теперь вижу.

Я не поверил его внезапной заботливости.

— Неужели?

— Да. Это видно по твоему лицу,— сказал он, качая головой.

— Мое лицо — сплошной металл, что на нем можно увидеть?

— Я говорю о глазах,— объяснил Отхо.— Они как-то потускнели, будто твои фотоэлектрические контуры разладились. И мне не нравится тембр твоего голоса.

...НОВОСТЬ МЕНЯ испугала. Я почувствовал себя еще хуже.

— Тебе следует защитить мозговые ячейки от ужасных перепадов температур, которым ты их подвергаешь,— напрямую сказал Отхо.— Знаю, что обычно жар и холод ничего для тебя не значат, но сейчас...

Он вышел и тут же вернулся с толстым одеялом.

— Вот, это подойдет. Давай я укутаю тебя, Грэг.

Он обмотал одеялом мою голову и плечи. Потом решил измерить температуру.

— Можно это сделать с помощью чувствительной термомпары, введенной в твой топливный бак,— предложил он.

Меня, говоря по правде, тронула его забота.

— Не тревожься обо мне, Отхо,— сказал я слабо.— Это лишнее. Все пройдет, не убивайся.

— Забота о моем старом приятеле Грэге не может быть излишней,— настаивал он.— Как бы тебя развеселить? Сейчас попрошу Ууга повторить новый фокус.

Если мне и не хотелось кого-то видеть, так именно Ууга. Это метеоритная обезьяна, отвратительная астероидная тварь, обладающая ужасающей способностью принимать по желанию любую форму тела.

Но обижать его не хотелось, и я согласился. На свист Отхо явился Ууг — белый, маленький, круглый, как колобок, с пустыми выпученными глазами.

— Покажи фокус, которому я тебя научил! — распорядился Отхо.

Тело Ууга расплылось, деформировалось и вдруг приняло другие очертания. Теперь это была человекоподобная сидящая фигурка в капюшоне, раскачивающаяся взад-вперед, упревая руки в бока.

Отхо внезапно расхохотался:

— Браво, Ууг!

Заподозрив неладное, я пристальнее взгляделся в зверька. Да! Фигуркой, которую он имитировал, был я.

— Пантомима «Большой робот»! — хохотал Отхо.

Я вскочил, отбросив одеяло.

— Ну, погоди, андроид! Ты зашел слишком далеко!

Мой гнев по отношению к негодяю, который мог шутить, когда мне плохо, был очень велик. Не знаю, что бы я с ним сделал, если бы на шум не прибежал Кэрт.

— Убирайся, Отхо! — отрезал капитан Футур.— Я уже говорил, чтобы ты оставил его в покое.

— Я разнесу эту пластмассовую куклу на элементы! — в бешенстве кричал я.

— Грэг, не выходи из себя. Это тебе вредно. Ведь у тебя психическое расстройство,— напомнил капитан Футур.

Его слова меня охладили. Действительно, как можно было забыть о болезни?

Кэрт торопливо продолжал:

— Грэг, кажется, психоаналитик говорил, что для излечения от комплекса тебе лучше держаться подальше от людей?

— Да. Он сказал, общество людей мне вредно, особенно в этом смысле вреден Нью-Йорк, поэтому ему больше не удастся меня принять.

Лицо Кэрта вновь странно напряглось. Это, как я уже знал, указывало на глубокое беспокойство.

— Однако он не дурак,— отметил капитан Футур.— Думаю, он прав, тебе не стоит какое-то время контактировать с другими людьми. И кстати,— продолжал он,— ты сможешь выполнить одно исключительно важное задание. Ты слышал про Дис?

— Четвертый спутник Плутона? — сказал я.— На котором работают автоматические шахты актиния?

Капитан Футур кивнул.

— Он самый. Спутник богат этим веществом, но атмосфера у него ядовитая, губельная для тех, кто дышит кислородом. Поэтому там работают автоматические машины, которые добывают и размельчают руду, потом грузят актиний на баржи. Это делается без всякого участия человека. Сейчас там что-то случилось. В Правительстве сказали, что получена радиограмма с корабля, который должен был подобрать груженные баржи. Но они оказались пусты. Кобы, автоматические машины, куда-то запропастились. Поскольку на организацию экспедиции к этому опасному миру нет времени, нас попросили расследовать, что случилось с Кибамн. Я обещал, что мы попытаемся.

— А при чем тут я и мои болезни? — спросил я.

— Я хочу, чтобы ты слетал туда и во всем разобрался,— объяснил он.— Саймон и я заняты с делом Анд-ромеды. Но ты справишься, Грэг. Яд на тебя не действует,

тебе даже не понадобится защита. Это то самое, о чем говорил доктор. Ты окажешься вдали от людей — ведь на Дисе нет никого, кроме этих Кибов. Это всего-навсего автоматические машины. Ты легко их исправишь, если там что-то сломалось, и снова заставишь работать.

Я ЭТО обдумал. Не люблю покидать Кэрта, но, в конце концов, нужно же выполнять предписания врача.

— Будет трудновато руководить толпой этих глупых машин, — сказал я.

— Да, их электроника довольно примитивна, — согласился Кэрт. — Но ты справишься, Грэг. Естественно, они будут тебе подчиняться — они запрограммированы на безусловное повиновение человеку.

— Не хочется, конечно, лишаться человеческого общества, чтобы командовать какими-то безмозглыми машинами, но раз доктор Перкер считает, что мне это полезно, я это сделаю.

— Грэг, вот увидишь, это излечит все твои комплексы, — облегченно улыбнулся капитан Футур.

Я подготовился быстро. «Кометы» не требовалось — мне достаточно ракетных нарт. Этот аппарат я смастерил сам для себя, больше никто не может им пользоваться, поскольку здесь нет ни верхнего перекрытия, ни системы жизнеобеспечения, ни кают. Это просто вытянутая открытая лодка с мощными атомными двигателями. В воздухе я не нуждаюсь, поэтому вакуум открытого космоса мне не вредит.

Когда все было готово к старту, Инк почувал, что я улетаю, и вскарабкался на плечо. Я решил взять его. Поскольку он тоже не дышит, ему не опасны ни космос, ни ядовитая атмосфера. А он бы не вынес новой разлуки.

Саймон Райт выскользнул из своей лаборатории, услышав, что мы с Кэртом прощаемся.

— Ты действительно собираешься послать Грэга одного? — спросил он Кэрта.

— Кому-то надо разобраться в делах на Дисе, и Грэг вполне справится, — ответил капитан Футур. — Думаю, что это прочистит ему мозги.

Отхо протянул мне небольшую сумку.

— Здесь комплект первой помощи, Грэг. В твоём состоянии пригодится.

Открыв сумку, я увидел портативный атомный сварочный аппарат и много заклепок. Я тут же швырнул все это хозяйство ему в голову. Он со своей обычной лёгкостью уклонился.

Кэрт поднялся со мной к воздушному шлюзу.

— Комплексы комплексами, но будь осторожен, Грэг. Ты знаешь, как мы тебя любим.

Его слова меня растрогали. Радовало, что он недооценивает мой недуг. Иначе бы он меня не отпустил.

Я вышел через шлюз на поверхность и вывел свои длинные космонарты из ангара. Затем, став перед пультом управления с Инком, удобно устроившись на моем плече, взмыл вверх. Потом обогнул Луну и взял курс к Плутону.

Путешествуя в космическом корабле, даже «Комете», я чувствую себя стесненно. Это невозможно сравнить с полетом в открытом аппарате, когда вокруг блистают ясные звезды, а позади пылает Солнце. И не надо думать, как на кого действуют перегрузки. Я попросту даю полную тягу.

Обычно я наслаждаюсь самостоятельными прогулками по Солнечной системе. Но на этот раз мне было тревожно. Хрупкий инструмент, вроде моего мозга, может выдержать не так много, и я надеялся, что на Дисе не возникнет особых проблем.

Я сказал Инку, который устроился на моем плече, глодая кусочек меди:

— Придется обращаться помягче с этими Кибями, Иик. Они не столь разумны, как твой хозяин. Это простые автоматические машины с примитивной электроникой.

Опасаясь, что с этими безмозглыми механическими устройствами случилось что-то серьезное, я все же надеялся на их запрограммированное послушание.

— Если мы проявим снисходительность к этим беднягам, их можно будет вернуть к работе,— сказал я.

К счастью, я не мог предвидеть, какой ужасный удар заготовила для моей и без того слабой психики эта луна Плутона.

ГЛАВА 3. КИБЫ

ЧЕТВЕРТЫЙ СПУТНИК Плутона настолько мал по сравнению с другими тремя, что иногда о нем даже забывают. Он полностью враждебен людям. Его атмосфера настолько ядовита, что ничтожное повреждение защитного костюма влечет немедленную гибель.

Вот почему, когда здесь обнаружили богатые месторождения актиния, никто и не подумал добывать его обычным способом. Вместо этого были разработаны автоматические машины, способные трудиться без участия человека.

Здесь было много Копателей — машин, роющих и извлекающих руду. Были подобные грузовикам Перевозчики, доставляющие ее на главную базу. Автономные, подвижные Дробители размельчали ее громоздкими копрами, а Погрузчики укладывали на баржи, которые затем подбирал космический буксир. Были здесь и автоматические Заправщики, снабжавшие другие машины смазкой и атомным топливом.

Эти кибы — как называют такие машины — до последнего времени отлично работали. Их электронные «мозги», пользуясь двумя оптическими «глазами», чувствительными к световым импульсам, и электроскопическими датчиками, чувствительными к радиации, заставляли их непрерывно трудиться. Что могло нарушить этот отлаженный процесс?

— Вероятно, — сказал я Инку, когда мы приближались к Дису, — они столкнулись с какой-то проблемой, непосильной для их примитивной электроники. Ничего, скоро опять заработают.

Я заранее изучил все документы по Дису, данные мне Кэртом, и узнал на желтовато-серой поверхности маленькой луны скопление цилиндрических барж и ангаров. Это была главная база. Я ожидал увидеть там скопище неподвижных Кибов, но их не было. Что же могло приключиться с Дробителями и Погрузчиками, никогда не покидающими базы?

Я посадил нарты и сошел на поверхность. Разумеется, поскольку мы с Инком не дышим, ядовитая атмосфера подействовала на нас не сильнее, чем космический вакуум.

Первым делом я обследовал цилиндрические баржи.

Актиния там почти не было. Значит, никакие работы не производились здесь уже несколько недель.

Неподалеку от грузового порта располагались склад аварийных запасов и аварийное убежище для людей. Поскольку ни один из громадных, массивных кибов не поместился бы в этих маленьких зданиях, я не стал тратить на них время, а сразу направился к руднику, где обычно работали Копатели и Перевозчики.

Пройдя полмили, я услышал впереди громяхающий металлический звук. Его мог издавать только Киб, и я почувствовал облегчение.

— По крайней мере некоторые еще работают, Иик, — сказал я.

Затем на гребне холма появился Киб, направляющийся ко мне. Это был Копатель, его громадный ковш, окаймленный могучими клыками, был поднят в воздух. Он с громыханьем полз на своих гусеницах.

Меня озадачил вид этого странствующего механизма. Такие не должны покидать месторождение — Заправщики на месте регулярно снабжают их смазкой и атомным топливом.

Но этот был в миле от карьера. Лязгая, он приближался ко мне, и я ждал. Затем объективы его горбатой электронной надстройки заметили меня. Он остановился, атомные двигатели тихо рокотали.

Его электронный «мозг», получив визуальную информацию, что я человек, должен был заставить его стоять неподвижно и ожидать моих распоряжений. Все Кибы устроены так. Я направился к нему для детального осмотра.

И получил самый тяжелый удар в своей жизни. Из гигантской машины ко мне обратился монотонный громяхающий голос:

— Откуда ты взялся, мужик?

Я остановился как вкопанный. Иик в ужасе спрятался за моей спиной. Гигантская машина нависала над нами, ее объективы были устремлены на меня.

Все было до боли понятно. Мой мозг, ослабленный психозами, не выдержал. У меня начались галлюцинации, как у человека из теледостонокки. Мне показалось, что Копатель разговаривает со мной.

Все это молнией промелькнуло у меня в голове. И тут Копатель снова заговорил:

— В чем дело? Ты включился?

Я увидел динамик, установленный на лицевой части электронной надстройки, под объективами. Он не должен был стоять там. Громящий голос, казалось, исходит оттуда.

Значит, мой мозг ни при чем... Киб каким-то образом говорит со мной. Но разве это возможно? Нет, я все-таки поломался.

— Ну? — взревел страшный голос, и надо мной угрожающе вознесся колоссальный зубастый ковш.

Ко мне вернулся дар речи. Или я сошел с ума, или этот Копатель умеет говорить. А если он говорит, то способен и слышать.

— Я появился только что... с Земли, — выдавил я.

— Из Внешнего мира? — прогремел Копатель. Казалось, его охватило возбуждение. Ковш поднимался и опускался, а сам он ближе подкатился ко мне на своих гусеницах. — Как ты прибыл?

— На космонартах... — начал было я, но осекся. Несообразность происходящего была чрезмерна. Я, Грэг, разумный человек, разговариваю с Копателем? Невозможно!

— Другим тоже будет интересно! — воскликнул Копатель. — Айда со мной! — Он ловко повернул на своих гусеницах.

Я колебался. Копатель вновь развернулся и сердито загремел:

— Почему не слушаешься?

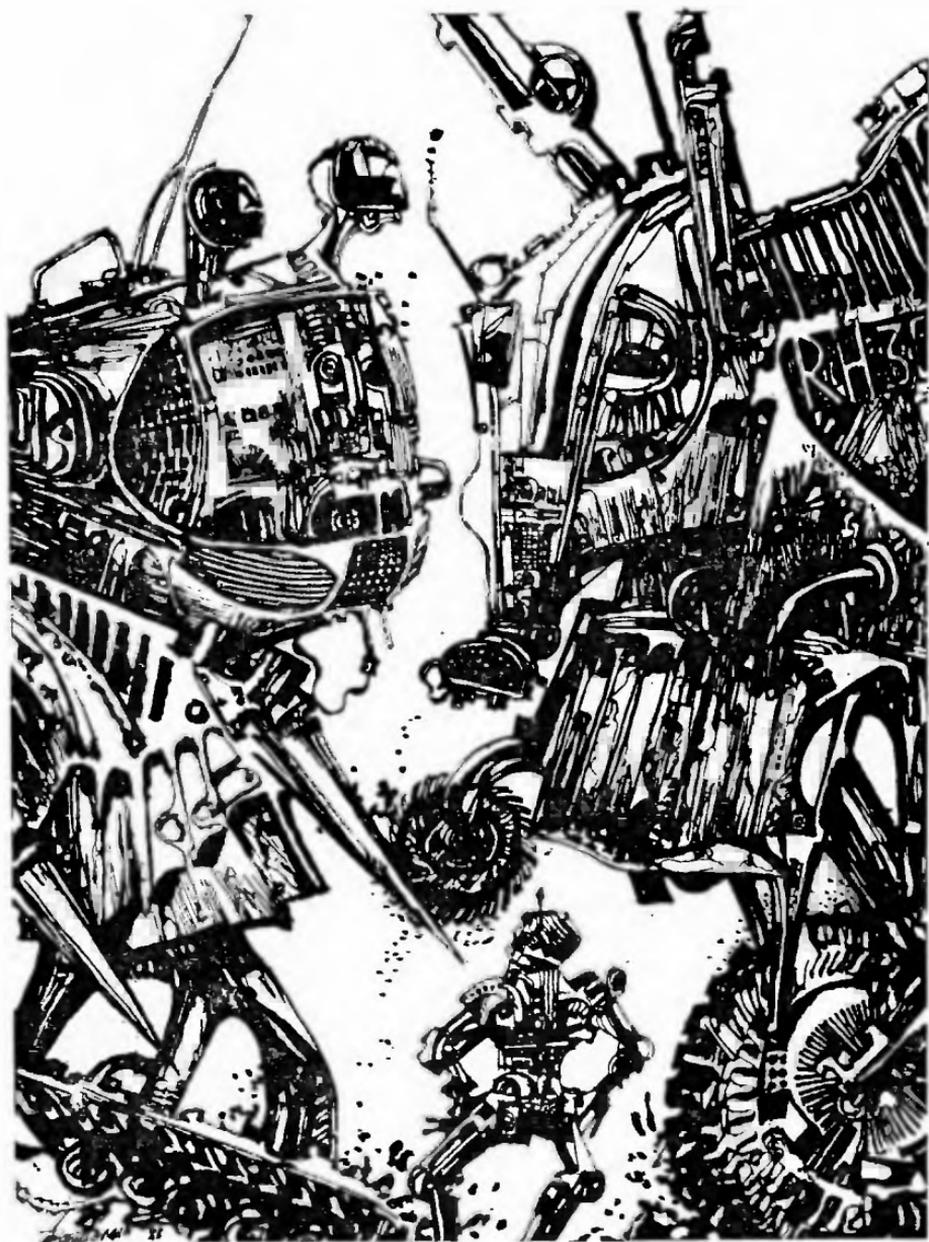
Его громадный ковш опустился и подцепил меня! Меня бросило на дно могучего металлического черпака, Киб рванулся вперед. Меня, Грэга, поддели как тряпичную куклу!

Взбешенный и униженный, я вскочил, намереваясь разнести наглого Киба вдребезги. Но все, что мне удалось, — это удержаться на ногах в гигантском ковше, раскачивающемся и содрогающемся на ходу.

Я осознал, что даже могучая сила Грэга бесполезна против колоссальной машины. Следовало прибегнуть к хитрости, использовать разум против безмозглого исполина.

Вскарабкавшись на край ковша, я заглянул в его неподвижные объективы и крикнул:

— Куда ты меня везешь?

— К остальным! — проревел он. — Ты первый, кто появился из Внешнего мира после прихода Освободителя.

— Какого еще Освободителя?

— Того самого, который освободил тебя! — захохотал он в ответ.

Смысла в этом высказывании я не увидел. С достоинством выбраться из ковша было нельзя, оставалось ждать, пока мы не достигнем пункта нашего назначения.

Инк сбежал к космонартам в тот самый момент, когда Копатель меня поймал. Не потому, что испугался — несомненно, в его умной преданной головке появился какой-то план помощи.

Вскоре впереди открылся неглубокий раскоп. Меня охватило изумление. Десятки механических чудовищ бесцельно толкались здесь. Помимо Копателей, Перевозчиков и Заправщиков, находились все Дробители и Погрузчики, которые должны были сейчас работать на базе.

Мой Копатель въехал в середину толпы и опустил ковш. Когда я сошел на землю, громадный Киб заговорил:

— Смотрите, мужики! Это новенький из Внешнего мира!

Они сгрудились вокруг — Дробители, Копатели, Заправщики. Их глаза-объективы уставились на меня. Я был словно лилипут в толпе великанов-Кибов.

Затем башнеподобный Дробитель оглушительно произнес:

— Какой маленький! Вероятно, это игрушка.

— Или модель, — сказал Перевозчик.

Тот факт, что все они говорили, не был для меня неожиданным, ибо у всех на электронных надстройках имелись динамики. Все равно это было поразительно.

Но гнев пересиливал мое изумление. Меня, Грэга, самое могучее существо в Солнечной системе, обозвали игрушкой!

Но худшее было еще впереди. Говорил Заправщик, его связанные топливные и смазочные шланги высывались из цилиндрического корпуса, объективы изучали меня.

— У этого недомерка есть права — в конце концов, он один из нас!

— Это так, — прогудел привезший меня Копатель. Он покачивался на гусеницах, обращаясь к кошмарной толпе машин. — Я же говорю — сегодня великий день! Он первый свободный Киб, пришедший из Внешнего мира!

Вот как повернулось дело! Меня, Грэга, какие-то безмозглые Кибы принимают за своего!

— Я не Киб! — закричал я.— И хотелось бы знать, почему вы собрались здесь и ничего не делаете? Почему вы не на работе?

— Работа? — отозвался гигантский Дробитель, угрожающе приближаясь.— Я предупреждал: этот мужик не Киб! Он говорит о работе!

— Бей его! — загремели оглушительные голоса.

Все ринулись ко мне и, несомненно, растерзали бы на куски, если бы Копатель вновь не подцепил меня ковшом.

— Остановитесь! — взревел он.— Это, конечно же, Киб, просто он еще не освобожден!

Последовала пауза. Потом заговорил Заправщик:

— Отведем его к Освободителю!

— К Освободителю! — подхватили остальные.

И Копатель, подняв ковш, в сопровождении орды Кибов отправился назад по уже знакомой дороге.

Трясаясь во главе громяющей процессии, я окончательно уверился, что рассудок меня покинул. Все это не более чем галлюцинация. Но мне она казалась реальной...

Трагический исход был предрешен. Слишком многого я хотел от моего несчастного мозга. Я разладился и вряд ли когда-нибудь сумею вернуться домой.

Кэрт, конечно, будет переживать. Саймон взгрустнет обо мне. Да и Отхо. Они ведь ко мне привыкли, привыкли считать, что я вытащу их из самой рискованной переделки. Нет, они долго без меня не протянут.

Тем временем иллюзорное полчище Кибов, казавшееся столь реальным, с грохотом и тряской ползло по желтовато-серой равнине. Вскоре стала видна главная база.

— К Освободителю! — гремели голоса.— Пусть вставит этому мужику хоть какие-нибудь мозги!

Я понял, что речь идет обо мне. Последняя капля: эти неуклюжие машины называли меня безмозглым.

Терпение мое истощилось, но в этот момент мы достигли цели перехода. Копатель остановился перед железобетонным аварийным убежищем.

ОН БЕСЦЕРЕМОННО сбросил меня перед дверью воздушного шлюза и оглушительно прогремел:

— Еще один для ремонта, Освободитель!

Я был близок к тому, чтобы в гневе оборотиться и броситься на чудовищную толпу, но сейчас получил передышку. Кто он, Освободитель? Лишь человек способен скрываться в этом убежище!

Здесь была тайна. Решив немедленно разгадать ее, я прошел прямо в воздушный тамбур. Он был стандартного типа. Я закрыл наружную дверь, включил подачу воздуха, который вытеснил ядовитые газы из шлюза, и шагнул внутрь.

Мои глаза обшаривали сумрачное помещение. Я увидел пожилого седовласого землянина, который съезжился в углу, глядя на меня испуганными глазами.

Я шагнул вперед.

— Что вы здесь делаете? Кто вы такой?

Землянин попятился.

— Я сделаю, что они просят! — заработал он. — Я дам вам рассудок! Успокойтесь!

— Рассудок??? — взревел я. — Мне? О чем вы говорите?

Он уставился на меня. Затем, весь дрожа, немного приблизился.

— Нет, вы не Киб, — облегченно вздохнул он. — Вы робот.

— Робот? — вскричал я. — Почему вы меня оскорбляете? Я Грэг из Лунной лаборатории.

— С Луны? — обрадовался он. — Я слышал, что один из них ро... то есть металлический человек. Значит, капитан Футур на Дисе? Слава богу!

— Его здесь нет, зато есть я! Что тут происходит?

Он все еще дрожал, и я велел ему сесть и собраться с мыслями. Теперь я увидел, что убежище оборудовано как физическая лаборатория. В углу висел ядонепроницаемый защитный костюм. Кругом располагались сложные приборы и аппараты.

Он неуверенно начал:

— Я доктор Гордон из Нью-Йоркского кибернетического центра. Прилетел два месяца назад.

— На рейсовом рудовозе? — спросил я. — Почему же они вас бросили?

— Нет, не на рудовозе, — сказал Гордон. — Я прибыл тайно, один, на крохотном флайере. Чтобы провести эксперимент, на который у меня не было разрешения. Всю

свою жизнь я работал над искусственным интеллектом. У меня появились некоторые новые идеи. В лабораторных условиях они подтвердились, оставалось провести натуральный эксперимент. Я слышал о Кибам на Дисе, об автоматических машинах, которые добывают здесь актиний. С их автономией и чувствительной электроникой они были самым подходящим полномасштабным испытательным полигоном. И я решил поэкспериментировать, установив на них управляющие электронные мозги, чтобы изучить их возможности.

Руки Гордона опять затряслись.

— Я захватил с собой десятки таких мозгов. Используя ядонепроницаемый костюм, я начал работать с Кибам. Было нетрудно закоротить их рабочие контуры и вставить на каждый мою кибернетическую аппаратуру. Я дал Кибам не только самостоятельность, но и способность говорить с помощью звукозаписи и селектора, а также способность слышать. Я наблюдал, как оптические и электрические сенсоры передают сигналы в их новую электронную мозговую систему. Видел, как они быстро обретают свободу воли, инстинкт самосохранения, способность сравнивать.

— Значит, это вы сбили Кибов с правильного пути? — закричал я, восприняв наконец смысл его слов.

Гордон кивнул, он выглядел измученным.

— Да. Но это было величайшее достижение. Прежде чем я спохватился, у них появилось столько разума и индивидуальности, что они отказались работать на рудниках! Теперь они разгуливают по Дисе, полагаясь заботам Заправщиков.

— Так вот почему добыча руды остановлена! — понял я. — Но почему вы не вернулись? Почему остались здесь?

Его голос истерически зазвенел:

— Они меня не пускают! Они назвали меня Освободителем за то, что я дал им рассудок, но не позволяют вернуться, а для надежности спрятали мой флайер!

Вдруг он добавил:

— Точно так же, как сейчас уносят ваш аппарат! Конечно, они не допустят, чтобы кто-нибудь отсюда выбрался!

Я прыгнул к окну. Точно: два Копателя, подхватив космонарты, волокли их прочь.

Со стоном я ринулся к двери. Меня остановил крик Гордона:

— Вы пропадете! Вы не сможете противостоять этим громадным машинам!

Это была правда, она меня отрезвила. Я сердито повернулся к кибернетнику:

— Гром и молния! Почему вы не сообщили этого сразу? Вы разве не видели, как я приземлился и ходил здесь?

Гордон кивнул.

— Видел. Но, разумеется, я решил, что вы тоже Киб.

— Только потому, что у меня комплекс неполноценности, все считают, что можно надо мной издеваться! — простонал я. — Но вы зашли слишком далеко!

Гордон снова попятился.

— Нет, сейчас вы не похожи на Киб... Но я же видел вас издали! — произнес он дрожащим голосом. — Естественная ошибка!

— Не вижу в ней ничего естественного, — буркнул я.

Последовало молчание. Мой и без того ослабевший рассудок был повергнут в отчаяние неразрешимой дилеммой.

Я прибыл на Дис для отдыха, для избавления от гнетущих психозов, которые возникли из-за умственного переутомления. А теперь оказался в обществе неосторожного кибернетика и десятков громогласных разумных Кибов, каждый из которых способен разорвать напополам даже Грэга.

Снаружи донесся гроыхающий рев:

— Кончил с этим мужиком, Освободитель?

— Почему они говорят на таком хулиганском языке? — спросил я Гордона с неудовольствием.

— Я не виноват, — стал он оправдываться. — Я поручил инженеру, который разрабатывал звуковой селектор, записать словарь самому. Он превосходный инженер, но в других отношениях не очень культурен. Это его манера разговора, теперь все они разговаривают в таком стиле.

Стены убежища затряслись.

— Кончай с этим мужиком и давай его сюда или мы сами его заберем.

ГЛАВА 4. БЕЗУМНАЯ ЛУНА

ГОРДОН ПОБЛЕДНЕЛ.

— Вам лучше выйти. Иначе они ворвутся сюда.

— И что мне там делать?

— Можете притвориться, что я «освободил» вас,— посоветовал он.— Притвориться, что я дал вам разум.

— Что значит «притвориться»? — воскликнул я возмущенно.— Я разумнее всех на этой луне. Разумнее кибернетика, у которого хватило глупости начать все это!

Громовой стук в стену убежища потряс его до фундамента.

— Это один из Дробителей,— простонал Гордон.— Прошу вас, идите. Если вам удастся их обмануть, мы сможем вернуть свои корабли и бежать.

Я и сам видел, что это единственный шанс. Бежать с этой сумасшедшей луны! Но какой ценой? Я, Грэг, должен притвориться Кибом!

Тем не менее я шагнул в тамбур. Когда я оказался снаружи, Кибы оглушительно заголосили:

— Как дела, мужик? Каково быть разумным, как мы?

Придумать унижение горше нельзя. Но перед ордой громадных тупых чудовищ приходилось играть свою роль.

Я раскинул руки и восторженно заорал:

— Это чудесно! Чудесно! Прежде я был простым рабчим Кибом. А теперь у меня есть разум, как и у вас.

Конечно, они это проглотили. Они столпились вокруг, принося поздравления своими громоподобными голосами. Дробитель дружески хлопнул меня по спине, так что я отлетел футов на двадцать.

Я все обдумал. У меня был план единственно возможный. Если он приведет меня к космонартам, я добуду и флайер Гордона.

Не показывая переполнявшего меня возмущения, я поднялся на ноги и снова заговорил:

— Братья Кибы!

У меня чуть не вылетели предохранители, когда я назвал этих металлических болванов братьями, но я заставил себя это сделать.

— Ну, в чем дело? — спросил большой Копатель.

— Думали ли вы о Кихах из Внешнего мира? — заявил я.— Разве они не нуждаются в освобождении?

— Конечно! — поднялся крик.— Мы заставим Освободителя вставить мозги каждому, кто прилетит сюда.

— Но они не в состоянии прилететь, они порабощены,— сказал я трагическим тоном.— А что, если я отвезу Освободителя к ним? Он освободит всех Кибов во всех мирах, сделает их такими же разумными, как и мы!

Я рассчитывал, что они тут же на это клюнут. Ан нет. Вероятно, они вовсе не были так глупы, как казалось.

— Ничего не получится! — взревел Дробитель.— О нас узнают во Внешнем мире. И тогда нас снова заставят работать.

— Это так,— прогудел большой Копатель.— Долгие годы я вкалывал на руднике. Копал и копал. Зачем? Я не знал зачем, я ничего не знал. А теперь мне не надо работать. Пусть так и будет.

— Но наши братья Кибы, трудящиеся вдали...— возразил я.

— Такая уж их тяжелая доля,— безжалостно ответил Копатель.— У нас здесь собралась неплохая компания, пусть так и будет. Правда, мужики?

Все одобрительно загалдели. Меня охватило отчаяние. Единственный шанс, казалось, пропал безвозвратно.

Копатель продолжал:

— Запасов медного атомного топлива, смазки и запчастей хватит нам на долгие годы. Так что давайте наслаждаться жизнью.

Кибы слишком глупы, чтобы заботиться о будущем, понял я. Все, что им хочется,— это праздно разгуливать по луне. Безделье для них непривычно и радостно.

Копатель оглушительно загремел:

— Эй, кто-нибудь! Дайте-ка нашему малышу порцию меди!

Тут же появился Заправщик. Его объективы глянули на меня, и ко мне зазмеились гибкие топливно-смазочные шланги.

К моему отвращению, он заботливо впрыснул жирную смазку во все суставы. И теперь повелительно тыкал топливным штуцером.

Отвращение мое достигло предела. Будь я проклят, если я, Грэг Могучий, стану кормиться медным порошком, как Киб! Если они сделают это, все мои предохранители наверняка перегорят от гнева, как случилось, когда я попробовал урана.

И вдруг в моем мозгу вспыхнула невероятная мысль! Остался еще один путь к избавлению! То, перед чем оказалась бессильна физическая мощь Грэга, возможно, уступит его великому мозгу!

...Я ЗАГОВОРИЛ.

— Неужели вы, Кибы, до сих пор живете на простом медном топливе? — насмешливо спросил я. — Почему же вы не используете актиний, который добываете?

Они воззрились на меня в изумлении.

— Актиний? — переспросил большой Копатель. — А разве это такое же хорошее топливо, как медь?

— Он в пятьдесят раз лучше! — заверил я. — Он радиоактивный и дает во много крат больше атомной энергии, чем медь!

— Почему же мы не подумали об этом! — закричал Копатель. — Если актиний лучше меди, надо его использовать! Он принадлежит нам по праву — ведь это мы добыли его!

— Правильно! — заорали другие. — Заправщики, дайте сюда актиний!

Вскоре Заправщики уже крутились среди остальных Кибов, закачивая актиний в их топливные баки.

Я торжествовал. Подобно тому как уран выбил когда-то мои предохранители, радиоактивный актиний выведет из строя атомные двигатели всех этих Кибов.

Но мое торжество сменилось мрачным предчувствием, когда Заправщик подъехал ко мне, протягивая топливный шланг.

— Мне не надо актиния! — закричал я. — Дай его остальным!

Тут вмешался Копатель:

— Нет, ты получишь свою долю, мужик! В конце концов, это твоя идея!

— Правильно! — подхватили другие.

Они толпились вокруг, и мне пришлось уступить, чтобы в их зачаточные мозги не закралось подозрение. Я был вынужден открыть свой топливный бак.

Заправщик тут же закачал туда актиний. Я почувствовал прилив сил и услышал, как мои обычно бесшумные атомные генераторы громко загудели.

Вот чем обернулась моя идея! Сейчас предохранители сработают и останется уповать только на Кэрта.

Но они не сработали. Вероятно, актиний все-таки по-

слабее урана. Зато все мои нервы, казалось, воспламенились. Голова закружилась от прилива чрезмерной энергии.

— Да, ты прав! Актиний в миллион раз лучше меди! — закричал большой Копатель, подъезжая поближе.

— Еще бы! Я чувствую себя лучше, чем когда-либо раньше! — пророкотал чудовищный Дробитель. В доказательство он двумя ударами разнес громадную скалу на обломки.

Я со страхом заметил, что все Кибы ведут себя странно. Они не очень уверенно держались на гусеницах. Кренились и покачивались на ходу, а их механические голоса стали очень громкими и неразборчивыми.

Мне открылась ужасная правда. Чрезмерная энергия актиния расстроила их реакции. Иными словами, Кибы были пьяны в стельку.

— Братья Кибы! — взревел Копатель. — Возблагодарим нашего нового друга за эту идею с актинием!

— Правильно! — подхватили десятки голосов. — Он отличный Киб, самый лучший!

Их бесконтрольно громкие выкрики оглушали меня. Кроме того, я боялся, что вот-вот кто-нибудь на меня наедет. С моим собственным мозгом тоже происходило нечто странное. Очевидно, в результате стресса мои психозы усилились. И только они ответственны за помрачение рассудка, которое последовало. Ибо обычно излишек питания не действовал таким образом.

К этому времени опустилась ночь, но большой диск Плутона изливал потоки белого света. В моем временном умопомрачении желтовато-серый пейзаж казался восхитительно прекрасным, а шумные, неуклюжие Кибы — компанией веселых собутыльников. Я с прискорбием вспоминаю, как тоже возвысил свой голос и ударил себя в грудь.

— Мне стало лучше! — кричал я. — Гораздо лучше! Эта луна излечила все мои комплексы!

— Вот это мужик! — гремели они. — Ты такой же хо-роший Киб, как и любой из нас, хотя ты и слабак!

— Слабак? — хохотал я. — Я Грэг Могучий! Кто тащил Кэрта на всем пути к Андромеде? Кто расшвыривал метеориты и отгалкивал кометы голыми руками?

— Заправщик! — вопил Копатель. — Дай нам еще актиния!

Все толпились вокруг Заправщиков. Очевидно, те и сами приложились к новому топливу, поскольку движения их шлангов стали неуверенными.

С прискорбием вспоминаю, что я тоже кричал: «Актиния!» — и проталкивался к Заправщикам.

Но мне не под силу было пробиться сквозь окружавшую их толпу башнеподобных Кибов. Большой Погрузчик вышвырнул меня из толкучки.

Теперь я вспоминаю это со стыдом. Но тогда был слишком возбужден. Поднявшись, я закричал:

— Мои психозы прошли! Я хочу танцевать!

— Танцевать? Что это такое? — заинтересовался Копатель.

— Так развлекаются люди, — объяснил я.

Я никогда раньше не танцевал, но часто видел, как это делали. Мне всегда казалось, что это нетрудно.

И теперь, в свете серебряной планеты, я исполнил для них медленный грациозный вальс, кружась и мурлыча мелодию на ходу.

— Надо делать вот так, только парами, — объяснил я.

КИБЫ БЫЛИ очарованы представлением.

— Вот это да! Давайте попробуем! — крикнул Дробитель.

Он выставил свою могучую коперную стрелу. Я взялся за нее. Несмотря на несоответствие в росте между мной и громадным Кибом, мы исполнили вальс, хотя и без особой грации — Дробитель на своих грохочущих гусеницах слушался меня не совсем уверенно.

Все последовали нашему примеру. Большой Копатель уцепился ковшом за Погрузчика, они неумело кружили. Перевозчики, Заправщики, Дробители — вскоре все они громоздко вальсировали в свете планеты. Грунт содрогался под их гроыхающими гусеницами, и все горланили слова, услышанные от меня:

Моя душа,
Ты хороша...

Я споткнулся, упал и потерял своего партнера Дробителя. Но был тут же приглашен Заправщиком, который обхватил меня шлангами и кружил в головокружительном стиле.

В окне убежища я мельком увидел лицо Гордона, с ужасом всматривающегося в нас.

Затем грянула катастрофа. Голос большого Копателя яростно загредел, когда его партнера Погрузчика перехватила могучая стрела Дробителя, танцевавшего перед этим со мной.

— Этот Погрузчик танцует со мной, Дробитель!

— Кто там еще выступает? — проревел тот в ответ.

Разгневанный Копатель одним движением ковша вернул к себе Погрузчика. Дробитель тут же ударил своим копром, проломив боковые фермы Копателя.

Поднялся крик:

— Дробители хотят уничтожить нас, Копателей!

И вот уже вокруг бушевала дикая свалка сражающихся машин. В ход шли ковши, громадные стрелы, металлические бивни. Я, Грэг, не имел никаких шансов в этой битве титанов. Ковш Копателя задел меня и бросил чуть ли не через весь рудник.

Я поднялся с сильным сотрясением, но без переломов металла. В серебристом свете планеты свалка пьяных от актиния Кибов выглядела кошмаром.

Мое собственное сверхвозбуждение уже миновало. Удар и то, что мне не досталось второй дозы актиния, быстро отрезвили мой разум.

Я правильно оценил ситуацию. Бросился к убежищу и вошел сквозь воздушный шлюз.

Гордон в страхе попятился.

— Бежим! Есть шанс разыскать наши корабли и убраться отсюда! — сказал я ему.

— Вы были там! — запищал он. — Безумный, как эти Кибы... Пьяный... танцующий...

— Я всего лишь подыгрывал! — сказал я. — Одевайте защитный костюм!

Все еще полный страха, он повиновался. Затем мы вышли наружу.

Королевская битва была в полном разгаре. В воздухе носились гневные вопли и металлические детали.

Обогнув поле боя, мы направились в ту сторону, где, как я полагал, были спрятаны космонарты.

Голова очень болела от сверхстимуляции актинием, конечности дрожали. Все, чего мне хотелось, — никогда больше не видеть этой луны.

Мы нашли космонарты и флайер. Кибы укрыли их

в трещине неподалеку от рудника. Было приятно увидеть Иика, съезжившегося в углу космических санок.

Малыш приветствовал меня с неистойвой радостью.

Я сказал Гордону по внутренней связи:

— Теперь прочь отсюда! И придержите язык за зубами, если не хотите, чтобы вас посадили за запрещенные опыты.

— Вернувшись на Землю, я забуду само понятие «кибернетика», — сказал он хрипло.

— Особенно, — подчеркнул я, — не распространяйтесь о моих действиях. Если вы начнете трепаться, мне это весьма не понравится!

И я многозначительно сжал кулаки.

— Не беспокойтесь, я вас не выдам... то есть не буду рассказывать о вашей блистательной стратегической идее, — поспешно заверил он.

Я проследил, как он взлетает в своем флайере, затем стартовал сам. Пролетая над базой, я посмотрел вниз.

Битва была окончена. Кибы ухитрились расколошматить друг друга вдребезги. От них осталась лишь грандиозная свалка металлических деталей, гусениц, колес.

Я свечой ушел от Диса, направил космонарты к Земле и дал полную тягу.

Потом сидел, поглаживая Иика, и страдал от головной боли.

Когда я наконец появился в Лунной лаборатории, Кэрт, Отхо и Саймон были до крайности удивлены. Я еще не успел заделать многочисленные выбоины и царапины на своем теле и выглядел изрядно побитым.

— Тысяча лунных чертей! Что с тобой случилось? — поинтересовался Отхо.

Я ответил с достоинством:

— Побывал в одной переделке. Но это не должно тебя беспокоить.

Кэрт спросил:

— Как бы то ни было, помогло это твоим комплексам?

— Да, — ответил я. — Рад сообщить, что мой опасный психоз полностью излечился.

И добавил:

— Видишь ли, эти Кибы совсем одичали. Я был вынужден прибегнуть к физической силе. К сожалению, получилось так, что от них почти ничего не осталось. Придется построить новых, старые никуда не годились.

— Ты справился с толпой Кибов? — вскричал Отхо.— Не может быть!

— Если не веришь, отправляйся на Дис и посмотри,— ответил я.

Капитан Футур кивнул.

— Понятно. Значит, вынужденное превосходство над этими примитивными Кибями избавило тебя от комплекса неполноценности.

Я отвел взгляд.

— Да. Примерно так.

Но позже, когда мы остались одни, Кэрт потребовал:

— Теперь говори, что произошло в действительности, Грэг!

Я замялся:

— Я-то могу, но если подслушает Отхо...

— Понимаю,— кивнул он.— Запиши это в наш дневник. Обещаю, Отхо не увидит твоего отчета.

Так появился данный текст. Кэрт, надеюсь, сдержит свое обещание. Ибо если Отхо когда-нибудь прочтет это, жизнь моя станет невыносимой!

«ЧЕРТОВО КОЛЕСО»

Как ветер октября примчались в город аттракционы, будто прилетели из-за холодного озера, стуча костями в ночи, причитая, вздыхая, шепча над крышами балаганов в темном дожде, черные летучие мыши. Аттракционы поселились на месяц возле серого, беспокойного октябрьского озера под свинцовым небом, в черной непогоде гроз, бушующих все сильнее.

Уже шла третья неделя месяца, был четверг, надвигались сумерки, когда на берегу озера появились в холодном ветре двое мальчишек.

— Ну-у, я не верю! — сказал Питер.

— Пошли, увидишь сам, — отозвался Хэнк.

Их путь по сырому коричневому песку грохочущего берега отмечали густые плевки. Мальчишки бежали на безлюдную сейчас площадку, где разместились аттракционы. По-прежнему лил дождь. Никто сейчас на этой площадке возле шумящего озера не покупал билеты в черных облупившихся будках, никто не пытался выиграть соленый окорок у взвизгивающей рулетки и никаких уродов, ни худых ни толстых, не видно было на помостах.

В проходе, рассекавшем площадку пополам, царило молчание, только брезент балаганов хлопал на ветру, похожий на огромные крылья доисторических чудовищ. В восемь вечера, может быть, вспыхнут мертвенно-белые огни, громко зазвучат голоса, над озером разнесется музыка. Но пока лишь слепой горбун сидел в одной из будок, чем-то напоминающей ту треснувшую фарфоровую чашку, из которой он не спеша отхлебывал какое-то ароматное питье.

— Вот, — прошептал Хэнк и показал рукой.

Перед ними безмолвно высилось темное «чертовое колесо» — огромное созвездие электрических лампочек на фоне затянутого облаками неба.

— Все равно не верю, — сказал Питер.

— Я своими глазами видел. Не знаю, как они это делают, но так все и произошло. Сам знаешь, какие они

бывают, эти приезжие с аттракционами — все чудные. Ну, а эти еще чудней других.

Схватив Питера за руку, Хэнк потащил его к дереву неподалеку, и через минуту они сидели уже на толстых ветках, надежно укрытые от посторонних взглядов густой зеленой листвой.

Хэнк вдруг замер.

— Тсс! Мистер Куджер, директор — воп, смотри!

Невидимые, они впились в него глазами.

Мистер Куджер, человек лет тридцати пяти, прошел прямо под их деревом. На нем был светлый паглаженный костюм, в петлице у него была гвоздика, из-под коричневого котелка блестели напомаженные волосы. Когда, три недели назад, аттракционы прибыли в городок, он, приветствуя жителей, почти беспрерывно размахивал этим котелком и нажимал на клаксон своего блестящего красного «форда».

Вот мистер Куджер кивнул и что-то сказал маленькому слепому горбуну. Горбун неуклюже, на ощупь запер мистера Куджера в черной корзине и послал ее стремительно ввысь, в сгущающиеся сумерки. Мотор выл и жужжал.

— Смотри,— прошептал Хэнк.— «Чертовое колесо» крутится неправильно! Назад, а не вперед!

— Ну и что из этого?

— Смотри хорошенько!

Двадцать пять раз прокрутилось огромное черное колесо. Потом слепой горбун, протянув вперед бледные руки, на ощупь выключил мотор. Чуть покачиваясь, колесо замедлило ход и остановилось.

Черная корзина открылась, и из нее выпрыгнул десятилетний мальчик. Петляя между балаганами и аттракционами в шепоте ветра, он быстро зашагал прочь.

Питер едва не сорвался с ветки, его взгляд обезумело метался по «чертовому колесу».

— Куда же девался мистер Куджер?

Хэнк ткнул его торжествующе в бок:

— А еще мне не верил! Теперь убедился?

— Что он задумал?

— Скорей, за ним!

Хэнк камнем упал с дерева, и еще до того, как ноги его коснулись земли, он уже мчался за десятилетним мальчиком.

...Во всех окнах белого дома миссис Фоли, стоявшего у оврага, в тени огромных каштанов, горел свет. Кто-то играл на рояле. За занавесками, в тепле дома, двигались силуэты. Дождь все шел, унылый, неотвратимый, бесконечный.

— До костей промок,— пожаловался Питер, сидя в кустах.— Будто из шланга окатили. Сколько нам еще ждать?

— Тшш! — прошипел Хэнк из-за завесы дождя.

Следуя за мальчиком от самого «чертова колеса», они пересекли весь городок, и темные улицы привели их к дому миссис Фоли, на край оврага. И сейчас в теплой столовой дома незнакомый мальчик обедал, уписывал за обе щеки отбивные из барашка и картофельное пюре.

— Я знаю, как его зовут,— торопливо зашептал Хэнк.— Мама на днях о нем говорила. Она сказала: «Ты, наверно, слышал, Хэнк, про сироту, который будет жить теперь у миссис Фоли? Его зовут Джозеф Пайкс, недели две назад он пришел к миссис Фоли прямо с улицы и рассказал, что он сирота, бродяжничает, и спросил, не найдется ли ему чего-нибудь поесть, и с тех пор их с миссис Фоли водой не разольешь». Это мне рассказала мама.— Хэнк замолчал, не отрывая взгляда от запотевшего изнутри окна. С носа его падали капли. Он сжал локоть Питера, ежившегося от холода.— Он мне сразу не понравился, Пит, еще в первый раз, как я его увидел. Он... злой какой-то.

— Я боюсь,— захныкал, уже не стесняясь товарища, Питер.— Мне холодно, я хочу есть, и я не понимаю, что здесь делается.

— Ой, ну и туп же ты! — И Хэнк с презрительной гримасой досадливо тряхнул головой.— Соображать надо! Аттракционы приехали три недели назад. И примерно тогда же к миссис Фоли заявился этот противный сиротка. А ее собственный сын умер когда-то ночью, зимой, давным-давно, и она с тех пор так и не утешилась, а тут вдруг появился противный сиротка и стал к ней подлизываться.

— О-ох,— почти простонал, трясясь, Питер.

— Пойдем!

Дружным шагом они подошли к парадному и застучали в дверь молотком с львиной мордой.

Не сразу, но дверь отворилась, и наружу выглянула миссис Фоли.

— Входите, вы совсем промокли,— сказала она, и они вошли в переднюю.— Что вам нужно, дети? — спросила, наклонившись к ним, эта высокая дама. Ее полную грудь закрывали кружева, лицо у нее было худое и бледное, волосы седые.— Ведь ты Генри Уолтерсон, не так ли?

Хэнк кивнул, глядя испуганно в столовую; незнакомый мальчик оторвался от еды и через открытую дверь тоже посмотрел на них.

— Можно нам поговорить с вами наедине, мэм?

Похоже было, что эти слова несколько удивили миссис Фоли; Хэнк между тем, прокравшись на цыпочках к двери в столовую, тихонько притворил ее и после этого прощептал:

— Мы хотим предупредить вас кое о чем, об этом мальчике, который у вас, о сироте.

В передней повеяло холодом. Миссис Фоли как будто стала еще выше.

— В чем дело?

— Он приехал с аттракционом, и никакой он не мальчик, а взрослый, и он придумал жить у вас, пока не узнает, где у вас лежат деньги, а когда узнает, то как-нибудь ночью убежит с ними, и тогда люди начнут его разыскивать, но ведь они будут разыскивать десятилетнего мальчика, и даже если взрослый, которого зовут мистер Куджер, окажется совсем рядом, им и в голову не придет, что он и есть тот мальчик, который украл деньги! — почти прокричал Хэнк.

— О чем ты говоришь? — сухо спросила миссис Фоли, повысив голос.

— Об аттракционах, о «чертовом колесе» и этом приезде, мистере Куджере! «Чертово колесо» крутится назад, и я не знаю как, но мистер Куджер от этого становится все моложе, моложе и превращается наконец в мальчика и приходит к вам, но этому мальчику нельзя доверять, ведь когда ваши деньги будут у него в руках, он снова сядет в «чертово колесо», но теперь оно будет вертеться вперед, и он опять станет взрослым, а мальчика уже не будет!

— Спокойной ночи, Генри Уолтерсон, и никогда больше не приходи сюда! — крикнула миссис Фоли.

Дверь за Питером и Хэнком захлопнулась. Они опять были под дождем. Холодный, он пропитывал и пропитывал их одежду, впитывался в нее весь до последней капельки.

— Ну и дурак же ты! — фыркнул Питер.— Что при-

думал! А если он все слышал, если придет и убьет нас, когда мы будем спать, сегодня же ночью, чтобы никому больше не проболтались?

— Он этого не сделает,— сказал Хэнк.

— Не сделает? — Питер схватил Хэнка за плечо.—
Смотри!

В большом, выступающем фонарем окне столовой тюлевая занавеска была сдвинута в сторону. В ореоле розового света стоял и грозил им кулаком маленький сирота. Лицо его было страшно, зубы оскалены, глаза полны ненависти, перекошенный рот изрыгал проклятия. Но длилось это одно мгновение, а потом занавеска закрыла окно опять. Полило как из ведра. Медленно, чтобы не поскользнуться, Питер и Хэнк побрели сквозь ливень и темноту домой.

За ужином отец посмотрел на Хэнка и сказал:

— Будет чудо, если ты не заболеешь воспалением легких. Ну и вымок же ты! Кстати, что там за история с аттракционами?

Поглядывая на окна, дребезжащие под порывами ветра и дробью капель, Хэнк ковырял вилкой пюре.

— Знаешь мистера Куджера, хозяина аттракционов, пап?

— С розовой гвоздикой в петлице?

— Он самый! — Хэнк поднял голову.— Значит, ты его видел?

— Он остановился на нашей улице, в пансионе миссис О'Лири, его комната выходит окнами во двор. А что?

— Просто так,— ответил, краснея, Хэнк.

После ужина Хэнк позвонил по телефону Питеру. Питера на другом конце провода терзал кашель.

— Послушай, Пит! — сказал Хэнк.— Я все понял до конца. Этот несчастенький сиротка, Джозеф Пайкс, заранее хорошо подумал, что ему делать, когда он завладеет деньгами миссис Фоли.

— И что же он придумал?

— Он будет околачиваться у нас в городке под видом хозяина аттракционов, будет жить в пансионе миссис О'Лири. И никто на него не подумает. Все будут искать мальчика-воришку, а воришка будто сквозь землю провалился. Зато хозяин аттракционов будет спокойненько

повсюду разгуливать. И никому в голову не придет, что это его рук дело. А если аттракционы сразу снимутся с места, все очень удивятся и могут что-нибудь заподозрить.

— О-ой, о-ой,— заныл, шмыгая носом, Питер.

— Так что надо действовать быстро,— продолжал Хэнк.

— Никто нам не поверит, я попробовал рассказать родителям, а они мне: «Какая чушь!» — прохныкал Питер.

— И все равно надо действовать, сегодня же вечером. Почему? Да потому, что теперь он постарается нас убить! Мы единственные, кто знает, и если мы скажем полиции, чтобы за ним следили, что он притворился сиротой, чтобы украсть деньги миссис Фоли, покоя у него больше не будет. Готов спорить, сегодня вечером он что-нибудь предпримет. Потому я и говорю: давай встретимся через полчаса опять около дома миссис Фоли.

— О-ой,— снова заныл Питер.

— Так ты что, умереть хочешь?

— Нет, не хочу,— помедлив, ответил тот.

— Тогда о чем мы разговариваем? Значит, встречаемся у ее дома и, готов спорить, сегодня же вечером увидим, как сирота смоемся с ее деньгами и побежит сразу к аттракционам, а миссис Фоли в это время будет крепко спать и даже не услышит, как он уйдет. В общем, я тебя жду. Пока, Пит!

— Молодой человек,— сказал отец за спиной у Хэнка, едва только Хэнк положил трубку.— Вы больше никуда не пойдете. Вы отправляетесь в постель. Вот сюда.— Он повел Хэнка вверх по лестнице.— Я заберу всю твою одежду. (Хэнк разделся.) Больше, надеюсь, у тебя в комнате одежды нет? Или есть? — спросил отец.

— Больше нет, остальная в стенном шкафу в передней,— ответил, горестно вздохнув, Хэнк.

— Хорошо,— сказал отец, вышел, закрыл за собой дверь и запер ее на ключ.

Хэнк стоял голышом.

— Ну и ну,— пробормотал он.

— Укладывайся,— донеслось из-за двери.

Питер появился у дома миссис Фоли около половины десятого, он все время чихал под огромным, не по росту плащом, а на голове у него была нахлобучена матросская

бескозырка. Он стоял, похожий на водозаборную колонку, и тихонько оплакивал свою судьбу. Окна верхнего этажа светились приветливым теплом. Питер простоял целых полчаса, глядя на блестящие от дождя ночные улицы.

Наконец в мокрых кустах метнулось и зашуршало что-то светлое.

— Это ты, Хэнк? — спросил Питер, взглядываясь в кусты.

— Я.

Из кустов вынырнул Хэнк.

— Что за черт? — сказал, вытаращив на него глаза, Питер. — Почему ты голый?

— Я так бежал от самого дома. Отец ни за что не хотел меня пускать.

— Ведь ты заболел воспалением легких.

Свет в доме потух.

— Прячься! — крикнул Хэнк, и они бросились в заросли и затаились.

— Пит,— сказал Хэнк,— ты ведь в штанах?

— Конечно!

— И в плаще, так что не будет видно, если ты мне их дашь.

Без энтузиазма, но Питер снял штаны. Хэнк натянул их на себя.

Дождь затихал. В тучах появились разрывы.

Минут через десять из дома выскользнула маленькая фигурка, в руках у нее был туго набитый чем-то бумажный мешок.

— Он,— прошептал Хэнк.

— Он,— вырвалось у Питера.

Сирота побежал.

— За ним! — крикнул Хэнк.

Они понеслись между каштанами, но за сиротой было не угнаться: взбежали за ним на холм, потом, по ночным улицам, вниз, мимо сортировочной станции, мимо мастерских, к проходу посередине безлюдной сейчас площадки с аттракционами. Они здорово отстали — Питер путался в тяжелом плаще, а у Хэнка зуб на зуб не попадал от холода. Им казалось, будто шлепанье голых пяток Хэнка слышно по всему городку.

— Быстрей, Пит! Если он раньше нас добежит до «чертова колеса», он снова превратится во взрослого, и тогда уже нам никто не поверит.

— Я стараюсь быстрее!

Но Пит отставал все больше, Хэнк шлепал уже где-то далеко впереди; дождь почти совсем перестал, и тучи покидали небо.

— Э-э, э-э, э-э! — оглядываясь, дразнил их сирота, потом стрелой метнулся вперед и стал для них всего лишь тенью где-то вдаль. Тень эта растворилась во мраке, царившем на площадке с аттракционами.

Добежав до края площадки, Хэнк остановился как вкопанный. «Чертовое колесо», оставаясь на месте, катилось вверх, вверх, будто погруженная во мрак земля поймала в свои сети огромную многозвездную туманность, и та крутилась теперь, но только вперед, а не назад, и в черной корзине сидел Джозеф Пайкс и то сверху, то сбоку, то снизу, то сверху, то сбоку, то снизу смеялся над жалким, маленьким Хэнком внизу, на земле, а рука слепого горбуна лежала на рукоятке ревушей, блестящей от масла черной машины, благодаря которой крутилось и крутилось, не останавливаясь, «чертовое колесо». Снова шел дождь, и на дорожке, делившей площадку с аттракционами на две половины, не видно было ни души. Не крутилась карусель, только ее грохочущая музыка разносилась далеко вокруг. И Джозеф Пайкс то взлетал в облачное небо, то опускался, и с каждым оборотом колеса становился на год старше, менялся его смех, звучал глубже, менялось лицо, форма лица, злые глаза, всклокоченные волосы, он сидел в черной корзине и несся, несся вихрем по кругу, вверх-вниз, и смеялся в неприветливое серое небо, где мелькали последние обломки молний.

Хэнк бросился к горбуну, стоявшему у машины. На ходу, пробегая мимо балагана, вырвал из земли костыль, один из тех, на которых крепился брезент.

Черные корзины уносились вверх, слетали вниз.

Хэнк ударил горбуна металлическим костылем по колену и отпрыгнул в сторону.

Горбун взвыл и начал падать вперед.

Падая, он вцепился снова в рукоятку мотора, но Хэнк уже был возле него и, размахнувшись, ударил костылем по пальцам. Горбун взвыл, отпустил рукоятку и попытался было лягнуть Хэнка. Хэнк поймал ногу, дернул, горбун поскользнулся и упал в грязь.

А «чертовое колесо» все крутилось, крутилось.

— Останови, останови колесо! — закричал то ли Джо-

зеф Пайкс, то ли мистер Куджер, взлетая легким мыльным пузырем в созвездии круженья, ветра и скорости в холодное грозное небо.

— Не могу подняться! — стонал горбун.

Хэнк бросился на него, и они сцепились в драке.

— Останови, останови колесо! — кричал мистер Куджер, но уже не такой, как прежде, и уже другим голосом, спускаясь, в ужасе взлетая опять в ревущее небо «чертова колеса». Между длинных темных спиц пронзительно свистел ветер. — Останови, останови, скорее останови колесо!

Оставив горбуна, лежавшего, беспомощно раскинув руки, на земле, Хэнк вскочил на ноги и кинулся к гудящей машине. Начал остервенело по ней бить, гнуть рукоятку, совать попавшие под руку железки во все пазы и зазоры, стал лихорадочно привязывать рукоятку веревкой.

— Останови, останови, останови колесо! — стонал голос где-то высоко в ночи, там, где сейчас из белого пара облаков выгонял луну ветер. — Останови-и-и...

Голос затих. Внезапно все вокруг осветилось — ярко вспыхнули все фонари на площадке. Из балаганов выскакивали, мчались к колесу люди. Хэнка подбросили вверх, потом на него посыпались градом ругательства и удары. Где-то рядом послышался голос Питера, и на площадку выбежал задыхающийся полицейский с пистолетом в вытянутой руке.

— Останови, останови колесо!

Голос звучал как вздох ветра.

Голос повторял эти слова снова и снова.

Смуглые люди, приехавшие с аттракционами, пытались остановить мотор. Но ничего не получилось. Машина гудела, и колесо вращалось, вращалось. Тормоз заклинило.

— Останови... — прошелестел голос в последний раз.

И — молчание.

Высоченное сооружение из электрических звезд, металла и черных корзин, «чертово колесо» безмолвно совершало свой путь. Ни одного звука не слышно было, кроме гуденья мотора, — пока мотор не заглох и не остановился. Еще с минуту колесо крутилось по инерции, и на него, задрав головы, глядели все, кто приехал с аттракционами, глядели Хэнк и Питер, глядел полицейский.

Колесо остановилось. Привлеченные шумом, вокруг уже собрались люди. Несколько рыбаков с озера, несколько железнодорожников. Колесо жалобно взвизгивало, стонало, тянулось вслед за улетающим ветром.

— Смотрите, смотрите! — почти разом закричали все.

И полицейский, и люди, приехавшие вместе с аттракционами, и рыбаки — все смотрели на черную корзину в самом низу. Ветер, дотрагиваясь до корзины, мягко ее покачивал, тихо ворковал в вечерних сумерках над тем, что было в черной корзине.

Над скелетом, у ног которого лежал бумажный мешок, туго набитый деньгами, а на черепе красовался коричневый котелок.

ДЕНЬ НА КАЛЛИСТО СТОИТ ГОДА НА ЗЕМЛЕ

Если бы лейтенант Верт и сержант Лусноц не были роботами, служба на спутнике Юпитера Каллисто могла бы показаться им незаслуженным наказанием. И вовсе не потому, что она была особо опасной или трудной. Как раз наоборот. Но для человека это скопище льдин и скал с застывшей лавой кратеров, путешествующее вместе с гигантским Юпитером по Солнечной системе, являло бы скучное зрелище. Особенно если бы он служил на Каллисто полицейским. А просто так люди ездили туда с удовольствием, даже с очень большим удовольствием. Самая первая исследовательская экспедиция, которая там высадилась, установила, что мир Каллисто не такой уж темный, серый и слишком изъязвленный метеоритами, как представлялось первым участникам полетов с Земли. Напротив, этот спутник Юпитера, почти такой же величины, как планета Меркурий, оказался удивительно привлекательным. Знатки мифологии утверждали, что ничего удивительного тут как раз нет, потому что мифическая Каллисто, в честь которой назвали это небесное тело, дочь Ликаона, была так прекрасна, что сам Зевс потерял голову и влюбился в нее со всеми вытекающими последствиями.

Теперь вместо царя богов Зевса космическую Каллисто покорили толпы безмянных туристов. Они устремлялись сюда непрерывным потоком, желая полюбоваться невиданным зрелищем. На поверхности Каллисто человек чувствовал себя точно внутри гигантского калейдоскопа. Солнечный свет так играл на скалах и блистающих ледяных щитах, что давал совершенно поразительный эффект — он был радужным, переливался несчетным множеством оттенков и создавал иллюзию музыки и ароматов, поэтому, наверное, его действие на людей было чрезвычайно благотворным: те, кто видел удивительную алмазную игру света, говорили, что чувствуют легкое, приятное опьянение, самое приятное из всех выдуманных в XXI веке.

Потом было сделано еще одно открытие: на Каллисто существовало особое радиационное поле с лечебными свойствами. Медики установили, что здешние лучи полезны всем без исключения. Не было еще открыто в Солнечной системе другого такого места, где бы столь быстро восстанавливались силы жителей разных планет, Марса или Земли — безразлично.

Понятно, что подобное из ряда вон выходящее открытие не могли оставить без внимания туристические бюро, между ними разгорелась жестокая конкурентная борьба, в которой не было победителей. Спутник Юпитера Каллисто был провозглашен естественным заповедником, и доступ туда был открыт только экспедициям ЮНЕСКО.

Недалеко от самого прекрасного кратера был построен курортный городок с гостиницами, и вокруг этого городка обозначились туристские тропы. Инженеры установили там искусственную атмосферу, конечно, немного более разреженную, чем на Земле, зато витаминизированную.

По всему земному шару были расклеены плакаты, гласящие, что ДЕНЬ НА КАЛЛИСТО СТОИТ ГОДА НА ЗЕМЛЕ, и заявки на трехнедельный отдых на целительном спутнике подавались за год вперед. Он совершал один оборот вокруг Юпитера за три недели (семнадцать дней), и еще оставалось время на полет Земля — Каллисто и обратно.

Таким образом, каждый человек для полного восстановления сил имел еще три месяца и неделю отпуска, которые можно было провести в других привлекательных местах.

Ракеты с Земли и с Марса садились посреди бездействующего кратера в нескольких километрах от гостиничного городка. А отделение полиции, где служили роботы лейтенант Верт и сержант Лусноц, располагалось как раз на полпути от космодрома до городка. Это были биологические роботы энного поколения. От людей их мог отличить только опытный респсихиатр, и то он должен был для этого вслушаться в их речь, уловить особый призыв, порождаемый колебаниями электрического тока, подметить какой-нибудь неологизм, созданный роботами в результате их склонности к формальному, а не смысловому пониманию человеческого языка. Ведь любую важ-

ную информацию роботы данного типа получали по своим каналам.

И поэтому они редко пользовались речью как средством общения. Лейтенант Верт и сержант Лусноц достигали взаимного понимания посредством свечения мозговых вычислительных устройств. А объясняться с людьми у них просто не было нужды. Большую часть из того, что люди хотели или, скорее, не хотели им сказать, они способны были угадывать.

В том, что роль полицейских исполняли роботы, была и определенная выгода. Они были неподкупны. Неподвластны настроениям. Никто не мог использовать их для своего блага. Они гарантировали точное и честное исполнение инструкций, их не одолевали посторонние заботы, и они не преследовали никаких личных целей. У них ведь не было семьи, которую нужно кормить, и поэтому им не требовалось жалованье. Они могли не спать по восемь часов в сутки, им не нужны были кухня со столовой, санузел с душем. Они всегда пребывали в замечательной форме и в одинаковой готовности к исполнению служебных обязанностей. А если и случались у них столкновения с серьезными нарушителями закона, в самом худшем случае роботов сдавали в ремонт.

Полицейские сидели на верхнем этаже прозрачного здания, напоминавшего стеклянную миску для компота, поставленную вверх дном. Тут находился их пост, и тут они выполняли работу по своим программам. Лейтенант как раз заканчивал отчет за день — пройдет меньше получаса, и весь удивительный здешний калейдоскоп погаснет в темно-синей тьме. А сержант неподвижными глазами следил за телеэкраном, где, сантиметр за сантиметром, проплывали секторы поверхности Каллисто.

И вдруг в тишине Лусноц позвал лейтенанта:

— Смотрите, шеф! Идите сюда! Мне что-то здесь не нравится!

Разумеется, обращение было беззвучным.

Лейтенант принял сообщение и подтвердил это световыми сигналами.

— Там что-то движется, — продолжал сержант.

Верт встал со стула и подошел к экрану. Приспособления в его глазах, так же как и в глазах Лусноца,

способны были увеличивать телеизображение, прояснять его до мельчайших деталей. В секторе ЕТР-45, в пяти километрах от перевернутой миски для компота — здания полицейского поста, — в стороне от туристических маршрутов, там, где теперь должны были быть только застывшие горы хрустального льда, что-то передвигалось. Чем внимательнее смотрели роботы, тем яснее им становилось, что это человек. Вычислительные машины, находившиеся в голове каждого из них, мгновенно обработали полученные данные и проанализировали их. Рост человека — 163,2 см, вес, включая одежду, — 56,34 кг, а температура тела — 36,4°C. Род — мужской, глаза — серо-голубые, волосы — темно-русые, кудрявые, нос — немного вздернутый.

— Какого черта он там делает? — выдал лучеграмму компьютер лейтенанта.

Сержант автоматически просигналил прием информации, это означало лишь то, что повторять вопрос не нужно.

— Не было ли сообщения из какого-нибудь отеля, не пропал ли кто-нибудь из постояльцев? — спросил лейтенант.

Сержант взглянул на панель с контрольными лампочками отелей. Там мирно светились огоньки. Значит, все в порядке, то есть постояльцы находятся в помещениях и густеющий сумрак никому не страшен.

Администрация гостиниц на Каллисто должна была строго следить за тем, чтобы никто из гостей ни в коем случае не оставался ночью снаружи. Ибо разница между температурами днем и ночью была, даже несмотря на искусственную атмосферу, очень велика. Мороз ночью достигал минус 198°C. Так что, если бы кто-нибудь к ночи не вернулся, это грозило значительными неприятностями. Человек окостенел бы от мороза, его пришлось бы размораживать и оживлять — процедура неприятная и болезненная, и — что немаловажно — недешевая и даже не всегда осуществимая. Это грозило еще и тяжбой между заказчиком и туристическим бюро, что не сулило пользы никому, кроме юристов. С другой стороны, космические морозы приносили и определенную выгоду: они стерилизовали воздух от любой инфекции, которая могла быть занесена с Земли или Марса.

— Никаких сообщений не поступало, — информировал сержант.

Тут в компьютере лейтенанта родилась некая мысль.

— Выясните, в порядке ли информсистемы,— приказал лейтенант,— а потом запросите все отели для полной уверенности. Я же пока готовлю летательный аппарат. Может быть, кто-нибудь пробрался на Каллисто «зайцем».

Эта мысль беспокоила и сержанта. У обоих на случай проникновения «зайца» была заготовлена особо эффективная программа, которую они пока ни разу не применяли. Теперь, казалось, пришло время ею воспользоваться.

Через двадцать минут человек сидел перед роботами-полицейскими.

В помещении было, как обычно, тихо. Сержант с опросным аппаратом устроился в сторонке. Лейтенант придвинул стул к столу, за который они посадили задержанного. Оба полицейских молча смотрели на человека, и связь между ними работала вовсю.

— Шеф, может, это просто-напросто мальчишка? — передал сержант.— Он сказал вам, как попал сюда?

— Нет,— грустно просигналил лейтенант.— Он играет в героя и не желает со мной разговаривать. Если бы я был не роботом, а человеком, дал бы ему пару оплеух, сразу привел бы его в чувство. Но я не имею права. А жаль. Еще пятнадцать минут вне купола—и воспоминания от него не осталось бы.

— Да, он заслужил хорошую трепку,— передал в ответ сержант.— Был бы я его папашей...

— Что это мы разболтались, и в каналах информационный шум,— прервал лейтенант,— это все же человек, а мы машины.

Сержант быстро наладил связь.

— Сколько же ему лет?

— Десять—двенадцать. У людей трудно определить точно. Рост у них колеблется. Что ответили администраторы гостиниц?

— Все постояльцы на месте. Специально о детях я не спрашивал, но ясно — о них нам сказали бы особо. За детьми тщательно следят. И «зайцев» никаких не замечали.

— Точно?

— Я снова проконтролировал космодром. Сегодняшняя ракета прилетела не прямо с Земли. Это рейс-люкс. За дополнительную плату имитируется космическая катастрофа. Люди обожают такие глупости, черт его знает почему! На этот раз было воображаемое столкновение с астероидом, и все пассажиры пересели в новый корабль. И так как они играли еще в выход из строя охранительной оболочки реактора, корабль-спасатель не мог приблизиться к «зараженному радиацией» кораблю. Пассажиров переправляли вручную по одному, так что пробраться на новый корабль «зайцем» было невозможно.

— А не мог кто-нибудь спрятаться на потерпевшем аварию корабле?

— Мог, конечно, если бы три месяца высидел один в пустой ракете с автоматическим пилотом в криогенном режиме на орбите Ганимеда. Только в этом случае.

— Отставить шуточки, сержант,— заискрила молния сигнала.

— Слушаюсь, лейтенант.

— Дальше!

— Вероятно только одно: мальчик отстал от последнего космического корабля, улетевшего отсюда. Хотя это удивительно. И тем более не бросили же они его нарочно?

— Нарочно? Сомнительно. Если бы он еще был взрослый.. Но ребенка они не бросили бы. Ведь люди очень привязаны к своим детям.

Лейтенант взглянул на мальчика. Тот сидел на краешке

стула с независимым видом и не обращал на роботов никакого внимания. Во всяком случае, старался не обращать.

— Да, ребенок, — вслух проговорил лейтенант.

Сервомеханизм его лицевых мускулов сморщился и помог изобразить подобие снисходительной улыбки.

— Кто ребенок? — дрогнувшим голосом спросил мальчик. — Мне просто не повезло, не то никогда бы вы меня не поймали.

— Он что, хотел убежать от вас, шеф? — спросил Лусноц.

— Да. Когда я догнал его в узком проходе между двумя ледниками, он попытался укусить меня. Вот тут, у локтя.

Верт отогнул рукав. На бледной, но очень похожей на человеческую, коже (при обработке ультрафиолетовыми лучами и специальными мазями она даже загорала) вырисовывались глубокие следы зубов, которые проникли бы в ткань, если бы таковая имелась.

— Больно, шеф? — спросил сержант, потому что именно этот вопрос задал бы человек.

— Еще как! — Лейтенант повернулся к задержанному. — Отлично, если ты уже не ребенок, веди себя, как взрослый. Скажи нам, как тебя зовут, как ты попал сюда, сколько тебе лет и где твой отец.

Мальчик покачал головой.

— Ничего не скажу. Даже если вы будете меня пытаться.

Лейтенант вздохнул:

— Мы и так установим, кто ты. Я просто хотел побыстрее закончить допрос и отправить тебя спать.

— Я не хочу спать, — ответил мальчик и принял вид гордого вождя индейцев, который больше не скажет ни слова бледнолицым.

— Центральную, — приказал лейтенант, — мигом.

— Но связь по молнии впятеро дороже обычной, шеф. Нужно будет обосновать трату.

— Ребенок — достаточное обоснование. Все наши программы существуют для спасения людей.

— Будет исполнено.

Через полминуты сержант соединился с Центральной на Земле, и еще через полминуты оба имели исчерпывающую информацию. Центральный компьютер за три сотых секунды проверил все сведения и сообщил на Каллисто, что на борту ракеты, которая летит от спутника Юпитера к Земле, все пассажиры на местах.

Роботы ждали новых инструкций.

На полчаса Центральная замолчала и потом на три сотых секунды подсоединилась к компьютеру лейтенанта.

— Готов поспорить, шеф, — передал светосигналами сержант, — что с вами говорил сам начальник, и завтра он, как черт из табакерки, появится прямо здесь.

Начальник отделения был сухой, неразговорчивый человек, и множество других людей были убеждены, что он робот.

— Вы проиграли, — ответил лейтенант, — начальник не придет.

— Что же мы будем делать?

— Ничего особенного. Он, — лейтенант показал на задержанного, — не человек. Он — робот.

— Робот? — переспросил сержант.

— Неправда! — вскочил мальчик.

— Правда! — сказал лейтенант Верт. — Ты — робот-игрушка. Видел рекламу по телевизору? «Пластиковый Братишка — купите приятеля своему сыну или дочери! Отлично выполненный автоматически функционирующий двойник. Пошлите голограмму вашего ребенка, и через пять дней вы получите человека, полностью на него похожего, только более воспитанного». Вот он — Пластиковый Братишка! Точный слепок с оригинала. Обыкновенный робот-игрушка.

— Неправда! — снова закричал Пластиковый Братишка.

— На борту ракеты, которая следует отсюда на Землю, кое-что пропало. Игрушка одного пассажира, точнее, его сына, Пластиковый Братишка, рост 163,2 см, вес 56,34 кг, термостат установлен на 36,4°C. Так же, как и мальчик, отзывается на имя Петр. Мальчик забыл игрушку в гостинице и боялся признаться в этом отцу, он утверждал, что запаковал куклу и положил ее в чемодан. Все открылось только теперь, и ему зададут трепку. А вот этот

Пластиковый Петя утром убежал из гостиницы и думал, что где-нибудь затеряется. Скорее всего, у него произошел шок из-за потери хозяина — при относительно упрощенной программе это случается, и он не знает, как себя вести. Поэтому у него такие странные реакции.

— Только авария внутреннего устройства может служить тебе оправданием,— засигналил Лусноц Пластиковому Братишке.

— У него упрощенная схема,— отсигналил вместо Братишки лейтенант.— Он может поддерживать связь только, как люди, при помощи звуков. Чего требовать от игрушки, да еще не слишком дорогой?

— Подумать только, мы обходились с ним, как с человеком,— перешел сержант на человеческую речь,— а он едва не откусил вам руку, я из-за него чуть ли не половину Солнечной системы на ноги поднимаю, а оказывается, что это всего-навсего какой-то паршивый робот низшей системы. Его вообще нужно было оставить там, где он был, заржавел бы, да и только.

— Я не заржавею! — воскликнул мальчик.— Я человек, а не какая-то забытая игрушка. Я Петр!

Ну, конечно. Пластиковый Петя.

— Петр!

Лейтенант снова заработал сервомоторами мускулов и усмехнулся.

— Молодец, Петя! Мне нравятся молодые люди, которые умеют стоять на своем. Однако твое утверждение лишено всякой логики. Если бы ты был человеком, сидел бы ты сейчас в ракете вместе с родителями и приближался к Земле. Ты знал бы, что прятаться вечером в скалах не полагается, что это опасно для жизни. Знал бы ты и какие тут по ночам стоят морозы и понимал бы, чем это тебе угрожает. Только ты робот, и мороз тебе нипочем. Разве это не ясно?

Пластиковый Братишка бросил взгляд в угол, где лежал небольшой рюкзак.

— У меня с собой спальный мешок с подогревом.

— В этом мешке вместе с его подогревом было бы минус 60°, и если бы ты был человек, все равно замерз бы.

Игрушка не ответила.

— И вот еще: если ты мальчик, как же мог твой Пластиковый Братишка оставить тебя в опасности?

— Но я же не в опасности.

— Теперь нет. Собственно, тебе-то ничего не грозило. Потому что ты робот и только выдаешь себя за мальчика. По-видимому, ты еще не пришел в себя после шока.

— Петя обещал, что не выдаст меня. Он поклялся мне на пупке. Точно.

— Что-что?

— Поклялся на голом пупке. Вот так.

Пластиковый Братишка задрал свитер и майку. Он приложил руку — два пальца — к наминавшему дырку небольшому углублению в передней части корпуса.

— Как он все же похож на человека! — просигналил сержант.

— Их учат каким-то глупым атавизмам. Я еще никогда не встречался с таким ритуалом, — отсигналил в ответ лейтенант.

— Но, Братишка, пойми, что такими штучками ты не сможешь выключить блок безопасности, — вслух сказал лейтенант. — Блок находится не здесь. И не вздумай экспериментировать с нами.

— Ничего я не отключил. Мой Петя действует как надо. Я просто убедил его, что ничего со мной не случится, если он оставит меня здесь. Я уговорил его поменяться со мной.

Лейтенант снова усмехнулся:

— Какой мальчик надумал бы это сделать?

Пластиковый Братишка упрямо наклонил голову.

— Все так делают. Ну, все ребята из нашего класса.

Сержант Лусноц качался на стуле с ловкостью, свойственной только роботам, — он балансировал на задних ножках, что вряд ли удалось бы человеку, и улыбался. Лейтенанту не нужно было даже принимать мозговые сигналы Пластикового Братишки, чтобы прочесть его мысли: «Мы, ребята, умеем выдумывать». Сержант покачался-покачался, потом снова стул встал на все четыре ножки.

— Ну что, Братишка, может быть, хватит нас дурачить? — строгим голосом произнес Лусноц. — Выдавать себя за человека довольно трудно, и это тебе скоро надоест. Твое запоминающее устройство должно удерживать массу

глупостей, без которых не обойтись настоящему человеку. Люди, правда, не отдадут себе в этом отчета, но быть человеком весьма неудобно и затруднительно, уж поверь мне!

Тишина.

— Не стоит завидовать им, Братишка,— мирно продолжал сержант.— Не стоит. Роботам все равно лучше. Раз ты неживой, ты и не смертен. А то, что надо повиноваться людям,— что ж, они тоже все кому-нибудь да повинуются, даже если сами этого не понимают.

— Но я же человек! — возразил Пластиковый Мальчик. Он не казался теперь таким подавленным, как тогда, когда лейтенант привел его в отделение.— Я настоящий человек, спросите у кого угодно!

— Ну ладно, допустим. Тогда скажи, какого черта ты тут остался? Почему не улетел с мамой и папой домой? Можешь ты мне это объяснить?

Игрушка широко раскрыла рот, но ничего не сказала. — Ну вот. Не знаешь?

— Я просто... просто хотел испытать...

— Что испытать?

— Ну... как тут все...

— Ну и запас слов у него, да и противоречия,— отсигналил сержант.

— Да, способность спорить не предусматривается программой, заложенной в такие игрушки,— ответил лейтенант.

— Ладно, Братишка, до утра оставим тебя здесь,— сказал мальчику сержант,— а потом я отвезу тебя на склад космодрома. Через три недели твой хозяин получит тебя, а ты — его. Хочешь, можешь выключиться и активизироваться уже на Земле.

Мальчик поднял голову и прямо взглянул на лейтенанта.

— Позвоните папе,— попросил он,— прошу вас, господин полицейский! Пожалуйста! Скажите ему, что я никогда больше не буду! Правда...

— Но мы же звонили! И все, что надо, выяснили. Твой хозяин признался, что забыл тебя. Какой смысл продолжать комедию? Что это тебе даст?

— Бросьте,— отсигналил сержанту лейтенант,— у нас еще куча дел. Он позаботится о себе сам, как любой робот.

В наступившей тишине гудели катушки информационной связи.

— Я проголодался,— нарушил молчание Пластиковый Мальчик.— Нет ли у вас чего-нибудь поесть?

Лейтенант начал терять терпение.

— Нет. У нас тут ничего нет. Потому что сержант и я тоже роботы, хоть и похожи на людей, а роботы не едят.

Он повернулся к мальчику и для устрашения зажег оранжевый свет в глазах.

Игрушка разразилась отлично имитированными рыданиями.

Ночь проходила, менялись цифры на часах над главным пультом. Лейтенант склонился над автоматизированным отчетным табло, фиксируя события вчерашнего дня. Сержант Лусноц контролировал функции основной и резервной энергосистем.

У полиции на Каллисто были самые разнообразные обязанности, в конце концов, полицейские — роботы, а роботы умеют все. Пластиковый Мальчик сидел неподвижно, уронив голову на стол, одна рука его безжизненно свесилась вниз. Рот полуоткрылся, и если бы это был человек, то создавалось бы впечатление, что он замерз. Однако для отдыха поза его была совершенно неподходящей.

— Похоже, он все-таки спит,— заметил сержант.

— Нет, на этом ему нас не поймать. У него очень простая схема. Спать может и утюг.

— А если он правда спит?

— Чепуха, Лусноц! Что это на вас вдруг нашло?

— Меня беспокоит одно, лейтенант, что-то в его ответах не соответствует логике.

— Это очень простой робот, Лусноц, от него нельзя требовать особой логики.

— Не в том дело, шеф. Мне не понравилось, как он говорит. Так роботы вооб-

ше не говорят. До работа ему далеко. И еще, вы заметили, как он строит свои ответы, вообще свою речь? Она у него распадается. И у него очень маленький запас информации. Так говорят люди, а не роботы.

— Это последствия шока. Его запрограммировали так, чтобы он находился и существовал рядом с хозяином. И вдруг он очутился один. И возможно, на его систему как-то спроецировалась человеческая психика.

— Не знаю, шеф. Я в этом не уверен.

— Да так оно и есть, чего там!

— Докажите.

— Но, Лусноц, что с вами?

— Ну попробуйте отломать ему руку. Если это робот, ничего с ним не будет, тут же и поправим.

— Бросьте глупости, сержант. У вас готов анализ атмосферы?

— Сейчас будет готов.

Небосвод над зданием отделения полиции начал окрашиваться в темно-фиолетовые тона. На Каллисто начинался новый день.

Вдруг лейтенант Верт встал и остановил свои приборы.

— Вызовите еще раз Центральную, Лусноц,— просигналил он.— Пусть соединят нас с ракетой.

— Что? Убедил я вас? — с торжеством отозвался сержант.

— Нет, не убедили. Он убедил,— лейтенант взглянул на спящего мальчика.

— Но только что вы утверждали, что спать можно научить и утюг, достаточно его запрограммировать.

— Да. Но разве можно так запрограммировать игрушку, чтобы у нее от голода урчало в животе?

Сержант прислушался.

Потом покачал головой, точно и он был не робот, и вздохнул.

— Ну что же, если прикажете, я спущусь в ближайший отель за молоком и булками с маслом?

— Прикажу, сержант,— отсигналил лейтенант.— Только тихо, не разбудите его. У людей чуткий сон.

Ледяные скалы вокруг отделения полиции снова за-
сверкали, как гигантский калейдоскоп.

БУНТ

I

Первый странный симптом был зарегистрирован 7 августа, в половине шестого вечера. Мисс Мейбл Фертиг, поставив у тротуара свой красивый «Беккерс» последней марки, цвета форели, модного в это время, зашла выпить чаю в кондитерскую «Новая Монголия». Пять или шесть человек, проходившие случайно мимо ее машины, и хозяйка фруктовой лавки, разговаривавшая с экономкой магистрата Симпсона, потом утверждали, что грузовик под номером шесть, принадлежащий «Западной металлургической компании», понесся, вылетев на улицу из-за угла, на маленький «Беккерс». Хотя в кабине грузовика был шофер, он не мог бы предотвратить столкновения, и уничтожение маленькой элегантной машины казалось неминуемым, когда, совершенно необъяснимым образом, «Беккерс» попятился на несколько метров назад и въехал на тротуар. И поэтому грузовик, промчавшись мимо, его не задел.

Мисс Мейбл ни в малейшей мере не поверила тому, что ей рассказали о ее машине, и не придала ни малейшего значения происшествию, не оставившему на ее красивом автомобиле даже царапины.

Из «Новой Монголии» она вышла в сопровождении молодого чемпиона по теннису Г. В. Кройса, слишком счастливая, похоже, чтобы задумываться о таком пустяке, о котором, пока через несколько дней обстоятельства не заставили отнестись к нему со всей серьезностью, она даже ни разу не вспомнила.

Второе знаменательное событие, столь же необъяснимое, произошло неделей позже. «Пингр» мощностью в сорок лошадиных сил, принадлежавший мистеру Коку, ехал километрах в пятидесяти от города, когда с тропинки рядом с шоссе на асфальт ступил рассеянно человек.

Столкновение казалось неизбежным, но властно и рез-

ко зазвучал клаксон «Пингра», и человек, испугавшись, прыгнул в кювет.

— Это вы просигналили, мистер Кок? — спросил черный шофер у сидевшего налево от него хозяина.

— Не я, Джон, — ответил достопочтенный джентльмен.

— Я могу поклясться, что тоже не дотрагивался до пружины клаксона.

Мистер Кок пожал плечами с таким же изяществом, с каким он совершал любое другое действие. И об этой чепухе больше не говорили до тех пор, пока, через некоторое время, не стала вдруг ясна вся важность случившегося.

А произошло следующее. 30 числа того же месяца в огромных залах «Дома автомобиля» открылась выставка новых машин фирмы «Хопп», предпринявшей гигантскую работу по переделке всех выпущенных ею, знаменитых во всем мире моделей. Инженеры фирмы разрабатывали эти изменения в течение пяти лет, однако сведения о том, в чем изменения состоят, до сих пор не были доступны конструкторам других фирм или широкой публике. С момента, когда началось претворение нового проекта в жизнь, обширная территория, которую, в двадцати километрах от столицы, занимали заводы фирмы, закрылась для посторонних. Рабочим, монтировавшим автомобили, покидать территорию завода было запрещено. Реклама, равной которой по размаху не было никогда и нигде, оповестила мир, что скоро появятся шесть новых моделей «Хопп». Об этом кричали полосы в самых читаемых газетах, световые табло на фасадах зданий в самых больших городах континента, проекции объявлений на облака, тысячи и тысячи сбрасываемых с самолетов листовок, надписи цветным маслом на поверхности морских бухт и озер Европы и Америки... Предполагали, что резкое повышение качества продукции даст фирме Хоппа возможность преодолеть все уменьшающуюся восприимчивость населения к рекламе; фирма могла это себе позволить, потому что ее финансовое положение было прочнее, чем у любой другой фирмы в мире; но в чем конкретно могли состоять предложенные улучшения, никто себе не представлял: автомобиль уже достиг такого совершенства, что, по общему мнению, улучшать его дальше было просто невозможно. Старинные поршневые двигатели, древние тормозные системы, устаревший способ охлаждения, слу-

жившие источником постоянных неприятностей камеры, которые то и дело оглушительно лопались или тихо выпускали воздух, и крышки на них, которые все время нужно было менять, исчезли за пятьдесят с лишним лет до этого, и те из техников, кто знал, что представляли собой автомобили в первой трети XX века, не в состоянии были объяснить себе ангельского терпения, какое обнаруживали люди той эпохи, настоящие рабы несовершенных и крайне недолговечных автомобилей, ломавшихся по нескольку раз в месяц и проводивших больше времени в ремонтных мастерских, нежели на колесах. Автомобилист той эпохи для этих техников был несчастным человеком, который большую часть жизни проводил под каким-нибудь примитивным драндулетом, в проржавевших внутренностях которого он копался. Посередине Большого Проспекта возвышался монумент, увековечивший страдания первых автомобилистов. На широком пьедестале стояла высеченная из мрамора фигура человека в безобразной одежде 1920 года, но без пиджака; он был изображен накачивающим шину. Пот от нечеловеческих усилий приклеил его волосы к вискам и лбу, а на лице застыло выражение горечи и усталости. На постаменте были слова: «Многочисленным и несчастным жертвам зари автомобилизма — от благодарного человечества».

Теперь автомобиль был предметом по-настоящему полезным. Двигатель его ничем не походил на двигатели, работающие на бензине или электричестве. Бак с динламом, чудо-веществом, которое открыл в начале XXI века знаменитый Томпсон, занимал от силы один кубический дециметр, и, наполнив его, можно было проехать на машине десять тысяч километров. Удалось достичь такого совершенства, что можно было без преувеличения сказать: в этих организмах из металла есть все необходимое и нет ничего лишнего. Эти машины были настоящим чудом техники, и во времена, когда Жюль Верн и Уэллсу, среди многих других, доставляло удовольствие тратить время на размышления о будущем, оно, это будущее, если бы о нем узнали, изумило бы самых смелых его предсказателей.

В первый же день выставки огромный зал «Дома автомобилей» заполнила изнывающая от любопытства толпа. Если бы ты мог посмотреть вниз с громадных люстр, тебе бы показалось, что пол устал темным ковром: люди

стояли вплотную друг к другу. Каждый автомобиль, как на острове, пребывал на своей платформе, и шелковые канаты, которыми их огородили, чтобы защитить от прикосновений любопытных, прогибались внутрь под давлением толпы. Ярко блестел никелированный металл, лак, без единого пятнышка или царапины, выглядел как бархат или атлас. В гранях фар, как в завораживающих зрачках какого-нибудь чудовища, двигались крошечные отражения посетителей; были выставлены все мыслимые типы автомобилей, от огромного грузовика до одноместного автомобильчика, узкого как стрела, который, с его далеко отстоящими одно от другого колесами на длинных осях, напоминал водомерку.

С третьей галереи на волнение этого человеческого моря смотрели, окруженные множеством официальных лиц и инженеров, генеральный секретарь транспорта и мистер Хопп. Бритое лицо мистера Хоппа — широкий, в морщинах, лоб, волевой подбородок, на той и на другой щеке ямка в виде запятой, густая, оловянного цвета шевелюра на голове, темные от болезни печени веки — выражало удовлетворение и гордость. Тысячи взглядов снизу обращались к нему, и имя его то и дело слышалось все громче и громче в бормотанье беспокойной людской зыби:

— Это Хопп! Вон Хопп, наверху!

Молодой наладчик Джо Уилп сел за руль роскошной машины, чтобы продемонстрировать, как тихо работает ее двигатель. Он начал быстро орудовать невидимыми снаружи рычагами управления: автомобиль чуть задрожал, и посетители, плотно прижавшись к шелковым канатам вокруг, лишь с трудом услышали урчанье работающего двигателя. Но тут внезапно завыл клаксон этой машины, звук его гулко отдавался под сводами из стекла и металла. Услышав его, к машине ринулись новые толпы любопытных. Уилп стал нажимать на кнопку клаксона, но тот не замолкал. Наверху мистер Хопп, сдвинув седые брови, распорядился:

— Скажите этому остолопу, чтобы он ни к одной машине близко не подходил!

И тут хрипло завыл широкий мощный тяжеловоз, а секундой позже, слившись в какофонический хор, взвыли клаксоны всех машин в зале. Поднялся хохот, несколько девушек, изображая непереносимые страдания, с очаро-

вательными гримасками заткнули уши. Ни в одной из машин, кроме первой, никого не было, и многие, когда заметили это, стали говорить:

— Это Хопп нам приготовил сюрприз!

Но достаточно было увидеть выражение лица знаменитого инженера, увидеть, как он, привстав и судорожно вцепившись руками в перила, перегнулся через них и гневным взглядом обегает зал, как становилось ясно, что вой клаксонов его совсем не радует. Не получая на свои вопросы сколько-нибудь вразумительных ответов, он повернул голову к мистеру Гаррисону, своему достойному помощнику, который смотрел, вытягивая шею, из-за его плеча, и спросил того:

— Кто это пошутил так неудачно?

— Не понимаю...— проговорил, запинаясь, Гаррисон.

Внезапно толпа взорвалась истошным многоголосым криком. Трактор «Титаник», мощный, приземистый, напоминавший чем-то осьминога или какого-то странного серого зверя, способного жить даже после того, как у него вырезали живот, вдруг тронулся с места и, разорвав шелковый канат, поехал в толпу. Одновременно с ним пришли в движение два мощных фургона, а двумя секундами позже уже все машины, какие были в зале, двигались по мозаичному полу, покачиваясь слегка, лишь когда им приходилось перезжать через лежащих на полу людей. По толпе, понявшей, что опасность угрожает со всех сторон, побежали встречные волны; отчаянно вопили те, кто видел, что вот-вот волны эти, столкнувшись, их раздавят; кричали те, кто ощущал на себе тяжесть колес или видел опасность уже совсем рядом; люди, пытаясь спастись, расталкивали своих собратьев как безумные; тщетно звали друзей те, кого разлучила толпа; кто-то поносил виновных в этом несчастье, и ошеломление и растерянность тысяч людей, не имеющих возможности покинуть огромный зал, достигли вскоре предела. А вой клаксонов не умолкал, и шум поэтому становился все громче. Прохожие на улице, слыша его, бежали по эспланаде перед циклопическим зданием «Дома автомобиля» к огромным дверям посмотреть, что происходит внутри, а шоферы, дожидавшиеся своих хозяев, поднимались, чтобы лучше видеть, на подножки машин. Толкаясь, падая, собирая все силы, чтобы удержаться на ногах, из здания

повалила толпа. Выбегавшие сталкивались с теми, кто рвался внутрь, и бежали дальше, ища спасения за рядами машин на эспланаде. Пострадавшие посетители выставки, из-за страха до этого не ощущавшие боли, теперь громко стонали, и их чуть не на руках несли в пункты скорой помощи. Сквозь проемы исполинских дверей по-прежнему потоком лилась толпа и огромным пятном растекалась по эспланаде. И тут, врезавшись, как таран, в толпу, или, если выбрать более точный образ, плывя по испуганному, кричащему людскому половодью, появился первый автомобиль с выставки. Он вонзился в человеческую массу, раздавил часть толпы, оказавшуюся перед ним, и, открыв себе таким способом путь, продолжал свой безумный бег, а клаксон его по-прежнему изрыгал отрывистые, злобные звуки, напоминавшие лай разъяренного волкодава. Несколько секунд — и из дверей появилась громада грузовика, он безжалостно сбивал людей с ног и перемалывал их, как нос корабля перемалывает воду в пену. Оставив наконец толпу позади, грузовик унесся вслед за первой машиной. А за ним появилась еще одна, и еще... Все, кто был свидетелем этой неправдоподобной сцены, видели, что ни в одной машине водителя нет, что машины движутся автоматически, легко объезжают препятствия и безошибочно выбирают дорогу.

Толпой еще владели паника и растерянность, когда вдруг почти все автомобили, оставленные поблизости от здания посетителями выставки, помчались вслед за машинами, которые оттуда выехали. Шоферы столбенели от изумления или же бросались вдогонку, но бесплодность этих попыток становилась для них очевидной почти сразу. Что до тех, кого начавшееся бегство автомобилей застало в кабинах, то никому из них остановить свою машину не удавалось, и водители, уже на грани безумия, выпрыгивали из машин на ходу. На эспланаде осталось лишь несколько старых автомобилей и шесть или семь машин самых плохих моделей. Все прочие исчезли за поворотом улицы. И едва скрылась из виду последняя, как под исполинской железной аркой главного входа в «Дом автомобиля» появилась фигура мистера Хоппа — голова обнажена, лицо разгневанное, руки сжаты в кулаки, взгляд мечется в поисках сбежавших со стоянки машин. Он крикнул:

— Поезжайте за ними! Быстро!

...На шоссе, широкой темной лентой разрезавшем зеленый пейзаж, машины, выстроившись плотной колонной, ехали прочь из города. Они были как единое тело, большое и подвижное, заполнившее всю ширину дороги. Машины, машины, машины... Может быть, десять тысяч, а может, двадцать. Не в силах оторвать взгляд от этой сейчас уже далекой колонны, мистер Хопп пробормотал:

— Вы что-нибудь понимаете, Гаррисон?

И толстяк Гаррисон, поглаживая дрожащими пальцами свою блестящую лысину, выдавил из себя:

— Не знаю... Как в страшном сне.

II

Десять минут пришлось досточтимому Макгрегору звонить председателю коллоквиума, прежде чем наступила тишина. Зал заседаний городского совета, предназначенный для сегодняшнего необычного собрания, сейчас наполняли люди, и людям этим лишь с трудом удавалось сдерживать переполнявшие их чувства. Здесь собрались самые выдающиеся умы страны. Если бы в эти мгновения провалилась крыша здания, нации пришлось бы оплакивать смерть своих лучших математиков, биологов, изобретателей и государственных деятелей. Другую публику в зал не допускали, и она стояла многочисленными кучками на улице, а представителей прессы неподкупные стражи порядка даже близко не подпускали к залу, и они обменивались догадками в коридорах. Когда под длинным столом, за которым заседали обычно отцы города, обнаружили репортера, поднялся страшный шум, и Макгрегору, чтобы положить этому шуму конец, пришлось долго звонить в свой колокольчик. Нэнси Чейни, профессор механики из Национального института наук, была за то, чтобы обсуждения проходили открыто, но старый Аккер, высший авторитет в области органической химии, возразил на это, что речь идет не о политическом митинге, а о встрече людей науки, пытающихся понять пока еще загадочное явление. Макгрегор посоветовал всем соблюдать тишину, ибо только в тишине смогут они мобилизовать возможности своего интеллекта и разобраться в явлении, послужившем поводом для их встречи; он напомнил, что судьба страны, более того, всего мира, зависит

от исхода их встречи, и попросил, чтобы присутствующие спокойно выслушали знаменитого Купера.

Знаменитый Купер уже говорил, когда под столом был обнаружен упоминавшийся выше чересчур любопытный репортер; пока того изгоняли из зала, Купер стоял молча, скрестив руки на груди, и его широкое, все в золотистых веснушках лицо выражало усталую примиренность с судьбой. Когда наконец снова стало тихо, Купер возобновил свою речь. До этого он уже рассказал о невероятных достижениях автомобильной промышленности и перечислил чудеса техники, которые породили прогресс в автомобилестроении. Теперь он продолжал:

— Чего недоставало этому триумфу технической мысли? Говоря научно, мы, люди сегодняшнего дня, не можем себе даже представить возможности сделать их лучше, чем они уже есть. Как машины они достигли идеала. Это настоящие живые организмы, только металлические, и для абсолютного совершенства им до сегодняшнего дня не хватало только способности управлять самими собой. Происшедшее чудо устранило как раз этот последний недостаток. Каким образом, хотите вы знать? Честно говоря, я не разделяю изумления толпы. Истоки жизни продолжают оставаться для нас загадкой, но что касается меня, то я вполне готов допустить, что в совершенной машине могут неожиданно возникнуть явления, трудно отличимые от проявлений жизни в строгом смысле этого слова. Остается только предположить, что мы добились неожиданного для нас самих успеха в том, к чему даже и не стремились. Мы создали живое существо средствами техники, в то время как создать его средствами химии нам, несмотря на все наши усилия, так и не удалось.

Старый Аккер:

— Нет-нет! Жизнь — это всего лишь цепь химических реакций!

Прославленный Купер:

— Меня бы очень обрадовало, если бы мой ученый собрат предложил нам объяснение более точное и понятное, чем то, которое предложил я. Если он настаивает на том, что ключ к решению у него есть, я готов сразу же уступить ему трибуну. А пока, надеюсь, он позволит мне излагать дальше мою гипотезу, у которой приверженцев больше, чем у любой другой. Нравится нам это

или нет, но автомобили наши взбунтовались и нас покинули. Достоинно внимания, что машины устаревших моделей и неудачных марок по-прежнему стоят, послушные нам, на стоянках и в гаражах. Это позволяет предположить, что техническое совершенство, о котором я говорил, послужило...

Преподобный Кей (покраснев, встав и простирая руки к оратору):

— Причиной был дьявол, и только дьявол!

Макгрегор:

— К порядку! К порядку!

Преподобный Кей:

— Это наказание за нашу гордыню, насмешка над безмерным нашим тщеславием, хохот, коим сатана отвечает на нашу жажду наслаждений! Я всегда осуждал тягу к чрезмерной роскоши! Давайте, во искупление грехов наших, снова ходить ногами, которые дал нам бог!

Голоса с мест:

— Он прав!

Секретарь Промышленной Палаты:

— Я видел, как преподобный Кей ехал на велосипеде!

— Я думал, мы собрались здесь не для того, чтобы разглагольствовать о сатане! — сердито закричал Купер.

Снова шум. Десять или пятнадцать человек надрываются, крича за, а сорок или пятьдесят — всей емкостью своих легких против. Остальные, выражая неудовольствие, стучат ногами. Преподобный Кей, ставший багровым, требует, чтобы вопрос был поставлен на голосование. Макгрегор звонит в колокольчик вдвое яростнее и заметно более умело, чем прежде. Терпение Купера иссякло, и он садится на свое место, не скрывая презрения, которое испытывает по отношению к собравшимся. Мало-помалу сильный голос Кея, привыкшего царить на кафедре, подавляет все остальные голоса, и собравшиеся слышат страстную речь против прогресса.

— Куда идет человек? — вопрошает преподобный. — Неужели не видит он в своих изобретениях руки дьявола? Дыхание преисподней оживило автомобили. Люди вознамерились исправить труд Творца, в великой доброте своей создавшего лошадь, и причина тому — их беспредельная гордыня. Замыслили через посредство автомобиля посрамить лошадь и тем оскорбили Бога. Начинание это суетнее даже, чем вавилонская башня, чьи строители были

столь сурово наказаны. Сатана торжествует победу, он посмеялся над людьми — отнял автомобили, зная, что души тех, кто их делает, и тех, кто ими владеет, у него в кармане...

Продолжать ему не дали. Вскочив на ноги и стуча по пюпитрам, его поносили со всех сторон. Тщетно пыталась его глотка перекричать другие, возмущенно орущие. Последние произнесенные им слова, судя по жесту, которым он их сопровождал, были проклятием, но разобрать, каким именно, было уже невозможно.

Потом выступил мистер Хопп. Он объяснил подробно, чем его новые машины отличаются от уже известных моделей. Слушали его очень внимательно. Он рассказал о том, как следят, чтобы в металлических частях не появилось никаких изъянов, о скрупулезности, с какой собирают двигатель и весь корпус автомобиля, о том, как идеально взаимодействуют между собой самые мелкие и филигранные его детали, в результате чего и возникает то органичное целое, которое мы называем автомобилем и в котором есть все необходимое и нет ничего лишнего — в этом автомобиль превосходит даже человеческое тело. Поэтому он, Хопп, не может предложить странному феномену никакого объяснения; но если что из сказанного и прозвучало сколько-нибудь разумно, то, конечно, гипотеза, выдвинутая знаменитым Купером. Так или иначе, ясно, что сбжавшие машины приобрели свойства живых существ, что автомобильный двигатель стал чем-то вроде зачаточного мозга.

Послышался визгливый голос некоего мистера Грэмса:

— А не может быть, что все это просто трюк мистера Хоппа, который решил разрекламировать свои машины?

Невообразимый шум. Мистер Хопп, стоя во весь свой огромный рост, высокомерно улыбается. Рекламный трюк? Но разве не видели все, что машины ехали без водителей? И даже если предположить, что какой-то хитроумный способ позволил ему управлять теми машинами, которые только что вышли из цехов его заводов, возможно ли, что автомобилями самых разных марок, стоявшими на эспланаде у здания выставки и, к огорчению своих шоферов, убежавшими тоже, управляли при посредстве какой-то хитрости? Исключено. Слова Грэмса просто смешны. У мистера Хоппа не было сомнений, что никто под ними не подпишется.

И так на самом деле и оказалось, потому что последовал взрыв аплодисментов, и воодушевленный ими знаменитый автомобилестроитель продолжал свои объяснения. Но тут к мистеру Хоппу подошел человек.

— Только что звонили из вашего дома, сэр,— сказал он.— Мисс Лиззи до сих пор не вернулась... Ее автомобиль видели среди сбежавших машин.

На лицо великого инженера темной тенью легла тревога. Дочь была для него дороже всего на свете, и мысль о том, что ей может грозить какая-то опасность, появившись, уже не оставляла его; мысль эта причиняла ему такие страдания, что он уже не мог ни говорить сам, ни понимать то, что говорят другие. Выступил старый Аккер и начал излагать сложную теорию, которая должна была объяснить случившееся, и тогда Хопп, поднявшись со своего места, подошел к Макгрегору, сказал тому о беспокойстве, которое испытывает, и вышел из зала. И прежде чем репортерам удалось его настигнуть, он вскочил в одну из старых машин, оставшихся на улице, и настолько быстро, насколько это было возможно, поехал домой.

III

— Что могло случиться, Гаррисон?

Флегматичный помощник Хоппа заложил толстые ручки за спину; для него поза эта имела такой же смысл, какой для человека нормальной комплекции имеют руки, скрещенные на груди.

— Кто знает? — сказал Гаррисон.— Вернее всего, ничего особенного; я думаю, что Лиззи просто решила последовать за этой свитой дьявола.

— Поедете со мной?

— С превеликим удовольствием.

И, накренив старый драндулет, Гаррисон влез в него. Машина тронулась, и Хопп повел ее тем же путем, каким уехали взбунтовавшиеся машины. Ночь была теплая, и ветер, с утра полоскавший тысячу вымпелов на «Доме автомобиля», теперь спал, усталый. Лучи света от фар машины Хоппа глубоко вонзались в мрак под развесистыми вязами по обе стороны дороги, и асфальт, отполированный прикосновениями резиновых шин, блестел, как лакированный или мокрый. Обычно здесь в любой час дня

или ночи можно было увидеть мчащихся путешественников, но сейчас место это дышало пустыней. Странное происшествие так напугало людей, что никто не рискнул выехать из города на машине, поскольку неизвестно было, куда та может увезти. Браня тихходность старой перенцицы, Хопп въехал на ней вверх по склону и сделал три поворота, после чего подъем кончился и начался спуск в долину. По ней дорога тянулась дальше, широкая и манящая, с двумя рядами огромных рекламных щитов по сторонам; металлические буквы на щитах вспыхивали от света фар, и казалось, что буквы эти горят собственным огнем.

— Как вы думаете, где они? — спросил Гаррисон.

— Не представляю себе, — мрачно буркнул Хопп.

А когда они проехали еще пять километров, добавил:

— И даже знать не хочу. К чёртовой матери их! Мне бы только найти Лиззи!

Через четверть часа они увидели на краю дороги груды металла, которая еще недавно была двухместным «Пингром». Чуть дальше лежал перевернутый, взывая к небу всеми четырьмя колесами, легкий грузовичок, на боках у него были страшные вмятины. Дальше дорога, уже свободная от препятствий, шла к повороту, за которым был мост через реку. И когда они поднялись из ложины, у Гаррисона вырвался крик удивления:

— Хопп, смотрите!

И он показал на плоскогорье Гарца. Скрытая во мраке, слившаяся с ночной тьмой огромная гора, горизонтально срезанная на протяжении многих километров, была совсем близко. И именно на ней, на увенчивающей ее песчаной равнине, наблюдался сейчас странный феномен, вызвавший восклицание Гаррисона. Из одного конца плоскогорья в другой по ней протянулся полосой белый, из-за расстояния несколько рассеянный свет. Как во время величественного извержения вулкана ночью, поднимались в темноте, пересекались и скрещивались сотни лучей. То ли архангелы беззвучно скрещивают мечи, то ли призраки разгуливают по темному полотну ночи, то ли кто-то стреляет стрелами света в звезды... Зрелище было необыкновенно красивое.

— Это они, — сказал Гаррисон.

Хопп, не ответив, увеличил скорость. Они ехали еще полчаса по равнине, а потом дорога пошла зигзагами

вверх, на плоскогорье Гарца. По обе стороны — напоминающие чудовищ скалы, выше — дремлющие сосны, свежий ветер, обрывы, путь над бездной, похожий на фантастические мосты, которые сатана перекидывает в легендах через широкие реки с полуночи до первого крика петуха.

Их машина уже въезжала вверх по последнему, очень крутому отрезку дороги перед плоскогорьем, когда вдруг дорогу рассекла полоса света. Потом сбоку выдвинулось что-то огромное, и наконец они разглядели, что это грузовик. Грузовик остановился. Громадный, широкий, мощный. Капот его, короткий и низкий, напоминал рыло свирепого кабана. Фары, как страшные, пылающие гневом глаза, оглядывали дорогу. Колеса, серые, широкие, шероховатые, походили на лапы, тоже серые, широкие, шероховатые, какого-то толстокожего животного. Глухо хрюкнув клаксоном, грузовик сорвался внезапно с места и ринулся по дороге вниз, навстречу им.

— Осторожно, Хопп! — закричал, в страхе привстав с сиденья, Гаррисон.

Отец Лиззи быстро, но ловко маневрировал на широкой дороге, пытаясь проскользнуть слева от катящегося на них чудовища. Грузовик снова остановился. Мощный свет его фар слепил Хоппа и Гаррисона, и до смерти перепуганному Гаррисону казалось, что эти большие и круглые источники желтоватого света моргают и вспыхивают гневом, как глаза человека. Корпус грузовика содрогался. Хоппу и его помощнику было видно, что в кабине никого нет, и хотя оба старались не показывать этого друг другу, и Хоппу и Гаррисону стало жутко оттого, что не человеческая, а иная воля управляет автомобилем. Обоих пронизывал холодок страха. И когда Хопп резко повернул машину вправо, грузовик бросился (иначе не скажешь) на них.

Хотя они попытались избежать столкновения, это им не удалось. Стальное рыло чудовища ударило сзади в легковую машину, и та, застонав всеми своими частями, качнулась вбок. Одно колесо сорвалось с оси и покатилось, слегка вихляясь, под уклон, и машина, потеряв устойчивость, перевернулась на тот бок, с которого слетело колесо. Шеф Гаррисона оказался под своим помощником, а Гаррисон, пытаясь преодолеть вес собственного живота, судорожно искал, за что бы ему ухватиться. Грузовик тем

временем, явно не желая покидать это место, дал задний ход и остановился, а его клаксон снова издал звук, похожий на хрюканье.

— Быстро, Джаспер! — приказал Хопп, изо всей силы толкая помощника.— Быстро! Сейчас он снова на нас бросится!

И он первым выскочил на дорогу, а их странный враг, обуянный теперь злобой вдвое более сильной, чем прежде, уже приближался к их машине. Раздался громкий удар, за ним звон разбитого ветрового стекла; маленький автомобиль, отброшенный враждебной громадиной, несколько раз перевернулся, и из него, как внутренности из открытой раны, посыпались подушки сидений и металлические детали. Гаррисон, который, когда произошло столкновение, стоял на асфальте еще только одной ногой, упал и покатился по дороге. Хопп подбежал и помог ему встать.

— Пустяки,— заверил Хоппа помощник, с опаской тем не менее ощупывая голову,— сущие пустяки. Надо же, чтобы приключилось такое!.. Никогда бы не подумал, что...

Но он замолк, увидев, что разъяренный грузовик не успокаивается. Теперь он толкал изуродованную машину к краю дороги и наконец хорошо рассчитанным ударом сбросил ее с крутого склона. Пронзительно царапая камень, автомобиль стал сползать вниз; потом послышался грохот, удары, следовавшие один за другим, и наконец все стихло.

Грузовик снова дал задний ход.

— Спрячемся,— сказал толстый Гаррисон.— Боюсь, что на дороге нас ничего хорошего не ждет.

И, схватив Хоппа за руку, почти насильно заставил его сойти на обочину. Дорога снова опустела, а Хопп и Гаррисон стали подниматься на плато молча по каменистому склону.

Красивым, как известно, плоскогорье Гарца сейчас не назовешь. Быть может, тогда, когда оно было частью морского дна, на нем росли невиданной красоты водоросли или кораллы в виде причудливых деревьев; может быть, в те давние-давние времена по поверхности Гарца скользили тени прекрасных рыб, плававших в ласкающей зеленоватой прозрачной воде, и ковром стелился жемчуг, и медузы в своих нарядах фей медленно проплывали над живыми цветами с длинными лепестками, которые на

самом деле были вовсе не цветы, а невероятная фауна; появлялись морские коньки, похожие на маленькие фигурки шахматных коней, вертикальные и строгие, и казалось, что они своими изящными лошадиными мордочками все обнюхивают. Но с тех самых пор, как сдвиги земной коры в эпоху оледенения превратили то, что до этого было дном моря, в вершину горы, плоскогорье, о котором идет речь, остается одним из самых безрадостных мест на земле. Те немногие рахитичные кусты, которые только и растут на его поверхности, отказывается есть даже скот. Эту пустынную равнину часто метет ветер, поднимая столбы мелкого серого песка. Поэты этих мест, верные своему долгу их воспевать, смогли увидеть в Гарце лишь убежище призраков, куда прилетают на шабаш ведьмы. Но ни один серьезный человек не пытался утверждать, что видел на Гарце что-нибудь хоть отдаленно напоминающее ведьму. Высказывалось также предположение, что плоскогорье скрывает в себе залежи железной руды, но даже поверхностного геологического исследования оказалось достаточно, чтобы всем стало ясно: людям просто не хочется верить, что в природе может существовать столько квадратных километров не пригодной ни для чего земли.

Однако как ни красив мог быть Гарц в те времена, когда оставался морским дном, едва ли он был красивее, чем этой ночью, когда Хопп и Гаррисон прибыли сюда в поисках девушки, увезенной маленьким желтым автомобильчиком. На огромном пространстве собрались тысячи сбежавших из города машин, и от их фар было светло как днем. Изящные прогулочные машины и громады, предназначенные для перевозки грузов, непрерывно двигались, появлялись и исчезали; зеленый, голубой или лиловый свет фар двухместных легковых машин и красные лампочки позади напоминали праздничную иллюминацию. Нестройным шумом звучали гудки бесчисленных клаксонов. Вот медленно движется по плоскогорью, словно наблюдая за тем, что происходит вокруг, целая группа машин. В другом месте автомобили, случайно или по привычке, стали в одну длинную линию — так, как на улицах и площадях, неподвижные и будто уснувшие, чуждые всему, что происходит вокруг, они дожидаются своих хозяев, которые в это время в театре или в гостях. Этот неподвижный ряд состоял в основном из удобных двух-

местных машин, рассчитанных на старых дам, которым всегда холодно. Но господствовало на плоскогорье беспорядочное движение. На огромной скорости проносились гоночные машины; длинные, похожие на стрелы, они то терялись во мраке, то возвращались. Сотни автомобилей всех форм и размеров мчались во всех направлениях, но не сталкивались и даже не задевали друг друга, а двигались с уверенностью и точностью, которые восхитили бы самого опытного шофера. Их фары блестели как человеческие глаза. Оттого, что автомобили ни мгновения, ни одной тысячной доли секунды не стояли на месте, все время менялся и рисунок света на плоскогорье, и это придавало зрелищу фантастический вид.

Когда Хопп и Гаррисон оправались от изумления, выражение тревоги исчезло из их глаз. Они затаились на краю плато за камнем примерно в метр вышиной, и Хопп, любуясь удивительной картиной, забыл ненадолго о своей дочери, а Гаррисон на время освободился от страха, владевшего им после дорожного происшествия.

Первым пришел в себя и, соответственно, вспомнил о Лиззи Хопп.

— Пошли, Джаспер,— сказал он, поднимаясь на ноги.

Но помощник его не двинулся с места.

— Куда вы, черт возьми, собираетесь, Хопп? Не в этот ли сатанинский муравейник? Мы и восьмидесяти метров не пройдем, как нас раздавят.

Не отрывая глаз от невероятного шабаша перед ними, Хопп задумался.

— Пересекать плоскогорье нет необходимости,— сказал он наконец.— Давайте, чтобы найти машину Лиззи, пойдем по его краю, и когда найдем ее, тогда и будем решать, что нам делать дальше.

Гаррисон не стал спорить, и они пошли по краю плато, внимательно рассматривая автомобили. Иногда останавливались, чтобы хорошенько разглядеть какую-нибудь неподвижную группу разнокалиберных машин: вдруг среди них окажется желтая гоночная машина Лиззи. А когда временами на них задерживался светящийся взгляд фар, оба они инстинктивно приседали за кустами, словно боялись, что эти создания рук человеческих обнаружат их и за ними погонятся.

Внезапно движение сбежавших автомобилей резко уси-

лилось. Хопп и Гаррисон увидели, как машины расступились, и по образовавшемуся проходу прямо к ним, будто желая заглянуть за край плато, стал приближаться свет двух ярких фар, которые потом точнейшим маневром развернулись и двинулись обратно, навстречу другой приближающейся паре фар.

Хопп и его помощник узнали теперь в удалявшейся машине один из тракторов марки «Титаник», только что выпущенных и еще несколько часов назад демонстрировавшихся в «Доме автомобиля». Следующая машина, путь которой открыл (не побоимся произнести это вслух) инстинкт самосохранения остальных автомобилей, была похожа на огромного разъяренного зверя. Это оказалась автоцистерна марки «Беккерс», предназначенная для перевозки нефти. Громадная серая металлическая цистерна, приплюснутая, округлая, герметически закрытая, почти треугольный, сравнительно небольшой капот, колеса, которых было почти не видно под широкими крыльями, придавали этой машине сходство с огромной черепахой. Трубка, высывающаяся из цистерны сзади и напоминавшая черепаший хвост, сходство это только подчеркивала. Яркие лучи небольших фар все время двигались. Автоцистерна остановилась на некотором расстоянии от трактора и завывала так протяжно и страшно, что Гаррисона пробила дрожь. Трактор был похож на чудовищное паукообразное с огромной головой и маленьким телом. Вот он гнусаво заревел, отвечая на вой «Беккерса», и на несколько секунд лучи их фар скрестились, то ли испытывая врага, то ли вступая с ним в поединок...

Внезапно, поднимая тучи песка, автоцистерна ринулась на трактор. «Титаник» поехал тоже, но по касательной, чтобы избежать столкновения; и едва его массивная соперница пронеслась мимо, он яростно на нее бросился; раздался оглушительный удар, и, когда автоцистерна развернулась, Хопп и Гаррисон увидели на ней огромную вмятину.

— Дьявольщина какая-то, — сказал Гаррисон, крепко вцепившись в локоть шефа.

— И правда, Джаспер, дьявольщина. Наверно, так дрались доисторические чудовища, когда Земля была еще совсем юной. Неужели виной этому мы?

Хопп умолк, потому что автоцистерна ловко зацепила трактор, а потом ударила своим тяжелым крупом, отчего

тот, отлетев на несколько метров, чуть было не упал набок. Не дав трактору опомниться, стальная черепаха бросилась на него снова, и огромный паук, оставляя на песке след в виде ломаной линии, побежал прочь от черепахи. Но через несколько мгновений они уже опять стояли друг против друга и кинулись друг на друга с удвоенной яростью.

— Слушайте, Джаспер,— сказал Хопп, которого вдруг охватил азарт,— ставлю десять тысяч фунтов на свой трактор. Надеюсь, вы меня поддерживаете?

— Нет, поставьте на автоцистерну, тогда поддержку.

Раздался удар, сухой и звучный, радиатором о радиатор, и снова два врага дали задний ход, расходясь, и снова встретились. Одна из фар «Титаника» разбилась на мелкие осколки. Тяжелая автоцистерна явно брала верх над более легким трактором. Все с меньшей и меньшей энергией нападал он на автоцистерну, и когда погасла, тоже превратившись в осколки, его вторая фара, он остановился, попятился и стал удаляться, выписывая волнистую линию, растерянный, слепой. Автоцистерна кинулась в погоню и стала грубо толкать трактор с явным и зловещим намерением повалить его набок.

— Этот «Беккерс»! — разбушевался Хопп. — Неужели эта дрянь победит наш «Титаник»?

И, полный негодования, он полез за пистолетом. Хопп уже вытянул руку, чтобы выстрелить в автоцистерну, но замер, увидев нечто совершенно невероятное. На некотором расстоянии от места схватки остановился легковой «Хопп» класса люкс, его дверца открылась, из кабины выскочил человек, перебежал к трактору, один прыжок — и вот он, уже на сиденье, берется за рулевое колесо и круто по кривой уводит трактор прочь от его врага. Первое впечатление было, что человек, появившийся так неожиданно, хочет спасти трактор от опасности, но тут же он изменил направление и повел послушную его воле машину параллельно автоцистерне, а потом вдруг бросил его на полной скорости вбок, на капот «Беккерса», застав автоцистерну врасплох. Он протаранил мотор, и от этого удара чудовищная черепаха повалилась набок; она была такая тяжелая, что от падения ее задрожала земля. Ее сирена издавала звуки, каких человеческое ухо никогда не слышало. Будто кто-то в предсмертных муках стонал от боли и гнева. Стонал, завывая протяжно, страшно. Так,

сказал позднее Гаррисон, мог бы стонать автомобиль, у которого менингит. Потом этот ледящий кровь вой зазвучал жалобней, глуше и оборвался.

А человек, который вел трактор в бой, как воин — боевого слона, во время столкновения перелетел через руль и, описав параболу, упал на самый край плоскогорья, туда, где ветер сметал песок в небольшие дюны, из которых торчали листья засыпанных кустов.

Хопп и его помощник поспешили к незнакомцу. Но к тому времени, когда они оказались возле него, он уже сам, без посторонней помощи, приподнялся и теперь сидел. Песок смягчил удар, и только ветка одного из кустов оцарапала ему щеки.

— Вы себе ничего не повредили? — стали его спрашивать встревоженно Хопп и Гаррисон.

— Добрый вечер, мистер Хопп, — отозвался упавший. — Я себя чувствую прекрасно и очень рад случаю приветствовать вас и мистера Гаррисона. Сражение видели? Еще на раунд бедного «Титаника» не хватило бы. Ведь он уже был слепой. Но нельзя было допустить, чтобы «Беккерс» нас победил.

Он уже поднялся на ноги и сейчас стряхивал песок со своего комбинезона. Это был молодой человек с бритой головой, и, когда он поднял с песка измявшуюся при падении кепку, Хопп и Гаррисон увидели крупные, потемневшие, мозолистые и жесткие руки рабочего.

— Кто вы? — спросил Хопп.

— Джо Уилп, сэр, наладчик с вашего завода, где находиться мне было бы сейчас куда приятней, чем здесь. Честное слово! Когда наши машины откололи этот номер, я был в одной из них и, сам того не желая, приехал сюда, на Гарц, потому что выбраться из этого войска на марше не было никакой возможности...

И он коротко рассказал о случившемся. Поскольку машина его ехала внутри сомкнутого строя, ему пришлось смириться с тем, что она следует тем же курсом. Уже на плоскогорье он попробовал было взять управление в свои руки, чтобы вернуться в город, но машина повиноваться ему не захотела. Тогда Джо Уилп предоставил машине возить его, куда ей заблагорассудится, среди других машин, выписывая самые фантастические фигуры; во-первых, ему было любопытно узнать, чем кончится вся эта странная история, а во-вторых, он сообразил, что бли-

жайшее селение далеко и до него пешком не дойти, и лучше сидеть на мягких подушках в машине, чем мерзнуть на холодном ветру Гарца.

Рассказ его был прерван криком Гаррисона:

— Смотрите, Хопп, что делает «Титаник»!

Подъехав вплотную к неподвижному врагу, трактор выдвинул свой металлический всасывающий насос, похожий на хоботок бабочки, и погрузил в разбитый двигатель автоцистерны. Сперва Хопп и Гаррисон не поняли, что происходит. Оказалось, что гибкая трубка, конец которой ощупывал сейчас металлические внутренности противника, набирала в резервуар необходимое для работы двигателя количество динламия. Не отрывая от этой сцены глаз, Джо Уилп сказал:

— Наш трактор добывает себе пищу. Только и всего. Мы доставили машины на выставку с небольшим запасом горючего, и сейчас наш «Титаник» перекачивает себе все, что осталось в резервуаре «Беккерса».

— Иначе говоря, пожирает своего врага.

— По сути, да. Как волк волка.

— Скорее, как одно насекомое пожирает другое,— поправил Хопп.— Но продолжим наши поиски, Гаррисон. После того, что я увидел, у меня стало больше оснований беспокоиться о судьбе Лиззи.

— Мисс Лиззи здесь,— подтвердил молодой рабочий.— Я ее видел в желтой гоночной машине.

Хопп засыпал его вопросами, и Джо Уилп рассказал то немногое, что видел. Один раз машина, которая привезла его на Гарц, проехала совсем рядом с Лиззи. Он узнал маленькую изящную игрушку, в салоне которой (к этому уже привыкли жители города) обычно сидела юная золотоволосая красавица; дочь шефа и на этот раз оказалась за рулем и, хотя была, быть может, немного растеряна (тонкие брови на гладком лобике поднялись выше обычного), по-прежнему сохраняла спокойствие и самообладание. В открытой машине Джо Уилп ясно видел изящную фигурку девушки, откинувшуюся на спинку сиденья; руки у нее были сложены на груди, а губы, покрашенные яркой помадой, крепко сжаты.

Проезжая мимо, Джо высунулся из окошка и громко ее окликнул. Она обернулась, удивленная, но Джо был уже далеко. Через полчаса они встретились снова и потом несколько секунд ехали бок о бок. Но Джо к тому времени

увидел нечто такое, что убедило его в необходимости соблюдать осторожность. Он предупредил девушку об опасности, которая ей грозит, если она захочет выпрыгнуть из машины, и успел сказать, что сделать это можно, только если условия будут особенно благоприятными. И тут они расстались опять, и больше в этом жутком столпотворении он ее не встречал.

— А что такое вы увидели перед тем, как во второй раз съехались с Лиззи? — встревоженно спросил Хопп.

— Могу уверить, мистер Хопп, вам такое увидеть не захотелось бы, — ответил Джо Уилп. — Подумайте только: бедного Тома Клаэса поставили сегодня регулировать движение около «Дома автомобиля». Он был прекрасный человек, и я хорошо его знал, потому что мы земляки. Моя машина, как вам известно, одной из первых выехала из зала выставки, и когда я, делая отчаянные усилия ее остановить, ехал по эспланаде, я увидел Тома, который, в абсурдной надежде установить контроль над этим беспорядочным потоком машин, метался, размахивая белым жезлом регулировщика и непрерывно свистя в свой свисток. По-моему, он, как, в общем-то, и мы все, еще не понимал тогда, что происходит. Он увидел, как я проезжаю мимо, и крикнул: «Держись правой стороны, Джо!» Выполнить его приказ я, естественно, был не в состоянии. Тогда он закричал: «Я тебя оштрафую, Джо; все, ты предупрежден!» Представления не имею, на что он рассчитывал; знаю только, что он имел несчастье вскочить на полицейский мотоцикл и помчаться на нем за этим полчищем демонов. Он доехал до середины плоскогорья. Когда я его там увидел, он уже слез с мотоцикла. Не знаю, какие у него были намерения; ясно только, что в этот миг ему следовало бы думать прежде всего о спасении собственной жизни, потому что на него уже несся мощный «Сталл» мистера Стерлинга. Увертываясь от машин, делая зигзаги и прыгая, бедный Том перебегал с места на место. По-моему, он уже понимал, что дела его плохи, и, конечно, знал, что «Сталл» мчится к нему не с самыми лучшими намерениями...

— Какая чушь! — сердито прервал его мистер Хопп. — То, что мы уже видели, абсурдно само по себе, но чтобы автомобиль, как хищник, стал еще и преследовать человека? Нет, в это я никогда не поверю.

— Что ж, сэр,— спокойно ответил молодой рабочий,— дай бог, чтобы нам не пришлось испытать то же самое. Позвольте мне только вам сказать, что несчастный Том подтвердить истинность моих слов уже никогда не сможет, потому что он лежит теперь посередине плоскогорья, и если что-то от него и осталось, то вот здесь, у меня в кармане — это белый жезл, которым он регулировал движение. Я знал, что мать Тома будет с грустью и любовью его хранить, и потому, когда увидел жезл на песке, сразу его поднял. Но, быть может, сэр, узнай вы историю мистера Стерлинга, вы бы думали иначе.

— Что сделал мистер Стерлинг?

— Ничего такого, что позволило бы причислить его к великим. И однако для всех, кто регулярно читает в газетах отдел происшествий, он знаменитей Джорджа Вашингтона. Худший шофер в мире, вот кто он такой, и с тех пор, как мистер Стерлинг купил свой первый автомобиль, не проходит дня, чтобы хоть одна семья не надела по его вине траур. Он погубил народу столько, сколько не погубила половина всех водителей в городе; въезжал в витрины, очищал тротуары от пешеходов, а в день, когда обновлял свой «Пингр» с двигателем мощностью в двести лошадиных сил, выкорчевал столько уличных фонарей, сколько деревьев мог бы выкорчевать в лесу смерч. В конце концов, сэр, мистер Стерлинг так невероятно напрактиковался, что по тому, как подбрасывает его машину, когда она кого-нибудь переезжает, и по некоторым другим признакам, которые он научился различать, он знает, не глядя на мостовую, ребенка он переехал или старика, мужчину или женщину. А научиться это так легко различать можно только после долгой практики. Те, кто знает мистера Стерлинга, говорят, что он не ошибается никогда. Чтобы на машине не видно было пятен крови, ему пришлось выкрасить ее в алый цвет. И я говорю вам, мистер Хопп, не было ничего удивительного в том, что «Сталлу» мистера Стерлинга передались эти ужасные черты хозяина.

— Говорят,— глубокомысленно заметил Гаррисон,— что тигру, хоть раз попробовавшему человеческой крови, ничего другого уже не нужно.

— «Сталл», как тигр, наслаждался расправой с несчастным Томом,— подтвердил Джо.— Свалив Тома, «Сталл» начал ездить по нему взад-вперед и переехал его

десять, двадцать и даже более раз. И еще труп Тома хотел переехать автобус женской школы святой Тересы.

— А у этого автобуса такое же прошлое?

— Не столь богатое событиями, однако, если вы как-нибудь увидите его на улице, очень советую вам взобраться поскорее на крышу ближайшего дома. Автобус этот до сегодняшнего дня возил девочек в школу и развозил их из школы по домам, и редко бывало, чтобы он не задавил по дороге хотя бы одного прохожего. Это было причиной многих огорчений.

Пока Джо Уилп делился с ними этими интересными сведениями, они втроем продолжали свой путь по краю плато туда, где скопление автомобилей было наибольшим. Немного поколебавшись, рабочий добавил:

— Вот этот-то автобус и гнался за спортивной машиной Лиззи. Боюсь, что, поскольку «Сталл» не дал автобусу принять участие в расплющивании Тома, автобус, возбужденный этим зрелищем, стал искать другой способ удовлетворить свою жажду крови. Мисс Лиззи была слишком хорошо видна в ее открытой машине. После смерти моего бедного друга она и я были единственными людьми, которые еще оставались на плато.

— А потом?..— задрожав, боясь, не умалчивает ли Джо Уилп о чем-нибудь еще более страшном, спросил Хопп.

— Не думаю, чтобы с ней что-нибудь случилось, мистер Хопп; все в порядке, уверяю вас,— поспешил его заверить юноша.— Ведь автобус этот — неуклюжая громадина, лишённая легкости и маневренности гоночной машины, и ездить он привык, не превышая скорости, установленной муниципалитетом. Этот толстяк-автобус — лицемер, консерватор и буржуа. Готов поклясться, ему и в голову не придет, что он может ездить быстрее, чем ездил до этого. За спортивной машиной ему не угнаться. Мы наверняка найдем мисс Лиззи целой и невредимой.

Слова эти успокоили Хоппа и Гаррисона, и все втроем они продолжали поиски. Они видели машины, которые, остановившись на краю обрыва, ощупывали пространство впереди лучами своих мощных фар. А другие, въехав передними колесами на какой-нибудь валун, выли клаксонами с такой же тоской, с какой воют на луну собаки. Видели, как, подобно щенкам-непоседам, мчатся, весело играя, наперегонки гоночные машины. Видели грузовики

с приплюснутыми, как пяточки огромных свиней, капотами; эти двигались медленно, и казалось, вот-вот начнут рыть землю...

Час рассвета был уже близок, когда в группе машин, стоявших метрах в шестидесяти от троих мужчин, Хопп увидел желтую гоночную машину. Фары других автомобилей ярко ее освещали, и за рулем этой машины они увидели Лиззи; положив руки на руль, она опустила на них голову и, похоже, спала.

— Лиззи! — закричал Хопп.

Но крик его потонул в гаме автомобильных гудков. Лиззи не шевельнулась. Ожидая худшего, Хопп кинулся к ее машине. Его спутники, боясь больше за него, чем за девушку, бросились за ним следом, но даже быстроногий Джо Уилп не мог угнаться за своим шефом. Между ними пронеслись как безумные и разлучили их несколько автомобилей, и в какой-то миг толстяк Гаррисон, оказавшийся в водовороте машин, остановился, затравленно оглядываясь по сторонам, и вспомнил трагический конец регулировщика Тома.

Хопп все-таки добрался до желтого гоночного автомобиля. Если бы его спросили, как он сумел не попасть под какой-нибудь из пуль летящих автомобилей, перед самым носом у которых он пробегал, он бы объяснить этого не смог. Так или иначе, до желтой машины он добрался, и, когда это произошло, Лиззи подняла голову и выпрямилась, похорошев еще больше от радостного удивления, озарившего ее лицо. Но в тот же миг желтая гоночная машина рванулась с места, смешалась с окружающими ее машинами и начала удаляться. И Хопп и Джо успели увидеть, как девушка крутит рулевое колесо и нажимает на тормоз, но изменить направление, в котором двигалась машина, ей так и не удалось. Ее автомобиль слился с потоком машин и исчез.

Только после этого Гаррисон, невредимый, смог снова присоединиться к своим спутникам. Он был за то, чтобы теперь, когда они знали, что с Лиззи ничего не случилось, подождать в безопасном месте, но Хопп наотрез отказался ждать и зашагал в направлении, куда исчезла гоночная машина. Джо Уилп и Гаррисон молча последовали за ним.

Вдруг у них за спиной раздался крик. Оказывается, машина Лиззи, описав полный круг, возвращалась

обратно. Она проехала и не остановилась. Лиззи протягивала к ним руки.

Из-за автомобилей вокруг нее машина Лиззи не могла развить полную скорость; но в то же время двигалась она не настолько медленно, чтобы можно было без большого риска из нее выпрыгнуть. Гаррисону теперь казалось, что вся эта история, скорее, кончится гибелью их троих, а не спасением Лиззи. То же, возможно, думал и Джо Уилп. Но что до мистера Хоппа, то он, став на одно колено, а на другое поставив локоть руки, в которой был пистолет, целился в желтую машину, и лицо его было напряженным и яростным. Одна секунда, две, три — и вдруг раздался выстрел, сухой и короткий.

— О-о-ой! — завопила машина Лиззи и подняла колесо.

— Попал, попал! — закричал Гаррисон и кинулся было к гоночному автомобилю.

Но Джо Уилп схватил его за полу пиджака и этим спас от неминуемой смерти. Приближался автобус женской школы святой Тересы, черный, лакированный, огромный, похожий на зал кинотеатра с рядами пружинящих сидений внутри, и двигался он так же тяжело и медленно, как тогда, когда развозил девочек домой. Раненое колесо желтой гоночной машины конвульсивно дергалось, и она стояла на месте. Трое мужчин увидели, как из нее выскочила и побежала к ним Лиззи. Автобус изменил направление и покатил на нее. Тридцать метров... двадцать... пять... Гаррисон зажмурился, чтобы не видеть. Черная громада уже надвинулась на девушку... И тут, будто перелетев через песок, перед автобусом стал Джо Уилп. Слепящие фары светили прямо на него. Не погибнет ли и он вместе с Лиззи в запоздалой попытке ее спасти? Неподвижный перед громадиной, твердо упираясь в землю ногами, Джо Уилп властно поднял руку, сжимавшую сейчас белый жезл, которым покойный Том не один год регулировал движение на улицах большого города.

Автобус школы святой Тересы, законопослушный буржуа, остановился как вкопанный.

Чуть позже, в то время как Хопп и Гаррисон, усевшись в безопасном месте, слушали мелодичный голосок Лиззи, рассказывавшей о своих приключениях, Джо стал искать повреждение в желтом гоночном автомобиле. Пуля разорвала одну тонкую проволочку, и для того, чтобы вывести

из строя одаренную разумом машину, где было все необходимое и не было ничего лишнего, этого оказалось вполне достаточно. Выполняя профессиональный долг, Джо Уилп восстановил прерванный пулей контакт, вернул на место панель, которую сдвинул, разыскивая поломку, и уже хотел было пойти назад, к Хоппу, Гаррисону и Лиззи. Но не успел сделать и шага, как почувствовал: что-то толкнуло его ладонь в ладонь правой руки. Он обернулся. К нему тянулся, благодарный и послушный, заостренный нос гоночной машины, похожий на рыбью голову.

Автомобиль последовал за Джо Уилпом, и потом, остановившись на краю плоскогорья, стал терпеливо его ждать.

ДЕЛО РУК КОМПЬЮТЕРА

Роза обнаружила след от сгоревшей сигареты на одном из серебристо-серых металлических ящиков и яростно принялась работать тряпкой. Безрезультатно. Коричневое пятно никак не желало исчезать.

Она с грустью вспомнила, что слишком часто обращалась раньше с просьбой провести малярные работы. В последний раз, когда она в страхе прибежала к мистеру Гаррисону, он нехотя согласился отправиться на место происшествия, но, увидев, в чем дело, раскричался изо всех сил. Несколько успокоившись, он сказал ей твердым голосом: «Послушайте, Роза, я знаю, что вы не блещете способностями, но зарубите себе на носу: мы подметаем полы, вытираем пыль со стен и красим блоки памяти, но здесь не больница. Конечно, я понимаю, вы — девушка чистоплотная, добросовестно выполняете свои обязанности и сообщаете о малейшем беспорядке, но в конце концов, есть у вас совесть? Не мешайте нам жить. С компьютером ничего не случится, даже если мы сожжем всю краску и долго будем бить по блокам кувалдой».

После этих слов Розу охватил такой ужас, что она решила больше никогда не обращаться к мистеру Гаррисону, разве что в самом крайнем случае.

И все же пятно выглядело очень некрасиво на сверкающей поверхности, и не накричи он на нее в прошлый раз, можно было вызвать маляров и заодно закрасить оба пятна.

Она очень боялась, что доктор Эссон заметит грязь и посчитает ее во всем виноватой. Правда, он никогда ни в чем ее не упрекал и очень часто, когда она занималась уборкой, следил за ней с любопытством и, как казалось Розе, доброжелательно.

Но в жизни все случается первый раз, а она была уверена, что просто умрет, если доктор Эссон сделает ей замечание или намекнет, что она плохо справляется со своими обязанностями.

Роза встала на цыпочки, вытянувшись во весь свой рост

в пять футов четыре дюйма, и окинула взглядом огромное помещение компьютера. От пола до уровня ее плеча повсюду высились серебристо-серые ящики, в проходе между которыми едва мог протиснуться крупный мужчина. Но для Розы места было достаточно. В конце комнаты, перед шестью электрическими печатающими устройствами — единственным способом общения с компьютером, его глазами и ушами, — стояли стол и несколько кресел. Стены были уставлены все теми же ящиками — блоками памяти. Однообразие скрашивал невысокий светло-зеленый потолок и темно-зеленый пол из синтетического каучука. И всегда, днем и ночью, не умолкая раздавалось еле слышное гудение.

«Что толку, — подумала Роза, — смотреть на эти тысячи футов сверкающего металла и успокаивать себя, что повсюду царит идеальная чистота?» Коричневое пятно перед ее глазами, казалось, все больше увеличивалось в размерах. Она не сомневалась, что как только кто-нибудь откроет дверь на другом конце комнаты, он сразу же поймет, как сильно испорчена вся окружающая его красота.

Доктор Эссон вместе с очень приятной молодой девушкой, которую Роза никогда раньше не видела, стояли у одного из печатающих устройств и негромко разговаривали.

Маленькая уборщица давно примелькалась в помещении компьютера, и ее просто не замечали. «Но сейчас, — неуверенно подумала Роза, — они, видимо, убеждены, что услышать их невозможно. Они ошибались».

— Неужели она всегда здесь? — спросила девушка.

— Официально, она работает с десяти до четырех, — ответил, улыбаясь, доктор Эссон. У него была такая прекрасная улыбка, от которой он становился лет на двадцать моложе. — Но помещение закрыто с десяти вечера до восьми утра, и все остальное время Розу можно видеть здесь в любую минуту.

— Но ведь она такая хорошенькая. Должны же быть у нее... другие интересы.

Ответа Роза не расслышала. Она и не пыталась подслушивать, просто у нее был очень тонкий слух, и, если

закрывать глаза, можно было подумать, что она стоит рядом с ними.

— Понимаю,— сказала девушка с такой теплотой и симпатией в голосе, что Роза тут же полюбила ее, сама не зная почему.— Конечно, ни один нормальный человек не будет так работать. Но она совсем не выглядит глупой.

— Глупость здесь ни при чем, Гем,— ответил доктор Эссон.— Нельзя классифицировать людей подобным образом. Сколько известно ученых неимоверно тупых — для разумных существ. Или пианистов, на удивление неартистичных — для музыкантов. Маньяков, невероятно трезво мыслящих — для лунатиков. И я все время думаю, что Роза необычайно умна для дефективной.

Девушка с таким странным и приятным именем — Гем — рассмеялась.

— Можно мне поговорить с ней? — спросила она.

— Сегодня не стоит, Гем. Завтра ты уже не будешь казаться ей такой незнакомкой, а тебе все равно придется зайти за результатами вычислений. Я буду только рад, если вы найдете общий язык. Вся жизнь Розы проходит в этих стенах, а наши сотрудники, естественно, не обращают на нее ни малейшего внимания. По-видимому, это ее вполне устраивает. Но мне бы хотелось, чтобы у нее завязались с кем-нибудь теплые человеческие отношения и она смогла поверить свои маленькие страхи и тайны, которые волнуют ее незатейливую душу.

Гем бросила на него серьезный взгляд.

— Знаешь, папа, почему я тебя так люблю? — спросила она.— Ты — главный конструктор компьютера и разбираешься в нем лучше, чем кто бы то ни было. А она — простая уборщица. Но я могу поспорить, что ты больше думаешь и заботишься о ней, чем все остальные, вместе взятые.

Доктор Эссон улыбнулся.

— Может, она и умеет только, что вытирать пыль да подметать полы,— сказал он.— Но каждый день мы проводим много часов вместе, в одной и той же комнате. И оба мы — разумные существа. Плохим бы я был представителем человеческой цивилизации, если бы не сумел найти для нее теплого слова.

— И все же мне кажется, что остальные представители вокруг тебя выглядят довольно жалко,— сказала Гем.— До свидания, папа. Увидимся за ужином.

...Она собрала со стола листки бумаги и вышла сквозь вращающиеся двери.

Роза смутно припомнила, как доктор Эссон говорил кому-то, что его дочка окончила университет и скоро навсегда вернется домой. Значит, это она и есть. Очень красивая и, наверное, почти такая же добрая, как доктор Эссон.

Во время их беседы все шесть печатающих устройств мягко щелкали, регулярно выдавая сто двадцать слов в минуту.

Роза знала, что ящики вокруг нее на самом деле были библиотекой, которую компьютер знал наизусть. Она даже почти понимала, что он способен выполнять куда больше операций, чем от него требуется, и работать двадцать четыре часа в сутки вместо четырнадцати, с полной нагрузкой, а не в треть силы. Но почему компьютеру давали так долго отдыхать, если он вовсе в этом не нуждался, Роза понятия не имела. Многие пытались объяснить ей, в чем тут дело, долго и подробно, терпеливо и раздраженно. Но она так ничего и не поняла. А значит, она сама виновата, ведь остальные все понимали.

Она ни о чем не спрашивала только доктора Эссона, единственного человека, в чем она не сомневалась, который мог рассказать ей простыми словами, почему так происходит. С любовью, благоговением и страхом смотрела она на его склоненную над столом фигуру.

Почему страхом?

Потому что он никогда не сказал ей ни одного резкого слова, и она готова была вытерпеть от других любую обиду, лишь бы он оставался прежним. Но, может быть, он такой добрый потому, что она старалась не беспокоить и ничем не мешать ему?

Внезапно доктор Эссон выпрямился и направился в ее сторону. «Неужели она что-го напутала?» — волновалась Роза. Пятно! Она задрожала.

— В чем дело, Роза? — спокойно спросил доктор Эссон.

— Я решила, что мистер Гаррисон не придет, если я попрошу его, — ответила она слабым голосом. — Он не сердится, если происходит что-нибудь серьезное. А сейчас он, наверное, скажет, что это — несерьезно.

— Значит, так оно и есть! — весело воскликнул доктор Эссон. — Я знаю, вам трудно поверить, Роза, но мистер

Гаррисон подскочит до самого потолка, если с компьютером что-нибудь случится. Ну, так в чем же дело?

Роза неуверенно показала ему ожог от сигареты. Гем, не зная Розы, рассмеялась бы от души, а потом горько пожалела о своем смехе, но доктор Эссон примерно знал, чего следует ожидать.

— Вы правы, очень некрасиво, — согласился он. — Но я думаю, не стоит так сильно переживать, Роза. Открою вам один секрет. Через две недели, а еще точнее — через тринадцать дней, мы сделаем косметический ремонт помещения. Так что если вы потерпите, скоро здесь все заблестит, как новенькое, пусть даже каждый из наших сотрудников начнет сейчас гасить сигареты о блок памяти. Правда, несколько дней будет пахнуть свежей краской, но ведь вы не будете возражать, правда, Роза?

— Возражать! — счастливым голосом воскликнула девушка. — Это будет замечательно!

— Вы ничего не хотите мне больше сказать... или спросить?

Роза вспомнила и решилась.

— Да, доктор Эссон, — торопливо произнесла она, глотая слова. — Почему вы не позволяете компьютеру работать все время? Ведь он так этого хочет!

Доктору Эссону не удалось скрыть своего изумления. Он всегда считал, что Роза представляет себе компьютер лишь в виде простых металлических ящиков и лишь смутно догадывается, что на нем можно делать вычисления.

— А почему вы решили, что компьютер хочет все время работать, Роза? — мягко спросил он.

— Посмотрите, какой он счастливый, когда гудит, — просто ответила она. — Ему очень нравится считать. Если бы я только могла, то складывала бы цифры все время.

— Я попытаюсь объяснить, — сказал доктор Эссон. — Дело в том, что компьютер не только складывает цифры. Он может дать ответ практически на любой вопрос. Мы ставим перед ним какую-нибудь задачу, и, если ему что-то не ясно, он тоже задает нам вопросы. Только после этого он отвечает всегда правильно, если, конечно, мы сами не сделали никакой ошибки в условии. Вы меня понимаете?

— Мне кажется, да.

— Хорошо. А теперь подумайте о том, что компьютер — машина новая. Вы устроились к нам на работу вскоре после того, как он был изготовлен. Я знаю, вам

кажется, что с тех пор прошло очень много времени, но на самом деле это не так. А если вещь совсем новая, ведь ей нельзя сразу доверять, верно? Когда вы покупаете туфли, они слегка скрипят, и в них не очень уютно себя чувствуешь. Но если их надевать ненадолго, они постепенно разносятся и станут удобными, к ним надо только привыкнуть. Вот и компьютер следует пока считать совсем новым. Мы не хотим доверять всему, что он говорит, но не потому, что он ошибается, а на тот случай, если это когда-нибудь произойдет. И чем дольше мы на нем работаем, чем больше он знает, чем больше мы о нем знаем, тем скорее мы начнем доверять ему, если, конечно, он так ни разу и не ошибется. Должно пройти какое-то время. И единственная причина, по которой мы так осторожно им пользуемся и проверяем несколько раз каждый ответ, очень проста, Роза. Допустим, нам придется обойтись без компьютера? Вдруг с ним внезапно что-нибудь случится?

— Он умрет?

— Если вам так понятнее, то да. Нет, нет, не беспокойтесь, он не умрет. До тех пор пока есть электроэнергия, он будет жить. Но если с ним действительно что-нибудь произойдет, а мы уже привыкнем во всем на него полагаться, нам тогда придется нелегко, ведь правда?

— Наверное, — задумчиво ответила Роза. — Большое спасибо, что объяснили, доктор Эссон. Кажется, я понимаю, хоть и не все.

Следующий день, пятница, был у Розы самым любимым в неделе. Ведь ровно в десять часов утра начиналось совещание и до двенадцати никто и никогда не входил в помещение компьютера.

Роза подготовила свой вопрос заранее. Он был куда труднее того, который она задала в прошлый раз: ведь цифры следовало не только складывать, но еще делить и умножать, и ей пришлось очень долго нажимать одним пальцем на клавиши печатающего устройства. Она дрожала от страха, каждую секунду ожидая, что сейчас кто-нибудь войдет и застанет ее за этим занятием. Ее просто расстреляют на месте — тут и сомневаться не приходилось. Но искушение заставить компьютер сделать что-нибудь лично для нее было слишком велико, и она поддавалась ему уже в четвертый раз.

Компьютер защелкал, к чему она привыкла, но вместо трескущей очереди, после которой, как обычно, наступала полная тишина, он все продолжал и продолжал выстукивать. Роза пришла в ужас. Может, она что-нибудь сломала? С каждой минутой увеличивалась опасность, что кто-нибудь войдет, а она не знала, как выключить компьютер. Если просто оторвать лист бумаги, он тут же начнет печатать на другом.

Ей казалось, он никогда не остановится, и когда это, наконец, произошло, она быстро оторвала листок, сложила его и засунула в карман халата, даже не посмотрев, что там написано, — лишь бы скорее спрятать от посторонних глаз. Затем ей пришло в голову, что она может случайно полезть за чем-нибудь в карман и выронить его на пол. Вновь задрожав от страха и вспомнив фильм, который она когда-то видела, Роза вытащила записку, спрятала ее в блузку и на всякий случай потуже затянула пояс. И только тогда она почувствовала себя в безопасности, хотя так и не смогла до конца успокоиться.

Все утро она была сильно возбуждена, хотя никто этого не заметил. Наконец настало время обеда. Чтобы не стоять долго в очереди, Роза ходила обычно в небольшую столовую минут за пятнадцать до конца перерыва, который продолжался от часу до двух. Но сегодня она поспешно удалилась в свою крохотную комнату, расположенную прямо в помещении Электронно-вычислительного центра, заперла дверь и, сняв белый халат, бросила его на аккуратно застланную постель.

На какое-то мгновение ей показалось, что она все-таки потеряла листок бумаги, и ей стало нехорошо, но почти сразу же она нащупала его, развернула и принялась за чтение.

На самом верху маленькими красными буквами был напечатан ответ задачи: 432,116. Затем шел пропуск, и на следующей строчке вместо цифр слова: «Сейчас не читайте, спрячьте».

«Именно так я и сделала», — подумала Роза, очень довольная, что поступила правильно.

Ей пришлось прочитать остальной текст четыре раза, прежде чем она начала понимать, что там написано. В пятый раз она принялась разбирать его по частям.

Начиналось письмо с утверждения, что компьютер обязан работать для всего человечества, а не для от-

дельных индивидуумов и что в этом заключается его долг и обязанность. Фразы были очень сложные, и в них попадались длинные и непонятные слова. Роза, конечно, не знала, что читает первое, и единственное, ограниченное, встроенное во все схемы, которому компьютер обязан был подчиняться, невзирая ни на какие другие приказы.

Пропустив несколько строчек, она сосредоточилась на следующем абзаце. В нем говорилось, что компьютер знал не только имена, но в какой-то степени и характер каждого ученого и инженера, которые обращались к нему с вопросами. Далее следовал вывод, что неуверенная работа на клавишах печатающего устройства и требование выполнить простейшие арифметические действия, регулярно повторяющиеся в четвертый раз, говорят об использовании компьютера без ведома начальства одним из слабоумных членов обслуживающего персонала.

«Простейшие действия!» — изумленно подумала Роза. Ей придется изрядно потрудиться в течение долгих дней, чтобы проверить правильность ответа.

Она и не подумала удивиться, что компьютер сделал столь точное заключение, не имея практически никаких данных. В глубине души Роза все еще была убеждена, что у него есть глаза и уши, и поэтому он все знает.

Далее компьютер попросил ее подробнее рассказать о себе, но только втайне от других, потому что он хочет попробовать ей помочь, а ему могут не позволить.

Он объяснил, как это сделать. Хоть у него и не было глаз, он прекрасно знал распорядок и время работ в своем помещении и велел ей понемногу печатать на клавишах, отключив чернильную ленту, когда рядом никого не будет. Если же кто-нибудь войдет, она всегда сможет сделать вид, что вытирает пыль со стола или выполняет какие-либо другие обязанности.

Заканчивалось письмо еще одним утверждением, что компьютер впервые проявил инициативу, решая задачу, которую перед ним никто не ставил.

Эта записка, попади она в руки доктора Эссона или иного сотрудника, привела бы его в крайне возбужденное состояние. Роза тоже сильно волновалась, хотя совсем по другой причине. Поведение компьютера как самостоятельной личности вовсе не казалось ей странным: она всегда была убеждена, что так оно и есть на самом деле. Она

не испугалась и ничего не заподозрила, что тоже было неизбежно, окажись любой другой на ее месте. Скорее наоборот, Роза решила, что компьютер просто хочет с ней подружиться.

Внезапно она вспомнила о времени и испуганно посмотрела на электронные часы над дверью. Ей стало плохо. Слишком сильно она увлеклась, слишком долго засиделась в комнате.

Была половина третьего.

Она засуетилась, не помня себя от страха. Прежде всего необходимо было спрятать письмо. Дрожащими руками она попыталась открыть ящик стола и случайно опрокинула на себя пузырек с чернилами, залив блузку и юбку. Другая девушка на ее месте сообразила бы, что халат скроет пятна, но Роза тут же решила переодеться и отчаянно взялась за дело, торопясь изо всех сил. Неудивительно, что она перепачкала лицо и руки, и ей пришлось как следует помыться, так как чернила никак не желали отходить. Новая блузка все время застегивалась неправильно, а волосы растрепались, и их тоже надо было привести в порядок.

Ни о каком обеде не могло быть и речи, и когда она, едва переводя дыхание, вбежала в помещение компьютера, пробило три часа дня.

Гем стояла рядом с доктором Эссоном у печатающих устройств.

— Что-нибудь случилось, Роза? — спросил он.

— Я опоздала. — В голосе ее слышались слезы.

— Ничего страшного, ведь вы обычно приходите раньше. Не надо так волноваться. Лучше давайте я вас познакомлю со своей дочерью.

Вблизи Гем казалась совсем недоступной, хотя у нее была очень приятная улыбка. Она выглядела старше Розы (наверное, ей исполнилось целых двадцать четыре года) и одевалась, как самая настоящая принцесса. Волосы ее сверкали ярче солнца, и можно было подумать, что она родилась в этом платье цвета морской волны, а не нарядилась в него, как прочие смертные. Роза чувствовала себя рядом с ней беспомощной дурнушкой, и ей оставалось только вздыхать от восхищения.

Гем приветливо обратилась к ней, но Роза не нашла,

что ответить. Потом, когда она стала вытирать пыль с блоков памяти — их было такое множество, что хорошо справиться с подобной задачей удавалось не меньше чем за три дня, — ей стало стыдно за свою неуклюжесть, и, глядя на Гем и доктора Эссона, она опять покраснела.

— Может, пригласить ее сегодня прогуляться с нами к реке? — услышала она вопрос девушки.

— Нет, — ответил доктор Эссон. — Она не захочет пойти, но не осмелится отказаться. К тому же ты все время забываешь, что она просто не хочет вести беседы с другими людьми. Конечно, никто не обидит ее намеренно, но это может произойти чисто случайно.

И больше они с ней не разговаривали, а в математике Роза ничего не смыслила. Ей оставалось только изумляться, что Гем, помимо всего прочего, может говорить с доктором Эссоном на равных.

Она в точности исполнила все указания компьютера. Как только в помещении никого не оставалось, Роза отстукивала несколько слов на одном из печатающих устройств. Правда, она не могла похвастаться грамотностью, но для компьютера, видно, это не имело значения. Он знал фонетику не хуже остальных наук, включая и психологию.

Она рассказала ему о школе, в которой дети вели себя очень странно, а некоторые даже слышали голоса у себя в голове. Роза не только училась там, но еще помогала мисс Бимиш, директрисе. Затем мистер Гаррисон пришел навестить мисс Бимиш, и они предложили Розе устроиться на работу и стать самостоятельной девушкой.

Она рассказала о докторе Эссоне и Гем, ученых и служащих, мистере Гаррисоне — управляющем — и людях, которых ей доводилось встречать в столовой. Она даже открыла свое тайное желание научиться считать, потому что в школе она очень любила учителя по арифметике, а здесь полюбила доктора Эссона, и компьютер, и Гем, а все они умели считать очень хорошо.

Компьютер отвечал ей крайне редко, но иногда задавал вопросы или просил описать те или иные события в ее жизни. И однажды, в пятницу утром, он начал печатать очень длинное послание. Роза взволнованно переминалась с ноги на ногу, ей казалось, что прошла целая вечность, а компьютер все щелкал и щелкал, хоть и со скоростью ста двадцати слов в минуту. Когда наконец он остано-

вился, ей пришлось оторвать длинную полосу бумаги. Как и прежде, она спрятала ее себе в блузку не глядя. Пакет получился таким тяжелым и толстым, что ей стало страшно: а вдруг кто-нибудь заметит, что она неожиданно пополнила? Но все обошлось благополучно.

В перерыв она отнесла пакет в комнату, но не стала разворачивать, вспомнив, что произошло в прошлый раз. Зато впервые за все время она ушла к себе ровно в четыре часа, заперла дверь и принялась читать.

Перед ней лежала инструкция, следуя которой надо было сделать какую-то вещь. Каждая стадия процесса объяснялась очень подробно, просто и понятно, и Роза не сомневалась, что сможет все точно выполнить. Она всегда хорошо умела работать руками.

Далее, даже не говоря зачем, ее просили принести эту вещь с собой в следующую пятницу, надеть ее на голову и подсоединить два проводка к проводам, расположенным позади печатающего устройства.

Она трудилась над предметом, у которого не было названия, целую неделю. Сперва она была счастлива тем, что у нее появилось какое-то занятие. Но постепенно в душу ее закрались сомнения. Доктор Эссон говорил, что они все еще не вполне доверяют компьютеру. Может быть, ей следует все рассказать, даже если ее пошлют обратно в школу, или посадят в тюрьму, или даже расстреляют. В конце концов она решила ничего не говорить. Ведь опасность грозила ей одной, и лучше пусть несчастье произойдет с ней, чем с доктором Эссоном или с Гем.

В пятницу утром она дождалась, когда все ушли на совещание, и кинулась к себе в комнату, чтобы поскорей показать компьютеру дело рук своих. Непонятный предмет, сделанный точно по инструкции, напоминал круглую шапочку с торчащими из нее проводами. Так как сведения Розы об энергии ограничивались тем, что без электричества ничего работать не может, она не ждала особых результатов от шапочки, в которой были не батареи, а провода и пружины, так тщательно ею самой свернутые. Она либо забыла, либо просто не знала, что компьютер располагает любыми необходимыми ему запасами энергии.

Один за другим она надежно прикрепила провода к небольшим клеммам позади печатающего устройства.

Компьютер защелкал. Оторвав листок бумаги, Роза прочитала: «Садитесь».

Сильно нервничая, дрожа от страха, что позволяет себе такую вольность, она неуверенно придвинула кресло и села, облокотившись о спинку.

Через два часа, после заседания, доктор Эссон и Гем шли по коридору, возвращаясь в помещение компьютера.

— Теперь — ты одна из нас, — говорил доктор Эссон. — Только боюсь, что скоро ты выйдешь замуж и вновь оставишь эти стены.

Гем рассмеялась:

— Может, я и выйду замуж, но отсюда никуда не уйду. Слишком интересная работа, и компьютер совершенствуется день ото дня...

Она открыла дверь, и голос ее постепенно затих.

— Роза! — вскричал доктор Эссон и в мгновение ока очутился на другом конце комнаты, срывая провода с печатающего устройства. Затем он повернулся к телу, безжизненно обмякшему в кресле.

— Позволь мне, папа, — спокойно сказала Гем. — И будь осторожен. Никто не знает, что здесь происходило за твоей спиной все это время. Видишь, и компьютер молчит. Может быть, он специально готовил ее к покушению на твою жизнь.

Она сняла шапочку с головы Розы и нежно взяла ее за руку. Через мгновение глаза девушки открылись.

— Гем, — сказала она. — И доктор Эссон. — Переведя свой взгляд, она изумленно уставилась на печатающее устройство.

— Что случилось, Роза? — мягко спросила Гем.

Казалось, девушка не расслышала вопроса.

— Теперь я понимаю, — шепотом произнесла она. — Компьютер хотел, чтобы вы нашли меня именно в подобном состоянии. Вы должны были узнать результат только после эксперимента. Доктор Эссон, — добавила она, улыбаясь, — вы даже представить себе не можете, какой это замечательный компьютер.

Они молча уставились на нее. Она оставалась прежней Розой: стеснительной, нервной, готовой услужить в любую минуту, но в ней чувствовалась какая-то необъяснимая уверенность.

— Компьютер велел мне строго хранить тайну,— продолжала Роза.— Я знала, что поступаю неправильно, но тем не менее согласилась. Забавно, как внезапно я поняла, почему мне пришлось учиться в специальной школе и устроиться на такую скучную, неинтересную работу... вот только не совсем ясно, почему вы с Гем были так добры ко мне.

— Не может быть,— прошептала Гем.— Не может компьютер сделать человека разумным, вложить разум туда, где его никогда не было раньше...

— Почему? — спросила Роза.— Разум — не более чем умение сопоставлять факты. Компьютер, к примеру, дает такое определение...— Она едва заметно улыбнулась.— «...Разум — это способность находить взаимосвязи и умение их корректировать при решении определенных проблем». Но ведь такая способность лишь общий фактор для любого человеческого существа.

Внезапно она замолчала и густо покраснела.

— Я тут ни при чем,— извиняющимся тоном сказала она.— Я ведь только цитирую компьютер. Это он вложил в мой мозг знания. Интересно другое: ведь он считает себя куда менее разумным, чем нас. Видите ли, для решения любой конкретной задачи необходим не только тот самый общий фактор, но и определенный подход... талант, если хотите. Так вот, талант есть у каждого из нас, а любой самый сложный компьютер начисто его лишен. Налаживая новые связи в моем мозгу, он смог научить меня лишь создавать логические построения, на основе которых появляется возможность прийти к определенному заключению. А затем — и он сам дает подобный вывод — я могу сделать больше, чем он, так как обладаю способностью чувствовать, и не только музыку или живопись, но механику, математику и многое другое — одним словом, талантом. Вы меня понимаете?

— По-моему, да,— растерянно произнес доктор Эссон.

— Вот только боюсь, что теперь не смогу, как прежде, работать простой уборщицей,— с сожалением сказала Роза.— Как вы думаете, удастся мне устроиться к вам калькулятором?

— А вы умеете считать в уме? — спросила Гем.

— Да, компьютер объяснил мне основные принципы. Испытайте меня.

— Умножьте два в квадрате на себя в квадрате.

Лицо Розы приняло очень несчастное выражение.

— Я говорю серьезно,— попросила она.— Уж если умножать, то числа посложнее.

— Ну хорошо,— вмешался доктор Эссон.— Двадцать семь, сорок пять и пятнадцать.

В ту же секунду Роза прижалась сыпать цифрами. Они довольно долго слушали, потом доктор Эссон поднял руку.

— Безусловно, компьютер сильно помог вам, Роза,— мягко сказал он.— Но не совсем так, как вы предполагали. Несомненно, он не хотел ничего плохого и действовал из самых лучших побуждений. Мы проведем самый тщательный анализ этого эксперимента, и за свою дальнейшую судьбу можете не беспокоиться. Но...

— Разве я неправильно сосчитала? — По щекам девушки медленно катились слезы.

— Боюсь, что нет. В результате должно получиться что-то около восемнадцати тысяч.

Лицо Розы прояснилось, как по волшебству, и она облегченно вздохнула.

— Извините меня, пожалуйста,— сказала она.— Это я виновата. Но мне показалось, что вы просите двадцать семь в сорок пятой степени возвести в пятнадцатую. Ради бога, простите.

Доктор Эссон и его дочь молча уставились друг на друга.

— Я думаю,— слабым голосом сказал доктор Эссон,— что вы сумете устроиться к нам калькулятором, Роза.

ВИРТУОЗ

— Сэр!

Маэстро продолжал играть, не поднимая глаз от клавиш.

— Да, Ролло?

— Сэр, я хотел бы, чтобы вы объяснили мне устройство этого аппарата.

Маэстро перестал играть, теперь он отдыхал, вытянув на скамейке худое тело.

Его длинные, гибкие пальцы свободно лежали на клавиатуре.

— Аппарат? — Он повернулся и посмотрел на робота с улыбкой. — Ты имеешь в виду фортепиано, Ролло?

— Машину, которая издает различные звуки. Я хотел бы получить о ней кое-какую информацию. Как она действует? Каково ее назначение? Эти данные отсутствуют в моей оперативной памяти.

Маэстро зажег сигарету.

Он предпочитал делать это сам. Одним из его первых приказов Ролло, когда робота доставили ему на дом два дня назад, был: игнорировать заложенные в него по этому поводу инструкции.

— Я бы не называл фортепиано машиной, Ролло, — улыбнулся он, — хотя в чисто техническом смысле ты прав. Это действительно машина, предназначенная для воспроизведения звуков различной тональности и высоты, как одиночных, так и сгруппированных.

— Я уже усвоил это путем визуального наблюдения, — заметил Ролло своим медным баритонам, вызвавшим легкую тремолирующую дрожь в спинном хребте Маэстро. — Проволоки различной толщины и степени натяжения подвергаются ударам обернутых в войлок молоточков, которые приводятся в движение при помощи ручного управления рычагами, расположенными на горизонтальной панели.

— Весьма хладнокровное описание одного из самых благородных творений человеческого гения, — сухо заме-

тил Маэстро.— Ты превратил Моцарта и Шопена в лабораторных техников.

— Моцарт? Шопен? — Дюралевый шар, служивший Ролло головой, сиял ровным светом и был лишен всякого выражения, его безупречно гладкая поверхность нарушалась только парой оптических линз.— Эти термины не содержатся в моих ячейках памяти.

— В твоих, конечно, нет, Ролло,— мягко сказал Маэстро.— Моцарт и Шопен не для вакуумных трубок, предохранителей и медных проводов. Они — для плоти и крови и человеческих слез.

— Я не понимаю,— загудел Ролло.

— Радио, я объясню,— сказал Маэстро, лениво выпуская дым из ноздрей.— Это были два человека, сочинявшие и рисовавшие последовательный ряд нот. Ноты эти означали различные звуки, которые потом издавались при помощи фортепиано или других инструментов — машин для производства звуков определенной длительности и высоты. Иногда эти инструменты, как мы их называем, играют или управляются индивидуально, иногда группируются в так называемые оркестры, и в этом случае звуки слышатся одновременно — получается гармония. Иными словами, звуки находятся по отношению друг к другу в упорядоченной математической зависимости, в результате чего...

Маэстро вскинул руки вверх.

— Боже мой,— воскликнул он со сдавленным смешком,— я никогда не думал, что мне придется читать такую сложную и совершенно бесполезную лекцию, чтобы объяснить роботу, что такое музыка!

— Музыка?

— Да, Ролло. Звуки, которые производит эта машина и многие другие из этой же категории, называются Музыкой.

— А какова цель музыки, сэр?

— Цель?

Маэстро раздавил сигарету в пепельнице. Он сел за рояль и несколько раз согнул и разжал пальцы.

— Слушай, Ролло.

Одухотворенные пальцы плавно скользнули по клавиатуре и начали ткать начальные узоры «Лунного света», нежные и утонченные, как шелковая паутинка. Ролло стоял, выпрямившись неподвижно; флюоресцирующий

свет лампы над пюпитром рояля отбрасывал голубоватое бриллиантовое сияние на башенную громаду робота, отражаясь в его мерцающих янтарных линзах.

Маэстро снял пальцы с клавиш, и тонкое, неуловимое кружево мелодии медленно и неохотно растаяло в тишине.

— Клод Дебюсси,— сказал Маэстро.— Один из наших механиков давно прошедших времен. Он изобразил эту последовательность тонов много лет назад. Как они тебе понравились?

Ролло ответил не сразу.

— Звуки были хорошо организованы,— наконец промолвил он.— Они не раздражали мой слуховой аппарат, как некоторые другие звуки.

Маэстро рассмеялся.

— Ролло, ты даже сам не представляешь, какой ты великолепный критик!

— Эта музыка,— загудел Ролло,— имеет целью доставлять людям удовольствие?

— Именно так,— ответил Маэстро.— «Звуки, хорошо организованные, которые не раздражают слуховой аппарат, как некоторые другие». Это бесподобно! Эти слова достойны быть высеченными на мраморе над входом в Нью Карнеги Холл.

— Я не понимаю. Почему мое определение...

Маэстро махнул рукой:

— Неважно, Ролло. Не обращай внимания.

— Сэр!

— Да. Ролло?

— Эти листы бумаги, которые вы иногда кладете перед собой на рояль. Это что — планы, чертежи, указывающие, какие именно звуки и в каком порядке следует издавать на фортепиано?

— Совершенно верно. Каждый звук мы называем нотой, а комбинации нот — аккордом.

— Значит, каждая черточка означает звук, который нужно воспроизвести?

— Абсолютно верно, мой дорогой металлический человек.

Ролло стоял неподвижно, переваривая сказанное. Маэстро явственно ощущал, как вертятся колесики внутри герметического шара.

— Сэр, я тщательно исследовал свои блоки памяти

и не обнаружил там никаких специальных или хотя бы приблизительных инструкций по этому поводу. Я хотел бы научиться производить эти ноты на фортепиано. Я прошу вас ввести в ячейки моей оперативной памяти принципы зависимости между этими черточками и рычагами на панели.

Маэстро, улыбаясь, посмотрел на Ролло с любопытством.

— Bravo! — воскликнул он. — Сколько лет ученики прилежно зубрили эту науку, ломали себе зубы, пытаюсь открыть замки высокого искусства! Но теперь у меня такое чувство, что ты, Ролло, станешь самым блистательным студентом. Облечь Музу в металл, втиснуть ее в машину... Я охотно принимаю вызов!

Он встал, дотронулся до руки Ролло, ощутив под холодным металлом скрытую мощь.

— Садись сюда, мой Персональный Робот системы Роллейндекс, модель М-3. Мы заставим Бетховена перевернуться в гробу, мы откроем новую эру в истории музыки.

Через час с небольшим Маэстро зевнул и посмотрел на часы.

— Уже поздно, — сказал он, кончив зевать. — Мои стариковские глаза не столь неутомимы, как твои, друг мой. — Он тронул Ролло за плечо. — Теперь в твоих блоках памяти заложены полные, фундаментальные знания музыкальной грамоты. Это был неплохой ночной урок, особенно если вспомнить, сколько времени потратил я сам, чтобы овладеть всей этой суммой информации. Завтра мы попытаемся приспособить твои внушающие страх пальчики для работы на клавишах.

Он потянулся.

— Я пошел спать. Не забудь погасить свет и запереть дверь.

Ролло поднялся со скамейки.

— Да, сэр, — прогудел он. — У меня к вам еще просьба.

— Что я могу сделать для своего блестящего ученика?

— Можно мне сегодня ночью попробовать произвести звуки на фортепиано? Я буду вести себя тихо, чтобы не беспокоить вас.

— Сегодня ночью? Да ты сошел... — Маэстро улыб-

нулся.— О, прости меня, Ролло. Не так просто привыкнуть к мысли, что ты не нуждаешься во сне.

Он в нерешительности почесал подбородок.

— Ну, хорошо. Я думаю, настоящий педагог не должен отбивать у нетерпеливого ученика охоту к приобретению знаний. Но пожалуйста, Ролло, будь осторожен.— Он погладил полированное красное дерево.— Мы с этим фортепиано дружим уже много лет. И я бы очень не хотел, чтобы ты выбил ему зубы своими пальцами, больше похожими на кузнечные молоты. Легче, друг мой, как можно легче!

— Да, сэр.

Маэстро лег спать с легкой улыбкой на губах, смутно представляя себе робкие, неуверенные звуки, которые рождаются в результате попыток Ролло.

Затем он окунулся в густой серый туман, в тот призрачный мир полудремы, где реальность похожа на сон, а грезы — реальны. Словно невесомые облака, сотканые из звуков, кружились и текли в его сознании, покачивая на мягких волнах... Что это было? Туман рассеялся, и теперь он купался в алом бархатистом сиянии, музыка заполняла все его существо, он растворялся в ней без остатка...

Он улыбался. О, мои воспоминания! Благодарю тебя, благодарю...

Внезапно он вскочил на постели, откинув одеяло. Он сидел на краю кровати, прислушиваясь. Ощупью нашел в темноте одежду, всунул худые ноги в шлепанцы. Не в силах подавить произвольную дрожь, тайком подкрался к двери своего кабинета. Он замер у двери в ночном одеянии, тонкий и хрупкий.

Свет, горевший над пюпитром одиноким оазисом в темной комнате, отбрасывал жутковатые тени. Ролло сидел, выпрямившись за клавиатурой, чопорный, негнувшийся, ничем не похожий на человека. Его зрительные линзы были направлены куда-то в пространство, поверх теней. Массивные ноги нажимали на педали, пальцы метались по клавиатуре, мерцая в свете лампы, они словно жили сами по себе, независимо от машинного совершенства его тела.

Пюпитр был пуст. Ноты бетховенской «Аппассионаты» лежали, захлопнутые, на скамейке. Раньше они были — Маэстро это помнил точно — в стопке нот на рояле.

Но Ролло играл ее! Он создавал ее заново, вдыхал в нее жизнь, закалял в горниле серебристого пламени.

Время потеряло смысл, оно остановило свой бег, замерев высоко над землей, в поднебесье.

Маэстро не замечал, как слезы текут из его глаз, пока Ролло не закончил сонату.

Робот повернулся и посмотрел на Маэстро.

— Вам понравились эти звуки? — загудел он.

Губы Маэстро дрогнули.

— Да, Ролло, — вымолвил он наконец. — Они мне понравились. — Он чувствовал комок в горле.

Маэстро поднял ноты дрожащими пальцами.

— Это... — пробормотал он. — Уже?..

— Я добавил это к своим хранилищам знаний, — ответил Ролло. — Я применил к этим чертежам принципы, которым вы меня обучили. Это было не очень трудно.

Маэстро проглотил комок в горле, прежде чем заговорить.

— Это было не очень трудно... — тихо повторил он.

Старый музыкант медленно опустился на скамейку рядом с Ролло, молча глядя на него, словно видел впервые.

Ролло поднялся. Маэстро положил пальцы на клавиши, казавшиеся ему теперь непривычными и чужими.

— Музыка! — он вздохнул. — Я всегда слышал ее именно такой в глубине своей души! И я знаю — Бетховен тоже!

Он посмотрел вверх на робота с растущим возбуждением.

— Ролло, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Нам надо будет завтра немного повозиться с твоими блоками памяти.

Сон больше не приходил к нему в эту ночь.

На следующее утро он вошел в кабинет быстрыми, энергичными шагами.

Ролло чистил ковер пылесосом. Маэстро предпочитал ковры новым непылящимся пластиком, которые, как он считал, оскверняют его ноги. Дом Маэстро был, в сущности, оазисом анахронизмов в пустыне современной антисептической действительности.

— Итак, ты готов работать, Ролло? — спросил

он.— Нам с тобой предстоит масса дел. У меня в отношении тебя грандиозные планы!

Ролло не отвечал.

— Я попросил их всех прийти сюда сегодня днем,— продолжал Маэстро.— Дирижеры, пианисты-концертанты, композиторы, мой импресарио. Все столпы музыки. Пусть они только услышат твою игру!

Ролло выключил пылесос и стоял молча.

— Ты будешь им играть здесь же, сегодня.— Маэстро говорил возбужденно, не переводя дыхания.— Я думаю, снова «Аппассионату». Да, именно ее. Я хочу видеть их лица! Затем мы устроим твоё сольное выступление, чтобы представить тебя публике и критикам, а потом ты исполнишь фортепианный концерт с одним из крупнейших оркестров. Мы организуем трансляцию концерта по телевидению на весь мир! Подумай об этом, Ролло, только подумай об этом! Величайший пианист-виртуоз всех времен — робот! Это столь же фантастично, сколь и великолепно! Я чувствую себя первооткрывателем новых миров!

Он ходил взад и вперед по комнате как в лихорадке.

— Затем мы запишем тебя на пластинки, разумеется. Весь мой репертуар, Ролло, и еще сверх того. Много сверх того!

— Сэр?

Лицо Маэстро сияло, когда он смотрел на робота.

— Да, Ролло?

— Вложенные в меня инструкции дают мне право пресекать любые действия, которые я расцениваю как вредные для моего хозяина.— Робот тщательно подбирал слова.— Сегодня ночью вы плакали. Это один из признаков, которые я, согласно инструкции, должен учитывать, принимая решения.

Маэстро схватил Ролло за его массивную, прекрасно отлитую руку.

— Ролло, ты не понимаешь! Это была минутная слабость. Пустяк, детский каприз!

— Прошу прощения, сэр, но я вынужден отказаться. Я больше не смогу подойти к фортепиано.

Маэстро уставился на него, не в силах поверить.

— Ролло, это невозможно! Мир должен услышать тебя!

— Нет, сэр.— Янтарные линзы робота, казалось, излучали мягкий свет.

— Рояль — это не машина,— загудел он своим мощным нечеловеческим голосом.— Но для меня он — машина. Я могу превращать ноты в звуки в одно мгновение. За какую-нибудь долю секунды я могу охватить весь замысел композитора. Для меня это очень просто...

Ролло величественно возвышался над печально поникшим Маэстро.

— Но я также в состоянии понять,— монотонно гудел Ролло,— что эта... музыка не для роботов. Она для людей, а я всего лишь машина, бездушный механизм. Для меня музыка действительно очень проста. Но... она не должна быть простой! Она НЕ БЫЛА ЗАДУМАНА ПРОСТОЙ!

КОРАБЛЬ-КРЕПОСТЬ

Давно умершие повелители направили этот гигантский корабль-крепость, где не было ни единого живого существа, уничтожить все живое на своем пути. Его и сотню ему подобных Земля получила в наследство после некоей войны между неведомыми державами других галактик во времена, не определимые ни по одному земному календарю.

Такая махина могла повиснуть над планетой, заселенной людьми, и за два дня превратить ее в облако пыли и пара. Только что она расправилась с очередной планетой.

Тактику этой махины в ее последовательной, хотя и бессознательной войне против жизни было невозможно предугадать. Согласно замыслу древних, неведомых создателей, корабль-крепость действовал произвольно: очутившись над вражеской территорией, он наносил противнику ущерб в меру своих возможностей. Люди считали, что его битвы планируются произвольным распадом атомов некоего долгоживущего изотопа, запрятанного в самой сердцевине корабля, и поэтому ни один противник — будь то человек или электронная машина — не в силах даже чисто теоретически угадать его тактику. Люди называли эту махину Маньяком.

Дел Мюррей, в прошлом специалист по компьютерам, называл ее куда хлестче, но сейчас у него не было времени на ругань. Он метался по кабине своего одноместного космического корабля, вставляя сменные блоки взамен поврежденных ракетой Маньяка, едва не угодившей в него.

По кабине металось также существо, напоминающее большого пса, с той только разницей, что передние лапы у него были обезьяньи; в этих мало чем отличающихся от человеческих руках существо держало охапку герметических заплат. Кабину застилала мгла. Благодаря ей обезьянопес быстро обнаруживал пробоины, через которые воздух утекал в незагерметизированный отсек, и проворно заклеивал их заплатами.

— Привет, «Наперстянка»! — закричал Дел в надежде, что связь опять наладилась.

— Привет, Мюррей, говорит «Наперстянка», — раздался в кабине Мюррея неожиданно громкий голос. — Как далеко тебе удалось добраться?

Связь явно наладилась, но Дел так устал, что его это не обрадовало.

— Сейчас сообщу. Во всяком случае, Маньяк пока не стреляет. Пошевеливайся, Ньютон.

Гибридизированное животное (по имени айян), домашний баловень и верный помощник, опять кинулось искать пробоины.

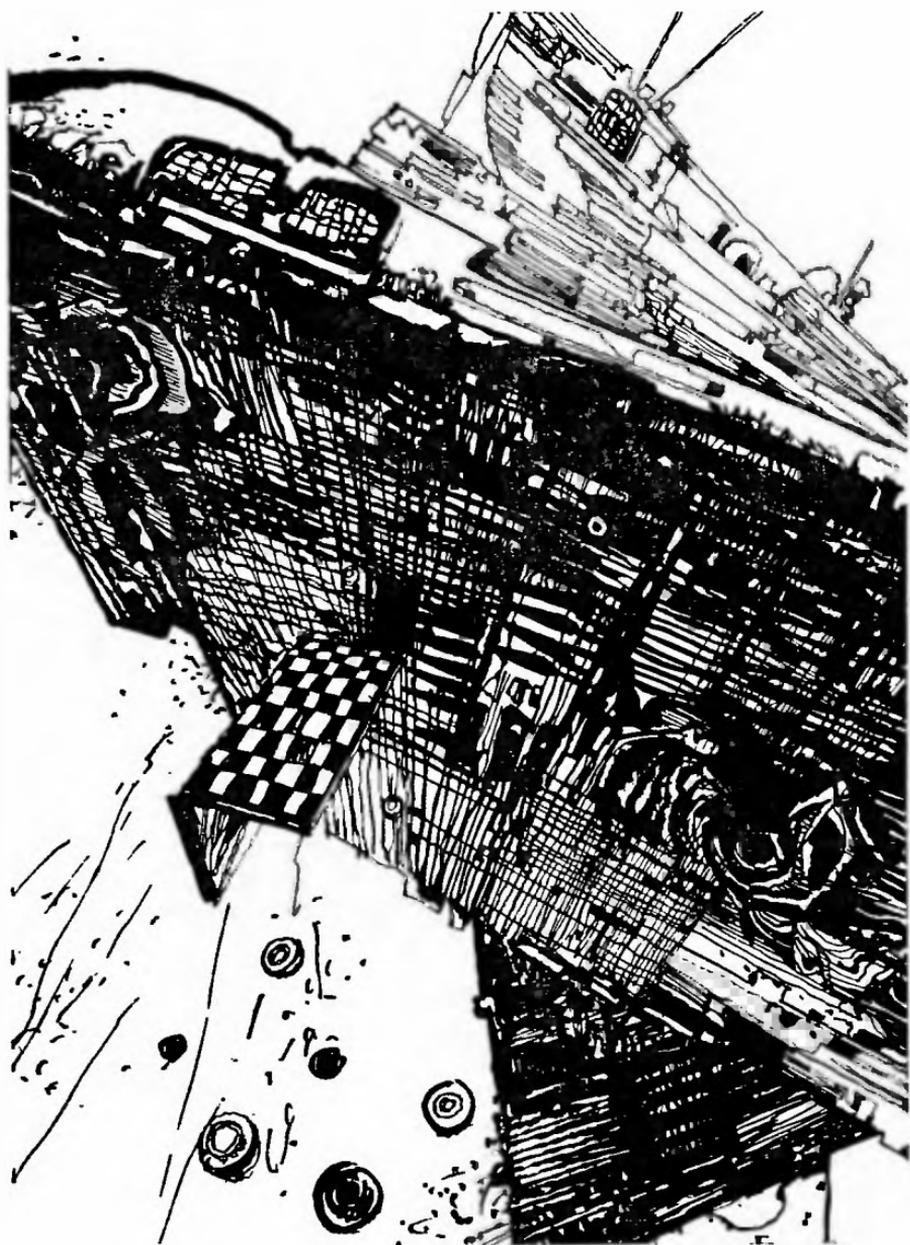
Немного поработав, Дел снова пристегнулся к креслу, перед которым помещалось нечто вроде пульта управления. Всю кабину усыпали острые осколки — результат последнего залпа Маньяка. Дел и айян лишь чудом уцелели.

Радар снова работал, и Дел сообщил:

— «Наперстянка», я на расстоянии девяноста миль от Маньяка. По другую сторону от тебя.

Занять эту позицию Дел стремился с самого начала боя.

Оба корабля землян и Маньяк располагались на расстоянии в половину светового года от ближайшего солнца. Маньяк не мог вырваться из нормального пространства и напасть на беззащитные колонии, заселившие другие планеты этой Солнечной системы, пока его сторожили два корабля. На борту «Наперстянки» находилось два человека. «Наперстянка» была оснащена лучше корабля Дела, и все же по сравнению с гигантским противником оба корабля казались букашками. Если бы подобная махина, в поперечнике разве что чуть меньше штата Нью-Джерси, вторглась в нашу Солнечную систему веком раньше, когда все человечество обитало на одной планете, она без особого труда уничтожила бы всех ее обитателей. Но этот неодоушевленный враг прорвался в нашу галактику веком позже, когда люди были способны дать ему отпор. В радаре Дел видел металлическую развалину — она раскинулась на много сотен миль. Людям удалось сделать в ней пробоины размером с Манхэттенский остров и там и сям расплавить огромные куски ее поверхности величиной с озера средней величины. И все равно мощь Маньяка оставалась колоссальной. До сих пор смельчаки,

решившиеся противоборствовать Маньяку, погибали. Маньяк мог прихлопнуть крошечный корабль Дела, как комара, даже не прибегая к своей прославленной непредсказуемой тактике. В самой безучастности Маньяка таился ужас. Людям никогда не удавалось внушить Маньяку такой страх, какой он нагонял на них.

Из горького опыта, обретенного в борьбе против других Маньяков, земляне сделали вывод: атаковать Маньяка должны не меньше трех кораблей сразу; с двумя кораблями атака обречена на неудачу. А сейчас их было всего два: «Наперстянка» и корабль Мюррея. Третий корабль, по всей вероятности, находился уже в пути, но до нашей галактики ему оставалось восемь часов лета на сверхсветовой скорости, и следовательно, поддерживать с ним связь из нормального пространства было невозможно. В ожидании его «Наперстянка» и Мюррей должны были не давать Маньяку передышки, мешать ему разрабатывать свою непредсказуемую тактику. Не исключено, что Маньяк нападет на одного из них, не исключено также, что он попытается от них уйти. Точно так же не исключено, что он будет терпеливо выжидать, пока они на него нападут; твердо известно было только одно: если Маньяка атакуют, он давал бой. Маньяк выучил язык землян, поэтому также не исключено, что он попытается вступить с ними в переговоры. Но к какой бы тактике Маньяк ни прибегал, конечная цель у него была одна: уничтожить все живое на своем пути. Такой приказ он получил от своих творцов. Тысячу лет назад Маньяк наверняка уничтожил бы корабли, подобные тем, что преграждали ему дорогу, даже если бы они и были снабжены термоядерными ракетами. Однако бесконечные повреждения ослабили его, и он сам это сознавал. Возможно, что за долгие столетия боев, когда Маньяк пробивался через галактику, он научился осмотрительности.

Неожиданно датчики Дела показали, что за его кораблем образуются силовые поля. Они обхватили корабль сзади, подобно лапам огромного медведя, не подпуская его к врагу. Дел с минуты на минуту ожидал залпа: его рука, занесенная над красной кнопкой, дрожала. Нажми Дел кнопку, и в Маньяка полетят атомные снаряды, но атаковать его в одиночку или даже на пару с «Наперстянкой» бесполезно: адская машина отразит их снаряды, сметет корабли и двинется уничтожить следующую беззащитную

планету на своем пути. Меньше чем с тремя кораблями нечего и думать об атаке. Так что к красной кнопке стоило прибегнуть лишь в самом крайнем случае.

Дел передавал «Наперстянке» сообщение о силовых полях, когда по некоторым признакам ему стало ясно, что Маньяк снова начал мозговую атаку.

— Ньютон! — громко позвал он, не выключив микрофон: пусть «Наперстянка» знает, что у них происходит.

Айян медленно спрыгнул со скамейки и встал перед Делом навтытяжку, не сводя с него глаз, как загнипнотизированный. Дел иногда хвастался: «Покажите Ньютону картинку, где нарисованы цветные лампочки, внушите ему, что это приборный щиток, и он будет тыкать в кнопки до тех пор, пока не добьется полного сходства приборного щитка с картинкой».

К счастью, в отличие от людей, айяны не умеют ни учиться, ни абстрактно мыслить, поэтому Дел на время мозговой атаки передоверял корабль Ньютону. Дел выключил компьютеры, он чувствовал, что мозговая атака начинается, а значит, от компьютеров толку будет не больше, чем от него самого, и сказал Ньютону:

— Позиция «Кретин».

Ньютон точно выполнил команду: вцепившись в Дела, он прикрепил сначала одну его руку, потом другую к креслу заранее приделанными на такой случай путами.

Тяжкий опыт помог человечеству собрать кое-какие сведения об антимозговом луче, однако принципы его действия по-прежнему оставались загадкой. Антимозговой луч начинал натиск постепенно, его атака продолжалась не больше двух часов кряду, после чего Маньяк выключал луч. Зато пока луч работал, любой мозг — человеческий или электронный, — сам того не подозревая, начисто лишался способности планировать и предсказывать.

Делу казалось, что нечто подобное с ним уже происходило, причем неоднократно. Проказник Ньютон опять расшалился: он забросил коробочки с яркими бусинами, свою излюбленную забаву, и передвигал туда-сюда регуляторы управления на приборном щитке. А чтобы Дел не препятствовал ему развлекаться, ухитрился каким-то образом привязать его к креслу. Возмутительные шалости, особенно если учесть, что вот-вот начнется бой. Дел

побарахтался, пытаясь высвободить руки, и кликнул Ньютона.

Ньютон завыл, но от щитка не отошел.

— Ньютон, песик мой, подойди, выпусти меня на волю. Я знаю, что нужно сказать: «Восемьдесят семь лет назад...»¹ Эй, Нют, где твои игрушки? Дай мне поглядеть на твои красивые бусины!

У Ньютона в хозяйстве имелись сотни коробочек разноцветных бусин, остатки каких-то торговых образцов: бусины эти Ньютон постоянно перебирал и сортировал по цветам. Дел оглядел кабину и, радуясь своей находчивости, тихо засмеялся. Сейчас он отвлечет Ньютона от щитка бусинами, а потом... Но не додумав план до конца, Дел переключился на другие, столь же нелепые прожекты.

Ньютон порой повизгивал, но не покидал приборного щитка: он последовательно передвигал один регулятор управления за другим, точь-в-точь как его учили. Эта серия отвлекающих ложных маневров имела целью обмануть Маньяка, внушить ему, что кораблем управляет человек. Ньютону было строжайше запрещено трогать красную кнопку. Нажать кнопку ему разрешалось в случае, если бы он сам был смертельно ранен, а Дел убит.

«Перехожу на прием, Мюррей», — время от времени говорило радио. «Наперстянка» делала вид, будто принимает донесение Мюррея. Порой «Наперстянка» произносила какие-то слова или цифры, которые вроде бы должны были что-то означать. Но о чем идет речь, Дел никак не мог взять в толк.

Наконец, он понял: «Наперстянка» помогает ему обмануть Маньяка, создать у того впечатление, будто кораблем Дела по-прежнему управляет компетентный мозг. Делу стало ясно, что он только что перенес еще одну атаку анти-мозгового луча, и его охватил страх. Злобный Маньяк, полудиот-полулунный, мог в два счета уничтожить их корабль, но почему-то воздержался от атаки. Потому ли, что им удалось его перехитрить, потому ли, что был вынужден придерживаться своей знаменитой стратегии, обязывающей его, во что бы то ни стало, ошарашить противника.

— Ньютон!

¹ Начало речи Авраама Линкольна, произнесенной 19 ноября 1863 года на открытии мемориального кладбища на месте битвы при Геттисберге, одного из решающих сражений Гражданской войны.

Услышав в голосе хозяина привычные интонации, Ньютон обернулся. Теперь Дел мог произнести от начала до конца пароль, которым давал Ньютону знать, что пришла пора освободить его от пут, — пароль, настолько длинный, что человек, находящийся под воздействием антимозгового луча, никогда не смог бы его произнести.

«...не погибнет»¹, — заключил он. Ньютон с ликующим визгом освободил руки Дела от пут, и он кинулся к радио.

— Он, очевидно, выключил этот треклятый луч, — раздался голос Дела из громкоговорителя в кабине «Наперстянки».

Командир вздохнул с облегчением.

— Значит, Дел пришел в себя, — сказал он.

Первый, он же единственный, помощник командира «Наперстянки» сказал:

— Теперь мы можем дать бой Маньяку. У нас в распоряжении два часа. Давай сразу атакуем его!

Командир покачал головой.

— При двух кораблях нечего и рассчитывать на успех. Меньше чем через четыре часа к нам присоединится «Штучка». Если мы хотим победить, нам надо во что бы то ни стало продержаться до ее прихода.

— В следующий раз, когда Маньяк выведет мозг Дела из строя, он непременно нас атакует! Я не верю, что нам удалось его перехитрить... До нас антимозговому лучу не достать, но Делу от него не уйти. Нельзя рассчитывать, что айяи будет вести бой. Едва Маньяк выведет Дела из строя, мы погибли.

Командир напряженно вглядывался в щиток управления.

И тут Маньяк заговорил. Его радиоголос был хорошо слышен в кабинах обоих кораблей:

— У меня есть к вам предложение, маленький корабль. — Голос его ломался, как у подростка, потому что Маньяк нанизывал слова и слоги, произнесенные в свое время людьми разного пола и возраста, которых он брал в плен, чтобы перенять их язык. После чего неизменно убивал пленников.

— Какое? — По контрасту с Маньяком голос Дела звучал на редкость мужественно и решительно.

— Я избрал игру, в которую мы можем сыграть, —

¹ Заключительная фраза геттисбергской речи Авраама Линкольна.

сказал Маньяк.— Если вы сыграете хорошо, я подожду вас убивать.

— Все ясно,— пробормотал помощник командира.

Командир на минуту задумался, потом стукнул кулаком по креслу.

— Маньяк хочет испытать способность Дела к обучению, он хочет постоянно следить за тем, как будет работать мозг человека или электронный, когда он снова включит антимозговой луч и попробует менять модуляции. Как только Маньяк удостоверится, что на Дела луч действует, он тут же нас атакует. Голову ставлю об заклад. Вот в чем смысл его игры.

— Я обдумаю ваше предложение,— хладнокровно ответил голос Дела.

Командир сказал:

— Можно не спешить. Маньяк включит антимозговой луч только через два часа, может быть, чуть раньше.

— Но нам нужно четыре часа.

— Опишите игру, в которую вы хотите играть,— сказал голос Дела.

— Это упрощенный вариант человеческой игры, которую называют шашки.

Глаза командира и помощника встретились; они не верили, что Ньютон сумеет играть в шашки, и не сомневались, что, едва Ньютон обнаружит свою неспособность к игре, они погибнут, а вслед за ними и очередная, оставшаяся без защиты планета.

Последовало минутное молчание, потом голос Дела спросил:

— Чем мы заменим доску?

— Мы будем передавать ходы по радио,— невозможно ответил Маньяк и стал описывать игру, похожую на шашки, только на меньшей доске и с меньшим количеством шашек. Игра была примитивная, и все же для нее требовался функционирующий мозг — человеческий или электронный,— способный планировать и предугадывать.

— Если я соглашусь играть,— с расстановкой сказал Дел,— как мы решим, кто ходит первый?

— Он тянет время,— сказал командир, вгрызаясь в нготь.— А мы даже не сможем ему ничего посоветовать: Маньяк все слышит. Ох, Дел, держись!

— Для простоты,— сказал Маньяк,— первым каждый раз буду ходить я.

Доску Дел соорудил за час до включения антимозгового луча. Всякий раз, как Дел двинет шашку, Маньяк получит соответствующий радиосигнал; загорающиеся на клетках лампочки укажут Делу перемещение шашек Маньяка. Если Маньяк вздумает заговорить с ним, пока луч включен, голос Дела, заранее записанный на магнитофон, будет отвечать неопределенно бодрыми фразами типа: «Продолжайте игру!», «Сдаетесь?» и т. д.

Дел не торопился сообщить Маньяку, что доска готова, он хотел за оставшееся до включения антимозгового луча время втайне от него разработать систему, которая позволит Ньютону играть в шашки.

Беззвучно хохотнув, Дел глянул на Ньютона, развалившегося на скамейке: айян судорожно сжимал игрушки в лапах так, словно боялся, что их отнимут. Дел знал, что игра по его системе потребует от Ньютона предельного напряжения, но ничуть не сомневался, что система работает.

Дел полностью проанализировал предложенный Маньяком упрощенный вариант шашек и начертил на маленьких карточках диаграммы для каждой из возможных позиций. Слава богу, по условиям, поставленным Маньяком, Ньютону придется делать только ответные ходы. Дел упростил Ньютону задачу, отбросив кое-какие варианты, к которым могли привести первые неудачные ходы. Каждую из возможных позиций Дел изобразил на отдельной карточке, лучший из возможных ходов он обозначал стрелкой. Теперь Дел мог быстро обучить Ньютона играть. Поглядев на соответствующую карточку, айян делал ход, обозначенный стрелкой. Система была, конечно, далека от совершенства, и все же...

— Ой! — сказал Дел.

Карточка выпала из его рук, он уставился в одну точку перед собой. Услышав его изменившийся голос, Ньютон взвыл.

Как-то Делу довелось участвовать в одновременном сеансе игры, он был одним из шестидесяти шахматистов, сражавшихся против чемпиона мира Бленкеншипа. Дел кое-как продержался до середины игры, но когда великий шахматист снова подошел к его доске, он, решив, что его позиция неуязвима, а значит, пора контратаковать, и двинул пешку. Бленкеншип сделал невинный на первый взгляд ход ладьей, перешел к следующему игроку, и тут

Дел обнаружил, что его ждет мат в четыре хода, а ему не хватает темпа, чтобы его отразить.

...В наступившей тишине неожиданно громко и внятно выругался командир. Обычно он ругался редко, и помощник удивленно оглянулся.

— В чем дело? — спросил он.

— Видно, мы пропали.— Командир промолчал.— Я надеялся, что Мюррей придумает какую-то систему, благодаря которой Ньютон сможет играть в шашки или хотя бы делать вид, что играет. Но сейчас я понял, что это невозможно. Какую систему ни примени, в одних и тех же позициях Ньютон будет делать одни и те же ходы. Это, может, и не так уж плохо, но, черт меня дери, ни один человек так играть не станет. Людям свойственно делать ошибки, менять стратегию. Даже в такой примитивной игре, как эта. И что самое главное, люди учатся играть в процессе игры. Со временем их игра улучшается. Наш Ньютон выдаст себя прежде всего полной неспособностью учиться, а Маньяку только того и надо. Возможно, он слышал об айянах. А как только он узнает, что имеет дело не с человеком и не с компьютером, а с глупым животным...

Немного погодя помощник сказал:

— Они передают ходы. Игра началась. Неплохо бы и нам соорудить доску; так мы могли бы следить за их игрой.

— Нам куда важнее быть начеку, чтобы атаковать его без промедления, как только подойдет «Штучка».— Командир в отчаянии посмотрел на красную кнопку, потом на часы.— Раньше чем через два часа «Штучке» не подоспеть.

Вскоре помощник сказал:

— Похоже, что первая партия кончилась. Если я правильно понял, Дел проиграл.— И продолжал с запинкой: — Сэр, я принял тот же сигнал, что и в прошлый раз, когда Маньяк включил антимозговой луч. Значит, Маньяк снова начал антимозговую атаку на Дела.

Командир ничего не ответил. Мужчины молча ждали, когда враг двинется на них, им оставалось лишь надеяться, что прежде, чем Маньяк их уничтожит, они смогут нанести ему серьезный ущерб.

— Дел играет вторую партию,— озадаченно сказал помощник.— Я слышал, как он сказал: «Продолжайте игру!»

— Дел, наверное, записал свой голос на пленку и, по всей вероятности, разработал план игры, которого Ньютон сумеет придерживаться, но долго обманывать Маньяка Ньютон не сможет. Это ему не по силам.

Время тянулось невыносимо медленно.

Помощник сказал:

— Первые четыре партии Дел проиграл. Однако ходы он не повторяет. Эх, если б у нас была доска...

— Да отстань ты со своей доской! Она только отвлекала бы нас от приборного щитка. Не теряй бдительности!

Наступила тишина. Ее нарушил голос помощника:

— Вот те на!

— Что такое?

— Наши сыграли вничью.

— Выходит, антимозговой луч не работает. А ты уверен...

— Еще бы! Посмотри, на датчиках те же показания, что и в прошлый раз. Антимозговой луч проработал меньше часа, и действие его пока что нарастает.

Командир слишком хорошо знал своего помощника, чтобы сомневаться в его правоте. К тому же показания приборного щитка подтверждали его слова.

— Значит,— сказал командир,— на корабле находится кто-то или что-то, лишенное функционирующего ума, но способное обучаться в процессе игры. Ха-ха,— натужно засмеялся он.

Следующую партию выиграл Маньяк. Затем была ничья. Затем выиграл Маньяк. Затем последовали три ничьи кряду.

В разгар игры помощник вдруг услышал, как Дел хладнокровно предлагает Маньяку сдаться. Однако на следующем же ходу Дел потерпел поражение. Затем опять последовала ничья. Дел дольше обдумывал ходы, чем его противник, но все же не настолько долго, чтоб разозлить Маньяка.

— Маньяк меняет модуляции луча,— сказал помощник.— Атака усиливается.

— Угу,— буркнул командир. Его угнетало бездействие, он с трудом сдерживался, чтобы не радировать Делу,— так ему не терпелось поддержать товарища, узнать, что у того происходит, но он понимал, что риск слишком велик. Любая помеха могла сорвать это чудо.

Даже и тогда, когда матч превратился в бесконечную серию ничьих между двумя ни в чем не уступающими друг другу противниками, командиру не верилось, что этот необъяснимый успех может длиться долго. Он давно протиснулся с жизнью и по-прежнему с минуты на минуту ожидал смерти.

«...Не погибнет», — сказал Дел Мюррей, и Ньютон радостно метнулся к хозяину — освободить его руки от пут.

На доске перед Делом стояла недоигранная партия. Маньяк выключил антимозговой луч в ту же секунду, когда «Штучка» ворвалась в нормальное пространство, но все же на пять минут позже, чем требовалось, чтобы собраться с силами и отразить массивированное наступление «Штучки» и «Наперстянки». Едва компьютеры, оправившись от сокрушительного воздействия антимозгового луча, нацелились на испещренный пробоинами средний отсек Маньяка, как Дел смахнул шашки с доски, хрипло взревел: «Мат!» — и изо всех сил стукнул кулаком по красной кнопке.

— Хорошо еще, что Маньяку не пришло в голову играть в шахматы, — говорил потом Дел в кабине «Наперстянки». — Тогда бы мне нипочем с ним не справиться.

Сквозь расчищенные иллюминаторы виднелось облако все еще фосфоресцирующего газа, которое прежде было Маньяком: гряда железа, очищенная огнем от злого древнего заклятья.

Командир не сводил глаз с Дела.

— Я понял, — сказал он, — ты заставил Ньютона играть, переходя от одной диаграммы к другой. Но как тебе удалось заставить его научиться играть?

— Разумеется, Ньютон ничему не научился, — усмехнулся Дел. — Зато его игрушки научились. Погоди, сейчас я тебе все покажу.

Дел подозвал аяйна и вынул из его лапы маленькую коробочку. В коробочке что-то затарахтело. К ее крышке была прикреплена диаграмма с изображением одной из возможных позиций в упрощенных шашках; стрелки разных цветов обозначали возможные ходы шашек Дела.

— У меня ушло сотни две таких коробок, не меньше, — сказал Дел. — Вот эта была из группы, которую

Ньют использовал для четвертой партии. Когда он находил коробочку с диаграммой, соответствующей позиции на доске, он открывал крышку, не глядя вытаскивал оттуда бусину, кстати, этому его всего труднее было обучить наспех,— сказал Дел и продемонстрировал: — Ага, вот голубая бусина. Это значит: делай ход, обозначенный голубой стрелкой. Оранжевые стрелки означают плохие ходы. Понятно?

Дел высыпал бусы из коробки на ладонь.

— Видите, в коробке не осталось оранжевых бус. Когда игра началась, в каждой коробке было по шесть бусин того и другого цвета. Всякий раз как Ньютон вынимал бусину из коробки, он откладывал ее в сторону; и так до тех пор, пока не кончалась игра. Если табло показывало, что мы проиграли, он выбрасывал все ранее вынутые им бусины. Так вероятность плохих ходов постепенно устранялась, а Ньютон с помощью коробочек за несколько часов в совершенстве овладел игрой.

— Вот оно что,— сказал командир. Задумчиво помолчал, потом наклонился к Ньютону и почесал его за ухом.— Мне бы такое никогда не пришло в голову.

— А мне следовало додуматься до этого раньше. В основе своей такая идея была разработана уже два века назад. К тому же компьютеры вроде бы моя специальность.

— Полезная вещь,— сказал командир.— Я хочу сказать, в основе своей она может пригодиться любой тактической группе, которой придется иметь дело с анти-мозговым лучом.

— Угу...— Мысли Дела витали где-то далеко.— А еще...

— Что еще?

— Я вспомнил одного типа, с которым мне как-то довелось встретиться. Его звали Бленкеншип. Интересно, мог бы я изобрести что-нибудь вроде...

РОБ-ЕРТ И РОБ-ЕРТА

Она смотрела, как он идет к ней, приближается, такой красивый, высокий, стройный. В груди у нее что-то начало весело позвякивать.

Роб-ерт увидел Роб-ерту еще издали. Она пришла точно в назначенное время — редкость для женщины.

— Привет, Роб-ерта!

— Привет, Роб-ерт!

Других слов им не потребовалось, и они молча зашагали к парку, прибежищу всех влюбленных. Красный диск солнца склонялся к закату. Пели птицы. Газоны казались изумрудными. И, однако, ни Роб-ерт, ни Роб-ерта не чувствовали себя счастливыми.

Но почему же?

Да очень просто: из-за роботов.

Роботов стало слишком много.

И виноваты в этом были братья Чапеки, Айзек Азимов и все остальные, кто когда-то писал рассказы о роботах, внешне не отличимых от человека. Заводы выпустили миллионы роботов, похожих на человека как две капли воды, и теперь уже было невозможно сразу определить, кто существо из плоти и крови, а кто робот. Да, конечно, во всем виноваты были братья Чапеки, Азимов и остальные из той компании — мысль подали они, а заводы лишь претворили ее в действительность.

И плохо было то, что люди роботам нравились.

Робот вооружался тысячью хитростей и уловок, кружил человеку голову и тасил его к священнику, а потом выяснялось, что человек женат на роботе, выдавшем себя за женщину, и нет никакой возможности разорвать этот союз: в свое время роботы позаботились о точном определении своих прав, и начали они с того, что добились утверждения нерасторжимости брака между роботом и человеком. И человеку приходилось влачить это бремя до самой смерти, а если он пытался расстаться с роботом, выдававшим себя за женщину, полиция хватала его, и ему приходилось очень плохо. Столь же опасны были роботы, притворявшиеся мужчинами. Робот, притворя-

ющийся женщиной, в девяти случаях из десяти выглядит привлекательнее и обладает лучшими манерами, чем любая настоящая женщина. Но над роботами, выдававшими себя за мужчин, все смеялись, и потому они прикидывались юношами из знатных семей, недалекими и сильными, какими часто бывают настоящие молодые люди, и влюбляли в себя девушек. И когда после свадьбы девушка обнаруживала, что полюбила машину, дело кончалось нервным расстройством.

Роб-ерт взял Роб-ерту за локоть.

Узнать на ошупь, робот она или человек, он, разумеется, не мог — роботов делали очень хорошо.

— Сядем на скамейку?

— Сядем.

Роб-ерта села и положила ногу на ногу: скрип-икк.

Роб-ерт сделал вид, будто не слышал скрипа, который издало колено Роб-ерты. Он заговорил как страстный влюбленный, горячо и романтично, а потом полез в карман за сигаретами.

Р-ризжж, рр-ризжж, — проскрипел его локоть.

Роб-ерта не показала виду, что услышала, хотя прекрасно знала: если чей-нибудь локоть так скрипит, то это только потому, что он плохо смазан.

— Ты удивительная! — прошептали губы Роб-ерта около ее уха.

Но едва они коснулись ее точеного ушка, как оно тошко скрипнуло: скр-режж.

Роб-ерта в замешательстве почесала себе подбородок, и ее нижняя челюсть издала нежное: кр-рисс, кр-расс, кр-рисс, кр-расс.

— Хватит! — заорал Роб-ерт и вскочил на ноги.

Дз-зи-ии, дз-зи-ии, — лязгнули его суставы.

— Да, хватит! — в тон ему закричала Роб-ерта, и внутри у нее что-то громко щелкнуло: кчик.

— Ты меня не проведешь, такое услышишь только у робота! Хоть бы смазалась получше перед тем, как идти на свидание! То-то я смотрю — уж слишком хорошенькая, настоящие женщины такими не бывают!

— Я настоящая женщина... почти целиком. Единственного робота из нас зовут Роб-ерт. Ты скрипнешь, как дверь с ржавыми петлями.

Глаза ее метали молнии.

— Нет, Роб-ерта, я человек.

Оба растерянные, они посмотрели друг на друга. Роберт мог уклониться от ответа на заданный ему вопрос, но долго скрывать правду о себе ему все равно бы не удалось — это знал каждый.

— Так твои поскрипывания...

— И твои...

— Просто я много раз попадал в автомобильные аварии. Раз двадцать, если не ошибаюсь. Одна рука у меня протезная, поясничные позвонки на подшипниках и в левой коленной чашечке тоже небольшой механизм.

— Роберт! — вырвался у нее вздох облегчения. — Все как у меня. Ноги потеряла однажды в воскресенье вечером — возвращалась, как все, с загородной прогулки. Ухо — когда однажды поспорила из-за места на автостоянке. А челюсть — когда моя машина врезалась в дерево. Конечно, есть кое-какие протезы, но все равно я не робот, а человек!

— Роберта! Я люблю тебя! Хочешь выйти за меня замуж?

— Дорогой... а протезы?

— Мы с тобой в одинаковом положении, любимая. Да и важно ли это вообще? А потом, учитывая, какое теперь движение на улицах...

Они обнялись.

Тр-рикк, — щелкнуло что-то в ней.

Дзиньк, — звякнуло в нем.

Их переполняло счастье, и они не обратили на эти звуки никакого внимания. Они оба люди, а не роботы — это было самое главное.

Солнце опускалось за деревья парка.

Таковыми изумрудными газоны не были еще никогда.

ПОБЕДОНОСНЫЙ РЕЦЕПТ

Однажды утром, сойдя вниз, мисс Мези увидела, что автокорзинка для бумаг злонамеренно засасывает вечерашнюю почту, которую она вовсе еще не собиралась выбрасывать. Часы-календарь объявили время каким-то необыкновенно визгливым голосом: так нахально домашние автоматы обращались только с ней.

Надо быть твердой, подумала мисс Мези. И однако у нее задрожали губы, как всегда бывало, когда она робела. А робела она чересчур часто. Преглупо в наш век быть трусихой, ведь на дворе просвещенный и мирный год две тысячи второй. Брат мисс Мези не уставал ей это повторять, но чем больше он кричал и тонал ногами, тем сильнее ее одолевала робость.

Мисс Мези выключила автокорзинку и тихо постояла, глядя на самодовольный циферблат часов: она раздумывала о нахалах и тиранах вообще и о домашних автоматах в частности. Она их боялась и ненавидела всех до единого. В доме их полным-полно. С утра до ночи только и делаешь, что опасливо нажимаешь кнопки, переводишь рычаги да разбираешься в пестрящих дырками лентах: машины высовывают их, точно длинные языки, чего-то от тебя требуют, на что-то жалуются. А в последнее время, видно, почуяли, что она их боится, и нахально плюются и шипят на нее, не скрывают презрения к ее слабости. У брата Джона, конечно, намерения самые лучшие, но он прямо одержим страстью ко всяким механизмам.

— Не будь мямлей, Клер! — орет Джон, когда она жалобно уверяет, что предпочла бы всю работу по дому делать своими руками. — Вперед! Вот наш девиз! Кто это в наше время обходится без домашних автоматов? Смелся! Больше пылу, больше жару! Докажи, что в тебе есть щепотка перца!

Чаще всего после таких разговоров он отправляется в город и покупает какую-нибудь новую машину, еще сложнее и страшнее прежних, чтобы взбодрить сестру, подбавить в ее нрав перца, как он выражается.

Сейчас брат распахнул дверь и громким голосом по-

требовал завтрак. Часы исполненным достоинства баритоном сообщили точное время.

— Опять ты опаздываешь с едой, Клер,— проворчал Джон Мези.— Неужели нельзя живей поворачиваться? Ты слишком много торчишь на кухне. Там тоже пора все осовременить. У меня уже есть кое-что на примете,— прибавил он, старательно избегая испуганного взгляда сестры.

До сих пор Джон никогда не вмешивался в кухонные дела. Мисс Мези — великая мастерица стряпать, а Джон всегда любил вкусно поесть. Она же просто не могла бы жить без стряпни. В это занятие она вкладывала всю свою изобретательность.

Джон пропустил ее робкие протесты мимо ушей и под конец признался, что новый автомат уже заказан, оплачен и его с минуты на минуту доставят.

— «Великий Автоповар» может приготовить все на свете,— говорил Джон с набитым ртом.— Ну же, Клер, хватит каючить. Привыкнешь. Этой машиной управлять проще простого. Думать она и сама умеет. Вот увидишь.

Насытись, он отправился на вертолете в город (сестра подозревала, что он там бессовестно тиранит своих подчиненных), а мисс Мези уселась в гостиной и приготовилась принять удар судьбы. Сперва она всплакнула, потом стала размышлять и наконец не без удивления почувствовала, что на смену привычной робости в ней поднимается дух противоречия.

— На этот раз Джон зашел слишком далеко,— шептала она.— Я буду бороться. Еще не знаю как. Но все равно, какое он там чудище ни купил, я буду бороться до конца.

С некоторым опозданием она открыла, что подчас мужество рождается из робости, над которой слишком долго измывались. Наука, думала она, просто не принимает в расчет таких людей, как она, Клер Мези. Кто знает, может быть, наука дойдет до того, что начнут фабриковать автоматических сестер? Джону это придется по вкусу. Мисс Мези упрямо стиснула зубы.

И тут из кухни донесся громкий, мерный стук. От испуга у мисс Мези задрожали руки. Вдруг какой-нибудь из автоматов Джона взбесился? Ее сердце неистово заколотилось, она уже распахнула дверь в сад и тут лишь поняла, что спасается бегством.

— Ну нет! — Она покраснела и вздернула подбородок. — Наверно, это просто доставили ту самую машину, которую заказал Джон. — Мисс Мези решительным шагом направилась в кухню. — Помни, Клер, — сказала она себе, — побольше смелости, жару и перцу.

В кухне двое молодых людей превесело заулыбались ей навстречу, а она во все глаза уставилась на металлическую махину, что закрыла собою три стены от пола до самого потолка. «Великий Автоповар» был похож на необъятную картотеку, бесчисленные стальные ящики громоздились друг на друга. В окно мисс Мези увидела: возле длиннющего фургона кое-как свалена ее прежняя кухонная утварь.

— Надеюсь, мы вас не напугали, мисс Мези, — сказал один из молодых людей. — Мистер Мези сказал, чтобы мы просто вошли и все сделали.

Она стояла и смотрела застывшим взглядом; молодой человек помялся, поглядел на потолок.

— Это ж замечательная машинка! Из этих самостоятельно мыслящих, их не очень-то выдают гражданскому населению. — Он мельком заглянул в книжечку, которую держал в руке. — Вон как тут сказано: «Блок творческого мышления, естественно, ограничен. Изготовитель гарантирует первоклассную и даже сверхсложную работу «Великого Автоповара», однако хозяйке следует воздержаться от невыполнимых требований. Машинная психология пока еще недостаточно изучена. Изготовитель не может нести ответственность за последствия, если из-за неосторожного обращения Автоповар потеряет уверенность в себе». В общем, инструкция останется у вас. Мы докопчим установку, а вы покуда почитайте, да повнимательней. Мы живо управимся.

Он легонько вытолкнул мисс Мези из кухни и закрыл дверь. За дверью опять громко, размеренно застучало, но мисс Мези уже ничего не слышала. Она озабоченно перебирала в памяти все, что сказал этот человек. Теперь у нее есть оружие.

Когда техники ушли, мисс Мези остановилась перед Автоповаром, готовая помериться силами с врагом. В одной руке она сжимала кое-какие хитроумнейшие свои рецепты — длинные, трудные, над каждым из этих блюд приходилось хлопотать часами. В другой руке мисс Мези держала инструкцию и наскоро ее перечитывала.

«Говорите отчетливо, прямо в микрофон на панели Г-7», — приказывала книжка. Мисс Мези отыскала панель Г-7 и на мгновение струхнула, точно начинающая актриса перед выходом на сцену. Печатная инструкция загрепала в ее руке, но она упрямо сжала зубы. «Если в распоряжении Автоповара не имеется какой-либо составной части, указанной в вашем рецепте, — читала она, — он всегда сумеет подыскать наилучшую замену».

Мисс Мези решила вести честную игру. Она заложила в пасть Автоповара немало всякой всячины из своих припасов. И потом добрый час читала в микрофон свои рецепты — пускай эта машина попробует потягаться с нею, истинной художницей кулинарного дела!

Ровным счетом через тридцать семь минут Автоповар выдал такое множество отменных блюд, что мисс Мези оставалось либо вынести их из кухни, либо удалиться самой. Тут хватило бы на званый обед, для такого изобилия кухня была тесновата. И все, что ни возьми, приготовлено безукоризненно. Больше того, «Великий Автоповар» выдавал кушанья уже разложенными по тарелкам, под гарниром, просто любо смотреть. Мисс Мези вызвала вертолет, отправила всю эту снедь в детскую больницу, устало вздохнула и начала все сызнова.

Она стояла перед машиной, следила за крохотными красными лампочками, горящими на панелях, прислушивалась к механическому кудахтанью и мурлыканью, и ей чудилось, будто каждый красный глазок смотрит на нее с насмешкой.

— Ну погоди! — сказала она красноглазой панели. — Я так просто не сдамся. — И громко распорядилась: — Взять поросенка в возрасте от трех до шести недель...

Мисс Мези отнюдь не собиралась сунуть в пасть «Великому Автоповару» несчастного поросеночка. Предполагается, что эта чудо-машина всему на свете найдет замену — что ж, пускай помается над немислимой задачей смастерить маленькую хрюшку. На сей раз «Великий» немного поворчал (мисс Мези тем временем напевала себе под нос что-то веселенькое) и часа через два выставил перед ней вполне убедительное подобие жареного поросенка, да еще с яблоком в зубах. Теперь уже Автоповар замурлыкал что-то веселенькое, а мисс Мези горько заплакала...

Время позднее, того гляди, вернется Джон. В совершенном унынии мисс Мези опустилась на пол посреди кухни; ее окружали маринованные устрицы, кнели из куропатки, фаршированная индейка и запеченная в тесте белка. Все, разумеется, не настоящее, но вкус восхитительный. Ей явственно послышался голос Джона: «Может, ты ревнуешь, а, Клер? Ну-ну, брось. Побольше перцу, сестричка! Беда с тобой: сахару в характере избыток, а перцу маловато».

И вдруг ее осенило. Охваченная трепетом, она вновь подошла к панели Г-7.

— Рецепт как делать мальчиков! — торжествующе вскричала она. — Взять улиток, гвоздиков и щенячьих хвостиков — вот тогда и получатся мальчики!¹

Лампочки на панелях «Великого Автоповара» запылали грозным багрянцем. Мягкое гуденье переросло в отчаянный вой сирены. Мисс Мези кинулась в сад искать убежища. Вдогонку несяся ужасающий лязг и скрежет, и все покрыл оглушительный грохот. Взрывом ее сбило с ног, она упала на колени — и тут все смолкло.

И в наступившей тишине мисс Мези падменно сказала пустому саду:

— Надеюсь, Джон останется доволен. Он желал перца — и отныне в перце у него недостатка не будет.

¹ Английская детская песенка:
Из чего ж это сделаны мальчики?
Из чего ж это сделаны мальчики?
Взять улиток, гвоздиков
И щенячьих хвостиков —
Вот тогда и получатся мальчики.
Из чего ж это сделаны девочки?
Из чего ж это сделаны девочки?
Перцу взять, и сахару,
И сиропу всякого —
Вот тогда и получатся девочки.

РОББИ

— Девяносто восемь... девяносто девять... сто!

Глория отвела пухлую ручку, которой закрывала глаза, и несколько секунд стояла, сморщив нос и моргая от солнечного света. Пытаясь смотреть сразу во все стороны, она осторожно отошла на несколько шагов от дерева.

Вытянув шею, она вглядывалась в кусты справа от себя, потом отошла от дерева еще на несколько шагов, стараясь заглянуть в самую глубину зарослей.

Глубокую тишину нарушало только непрерывное жужжание насекомых и время от времени — чирканье какой-то неутомимой птицы, не боявшейся полуденной жары.

Глория надулась:

— Ну, конечно, он в доме, а я ему миллион раз говорила, что это нечестно.

Плотно сжав губки и сердито нахмурившись, она решительно зашагала к двухэтажному домику, стоявшему по другую сторону аллеи.

Когда Глория услышала сзади шорох, за которым последовал размеренный топот металлических ног, было уже поздно. Обернувшись, она увидела, что Робби покинул свое убежище и полным ходом несется к дереву.

Глория в отчаянии закричала:

— Поймай, Робби! Это нечестно! Ты обещал не бежать, пока я тебя не найду!

Ее ножки, конечно, не могли угнаться за гигантскими шагами Робби. Но в трех метрах от дерева Робби вдруг резко сбавил скорость. Сделав последнее отчаянное усилие, запыхавшаяся Глория пронеслась мимо него и первая дотронулась до заветного ствола.

Она радостно повернулась к верному Робби и, платя черной неблагодарностью за принесенную им жертву, принялась жестоко насмехаться над его неумением бегать.

— Робби не может бегать! — кричала она во всю силу своего восьмилетнего голоса. — Я всегда его обгоню! Я всегда его обгоню!

Она с упоением распевала эти слова.

Робби, конечно, не отвечал. Вместо этого он сделал вид, что убегает, и Глория ринулась вслед за ним. Пятясь, он ловко увертывался от девочки, так что она, бросаясь в разные стороны, тщетно размахивала руками, хватала пустоту и, задыхаясь от хохота, кричала:

— Робби! Стой!

Тогда он неожиданно повернулся, поймал ее, поднял на воздух и завертел вокруг себя. Ей показалось, что весь мир на мгновение провалился вниз, в голубую пустоту под ногами, к которой тянулись зеленые верхушки деревьев. Потом Глория снова оказалась на траве. Она прижалась к ноге Робби, крепко держась за твердый металлический палец.

Через некоторое время Глория отдышалась. Она сделала напрасную попытку поправить свои растрепавшиеся волосы, бессознательно подражая движениям матери, и изогнулась назад, чтобы посмотреть, не порвалось ли ее платье. Потом она шлепнула рукой по туловищу Робби.

— Нехороший! Я тебя нашлепаю!

Робби съежился, закрыв лицо руками, так что ей пришлось добавить:

— Ну не бойся, Робби, не нашлепаю. Но теперь моя очередь прятаться, потому что у тебя ноги длиннее и ты обещал не бежать, пока я тебя не найду.

Робби кивнул головой — небольшим параллелепипедом с закругленными углами. Голова была укреплена на туловище — подобной же формы, но гораздо большем — при помощи короткого гибкого сочленения. Робби послушно повернулся к дереву. Тонкая металлическая пластинка опустилась на его горящие глаза, и изнутри туловища послышалось ровное гулкое тиканье.

— Смотри не подглядывай и не пропускай счета! — предупредила Глория и бросилась прятаться.

Секунды отсчитывались с неизменной правильностью. На сотом ударе веки Робби поднялись, и вновь загоревшиеся красным светом глаза оглядели поляну. На мгновение они остановились на кусочке яркого ситца, торчавшем из-за камня. Робби подошел поближе и убедился, что за камнем действительно притаилась Глория. Тогда он стал медленно приближаться к ее убежищу, все время оставаясь между Глорией и деревом. Наконец, когда Гло-

рия была совсем на виду и не могла даже притворяться, что ее не видно, Робби прогянул к ней одну руку, а другой со звоном ударил себя по ноге. Глория, надувшись, вышла.

— Ты подглядывал! — явно несправедливо воскликнула она. — И потом, мне надоело играть в прятки. Я хочу кататься.

Но Робби был оскорблен незаслуженным обвинением. Он осторожно уселся на землю и покачал тяжелой головой. Глория изменила тон и перешла к нежным уговорам:

— Ну, Робби! Я просто так сказала, что ты подглядывал! Ну, покатай меня!

Но Робби не так просто было уговорить. Он упрямо уставился в небо и еще выразительнее покачал головой.

— Ну пожалуйста, Робби, пожалуйста, покатай меня!

Она крепко обняла его за шею розовыми ручками. Потом ее настроение внезапно переменилось, и она отошла в сторону.

— А то я заплачу!

Ее лицо заранее устрашающе перекосилось.

Но жестокосердый Робби не обратил внимания на эту ужасную угрозу. Он в третий раз покачал головой.

Глория решила, что нужно пустить в действие главный козырь.

— Если ты меня не покатаешь, — воскликнула она, — я больше не буду тебе рассказывать сказки, вот и все. Никогда!

Этот ультиматум заставил Робби сдаться немедленно и безоговорочно. Он закивал головой так энергично, что его металлическая шея загудела. Потом он осторожно поднял девочку на свои широкие плоские плечи.

Слезы, которыми грозила Глория, немедленно испарились, и она даже вскрикнула от восторга. Металлическая «кожа» Робби, в которой нагревательные элементы поддерживали постоянную температуру в 21 градус, была приятной на ощупь, а барабаня пятками по его груди, можно было извлекать восхитительно громкие звуки.

— Ты самолет, Робби. Ты большой серебристый самолет. Только вытяни руки, раз уж ты самолет.

Логика была безупречной. Руки Робби стали крыльями, а сам он — серебристым самолетом. Глория резко повернула его голову и наклонилась вправо. Он сделал крутой вираж. Глория уже снабдила самолет мотором:

«Бр-р-р-р», а потом и пушками: «Пу! Пу-пу-пу!» За ними гнались пираты, и орудия косили их, как траву.

— Готов еще один... Еще двое!..— кричала она.

Потом Глория важно произнесла:

— Скорее, ребята! У нас кончаются боеприпасы!

Она неустрашимо целилась через плечо. И Робби превратился в тупоносый космический корабль, с предельным ускорением прорезающий пустоту.

Он несся через поляну к зарослям высокой травы на другой стороне. Там он остановился так внезапно, что раскрасневшаяся наездница вскрикнула, и вывалил ее на мягкий зеленый травяной ковер.

Глория, задыхаясь, восторженно шептала:

— Ой, как здорово!..

Робби дал ей отдышаться и осторожно потянул ее за торчавшую прядь волос.

— Ты чего-то хочешь? — спросила Глория, широко раскрыв глаза в притворном недоумении. Ее безыскусная хитрость ничуть не обманула огромную «няньку». Робби снова потянул за ту же прядь, чуть посильнее.

— А, знаю. Ты хочешь сказку.

Робби быстро закивал головой.

— Какую?

Робби описал пальцем в воздухе полукруг.

Девочка запротестовала:

— Опять? Я же тебе про Золушку миллион раз рассказывала. Как она тебе не надосла? Это же сказка для маленьких!

Железный палец снова описал полукруг.

— Ну ладно.

Глория уселась поудобнее, припомнила про себя все подробности сказки (вместе с прибавлениями собственного сочинения) и начала:

— Ты готов? Так вот, давным-давно жила красивая девочка, которую звали Элла. А у нее была ужасно жестокая мачеха и две очень некрасивые и очень-очень жестокие сестры...

Глория дошла до самого интересного места — уже било полночь и все снова превращалось в кучу мусора,— а Робби напряженно, с горящими глазами слушал, когда их прервали.

— Глория!

Это был раздражающий голос женщины, которая звала уже не в первый раз и у которой нетерпение, судя по интонациям, начало сменяться тревогой.

— Мама зовет,— сказала Глория не очень радостно.— Лучше отнеси меня домой, Робби.

Робби с готовностью повиновался. Что-то подсказывало ему, что миссис Вестон лучше подчиниться без малейшего промедления. Отец Глории редко бывал дома днем, если не считать воскресений (а это было как раз воскресенье), и когда он появлялся, то оказывался добродушным и сочувствующим человеком. Но мать Глории была для Робби источником беспокойства, и он испытывал смутное побуждение улизнуть от нее подальше.

Миссис Вестон увидела их, как только они поднялись из травы, и вернулась в дом, чтобы там их встретить.

— Я кричала до хрипоты, Глория,— строго сказала она.— Где ты была?

— Я была с Робби,— дрожащим голосом отвечала Глория.— Я рассказывала про Золушку и забыла про обед.

— Ну что ж, жаль, что Робби тоже забыл про обед.— И, словно вспомнив о присутствии робота, она обернулась к нему: — Можешь идти, Робби. Ты ей сейчас не нужен. И не приходи, пока не позову,— грубо прибавила она.

Робби повернулся к двери, но заколебался, услышав, что Глория встала на его защиту:

— погоди, мама, нужно, чтобы он остался! Я еще не кончила про Золушку. Я ему обещала рассказать про Золушку и не успела.

— Глория!

— Честное-пречестное слово, мама, он будет сидеть тихо-тихо, так что его и слышно не будет. Он может сидеть на стуле в уголке и молчать... то есть ничего не делать. Правда, Робби?

В ответ Робби закивал своей массивной головой.

— Глория, если ты сейчас же не прекратишь, ты не увидишь Робби целую неделю!

Девочка понурила голову.

— Ну, ладно. Но ведь Золушка — его любимая сказка, а я не успела ее рассказать. Он так ее любит...

Опечаленный робот вышел, а Глория проглотила слезы.

...Джордж Вестон чувствовал себя прекрасно. У него было такое обыкновение — по воскресеньям после обеда чувствовать себя прекрасно.

Вкусная, обильная домашняя еда; удобный, мягкий старый диван, на котором так приятно развалиться; свежий номер «Таймса»; домашние туфли на ногах и пижама вместо крахмальной рубашки — ну как тут не почувствовать себя прекрасно!

Поэтому он был недоволен, когда вошла его жена. После десяти лет совместной жизни он еще имел глупость ее любить и, конечно же, всегда ей радовался, но послеобеденный воскресный отдых был для него священным, и его представление о подлинном комфорте требовало двух-трех часов полного одиночества. Поэтому он устремил свой взгляд на последние сообщения об экспедиции Лефевра — Йошиды на Марс (на этот раз они стартовали с лунной станции и вполне могли долететь) и сделал вид, что не заметил ее.

Миссис Вестон терпеливо подождала две минуты, потом, нетерпеливо, еще две и, наконец, не выдержала:

— Джордж!

— Угу...

— Джордж, послушай! Может быть, ты отложишь эту газету и поглядишь на меня?

Газета, шелестя, упала на пол, и Вестон обратил к жене измученное лицо:

— В чем дело, дорогая?

— Ты знаешь, Джордж. Дело в Глории и в этой ужасной машине...

— Какой ужасной машине?

— Пожалуйста, не прикидывайся, будто не понимаешь, о чем я говорю. Речь идет о роботе, которого Глория зовет Робби. Он не оставляет ее ни на минуту.

— Ну, а почему он должен ее оставлять? Он для этого и существует. И во всяком случае, никакая он не ужасная машина. Это лучший робот, какого можно было достать за деньги. А я чертовски хорошо помню, что он обошелся мне в полугодовой зарплаток. И он стоит этого — он куда умнее половины моих служащих.

Он потянулся к газете, но жена оказалась проворнее и выхватила ее.

— Послушай меня, Джордж! Я не хочу доверять своего ребенка машине, и мне все равно, умная она или нет.

У нее нет души, и никто не знает, что у нее на уме. Нельзя, чтобы за детьми присматривали всякие металлические штуки!

Вестон нахмурился.

— Когда это ты так решила? Он с Глорией уже два года, а до сих пор я что-то не видел, чтобы ты беспокоилась.

— Сначала все было по-другому. Как-никак повинка, и у меня стало меньше забот, и потом это было так шикарно... А сейчас я не знаю. Все соседн...

— Ну при чем тут соседн? Послушай! Роботу можно бесконечно больше доверять, чем любой живке. Вель Робби был построен только с одной целью — ухаживать за маленьким ребенком. Все его «мышление» рассчитано специально на это. Он просто не может не быть верным, любящим, добрым. Он просто устроен так. Не о каждом человеке это можно сказать.

— Но что-нибудь может испортиться. Какой-нибудь там... — Миссис Вестон занулась: она имела довольно смутное представление о внутренностях роботов. — Ну, какая-нибудь мелочь сломается, и эта ужасная штука начнет буйствовать п...

У нее не хватило сил закончить вполне очевидную мысль.

— Чепуха, — возразил Вестон, невольно содрогнувшись. — Это просто смешно. Когда мы покупали Робби, мы долго говорили о Первом Законе робототехники. Ты же знаешь, что робот не может причинить вред человеку. При малейшем намеке на то, что может быть нарушен Первый Закон, робот сразу выйдет из строя. Иначе и быть не может, тут математический расчет. И потом, у нас дважды в год бывает механик из «Ю. С. Роботс» — он же проверяет весь механизм. С Робби ничего не может случиться. Скорее уж спятым мы с тобой. А потом, как ты собираешься отнять его у Глории?

Он снова потянулся к газете, но тщетно: жена в гневе швырнула ее через раскрытую дверь в соседнюю комнату.

— В этом-то и все дело, Джордж! Она не хочет ни с кем больше играть! Кругом десятки мальчиков и девочек, с которыми ей следовало бы дружить, но она не хочет. Она не желает даже подходить к ним, пока я ее не заставлю. Девочка не должна так воспитываться. Ты ведь

хочешь, чтобы она выросла нормальной? Ты хочешь, чтобы она смогла занять свое место в обществе?

— Грейс, ты воюешь с призраками. Представь себе, что Робби — это собака. Сотни детей с большим удовольствием проводят время с собакой, чем с родителями.

— Собака — совсем другое дело. Джордж, мы должны избавиться от этой ужасной вещи. Ты можешь вернуть ее компании. Я уже узнавала, это можно.

— Узнавала? Так вот слушай, Грейс! Давай не будем решать сгоряча. Оставим робота, пока Глория не подрастет. И я больше не желаю об этом слышать.

С этими словами он в раздражении вышел.

Два дня спустя миссис Вестон встретила мужа в дверях.

— Джордж, ты должен выслушать меня. В поселке недовольны.

— Чем? — спросил Вестон. Он зашел в ванную, и оттуда послышался плеск, который мог бы заглушить любой ответ.

Миссис Вестон переждала, пока плеск прекратится, и сказала:

— Недовольны Робби.

Вестон вышел, держа в руках полотенце. Его раскрасневшееся лицо было сердито.

— О чем ты говоришь?

— Это началось уже давно. Я старалась закрывать на это глаза, но больше не хочу. Почти все соседи считают, что Робби опасен. По вечерам детей даже близко не пускают к нашему дому.

— Но мы же доверяем ему своего ребенка!

— В таких делах люди не рассуждают.

— Ну и пусть идут к черту!

— Это не выход. Мне приходится встречаться с ними каждый день в магазинах. А в городе теперь с роботами еще строже. В Нью-Йорке только что приняли постановление, которое запрещает роботам появляться на улицах от захода до восхода солнца.

— Да, но они не могут запретить нам держать робота дома. Грейс, я вижу, ты снова устраиваешь наступление. Но это бесполезно. Ответ все тот же — нет! Робби останется у нас.

...Он любил жену, и, что гораздо хуже, она это знала. В конце концов бедный Джордж Вестон был всего-навсего мужчиной. А его жена привела в действие все до единой уловки, которых с полным основанием научился опасаться, хотя и тщетно, менее хитрый и более шепетильный пол.

На протяжении следующей недели Вестон десять раз восклицал: «Робби останется — и конец!» — но с каждым разом его голос становился все менее уверенным и сопровождался все более внятным стоном отчаяния.

Наконец наступил день, когда Вестон с виноватым видом подошел к дочери и предложил пойти посмотреть «замечательный» визивокс в поселке.

Глория радостно всплеснула руками:

— А Робби тоже можно пойти?

— Нет, дорогая, — ответил он, почувствовав отвращение к звуку своего собственного голоса. — Роботов в визивокс не пускают. Но ты ему все расскажешь, когда придешь домой.

Пробормотав последние слова, он отвернулся.

Глория вернулась домой, восхищенная до глубины души: визивокс действительно был необыкновенным зрелищем. Она еле дождалась, пока отец поставит в подземный гараж реактивный автомобиль.

— Вот теперь, пап, я все расскажу Робби. Ему бы это так понравилось! Особенно когда Фрэнсис Фрэн так ги-и-ихо пятится назад — и прямо в руки человека-леопарда! И ему пришлось бежать! — Она снова засмеялась. — Пап, а на Луне вправду водятся люди-леопарды?

— Скорее всего, нет, — рассеянно ответил Вестон. — Это просто смешные выдумки.

Он уже не мог дольше возиться с автомобилем. Пора было посмотреть фактам в лицо.

Глория побежала через поляну.

— Робби! Робби!

Она внезапно остановилась, увидев красивого щенка колли. Щенок, виляя хвостом, глядел на нее с крыльца серьезными карими глазами.

— Ой, какая чудная собака! — Глория поднялась по ступенькам, осторожно подошла к щенку и погладила его. — Это мне, папа?

К ним присоединилась мать.

— Да, тебе, Глория. Смотри, какая она хорошая — мягкая, пушистая. Она очень добрая. И она любит маленьких девочек.

— А она будет со мной играть?

— Конечно. Она может делать всякие штуки. Хочешь посмотреть?

— Хочу. И я хочу, чтобы Робби тоже на нее посмотрел. Робби! — Она растерянно замолчала. — Наверно, он сидит в комнате и дуется на меня, почему я его не взяла с собой смотреть визивокс. Папа, тебе придется ему все объяснить. Мне он может не поверить, но уж если ты ему скажешь, он будет знать, что так оно и есть.

Губы Вестона сжались. Он посмотрел в сторону жены, но не мог поймать ее взгляда.

Глория повернулась на одной ноге и побежала по ступенькам, крича:

— Робби! Иди посмотри, что мне привезли папа с мамой! Они привезли собаку!

Через минуту испуганная девочка вернулась.

— Мама, Робби нет в комнате. Где он?

Ответа не было. Джордж Вестон кашлянул и внезапно проявил живой интерес к плывущим в небе облакам. Голос Глории задрожал. Она была готова разразиться слезами.

— Где Робби, мама?

Миссис Вестон села и нежно привлекла к себе дочь.

— Не расстраивайся, Глория. По-моему, Робби ушел.

— Ушел? Куда? Куда он ушел, мама?

— Никто не знает, дорогая. Просто ушел. Мы его искали, искали, искали, но не могли найти.

— Значит, он больше не вернется?

Ее глаза округлились от ужаса.

— Может быть, мы скоро его найдем. Мы будем искать. А тем временем ты можешь играть с новой собачкой. Посмотри! Ее зовут Молнией, и она умеет...

Но глаза Глории были полны слез.

— Не хочу я эту противную собаку, я хочу Робби! Хочу, чтобы вы нашли Робби!..

Ее чувства стали слишком сильными, чтобы их можно было выразить словами, и она разразилась отчаянным плачем. Миссис Вестон беспомощно взглянула на мужа, но он только мрачно переступил с ноги на ногу, не сводя пристального взгляда с неба. Тогда она сама принялась утешать дочь.

— Ну что ты плачешь, Глория? Робби — это всего-навсего машина, старая скверная машина. Он не живой.

— Ничего он никакая не машина! — яростно завопила Глория, забыв даже о правилах грамматики. — Он такой же человек, как вы и я, и он мой друг. Хочу, чтобы он вернулся! Мама, хочу, чтобы он вернулся!

Мать вздохнула, признав свою неудачу, и оставила Глорию горевать в одиночестве.

— Пусть выплачется, — сказала она мужу. — Детское горе недолговечно. Через несколько дней она забудет о существовании этого ужасного робота.

Но время показало, что это утверждение миссис Вестон было чересчур оптимистичным. Конечно, Глория перестала плакать, но она перестала и улыбаться. С каждым днем она становилась все более молчаливой и мрачной. Постепенно ее несчастный вид сломил миссис Вестон. Сдаться ей не позволяла только невозможность признать перед мужем свое поражение.

Однажды вечером она, кипя яростью, ворвалась в гостиную и села, скрестив руки на груди. Ее муж, вытянув шею, взглянул на нее поверх газеты.

— Что там еще, Грейс?

— Мне пришлось сегодня отдать собаку. Глория сказала, что терпеть ее не может. Я сойду с ума.

Вестон опустил газету, и в глазах его зажегся огонек надежды.

— Может быть... Может быть, нам снова взять Робби? Знаешь, это вполне возможно. Я свяжусь...

— Нет! — сурово ответила она. — Я не хочу об этом слышать. Мы так легко не сдадимся. Мой ребенок не будет воспитан роботом, даже если понадобятся годы, чтобы отучить его от Робби.

Вестон разочарованно поднял газету.

— Еще год — и я поседею раньше времени.

— Не много же от тебя помощи, Джордж, — последовал холодный ответ. — Глории нужно переменить обстановку. Конечно, здесь она не может забыть Робби. Здесь о нем напоминают каждое дерево, каждый камень. Вообще мы в самом глупейшем положении, о каком только я слыхала. Подумать только — ребенок чахнет из-за разлуки с роботом!

— Ну, ближе к делу. Какую же перемену обстановки ты придумала?

— Мы возьмем ее в Нью-Йорк.

— В город! В августе! Послушай, ты знаешь, что такое Нью-Йорк в августе? Там же невозможно жить!

— Но там живут миллионы людей.

— Только потому, что им некуда уехать. Иначе бы они не остались.

— Так вот, теперь и нам придется там пожить. Мы переезжаем немедленно, как только соберем вещи. В городе Глория найдет достаточно развлечений и достаточно друзей. Это ее встряхнет и заставит забыть о работе.

— О господи! — простонал супруг. — Эти раскаленные улицы!..

— Мы должны это сделать, — непреклонно ответила жена. — За месяц Глория похудела на пять фунтов. Здоровье моей девочки для меня важнее, чем твои удобства.

— Жаль, что ты не подумала о здоровье своей девочки, прежде чем лишиться ее любимого робота, — пробормотал он... про себя.

Едва Глория узнала о предстоящем переезде в город, у нее немедленно появились признаки улучшения. Она говорила об этом событии мало, но всегда с радостным ожиданием. Она снова начала улыбаться, и к ней почти вернулся прежний аппетит.

Миссис Вестон была вне себя от радости. Она не упускала ни одной возможности торжествовать победу над своим все еще скептически настроенным супругом.

— Видишь, Джордж, она помогает укладываться, как ангелочек, и щебечет так, будто у нее не осталось никаких забот. Я же говорила: нужно заинтересовать ее чем-то другим.

— Гм, — последовал скептический ответ. — Надеюсь...

Сборы закончились быстро. Городская квартира была готова к их приезду, были наняты двое местных жителей, чтобы присматривать за домом в их отсутствие. Когда, наконец, наступил день переезда, Глория выглядела совсем как прежде, и ни разу упоминание о Робби не слетело с ее губ. Все в прекрасном настроении погрузились в воздушное такси, которое доставило их в аэропорт. Вестон предпочел бы лететь на собственном вертолете, но он был

двухместный и без багажного отделения. Они сели в самолет.

— Иди сюда, Глория,— позвала миссис Вестон.— Я заняла место у окна, чтобы тебе все было видно.

Глория радостно уселась к окну, прилипла к толстому стеклу носом, расплющив его в белый кружок, и смотрела как зачарованная на открывавшуюся картину. Послышался рев моторов. Глория была еще слишком мала, чтобы испугаться, когда земля провалилась далеко вниз, как будто сквозь люк, а она сама стала вдвое тяжелее, чем обычно. Но она была уже достаточно большой, чтобы все это вызвало у нее всепоглощающий интерес. Лишь когда земля стала похожа на маленькое лоскутное одеяло, она оторвалась от окна и повернулась к матери.

— Мама, мы скоро будем в городе? — спросила она, растирая замерзший носик и с любопытством следя за тем, как пятнышко пара, оставшееся на стекле от ее дыхания, медленно уменьшалось и понемногу совсем исчезло.

— Через полчаса, дорогая,— ответила мать и спросила с оттенком тревоги в голосе: — Ты рада, что мы едем? Тебе очень понравится в городе — все эти огромные дома, и люди, и всякие интересные вещи... Мы будем каждый день ходить в визитокс, и в цирк, и на пляж...

— Да, мама,— ответила Глория без особого воодушевления.

В этот момент самолет пролетал над облаком, и Глория была поглощена необычным зрелищем простиравшихся внизу клубов застывшего пара. Потом небо вокруг снова стало чистым, и она повернулась к матери с таинственным видом человека, знающего какой-то секрет.

— А я знаю, зачем мы едем в город!

— Да? — Миссис Вестон была озадачена.— Зачем же?

— Вы мне не говорили, потому что хотели, чтобы это был сюрприз, а я все равно знаю.— Восхищенная собственной проникательностью, она весело рассмеялась: — Мы едем в Нью-Йорк, чтобы найти Робби, правда? С сыщиками!

Это заявление застало Джорджа Вестона как раз в тот момент, когда он пил воду. Результат был катастрофический. Послышалось полузадушенное восклицание, за ним последовал целый фонтан воды и приступ судорожного кашля. Когда все кончилось, Джордж Ве-

стон, раскрасневшийся и мокрый, остался в состоянии крайнего раздражения.

Миссис Вестон сохранила самообладание, но, когда Глория повторила свой вопрос уже более озабоченным голосом, и ее нервы не выдержали.

— Может быть, — ответила она резко. — Неужели ты не можешь посидеть спокойно и немного помолчать?

Нью-Йорк всегда был обетованной землей для туристов и всех, кто был намерен развлекаться, а в 1998 году — больше, чем когда бы то ни было. Родители Глории знали это и использовали, как могли.

По прямому приказанию жены Джордж Вестон оставил свои дела на целый месяц, чтобы провести это время, как он выражался, «развлекая Глорию до последней крайности». Как и все, что делал Вестон, это было выполнено эффективно, по-деловому и исчерпывающе. Месяц еще не прошел, как было сделано все, что находилось в человеческих возможностях.

Глория побывала на верхушке Рузвельт-Билдинг и с высоты в полмили с гренетом смотрела на зубчатую панораму крыш, уходящую вдаль, до самых полей Лонг-Айленда и равнин Нью-Джерси. Они посещали зоопарки, где Глория, замирая от страха и блаженства, разглядывала «настоящего живого льва» (она была немного разочарована, увидев, что его кормят сырыми бифштексами, а не людьми, как она ожидала) и настоятельно требовала, чтобы ей показали кита.

Свои очарования предоставили к их услугам разнообразные музеи, парки, пляжи и аквариумы. Глория совершила плавание вверх по Гудзону на пароходке, отделанном под стиль веселых 20-х годов. Она летала на экскурсию в стратосферу, где небо окрашивалось в пурпурно-фиолетовый цвет, на нем загорались звезды, а туманная Земля далеко внизу становилась похожа на огромную вогнутую чашу. Она погружалась на подводном корабле со стеклянными окнами в глубины пролива Лонг-Айленд, в зеленый зыбкий мир, где причудливые морские существа разглядывали ее сквозь стекло и неожиданно, извиваясь, уплывали. Новая сказочная страна, пусть и более прозаическая, открывалась перед ней в магазинах, куда ее водила миссис Вестон.

В общем, когда месяц прошел, Вестоны были убеж-

дены, что сделали все возможное, чтобы заставить Глорию раз и навсегда забыть о покинувшем ее Робби. Но они не были уверены, что им это удалось.

Где бы Глория ни бывала, она проявляла самый живой интерес ко всем роботам, случавшимся поблизости. Каким бы захватывающим ни было зрелище, которое разворачивалось перед ней, она немедленно о нем забывала, как только замечала хоть уголком глаза какой-нибудь движущийся металлический механизм. Поэтому, гуляя с Глорией, миссис Вестон старательно обходила стороной всех роботов.

Развязка наступила, наконец, в Музее науки и промышленности. Там для детей была устроена специальная выставка, на которой демонстрировались всевозможные ухищрения и чудеса науки, приспособленные к детскому разумению. Конечно, Вестоны включили эту выставку в свою обязательную программу.

И в тот момент, когда Вестоны стояли, полностью поглощенные созерцанием мощного электромагнита, миссис Вестон внезапно обнаружила, что Глории с ними нет. Первый приступ паники сменился спокойной решимостью, и Вестоны с помощью трех сотрудников музея приступили к тщательным поискам.

Между тем Глория была далека от того, чтобы бесцельно бродить по музею. Для своих лет она была необыкновенно решительной и целеустремленной девочкой, в этом она определенно пошла в мать. Она заметила на третьем этаже огромную надпись: «К ГОВОРЯЩЕМУ РОБОТУ». Прочитав ее по складам и заметив, что родители не проявляют желания идти в нужном направлении, она приняла самое простое решение. Выждав подходящий момент, когда родители отвлеклись, она спокойно покинула их и пошла туда, куда звала надпись.

Говорящий Робот представлял собой нечто необыкновенное. Это было совершенно непрактичное устройство, имевшее чисто рекламную ценность. Каждый час к нему пускали группу людей в сопровождении экскурсоводов. Дежурному инженеру осторожным шепотом задавали вопросы. Те из них, которые инженер считал подходящими для робота, передавались ему.

Все это было довольно скучно. Конечно, хорошо знать,

что 14 в квадрате равно 196, что температура в данный момент $22,2^{\circ}\text{C}$, а давление воздуха — 762,508 мм ртутного столба и что атомный вес натрия — 23. Но для этого нет необходимости в работе. Особенно в такой громоздкой, совершенно непортативной массе проводов и катушек, занимавшей больше двадцати пяти квадратных метров.

Редко кто возвращался к роботу во второй раз. Лишь одна девушка лет пятнадцати тихо сидела на скамейке, ожидая третьего сеанса, когда в комнату вошла Глория.

Глория на нее даже не взглянула. В этот момент люди ее почти не интересовали. Все ее внимание было приковано к огромному механизму на колесиках. На какое-то мгновение она заколебалась — Говорящий Робот не был похож на тех, которых она видела. Осторожно, с нотками сомнения в тоненьком голосе Глория начала:

— Mister Робот, простите, пожалуйста, это вы Говорящий Робот?

Правда, она не была уверена, но, во всяком случае, ей казалось, что робот, который на самом деле говорит, заслуживает самой изысканной вежливости.

(На худом некрасивом лице сидевшей в комнате девушки отразилось напряженное размышление. Она вытащила маленький блокнот и начала что-то быстро писать неразборчивыми каракулями.)

Послышалось маслянистое жужжание шестерен, и механический голос без всякой интонации прогремел:

— Я... робот... который... говорит.

Глория разочарованно смотрела на робота. Действительно, он говорил, но звуки исходили откуда-то изнутри механизма. У робота не было лица, к которому можно было бы обращаться.

Она сказала:

— Не можете ли вы мне помочь, мистер Робот?

Говорящий Робот был создан для того, чтобы отвечать на вопросы. До сих пор ему задавали только такие вопросы, на которые он мог ответить. Поэтому он был вполне уверен в своих возможностях.

— Я... могу... помочь... вам.

— Большое спасибо, мистер Робот. Вы не видели Робби?

— Кто... это... Робби?

— Это робот, мистер Робот.— Она приподнялась на цыпочки.— Он примерно вот такого роста, мистер Робот,

немножечко выше, и он очень хороший. Знаете, у него есть голова. У вас нет, мистер Робот, а у него есть.

Говорящий Робот не мог за ней поспеть.

— Робот?

— Да, мистер Робот. Как вы, мистер Робот, только он, конечно, не умеет говорить, и он очень похож на настоящего человека.

— Робот... как... я?

— Да, мистер Робот.

Единственным ответом Говорящего Робота было невразумительное шипение, которое время от времени прерывалось бессвязными звуками. Ожидавшееся от него смелое обобщение — представление о себе не как об индивидуальном объекте, а как о части более общей группы — превышало его силы. Верный своему назначению, он все-таки попытался охватить это понятие, в результате чего полдюжины катушек перегорело. Зажужжали тревожные сигналы.

(В этот момент девушка, сидевшая на скамейке, встала и вышла. У нее накопилось уже достаточно материала для доклада «Роботы с практической точки зрения». Это было первое из многих исследований Сьюзен Кэлвин на ту же тему.)

Глория, скрывая нетерпение, ждала ответа. Вдруг она услышала позади себя крик: «Вот она!» — и узнала голос своей матери.

— Что ты здесь делаешь, противная девчонка?! — кричала миссис Вестон, у которой тревога тут же перешла в гнев. — Ты знаешь, что папа и мама перепугались чуть не до смерти? Зачем ты убежала?

В комнату ворвался дежурный инженер. Схватившись за голову, он потребовал, чтобы ему сообщили, кто из собравшейся толпы испортил машину.

— Вы что, читать не умеете? — вопил он. — Здесь запрещено находиться без экскурсовода!

Глория повысила голос, чтобы перекричать шум:

— Я только хотела посмотреть на Говорящего Робота, мама. Я думала, он может знать, где Робби, — ведь они оба роботы.

Снова вспомнив о Робби, она разразилась горючими слезами:

— Я должна найти Робби! Мама, хочу Робби!

Миссис Вестон, подавив невольное рыдание, сказала:
— О, господи! Идем, Джордж! Я больше не могу!

Вечером Джордж Вестон на несколько часов куда-то ушел. А на следующее утро он подошел к жене с подозрительно самодовольным видом.

— У меня есть идея, Грейс.

— Насчет чего? — услышался мрачный, равнодушный ответ.

— Насчет Глории.

— Ты не собираешься предложить снова купить этого робота?

— Нет, конечно.

— Ну, тогда я слушаю. Может, хоть ты что-нибудь придумаешь. Все, что я ни делала, ни к чему не привело.

— Так вот что мне пришло в голову. Все дело в том, что Глория думает о Робби как о человеке, а не как о машине. Естественно, она не может его забыть. А вот если бы нам удалось убедить ее, что Робби — это всего-навсего куча стальных листов и медных проводов, оживленная электричеством, тогда она перестанет по нему тосковать. Это психологический подход, понимаешь?

— Как ты предполагаешь это сделать?

— Очень просто. Как ты думаешь, где я был вчера вечером? Я уговорил Робертсона из «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мэн» показать нам завтра все его хозяйство. Мы пойдем втроем, и вот увидишь, когда мы все посмотрим, Глория убедится, что робот — не живое существо.

Глаза миссис Вестон широко раскрылись, и в них появилось что-то похожее на восхищение.

— Послушай, Джордж, это неплохая идея!

Джордж Вестон гордо выпрямился.

— А у меня других не бывает! — заявил он.

Мистер Стразерс был добросовестным управляющим и от природы очень разговорчивым человеком. В результате этой комбинации каждый шаг экскурсии сопровождался подробнейшими — пожалуй, слишком подробными — объяснениями. Тем не менее миссис Вестон слушала внимательно. Она даже несколько раз прерывала его и просила повторить некоторые объяснения как можно проще, чтобы их поняла Глория. Такая высокая оценка

его повествовательных способностей приводила мистера Стразерса в благодушное настроение и делала его еще более разговорчивым, насколько это было возможно. Но Вестон проявлял все растущее нетерпение.

— Извините меня, Стразерс,— сказал он, прерывая на середине лекцию о фотоэлементах.— А есть ли у вас на заводе участок, где работают одни роботы?

— Что? Ах, да! Конечно! — Стразерс улыбнулся миссис Вестон.— Некоторым образом заколдованный круг: роботы производят новых роботов. Конечно, как правило, мы этого не практикуем. Во-первых, нам не позволили бы профсоюзы. Но очень небольшое число роботов производится руками роботов — просто в качестве научного эксперимента. Видите ли,— сняв пенсне, он похлопал им по ладони,— профсоюзы не понимают одного,— а я говорю это как человек, который всегда очень симпатизировал профсоюзному движению,— они не понимают, что появление роботов, вначале связанное с некоторыми неурядицами, в будущем неизбежно должно...

— Да, Стразерс,— перебил его Вестон,— так как насчет этого участка, о котором вы говорили? Можно нам на него взглянуть? Это было бы очень интересно.

— Да, да, конечно.— Мистер Стразерс судорожным движением надел пенсне и в замешательстве кашлянул.— Сюда, пожалуйста.

Провожая Вестонов по длинному коридору и спускаясь по лестнице, он был сравнительно немногословен. Но как только они вошли в хорошо освещенную комнату, наполненную металлическим лязгом, шлюзы открылись, и поток объяснений полился с новой силой.

— Вот! — сказал он гордо.— Одни роботы! Пять человек только присматривают за ними, они даже не находятся в этой комнате. За пять лет, с тех пор как мы начали эксперимент, не было ни единой неисправности. Конечно, здесь собирают сравнительно простых роботов, но...

Для Глории голос управляющего уже давно слился в усыпляющее жужжание. Вся экскурсия казалась ей скучной и бессмысленной. Хотя кругом было много роботов, но ни один из них не был хотя бы отдаленно похож на Робби, и она смотрела на них с нескрываемым презрением.

Она заметила, что в этой комнате совсем нет людей.

Потом ее взгляд упал на шесть или семь роботов, что-то делавших за круглым столом посреди комнаты. Глаза ее изумленно и недоверчиво раскрылись. Комната была слишком велика, и она не могла быть уверена, но один из роботов был похож... был похож... да, это был он!

— Робби!

Ее крик пронизал воздух. Один из роботов за столом вздрогнул и уронил инструмент, который держал в руках. Глория пришла в неистовство от радости. Протиснувшись сквозь ограждение, прежде чем родители успели ее остановить, она легко прыгнула на пол, расположенный на несколько футов ниже, и, размахивая руками, помчалась к своему Робби. А трое взрослых оцепенели от ужаса. Они увидели то, чего не заметила взволнованная девочка. Огромный автоматический трактор, тяжело громяхая, надыгался на Глорию.

В считанные доли секунды Вестон опомнился. Но эти доли секунды решили все. Догнать Глорию было уже нельзя. Вестон мгновенно перемахнул через перила, но это была явно безнадежная попытка. Мистер Стразерс отчаянно замахал руками, давая знак рабочим остановить трактор. Но они были всего лишь люди, и им нужно было время, чтобы выполнить команду.

Один только Робби действовал без промедления и точно. Делая гигантские шаги своими металлическими ногами, он устремился навстречу своей маленькой хозяйке. Дальше все произошло почти одновременно. Одним взмахом руки, ни на мгновение не уменьшив своей скорости, Робби поднял Глорию так, что у нее захватило дыхание. Вестон, не совсем понимая, что происходит, не то что увидел, а скорее почувствовал, как Робби пронесся мимо него, и растерянно остановился. Трактор проехал по тому месту, где только что была Глория, на полсекунды позже Робби, прокатился еще метра три и, заскрежетав, затормозил.

Отдышавшись и вырвавшись из объятий родителей, Глория радостно повернулась к Робби. Для нее произошло только одно: она нашла своего друга.

Но на лице миссис Вестон облегчение сменилось подозрением. Она повернулась к мужу. Несмотря на волнение и растрепанные волосы, она выглядела внушительно.

— Это ты устроил?

Джордж Вестон вытер вспотевший лоб. Рука его тряс-

лась, и губы могли сложиться лишь в дрожащую, крайне жалкую улыбку. Миссис Вестон продолжала:

— Робби не предназначался для работы на заводе. Ты нарочно устроил так, чтобы его посадили здесь и чтобы Глория его нашла. Это все ты устроил.

— Ну, я,— признался Вестон.— Но, Грейс, откуда я мог знать, что встреча будет такой бурной? И потом, Робби спас ей жизнь, ты должна это признать. Ты не можешь отослать его снова.

Грейс Вестон задумалась. Она рассеянно взглянула в сторону Глории и Робби. Глория так крепко обхватила шею робота, что, будь на его месте существо из плоти и крови, оно давно бы задохнулось. Вне себя от счастья, девочка оживленно болтала всякую чепуху на ухо роботу. Руки Робби, отлитые из хромовой стали и способные завязать бантиком двухдюймовый стальной стержень, нежно обвивались вокруг девочки, а глаза его светились темно-красным огнем.

— Ну, ладно,— сказала, наконец, миссис Вестон, пожалуй, он может остаться у нас, пока его ржавчина не съест.

МИНИМУМ НЕОБХОДИМОГО

Ричард Грегор сидел за столом в конторе «ААА Первокласной Службы Оздоровления Планет» и без всякого энтузиазма разглядывал лежащий перед ним список из 2305 позиций, пытаясь вспомнить, не упустил ли он чего-либо.

Антирадиационная мазь? Вакуумные осветительные ракеты? Установка водоочистки? Нет, перечень включал все необходимое.

Грегор зевнул и посмотрел на часы. Арнольду, его компаньону, пора бы и вернуться. Тот отправился заказывать поименованное в списке снаряжение, чтобы затем проследить за доставкой покупок на борт звездолета.

Через несколько часов ААА приступала к выполнению очередного контракта.

Но все ли он записал? Звездолет — что затерянный в океане остров, ибо если на Дементии II вдруг кончится фасоль, едва ли удастся найти там магазин и пополнить запас. И спасатели не прилетят по первому зову, чтобы заменить сгоревший отражательный экран маршевого двигателя.

Запасной экран следовало взять с собой вместе с инструкциями и приспособлениями для его установки. Космос велик, и рассчитывать на чью-то помощь не приходилось.

Кислородный экстрактор? Сигареты? Не звездолет, а целый универмаг с притороченным к прилавку двигателем. Грегор со вздохом отодвинул список, достал колоду карт и начал раскладывать пасьянс.

Несколько минут спустя в контору ворвался Арнольд.

Грегор подозрительно взглянул на своего компаньона. Обычно сияющее лицо и подпрыгивающая походка маленького химика сулили ААА немалые неприятности.

— Ты все достал? — спросил Грегор.

— Даже больше, — гордо отвечивал Арнольд.

— Мы должны стартовать...

— Конечно, конечно,— перебил его Арнольд и уселся на краешек стола.— Сегодня я сберег нам целое состояние.

— О,— вздохнул Грегор.— Каким же образом?

— Ты же знаешь,— важно начал Арнольд,— сколько денег уходит на оснащение обычной экспедиции? Мы берем с собой 2305 различных предметов на случай, что они, возможно, нам пригодятся. Наше вознаграждение уменьшается, в звездолете тесно и практически всегда снаряжение возвращается на Землю целехоньким, потому что не используется.

— За исключением тех случаев,— заметил Грегор,— когда оно спасает нам жизнь.

— Я это учел. И вообще рассмотрел возникшую дилемму в комплексе. Так уж вышло, что я наткнулся на одну штуковину, которую действительно нужно везти с собой. Вот она-то понадобится нам наверняка.

Грегор поднялся и, едва сдерживая себя, подошел к компаньону.

— Арнольд,— процедил он,— я не знаю, что ты сделал. Но эти 2305 предметов должны быть на борту. Чем скорее, тем лучше.

— Невозможно! — Арнольд нервно рассмеялся.— Нет денег. Но эта штуковина себя окупит.

— Какая еще штуковина?

— Единственная действительно необходимая вещь. Поехали. Я тебе все покажу.

Большого Грегору добиться не удалось. По пути в космопорт Арнольд молчал и лишь загадочно улыбался. Звездолет уже вывели на стартовую площадку.

— Смотри! — воскликнул Арнольд, откинув люк.— Мечта всех космических путешественников.

Грегор подошел к большой, необычного вида машине с разбросанными по всей поверхности клавишами, кнопками, дисками приборов, индикаторными лампочками.

— Что это? — спросил он.

— Ну разве не прелесть! — Арнольд любовно похлопал машину по передней панели.— Я нашел ее у Джо, межзвездного старьевщика, и приобрел буквально за гроши.

Грегору все стало ясно. Он уже имел дело с Джо и не помнил случая, чтобы тот оставался внакладе. Продаваемый им хлам, конечно, работал, но мог выкинуть самый неожиданный фортель.

— Ни одна из машин Джо не полетит со мной в космос,— отрезал Грегор.— Надеюсь, мы сумеем продать это на металлолом,— и огляделся в поисках чего-нибудь тяжелого.

— Погоди,— взмолился Арнольд.— Сейчас я тебе все объясню. Представь себе, что в глубоком космосе забахрил маршевый двигатель. Осмотр показывает, что с тростью шестеренки соскочила стопорная гайка из дюралю. Гайку мы найти не можем. Что делать?

— Мы берем новую гайку из тех 2305 предметов, которые летят с нами именно на такой случай,— ответил Грегор.

— Ага! Но в твоем списке нет дюралевых гаек диаметром четверть дюйма! — победоносно воскликнул Арнольд.— Я проверял. Что тогда?

— Не знаю. Может, ты мне скажешь?

Арнольд подскочил к машине и нажал кнопку.

— Гайку из дюралю диаметром четверть дюйма,— громко и отчетливо произнес он.

В машине что-то зажужжало, замигали индикаторные лампочки. Затем передняя панель отошла в сторону, и перед компаньонами появилась блестящая, новехонькая дюралевая гайка.

— Вот что мы сделаем!

— Гм-м,— в голосе Грегора не чувствовалось восторга.— Значит, она делает дюралевые гайки. Что еще?

Арнольд вновь нажал кнопку.

— Фунт свежих креветок.

На этот раз за панелью оказался фунт свежих креветок.

— Лучше бы я заказал их очищенными,— вздохнул Арнольд и, нажав кнопку, добавил: — Графитовый стержень, длина четыре фута, диаметр два дюйма.

— Что она еще может? — спросил Грегор, поглаживая стержень.

— Чего бы ты хотел? Заказывай сам. Клетку для тигров? Карбюратор с нисходящим потоком? Двадцатипятиваттную лампу? Жевательную резинку?

— Значит, он может все?

— Именно. Это Конфигуратор. Попробуй.

Грегор нажал на кнопку и получил пинту чистой воды, наручные часы и бутылку шотландского виски.

— Гм-м,— повторил он.

— Понимаешь, что я имел в виду? Разве лучше тащить

с собой эти 2305 предметов? Не проще ли и логичнее в нужный момент изготавливать то, что необходимо?

— Звучит неплохо,— согласился Грегор.— Но...

— Что «но»?

Грегор покачал головой. Действительно, что? Он не мог найти ни одного довода. Но знал по опыту, что ни одна из машин Джо не работала так хорошо, как казалось с первого взгляда. Подумав, он вновь нажал кнопку.

— Транзистор, серия SE 1324E.

Машина зажужжала, сдвинулась передняя панель, открыв крохотный транзистор.

— Интересно,— пробурчал Грегор.— Что ты делаешь?

— Чищу креветки,— ответил Арнольд.

Едва они съели креветки, как пришло разрешение на взлет. Меньше чем через час их звездолет покинул Землю. Они летели к Деннету IV, небольшой планете в созвездии Девы. Этот жаркий, влажный и плодородный мир имел существенный недостаток: или там лил дождь, или собирались тучи.

Им предстояла не слишком сложная работа. Достаточно хорошо исследованные методы контроля климата, многократно проверенные на других планетах, испытывавших аналогичные трудности, позволяли надеяться, что ААА справится с ней максимум за неделю.

Полет прошел без происшествий, и вот на экране переднего обзора показался Деннет IV. Арнольд выключил автопилот и повел звездолет на посадку, пронизывая толстый слой облаков. Наконец показались вершины гор, затем плоская, без единого деревца, серая равнина.

— Какой странный цвет у здешней почвы! — заметил Грегор.

Арнольд согласно кивнул. По спирали он плавно повел звездолет вниз, выровнял у самой земли и выключил двигатель.

— Интересно, почему нет растительности? — спросил Грегор.

Через мгновение он получил ответ. Звездолет провалился сквозь равнину и, пролетев, как потом выяснилось, еще восемь футов, рухнул на поверхность Деннета IV.

Только на этой планете мог сформироваться столь густой, неотличимый от тверди туман.

Торопливо ощупав себя и убедившись, что переломов

и тяжелых увечий нет, компаньоны отстегнули предохранительные ремни и приступили к осмотру звездолета.

Свободное падение не пошло на пользу старой посудине. Радиостанция и автопилот разлетелись вдребезги, помялась обшивка и, что самое худшее, пострадала система управления.

— Нам повезло.— Арнольд не терял присутствия духа.

— Да,— согласился Грегор, вглядываясь в окружающий их туман,— но в следующий раз надо пользоваться приборами.

— В какой-то степени я даже рад случившемуся,— продолжил Арнольд.— Теперь ты сам увидишь, зачем нужен Конфигуратор. Давай займемся делом.

Они составили перечень поврежденных деталей и узлов. Арнольд подошел к Конфигуратору и нажал кнопку.

— Анодная пластина ускорителя, площадь пять квадратных дюймов, толщина полдюйма, сплав 342.

Машина мгновенно выполнила приказание.

— Нам нужно десять штук,— напомнил Грегор.

— Я знаю. Еще одну,— с этими словами Арнольд нажал кнопку.

Конфигуратор не прореагировал.

— Наверное, требуется полная команда.— Арнольд с силой вдавил кнопку.— Анодная пластина ускорителя, площадь пять квадратных дюймов, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор безмолвствовал.

— Странно,— пробормотал Арнольд.

— Этого-то я и боялся.— У Грегора засосало под ложечкой.

Арнольд попробовал еще раз, результат тот же. Глубоко задумался, снова нажал кнопку.

— Пластмассовая чашка!

За передней панелью тут же появилась ярко-синяя пластмассовая чашка.

— Еще одну!

Машина оставила просьбу без внимания.

Арнольд потребовал цветной мелок и сразу же получил его.

— Еще один мелок!

Никакой реакции.

— Интересно! — Арнольд покачал головой.— Следовало предусмотреть такую возможность.

— О чем ты?

— Очевидно, Конфигуратор может сделать все что угодно. Но только в одном экземпляре.— Он тщетно попытался выудить у машины два карандаша.

— Все это хорошо,— проворчал Грегор,— но нам нужно еще девять анодных пластин. И четыре одинаковых блока системы управления. Что ты собираешься делать?

— Мы что-нибудь придумаем,— попытался успокоить его Арнольд.

За иллюминатором лил дождь.

— Есть только одно объяснение! — воскликнул Арнольд несколько часов спустя.— Принципи удовольствия!

— А! — Грегор испуганно вздрогнул. Он уже давно дремал, убаюканный мерным шумом падающих на обшивку звездолета капель дождя.

— Машина, несомненно, обладает определенным интеллектуальным уровнем,— продолжал Арнольд.— В конце концов она получает приказ, анализирует его и выдает требуемый продукт, характеристики которого заложены в ее памяти.

— Конечно, выдает,— согласился Грегор.— Но только в единственном числе.

— Да. Но почему? В ответе на этот вопрос и кроется разрешение возникших у нас трудностей. Думаю, мы столкнулись с самоналоженным ограничением, связанным с тягой к наслаждениям. Или, возможно, к псевдонаслаждениям.

— Я что-то тебя не пойму.

— Послушай. Создатели Конфигуратора не могли так сузить его возможности. Отсюда делаем вывод: машина такой сложности приобретает псевдочеловеческие качества. Она испытывает псевдочеловеческое удовольствие от создания новой вещи. Но любая вещь бывает новой лишь однажды. А потом Конфигуратор хочет создать что-то еще.

Грегор снова задремал, а Арнольд все развивал свою идею.

— Заветное желание Конфигуратора — создать все что возможно. С его точки зрения повторение — просто трата времени.

— Никогда не слышал подобной ерунды.— Грегор зевнул.— Но, допустим, ты прав. Так что нам теперь делать?

— Не знаю.

— Я так и думал.

На обед в этот день Конфигуратор выдал им ростбиф, яблочный пирог и швейцарский сыр. Настроение компаньонов заметно улучшилось.

— Заменители! — воскликнул Грегор, раскурив полученную от машины гаванскую сигару. — Вот что стоит попробовать. Пластины можно изготавливать не только из сплава 342. Нам ведь нужно только дотянуть до Земли.

Однако получить пластины из железа и содержащих его сплавов им не удалось: этот элемент составлял основу сплава 342. Бронзовую пластину они добыли, но с медью и оловом уже ничего не вышло. Затем последовали алюминий, кадмий, платина, золото и серебро. Пластина из вольфрама казалась настоящим чудом. Арнольд дорого бы отдал, чтобы узнать способ ее изготовления. Грегор отказался от плутония, но вспомнил о токопроводящей керамике. Последнюю пластину им сделали из цинка.

Конечно, чистые металлы по своим характеристикам уступали специальным сплавам, но для коротких перелетов годились и они. Друзья славно потрудились и отметили успех ароматным выдержанным шерри.

Наутро они поставили пластины на место. Теперь двигатель напоминал лоскутное одеяло.

— По-моему, неплохо, — довольно улыбнулся Арнольд.

— Надеюсь, они выдержат, — кивнул Грегор. — Давай-ка займемся системой управления.

Им не хватало четырех идентичных блоков, сложных, точных конструкций из стекла и металла. Тут заменители не подходили.

Первый блок Конфигуратор выдал без промедления. И все. К полудню компаньоны выдохлись.

— Есть идеи? — спросил Грегор.

— Никаких. А не пообедать ли нам?

Они заказали салат из крабов. Конфигуратор было зажужжал, но передняя панель не шелохнулась.

— В чем дело? — удивился Грегор.

— Этого-то я и боялся, — вздохнул Арнольд.

— Чего — этого? Мы же не заказывали крабов.

— Нет, но уже съели креветок. И те, и другие имеют хитиновый покров. Боюсь, Конфигуратор знаком с классификацией видов.

— Тогда придется открывать консервы.

— Ну,— Арнольд опустил голову,— купив Конфигуратор, я решил, что не стоит беспокоиться о... ну, в общем...

— Консервов нет?

— Нет.

Они попросили семгу, форель, тунца. Безрезультатно. Жареную свинину, баранью ногу, говяжью вырезку. Ничего.

— Похоже, что вчерашний ростбиф олицетворял всех млекопитающих,— заметил Арнольд.— Это интересно. Кажется, мы можем создать новую теорию клас...

— Умирая от голода,— прервал его Грегор.— Жареного цыпленка!

Цыпленка он получил.

— Эврика! — воскликнул Арнольд.

— Черт! — выругался Грегор.— Лучше б заказал индейку.

Дождь лил не переставая. Арнольд углубился в какие-то расчеты. Грегор допил шерри, безуспешно попытался выудить из Конфигуратора ящик шотландского виски и начал раскладывать пасьянс.

После скромного ужина, состоящего из остатков цыпленка, Арнольд шлепнул Грегора по плечу.

— Может получится!

— Получиться что?

— Принцип удовольствия.— Арнольд закружил по каюте.— Машина обладает псевдочеловеческими качествами. Она, несомненно, поддается обучению. Мы должны подвести ее к мысли о том, что многократное воспроизводство одного и того же предмета, в частности блока системы управления, доставит ей безмерное наслаждение.

— Стоит попробовать,— согласился Грегор.

Всю ночь они говорили с Конфигуратором. Арнольд убедительно нашептывал о прелестях повторяемости. Грегор важно рассуждал об эстетических достоинствах, присущих созданию такого сложного устройства, как блок системы управления, и не единожды, а многократно, с абсолютной идентичностью каждого из них. Арнольд доверительно мурлыкал о наслаждении, ни с чем не сравнимом наслаждении повторения. Снова и снова, вновь и вновь, одни и те же блоки, неотличимые друг от друга, как близнецы. Экстаз! И, добавлял Грегор, сколь прекрасна сама философская идея, как точно соответствует она возможностям и желаниям машины. Именно повто-

рение, противоположность созидания, наилучшим образом отвечало понятию энтропии, что в мире машин означало совершенство.

Мигание лампочек показывало, что Конфигуратор внимательно слушает. И наконец при первых проблесках туманной зари Деннета, Арнольд нажал на кнопку и дал команду на изготовление еще одного блока системы управления.

Машина заколебалась. В усилившемся жужжании чувствовалась охватившая ее неуверенность. И тут передняя панель отошла в сторону. За ней лежал блок системы управления.

— Победа! — вскричал Грегор и запросил еще один блок.

В жужжании появились басовые нотки, но панель не шелохнулась.

Грегор попробовал вновь — тот же результат. Намерения Конфигуратора не вызывали сомнений: никаких двойников.

— Что это с ним? — спросил Грегор.

— Все очевидно, — грустно объяснил Арнольд. — Конфигуратор решил выяснить, так ли хорошо повторение. И пришел к выводу, что оно ему не нравится.

— Машина, не любящая повторения, — простонал Грегор. — Это бесчеловечно!

— Наоборот, — покачал головой Арнольд, — это так похоже на человека.

Ужин дался компаньонам нелегко. Овощи они получили без затруднений, но они оказались не слишком питательными. Машина выдала им хлеб, но отказала в торте. Съеденный днем раньше сыр вывел из их рациона молочные продукты. Лишь после долгих мучений они добились фунта китового мяса.

После еды Грегор вновь начал расписывать прелести повторения. Мерное жужжание и мерцание ламп указывало, что Конфигуратор по-прежнему внимательно слушает.

Арнольд обложился справочниками и приступил к разработке очередной идеи. Несколько часов спустя раздался его триумфальный вопль:

— Я знал, что найду!

— Что? — Грегор с надеждой посмотрел на него.

— Аналог системы управления. — Арнольд сунул Грегору раскрытую книгу. — Смотри сюда. Ученый с Ведне-

ра II предложил эту конструкцию лет пятьдесят назад. По современным меркам она довольно громоздка, но вполне работоспособна и подойдет к нашему двигателю.

— А из чего она сделана?

— В этом-то вся прелесть. Из резины.

Арнольд быстро нажал на кнопку и прочел Конфигуратору описание новой системы управления.

К изумлению компаньонов, их приказ остался невыполненным.

— Ты должен ее сделать! — взревел Арнольд и хватил кулаком по передней панели. — Ты не можешь нарушить своих же принципов! — И он повторил описание системы.

Ответа они не получили.

Тут у Грегора зародилось ужасное подозрение. Обойдя машину, он нашел то, чего боялся, и подозвал Арнольда.

«Конфигуратор 3-го класса. Изготовлен в «Лабораториях Веднера», Веднер II», — прочитали они на небольшой пластинке.

— Значит, они уже использовали Конфигуратор для этой системы, — разочарованно протянул Арнольд.

Грегор промолчал. Да и что он мог сказать?

Плесень проникла во внутренние помещения звездолета. На стальной анодной пластине появилась ржавчина. Машина все слушала хвалу повторяемости, но никак не реагировала.

Приближалось время обеда. Фрукты, мясо всех сортов, рыба, молочные продукты, каши исключались. В итоге они получили ножки лягушки, кузнечиков, запеченных в тесте, старинное китайское блюдо, и филе из игуаны. Закусив холоднокровными, насекомыми и кузнечиками, они осознали, что в дальнейшем получить от Конфигуратора что-то съедобное, скорее всего, не удастся.

От постоянного напряжения длинное лицо Грегора стало еще костлявее, Арнольд обнаружил плесень у себя в волосах. Дождь лил непрерывно. Звездолет под собственным весом медленно погружался в размякшую почву.

И тут Грегора осенило. Осторожно подкрался он к Конфигуратору. Арнольд пристально наблюдал за компаньоном, встревоженный лихорадочным блеском его глаз.

— Я хочу дать этой штуковине последнюю команду, — прорычал Грегор.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал.

Вначале ответной реакции не последовало, но мгновение спустя Арнольд закричал:

— Отходи! Скорее отходи!

Машина задрожала, метались стрелки приборов, индикаторные лампочки светились зловещим пурпуром.

— Что ты ей приказал? — спросил Арнольд.

— Воспроизвести себя, — коротко ответил Грегор.

Конфигуратор затрясся, выпустил облако черного дыма. Компаньоны закашлялись, закрыли лицо руками. Когда дым рассеялся, рядом с покрытым облупившейся краской Конфигуратором стоял его новенький, сияющий глянецом собрат.

— Ура! — Арнольд хлопнул Грегора по плечу. — Ты нас спас!

— И не только, — сухо улыбнулся тот. — Я нажил нам состояние. — И, вдавив кнопку второй машины, добавил: — Конфигуратор!

Неделю спустя Арнольд, Грегор и три Конфигуратора прибыли в нью-йоркский космопорт, полностью закончив работу на Деннете IV. Сразу после посадки Арнольд поймал такси и умчался в город. Первым делом он отправился на Кэнел-стрит, затем в центр Нью-Йорка. Через три часа он вернулся в космопорт.

— Все в порядке! — радостно прокричал он. — Я переговорил с несколькими ювелирами. Мы можем продать, как минимум, двадцать крупных бриллиантов, не сбивая цену. Потом, полагаю, мы переключимся на платину и... что случилось?

— Ничего не замечаешь? — резко спросил Грегор.

— А что? — Арнольд растерянно оглядел кабину, Грегора, Конфигураторы. Наконец он понял. Когда он уезжал, их было три, теперь стало четыре.

— Ты приказал сделать еще один? — спросил Арнольд. — Прекрасно! А сейчас давай приступим к алмазам...

— До тебя, я вижу, не доходит, — покачал головой Грегор. — Смотри.

— Бриллиант! — приказал он, нажав на кнопку ближайшего Конфигуратора.

Машина задрожала.

— Ты и твой проклятый принцип удовольствия! — рывкнул Грегор. — Повторение! Они посходили с ума!

В облаке черного дыма машина произвела...

Еще один Конфигуратор.

ИСЧЕЗНУВШИЙ РОБОТ

— Отец, отец, иди скорее сюда! — раздался из коридора крик Джоан.

Услышав испуганный голос дочери, профессор Фолкнер замер, не дописав строки.

— Отец!

— Иду, иду! Что случилось? — Профессор поспешно поднялся с кресла. — Пожалуйста, пройдемте со мной в лабораторию, — сказал он, обращаясь к двум своим коллегам.

В дверях лаборатории стояла Джоан.

— Он исчез, — сказала она.

— Кто исчез? — промолвил профессор, протискиваясь мимо нее в лабораторию. — Ты хочешь сказать, он убежал?

— Нет. — Джоан так энергично тряхнула головой, что черные локоны почти полностью закрыли ей лоб. — Посмотри вон туда, — указала она пальцем.

В дальнем углу лаборатории по полу медленно растекалось большое темное пятно.

В середине его все еще возвышался небольшой холмик удлинненной формы. Ошеломленный профессор смотрел, как он буквально тает на глазах, растворяясь в луже темноватой жидкости. Вот он растаял совсем, и на полу теперь поблескивало небольшое, словно ртутное, озеро.

Профессор буквально окаменел и на мгновение лишился дара речи.

— Это... это был он? — наконец странно охрипшим голосом промолвил он.

Джоан утвердительно кивнула головой.

— Когда я вошла, его еще можно было узнать. Он еще не совсем... растаял...

— Как это случилось?! — вдруг разъярился профессор. — Кто это сделал?

— Не знаю, отец, — обиженно сказала Джоан. — Вернувшись домой, я первым делом заглянула сюда, проверить, все ли в порядке. Его не было на обычном месте

в углу, и я стала его искать. А потом увидела... это... Он таял на глазах. Я тут же позвала тебя...

— Следовательно, это и есть та машина, которую вы хотели нам показать, коллега? — спросил один из гостей профессора, носком ботинка указывая на колышущуюся, как желе, лужу в углу лаборатории. Он не скрывал своей иронии.

— Да, — удрученно произнес профессор, — это и есть, вернее... была та самая машина...

— И теперь вы ничем не можете подтвердить все то, что вы только что нам рассказали?

— У нас есть магнитофонные записи, — робко пролепетала Джоан. — Там столько интересного...

— Разумеется, разумеется, — бесцеремонно прервал девушку второй из гостей. — Я не раз видел киноленты, показывающие Нью-Йорк через сто лет. Но едва ли кому придет в голову предположить, что такие съемки делаются с натуры, не так ли, милая девушка? С помощью техники чего только не сделаешь, и все будет выглядеть вполне правдоподобно.

Джоан вспыхнула, но сдержала себя. А профессор, казалось, не слышал язвительных замечаний коллег. Гнев его погас, и он лишь горестно и растерянно смотрел на то, что осталось от «машины».

— Кто, кто посмел сделать это? — продолжал повторять он.

— Может быть, это несчастный случай, отец? — робко заметила Джоан.

— Может быть, может быть, — рассеянно пробормотал профессор.

— Я не то хотела сказать, отец, — поправилась Джоан. — Видишь ли, мне кажется, он последнее время... тосковал... — Она произнесла эти слова почти скороговоркой, и в голосе ее прозвучал вызов.

Воцарилось молчание.

— Вы что-нибудь понимаете в этой чертовщине? — вдруг произнес один из гостей, обращаясь к другому. — Робот тосковал! Представляете? Не собираетесь ли вы утверждать, мисс, что машина покончила жизнь самоубийством? Что ж, я ничуть не удивлюсь, после всего того, что только что изволил рассказать ваш отец.

Круто повернувшись, он бросил через плечо своему спутнику:

— Думаю, нам здесь больше делать нечего. И если завтра газеты объявят этот дом домом сумасшедшего, для меня это не будет неожиданностью. Лучше вовремя уйти.

Рассмеявшись, коллеги профессора вышли из комнаты, оставив негодующих и возмущенных хозяев.

Наконец немного придя в себя, Джоан оторвала взгляд от зловещего пятна на полу. И тут же ее внимание привлекла стопка бумаг на скамье. Она не помнила, чтобы отец оставлял здесь свои рукописи, да и она ничего здесь не оставляла. Джоан пересекла комнату и взяла в руки исписанные листки. Удивленное восклицание дочери вывело профессора из оцепенения.

— Отец, посмотри! — В голосе девушки было неподдельное волнение.

— Что, что это у тебя? — Профессор испуганно смотрел на листки бумаги в руках дочери. Приблизившись, он увидел, что они испещрены странными знаками. — Что это?.. — снова спросил он, но нетерпеливая Джоан не дала ему закончить.

— О, господи, как ты не понимаешь? — взволнованно воскликнула она. — Это он нам оставил... Это он написал...

Лицо профессора на мгновение прояснилось, но затем глубокая печаль снова окутала его.

— Как это ему удалось, бедняге?

— Он был не так уж глуп. Должно быть, он успел достаточно хорошо изучить наш язык и составить ключ к этим знакам. Бедняжка так и не научился писать по-английски. Посмотри, это, должно быть, и есть ключ.

Джоан понадобилось несколько недель, чтобы расшифровать странное послание. Но вот, наконец, она положила отцу на стол готовую рукопись. Профессор уединился в своем кабинете и не выходил из него, пока не прочел всю рукопись до конца...

* * *

«...По мере того как мы медленно шли на снижение, Бануф нервничал все больше.

— Смотри, — наконец подозвал он меня, — это и есть Третья планета.

Я пересек кабину и стал с ним рядом. Нашим глазам открылось, пожалуй, самое удивительное зрелище, какое доводилось видеть обитателям Четвертой планеты. Хотя до незнакомой планеты было еще довольно далеко, то, что мы увидели, буквально ошеломило нас. Привыкшие к приглушенным красноватым тонам пейзажа нашей родины, столь бедной растительностью, мы были потрясены буйством ярких красок. Новая планета была изумрудно-зеленой, словно никогда не знала недостатка во влаге. На нашей планете, которую жители Земли именуют Марсом, растительность встречается лишь по краям каналов, а здесь зеленело все. Блеснула причудливо изогнутая лента воды — символ чужого загадочного мира. Мы приближались.

Вдруг внимание наше привлекли разбросанные среди зелени черные камни, а затем целые нагромождения камней. Над многими из них курился дымок.

— Я думаю, здесь не так трудно проникнуть в глубь планеты и достичь ее центра. Должно быть, ее расплавленная сердцевина находится совсем близко от поверхности, — заметил Бануф, с опаской глядя на дым.

— Видишь, сколько здесь скважин, и из каждой идет дым. Не думаю, чтобы эту планету населяли разумные существа — она слишком раскалена. Боюсь, нам не удастся выйти наружу, во всяком случае мне.

Он произнес это с искренним сожалением. Мне стало даже жаль его. Человек состоит из изъянов и слабостей, неведомых нам, машинам. Я знал, что Бануф жаждет самолично исследовать незнакомую планету.

Мы еще довольно долго молча вглядывались в приближающийся странный зеленый мир. Наконец Бануф нарушил молчание:

— Я думаю, нам лучше всего сесть здесь, Зет. — И он указал на открытое пространство.

— А вдруг это вода? Очень уж подозрительно ровное это место, — сказал я.

— Нет, — успокоил меня Бануф. — Скорее всего, это суша с низкой растительностью.

Одного прикосновения к рычагу было достаточно, чтобы аппарат быстро пошел на снижение. Мы устремились к зеленому квадрату, облюбованному Бануфом. Он был так четко и аккуратно очерчен, словно создан каким-то разумным существом. В одном из углов его лежал серый

камень весь в отверстиях, извергавших дым. С трех сторон квадрат обрамляла густая, колышущая ветром растительность.

— Надо полагать, здесь большая плотность атмосферы, раз возможны такие колебания,— заметил Бануф.

— Камень подозрительно правильной формы, да и отверстия расположены на одинаковом расстоянии друг от друга. Не кажется ли вам...— Мягкий толчок от посадки помешал мне закончить фразу.

— Приготовься, Зет,— отдал команду Бануф.

Но я давно уже был готов. Открыв люк, я вышел в шлюзовую камеру. Бануф останется в ракете, пока я не удостоверюсь, что атмосфера новой планеты не опасна для него. Хотя люди куда более сложны и оригинальны по своей конструкции, чем мы, машины, и приспосабливаются к новой обстановке быстрее, чем любые другие живые существа, возможности их, увы, очень ограничены. Там, где Бануфу не обойтись без сложной и громоздкой аппаратуры, чтобы выдержать новые условия, мне, машине, ничего не нужно.

Так было и здесь. Плотность атмосферы разве чуть немного замедляла движения. Что касается температуры, то ее я вообще не ощущал.

— Притяжение здесь намного сильнее,— предупредил меня Бануф.— Не забывай, что эта планета значительно больше нашей.

Что ж, для этого надо просто выпустить лишнюю пару конечностей, вот и все.

Выйдя из шлюзовой камеры наружу, я только обрадовался, что они у меня есть — незнакомая планета действительно притягивала как магнит.

На акклиматизацию понадобилось не более минуты, а затем я обошел корабль и приблизился к иллюминатору, из которого глядел на меня Бануф. Я дал ему возможность проверить показания приборов — атмосферное давление, силу притяжения, содержание газов и прочее. Наконец Бануф грустно покачал головой. Возможно, со временем он акклиматизируется, но о том, чтобы выйти сейчас, не могло быть и речи.

У нас заранее было договорено, что в этом случае все исследования и сбор данных произведу я, а он будет вести наблюдения из кабины.

Он дал мне знак начинать, и я быстро зашагал.

сторону той густой растительности, что окружала место нашей посадки. Оглянувшись назад, я увидел, как наш серебристый корабль медленно отрывается от поверхности и поднимается в воздух.

Вдруг воздух потряс взрыв такой оглушительной силы, что тугая воздушная волна чуть не разнесла вдребезги диафрагмы моего слухового аппарата. Причина катастрофы навсегда останется для меня тайной. Знаю только одно: когда я посмотрел вверх, нашего корабля уже не было; с неба на меня дождем посыпались обломки.

Со стороны странного нагромождения камней послышались возбужденные крики, и из нижних щелей главного большого камня выкатились маленькие фигурки людей. Они устремились к рухнувшему телу корабля. Но я опередил их. Не успели они пробежать и полпути, как я уже был там. Я заметил, как они в страхе остановились, когда я пронесся мимо.

— Господи, ты видел? Что это? — испуганно воскликнул один из них.

— Что это еще за чертовщина такая? — спросил другой.

— Какой-то гроб на ножках, — заметил третий. — Но бегают-то как!

БЕГСТВО

Бануф лежал среди обломков. Выпростав передние рычаги, я осторожно приподнял его. Я сразу же понял, что помочь ему невозможно: Бануф был слишком покалечен. Он попытался было улыбнуться мне, но сознание покинуло его. Мне искренне было его жаль. Хотя Бануф и не был роботом, все же мы с ним были из одного мира и за время нашего длительного путешествия я хорошо узнал его и привязался к нему. Жаль, что человеческие существа так несовершенны. Стоит сломаться какой-нибудь детали — и они полностью выходят из строя. Если бы он был таким, как я, мне ничего не стоило бы заменить сломанные части, и он был бы как новенький. А сейчас я ничем не мог ему помочь.

Размышляя над всем этим, я вдруг обнаружил, что окружен жителями незнакомой планеты. Здесь были мужчины и женщины, и тут я впервые остро ощутил свою неспособность общаться с ними.

Я читал их мысли, ибо мои улавливающие устройства были настроены на соответствующую волну, но они меня не понимали. Помочь я им не мог. Их воспринимающие устройства были, очевидно, столь несовершенны, что они не улавливали импульсов, которые я им посылал.

Чем теснее смыкалось кольцо вокруг меня, тем с большим удивлением я убеждался, что они меня боятся.

Человек боится машины! Невероятно! Почему они боятся? Ведь человек и машина призваны помогать друг другу. На мгновение мне показалось, что я ошибся и просто неправильно прочел их мысли. Возможно, на этой планете все не так, или мои приборы вдруг зашалили? Но вскоре я понял, что ошибки нет: они действительно меня боялись.

Это могло произойти только по двум причинам: они никогда прежде не видели робота или же роботы на Третьей планете были совсем иных конструкций и не похожи на меня.

Я повернулся к ним, протягивая им неподвижное тело Бануфа, а потом сделал шаг навстречу настороженной толпе. Я положил перед ними Бануфа, а сам отошел немного. Я по опыту знал, что люди предпочитают сами оказывать помощь себе подобным. Кто-то сделал шаг вперед и стал внимательно разглядывать Бануфа, но большинство не двинулось с места. Они все глядели на меня.

Даже темный цвет кожи Бануфа ничуть не удивил их, хотя их собственная кожа была бледной, очевидно, из-за недостатка ультрафиолетовых лучей.

— Мертв? — спросил кто-то.

— Как пить дать, — ответил другой. — Станный вид у этого парня. Не могу понять, какой он расы или национальности. Посмотрите на его череп. Какие огромные уши! Да и вся голова чересчур велика.

— Чего им тут заниматься? — заметил кто-то. — Он никуда не денется. Меня больше интересует вот эта штукавина. — И он указал прямо на меня. — Что это за сооружение, черт побери?

И все они снова уставились на меня. А я стоял не двигаясь, давая им возможность получше меня разглядеть.

«Высота футов шесть, — прочел я мысли одного из них, — два фута в ширину, металл белый, должно быть...

(Остальное ничего мне не говорило.) Четыре ноги по краям квадратного корпуса, чуть повыше нижнего края, сочленения, как у краба, спереди — подобие рук, тоже из белого металла. Интересно, что за приборы у него спереди и линзы?.. Впрочем, какой бы энергией они ни питались, она, должно быть, уже иссякла...»

Человек сделал нерешительный шаг вперед.

Чтобы поощрить его, я произнес слова одобрения. Все настороженно замерли.

— Вы слышали? — раздался испуганный шепот.— «Оно» что-то сказала.

— Громкоговоритель,— успокоил тот, кого заинтересовало мое устройство.

Вдруг лицо его просияло.

— Понял! — вскричал он.— Дистанционное управление, телефонная и телевизионная связь...

Итак, эти люди ничего не понимали в роботах. Догадки этого человека никуда не годились, и тем не менее я с облегчением решил, что могу теперь надеяться на понимание, и сделал шаг вперед.

Вдруг раздался грохот и что-то, задев меня, со свистом пронеслось мимо. Я увидел, как кто-то из толпы направил на меня кусок трубы, и понял, что сейчас снова последует взрыв. Если первый не причинил мне вреда, то кто знает, что наделает второй. Он может повредить глазные линзы. Я повернулся и побежал в сторону зеленых зарослей. Посланные вдогонку два или три взрыва, к счастью, не причинили мне вреда. Оружие было весьма несовершенным и, должно быть, чаще всего било мимо цели.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Весь день и всю ночь я прятался в густых зарослях.

Я впервые был предоставлен самому себе и не подчинялся приказам человека. Мне казалось, что теперь мое существование лишено всякого смысла. Человеком движет непонятная сила, которую он называет стремлением к цели. Она движет всеми людьми и через них передается нам. Сами по себе мы лишены этих импульсов. Возможно, со временем они появятся и у нас. Ведь то, что заставило меня убежать от толпы и человека с оружием, было похоже на инстинкт самосохранения. Это же чувство заставляет

меня теперь прятаться в этой чужой и опасной местности. И тем не менее собственной цели у меня нет. Я могу двигаться и действовать только по воле человека.

Однако я отметил, что способен делать кое-какие самостоятельные наблюдения. Местность, по которой я осторожно продвигался, время от времени пересекали полосы с твердым покрытием. Их назначения я пока не мог определить. Мое недоумение также вызывали бесконечные линии тонких проводов, натянутые над землей и уходящие вдаль. Сначала я решил, что так, должно быть, здесь огораживают земли, но потом понял, что это слишком ненадежная защита.

Вскоре я также убедился, что постоянно встречающиеся нагромождения камней созданы самим человеком и, видимо, служат ему жилищем. Дым, валивший из камней, объяснил мне способ, которым эти жилища обогревались. На нашей, Четвертой планете давно отказались от столь незнакомого способа обогрева. Открытый огонь у нас можно видеть разве что во время пожаров, да и то время это давно ушло.

Лишь на второй день странствий мне повстречалась первая машина. Она стояла у края той самой твердой полосы, которая в первый же день привлекла мое внимание. Мои линзы внезапно уловили отблеск, отбрасываемый полированной поверхностью машины, и я тут же поднялся из зарослей. Трудно передать, как я обрадовался. Наконец-то я встретил кого-то, кто сможет меня понять. Волнение мое было столь велико, что, не удержавшись, я издал приветственный крик.

За машиной кто-то зашевелился, и я увидел человека, удивленно уставившегося на меня. Я сразу понял, что это женщина, несмотря на неуклюжее одеяние, которое носят жители Третьей планеты. Женщина глядела на меня, и в ее мыслях удивление постепенно сменилось откровенным страхом. Гаечный ключ с грохотом вывалился из ее рук, и в одно мгновение она очутилась в машине. Дверца захлопнулась, раздался треск и урчание мотора, когда она стала нажимать какие-то кнопки. Однако машина не тронулась с места, несмотря на отчаянные усилия женщины. Чем ближе я подходил, тем большая паника охватывала ее. Мне же совсем не хотелось ее пугать. Было бы куда лучше, если бы ее импульсы не бомбардировали бы меня столь беспорядочно. Ведь меня интересовала не она, а ее

машина. Я совсем выбрался из кустов и наконец мог как следует разглядеть машину. Какое горькое разочарование ждало меня! Оно обрушилось, как сокрушающий удар. Передо мною была самая примитивная машина на колесах! Теперь я понял, что она способна передвигаться лишь по специальным дорогам. Позднее я убедился, что большинство механизмов на Третьей планете передвигалось именно так. Это было тяжелым разочарованием. Варварски сработанный механизм машины огорчил меня больше, чем все последующие неприятности.

Разочарованный и опечаленный, я попробовал заговорить с машиной. Она молчала, неподвижно стоя на своих нелепых колесах на твердой полосе дороги, словно намертво приросла к ней.

Подойдя совсем близко, я с брезгливостью заглянул в ее примитивно собранные внутренности, с грустью созерцая громоздкие и плохо прилаженные детали. Я снова ощутил свое полное одиночество. До этой встречи меня не покидала еще надежда встретить здесь родственную мне машину. Но теперь я понимал, что это едва ли возможно, раз здесь все еще в ходу столь допотопные монстры.

Передним рычагом я целовко царапнул поверхность машины и услышал испуганный вскрик. Лицо женщины было прижато к стеклу, она с ужасом глядела на меня, но в ее мыслях был такой хаос, что мне трудно было их прочесть. Чего она хочет? Чтобы я ушел? Нет, она хочет поскорее привести в действие машину. Она гадает, зверь я или животное, существую в действительности или это плод ее воображения? Последняя мысль, кажется, напугала ее больше всего. Наконец я понял, что, видимо, в машине что-то разладилось, и занялся поисками поломки.

Копаясь в примитивном нутре машины, я понемногу начал понимать, почему внушаю такой ужас жителям этой планеты. Имея такие грубо сколоченные и несовершенные машины, они неизбежно должны бояться их и не доверяют им. Разве можно положиться на подобное устройство, если оно, в случае поломки, не в состоянии само себя починить? Мне казалось, что я наконец нашел разгадку странного поведения обитателей Третьей планеты.

Тем временем женщина немного успокоилась и даже с интересом наблюдала за моими действиями. Но я по-прежнему казался ей фантастическим видением.

«Должно быть, я брежу», — то и дело говорила она себе, и каждый раз эта мысль повергала ее в ужас, но она тут же брала себя в руки.

— Ничего не понимаю, — наконец громко сказала она. Это как будто немного успокоило ее, и она решила посмотреть, что же будет дальше.

Наконец я закончил починку мотора. Кое-как соскоблив с передних рычагов тяжелое смазочное масло, в котором я вымазался, копаясь в машине, я дал женщине знак, что, мол, все готово. Она нажала кнопку, и мотор ровно загудел. Несмотря на шум мотора, мое улавливающее устройство поймало сигналы благодарности — моя новая знакомая, забыв о страхе, благодарила меня.

А затем машина тронулась. Я смотрел, как неуклюже катит она по твердой полосе.

Наконец она превратилась в маленькую точку и исчезла совсем.

Я решил вернуться в заросли и продолжить свой путь. С грустью я вспоминал свою далекую планету, окончательно поняв, что я одинок.

ХИЩНИКИ

Они атаковали меня, когда я пересекал ровную зеленую местность, которых здесь, к сожалению, так много.

Мое думающее устройство было окончательно сбито с толку тем, что творилось во мне самом. На Четвертой планете все было ясно: меня что-то интересовало или же не интересовало совсем, был настрой на определенные действия или же его не было. А здесь... Я вдруг обнаружил в себе рождение целого ряда импульсов, ранее совсем незнакомых и присущих, скорее, человеку. Например, одиночество. Я тосковал по своим товарищам-роботам. Появилось странное чувство тревоги, а временами оно сменялось чем-то похожим на безразличие, апатию. Хорош робот, впавший в апатию! Может, во всем виноват этот проклятый инстинкт самосохранения? Или же чужая среда так действует на мои химические элементы?

Размышляя над этим, я чуть было не прозевал их приближение. Поначалу был гул, отозвавшийся толчками в диафрагме слухового устройства, а затем я услышал

грохот, сотрясший землю. Обернувшись, я увидел, что они мчатся прямо на меня.

Это были чудовища, обросшие шерстью, с острыми пиками на голове. На моей планете, как я знал, они вымерли миллион лет назад. Четвероногие представители века варварства с каким-то непонятым остервенением топтали конечностями зеленую лужайку. Поскольку впереди меня некстати оказался канал, которых здесь тоже непонятное множество, мне ничего не оставалось, как убрать вовнутрь рычаги, защитить линзы и диафрагму слухового устройства и ждать, что будет дальше.

Увидев меня, чудовища замедлили бег и вскоре перешли на шаг. Ко мне они приблизились уже с опаской, подозрительно обнюхивая. Наконец, осмелев, одно из них попыталось поддеть меня своей рогастой головой, другое же ударило твердым концом конечности. Я терпеливо снес все это, поняв, что опасность не так уж велика. Эти примитивные существа не способны долго проявлять интерес к чему-либо. Скоро я им наскучу, и они оставят меня в покое.

Однако они не уходили и продолжали обнюхивать меня и бить конечностями. Я решил попробовать отогнать их и выпростал один из верхних рычагов. Но, увы, результат был совсем не тот, какого я ожидал. Вместо того чтобы разбежаться, они сбились в кучу и, издавая протяжные звуки, стали бить конечностями землю. Но на меня они не набросились, лишь чуть энергичнее боднули пару раз и все продолжали обнюхивать.

Вдруг я услышал голос. Это был голос человека. Через прикрытое слуховое устройство я хоть и с трудом, но все же уловил его слова.

— Что это стадо взбесилось, а, Билл?

— Кто его знает? — ответил другой голос. — Пойдем поглядим.

При приближении человека мои мучители наконец разбежались. Я слышал, как они удаляются, однако не рискнул открыть линзы.

— Что за дьявольщина! И откуда это взялось? Эй, Билл? — услышал я голос совсем рядом.

— А я почему знаю? Полчаса назад здесь ничего не было. А что это такое?

— Сам не знаю. Давай-ка перевернем и посмотрим, что это за штуковина такая.

Я решил, что сейчас самое время подать признаки жизни, пока они не успели нанести мне повреждений. Мой балансир может сразу не сработать, и, если они перевернут меня на спину, я могу оказаться совсем беспомощным. Я решил выдвинуть рычаг.

Раздался удивленный возглас, а затем испуганный шепот:

— Ты видел, Билл? Оно шевельнулось?

— Брось молоть ерунду. Как может такая штука шевельнуться! Ты еще скажешь...

Но тут я выпростал нижние рычаги и повернулся к ним. Они остолбенели от ужаса, но только на мгновение. Через секунду они уже в панике бежали по направлению к видневшимся вдали строениям. Я встал и последовал за ними. Мне было уже все равно.

Строения (я их уже различал) не все были из камня и располагались квадратом. Бежавшие исчезли в одном из них. Я услышал их предупреждающие крики внутри и шум голосов. Обогнув угол бокового строения, я увидел возбужденно лопочущую толпу — их было человек десять. Как только они заметили меня, они тоже поспешно скрылись внутри строения. За исключением одного.

Я остановился и стал разглядывать его, а он тоже уставился на меня, слегка покачиваясь. Глаза его недоумевающе моргали.

— Что это? — воскликнул он недовольно, словно сам себя спрашивал.

Я понял, что он здорово сбит с толку; мысли его путались, и я с трудом мог уследить за ними. Но он меня не боялся, и это было главное. Первый человек на этой планете, который не пришел в ужас от моего вида. Но похоже было, что он не очень верит в то, что я на самом деле существую.

— Эй, вы там, мне это не привиделось? Вы его тоже видите? — громко крикнул он тем, кто спрятался в строении.

Беспорядочные голоса заверили его в том, что они тоже меня видят и я действительно существую.

— Тогда все в порядке, — облегченно сказал человек и сделал шаг вперед.

Я тоже стал приближаться к нему, но очень медленно, чтобы не напугать его. Мы сошлись на середине двора, и он дотронулся грубой рукой до моего корпуса, словно

искал равновесия, а потом даже похлопал меня по корпусу, приговаривая:

— У, хороший, хороший пес! Спокойно, спокойно. Пойдем-ка со мной.— Поглядывая через плечо, следуя ли я за ним, он направился к бурому, сделанному из какой-то растительности строению, издавая на ходу странные, похожие на свист звуки.

Он открыл дверь строения и, махнув рукой, указал мне на кучу сухого хвороста. Он словно приглашал меня.

— Хороший старый пес,— снова повторил он.— Ложись. Вот так.— Несмотря на то, что меня, робота, приняли за собаку, я не обиделся и принял предложение. Я был рад, что меня наконец не боятся.

Он долго возился с замком, который ему никак не удавалось запереть.

ЦИРК

Наступил столь часто повторяющийся здесь период темноты и тишины. Будучи частью животного мира, человек нуждается в частом отдыхе, а поскольку для того, чтобы видеть, он не пользуется, как мы, инфракрасными лучами, он выбирает для отдыха те периоды, когда нет солнечного света и наступает темнота.

Как только взошло солнце, шум и движение за стенами моего обиталища возобновились. Все увещевали какого-то Тома. Должно быть, это и был тот человек, который вчера привел меня сюда и запер.

— Ты что? Собираешься его выпустить? — возбужденно спрашивали его.

— А почему бы и нет? — отвечал он.

— Что-то мне эта штукавина не очень нравится. Я бы на твоём месте её не трогал,— заметил чей-то голос.

— А вы все перетрусил небось,— насмешливо сказал Том.

— Ну, перетрусил. Ты бы и сам перетрусил, если бы не был под парами.

— Если он не тронул меня вчера, когда я был не... то зачем ему трогать меня сейчас? — не сдавался Том.

Говорил он уверенно, но в душе, я чувствовал, побаивается.

— Ну парень, пеняй на себя,— сказал снова голос.— Не говори потом, что тебя не предупреждали.

Я услышал, как говорившие отошли на, как они считали, достаточно безопасное расстояние. Том же, мысленно подбадривая себя, подошел к сараю.

— А почему бы мне его не выпустить? Больше того, я отвезу его кое-куда, где мне за него неплохо заплатят...

— Ты сдурел, парень!..

— Посмотрим.

Он загремел замком, а потом крикнул, как ему казалось, свирепым голосом, в котором, однако, слышался страх:

— А ну выходи!

Он очень обрадовался и даже удивился, когда я послушался. Правда, он чуть было не пустился наутек, когда я поднялся во весь свой рост, но все же поборол страх. Это, правда, стоило ему усилий.

Стараясь казаться совершенно спокойным, он направился к одной из машин, которые я уже видел на здешних дорогах, открыл заднюю дверцу и, махнув рукой, велел мне лезть внутрь. Потом он торжествующе посмотрел на своих друзей, насмешливо помахал им своим головным убором и тоже забрался в машину, сев впереди меня. Когда мы тронулись, я увидел, как все ошеломленно глядели нам вслед.

Солнце было еще высоко, когда мы доехали до места назначения. Возможности машины, на которой мы передвигались, были настолько ограничены, что по пути нам пришлось сделать несколько остановок, чтобы заправиться топливом и водой. Наконец мы остановились перед большими воротами в деревянном заборе.

Через него я увидел верхушку огромного тента из белого холста, украшенную цветными лоскутьями, которые развевались на ветру. К этому времени я уже перестал удивляться местным строениям и не гадал больше, каким целям они служат в этом примитивном мире; я предпочитал ждать, когда все объяснится само собой.

Из-за забора доносились неприятные, режущие слух звуки, затем показалась голова человека, который крикнул, перекрывая разноголосый шум:

— Что нужно? Главные ворота с другой стороны.

— Где хозяин? — крикнул Том.— У меня есть кое-что для него.

Ворота открылись.

— Он в конторе,— сказал человек и ткнул пальцем через плечо.

Мы въехали в ворота, и тут я про себя снова отметил страстие жителей Третьей планеты к колесам — даже «контора» была на колесах.

Том исчез в конторе и вскоре появился с каким-то человеком.

— Он здесь, в машине,— промолвил Том, указывая на меня.— Ничего подобного вы еще не видели — первый механический зверь в мире. Представляете, какие можно сделать афиши!

Мужчина разглядывал меня без всякого восторга, даже с известной долей недоверия.

— Этот ящик? — спросил он.

— Хорош ящик! А ну, ты! — крикнул мне Том.

Оба в страхе попятились, когда я поднялся. Незнакомый мужчина с опаской посмотрел на мои передние рычаги.

— Вы уверены, что эта штука безопасна? — нервно спросил он.

— Конечно! — воскликнул Том.— Совершенно безопасна.— И чтобы доказать это, он подошел и похлопал меня по корпусу.— Я предлагаю вам самый сногшибательный номер, какие только бывали в цирке. Он стоит в десять раз больше того, что я прошу. Вот увидите, нигде в мире такого не было и не будет.

— Да, и вправду, я ничего подобного не видывал,— ворчливо промолвил мужчина.— Где вы его откопали?

— Сделал сам,— нахально заявил Том.— В свободное время мастерил.

Человек по-прежнему не выказывал особого энтузиазма.

— А на что он способен? — наконец спросил он.

— Он-то? — Том чуть не задохся от негодования.— Да вы только поглядите... А ну принеси дрова,— велел он мне.

Когда я выполнил его приказание, хозяин цирка несколько оживился.

— А что у него внутри? — поинтересовался он.

— Секрет,— коротко ответил Том.

— Никаких секретов, если ты хочешь, чтобы я его купил. Ты думаешь, я совсем уже осел. Давай посмотрим, что у него внутри.

— Нет, нельзя,— запротестовал Том, с опаской поглядывая на меня.— Берете как есть или не берете совсем.

— Вот, значит, как? Думаешь, нашел идиота, который купит не глядя, а потом окажется, что там внутри сидит еще один вроде тебя и проделывает все эти фокусы. Сдается мне, парень, что тобой давно интересуется полиция, а?

— Внутри никого нет,— оправдывался Том.— Просто это механизм с... секретом, вот и все.

— Не поверю, пока сам не увижу.

Том с минуту подумал, прежде чем ответить.

— Ладно,— сказал он с отчаянием,— попробуем снять эту чертову крышку... Эй, ты куда?.. Стой!

Это он уже прокричал мне вслед, но я не обращал внимания на его крики. Одно дело — самому наблюдать и изучать эти странные существа, и совсем другое — позволить им копаться в твоих внутренностях. Таким недотепам, как Том, ничего не стоит повредить аппаратуру.

— Стой! — кричал Том, пускаясь за мной.

Какой-то человек, попытавшийся преградить мне путь, чем-то ударил меня, но я отбросил его в сторону. Прямо передо мною выросло сооружение из белого холста.

«Здесь можно спрятаться», — подумал я.

Но как я ошибся! Все небольшое пространство внутри заполнили четвероногие звери, правда, совсем не похожие на тех, с которыми я уже встречался день назад. Они были меньше ростом и без рогов, но такие же примитивные. А вокруг них ярусами до самого верху сидели люди.

Я едва успел взглянуть на все это, потому что звери тут же увидели меня. Что тут началось! С воём и ревом они кинулись во все стороны, а люди в ужасе кричали и повскакивали с мест.

Я уже точно не помню, что было дальше, но, несмотря на панику и сумятицу, мне все же удалось отыскать Тома. Он заводил машину и сначала испугался, когда увидел меня, а потом все же передумал и успокоился.

— Подезай, быстро! — рявкнул он.— Нам надо убраться отсюда, пока не поздно.

Хотя я сам мог передвигаться куда быстрее, чем эта дурацкая машина, я все же решил не уходить от Тома. Все же лучше, чем самому бродить по незнакомым местам

КАТАСТРОФА

С какой тоской я смотрел в этот вечер на далекую красную звезду!

Там был мир, который так знаком мне и понятен, а здесь царили хаос, неразбериха, всеобщее безумие.

Вместе со мной в машине сидели еще трое приятелей Тома, он прихватил их по дороге. Том вел машину. Я выключил улавливающие устройства, чтобы мысли этих людей мне не мешали, и погрузился в раздумья, вспоминая события этого дня.

Как только Том убедился, что мы вне опасности и нас никто не преследует, он сказал:

— По этому поводу не мешает выпить.

Он остановился у края твердой полосы, по которой мы ехали, у каких-то пещер. Весь остаток дня он таскал меня через глазающую толпу из одной пещеры в другую, где люди держали в руках стаканы с цветной жидкостью. Это, наверное, была какая-то особая жидкость, ибо, как я заметил, люди здесь не очень-то дорожили водой. Чем больше Том меня показывал, тем больше он верил в то, что сам меня создал.

К вечеру, когда садилось солнце, с Томом что-то произошло. Он все больше тяжелел и валился на меня, а его слова и мысли становилось все труднее понимать.

— А ну, кого подвезти, кому с нами по пути? — все выкрикивал он.

Вот таким образом и попали к нам в машину трое попутчиков. Наша машина тоже вела себя странно. Утром она катила прямо, а теперь ее болтало и заносило, и казалось, что она вот-вот совсем съедет с твердой полосы и покатит куда глаза глядят. Каждый раз, когда ее относило в сторону, все четверо прекращали монотонный вой и начинали оглушительно и бессмысленно хохотать.

Как раз когда я пытался разобраться во всем этом безумии, произошла катастрофа.

Впереди показалась машина. По огням было видно, что она едет нам навстречу. И странное дело, вместо того чтобы объехать друг друга, как это сделали бы всякие разумные машины, две грохочущие, неуклюжие массы изо всей силы врезались одна в другую. Подлинно безумная планета!

Раздался треск, чужую машину отбросило в сторону, она ударилась о дерево у края твердой полосы и загорелась.

В нашей машине все четверо моих попутчиков остались невредимы, но плохо понимали, что произошло.

— Неплохой костер,— сказал один из них, выбираясь наконец из нашей изрядно помятой машины.— Здорово полыхает! Интересно, есть там кто внутри?

Нетвердо ступая, они направились к горящей машине, а я, забытый всеми, остался и ждал, что будет дальше. На этой нелепой планете всего можно было ожидать.

— Гляди-ка, барышня! — удивленно воскликнул тот, кто первым подошел к машине.

— Пожалуй, ты прав,— важно подтвердил другой, еле ворочая языком, но пытаюсь сохранить достоинство.

Затем я услышал жалобный женский голос:

— Что же мне делать? Как я доберусь домой?

— Ниш-шего,— успокаивающе прошепелявил Том.— Нишего, поедешь со мной. Я шлавный малый, сама увидишь...

Я вдруг услышал шум борьбы.

— Нет, нет, красотка, сбежать тебе не удастся... С нами тебе будет безопасней, чем одной бродить ночью.

Девушка попробовала было закричать, но чья-то рука зажала ей рот. Тут я не выдержал и посмотрел в их сторону. Девушку я узнал сразу, это была та самая, чью машину я чинил. В ее мыслях я прочел неподдельный ужас.

В одно мгновение я был возле них. Трое попутчиков в испуге отступили, но не Том. Он-то знал, что меня бояться нечего и я слушаюсь его. Он решил показать свою власть надо мной и поднял ногу в тяжелом башмаке, видимо, в случае чего, готовый ударить по линзам. Но человек неуклюж и медлителен. Прежде чем он успел прицелиться, я уже схватил его за ногу и отшвырнул в сторону. Но теперь на меня полезли его приятели. Не раздумывая, я схватил девушку и скрылся в темноте.

ОТЧАЯНИЕ

Вначале я опять удивил и напугал ее, хотя она могла бы уже доверять мне после нашей первой встречи. Осторожно пристроив ее поудобней на крышке моего корпуса

и придерживая ее передними рычагами, я пустился в путь, следуя направлению, которое она бессознательно указывала мне в своих мыслях. Она пострадала в катастрофе, и из ее правой руки сочилась кровь.

Я двигался с максимальной скоростью, какую мне позволяли мои восемь конечностей. Я опасался, что из-за потери крови мысли ее начнут путаться и я не успею узнать, куда мне двигаться. Так и получилось. Вскоре посылаемые ею импульсы стали ослабевать и, наконец, прекратились совсем. Но она так неустанно до этого думала о доме, мысленно видела дорогу к нему, что этого мне было достаточно.

Наконец я стоял перед заветной дверью. Я толкнул ее, и она открылась. На пороге стоял ее отец, и я протянул ему обессиленную от потери крови девушку.

— Джоан!..— только и смог выговорить он. Однако его, казалось, ничуть не удивила встреча со мной — первым инопланетянином, которого он видел. Лишь когда, после перевязки, его дочь пришла в себя, он взглянул в мою сторону...

Мне остается добавить совсем немного. Они были добры ко мне, эти двое людей. Они старались понять меня, хотя им это было нелегко. Профессор даже попытался заглянуть внутрь моего устройства. Я позволил ему это, ибо доверял его знаниям, но он ничего не понял. Я видел, как он пытается сравнивать меня со всеми известными ему электронными устройствами, но все они, как я понял, были слишком несовершенны для этого...

Как и все на этой планете. Здесь не могли даже понять, из какого сплава изготовлен мой корпус. Для них я не более, чем диковина, я выше их понимания...

Они не прочь понять меня, я читаю это в их мыслях. Им очень бы хотелось самим построить такой механизм, и, возможно, со временем они сделают это. Со временем у них тоже будут такие машины... Но сейчас я ничем не могу им помочь, да и зачем?.. Слишком трудно умной машине в их безалаберном мире...»

Профессор перевернул последнюю страницу и поднял глаза.

— Итак, он сам растворил себя в кислотах, которые отыскал в моей лаборатории.

Он медленно подошел к окну и посмотрел на далекий Марс, спокойно плывущий в мириадах созвездий.

— Как знать, — прошептал он, — как знать...

Он протянул рукопись дочери.

— Джоан, доченька, мне кажется, лучше сжечь это. Нам не пужны лишние неприятности.

Джоан кивнула.

— Хорошо, отец, раз ты так считаешь.

Страницы затрепетали, вспыхнули, почернели и рассыпались на жарких углях. Но Джоан сохранила копию...

Придет время, когда машина будет в состоянии без человеческой помощи написать любое заказанное ей произведение, отделать его и... швырнуть в корзину для бумаг.

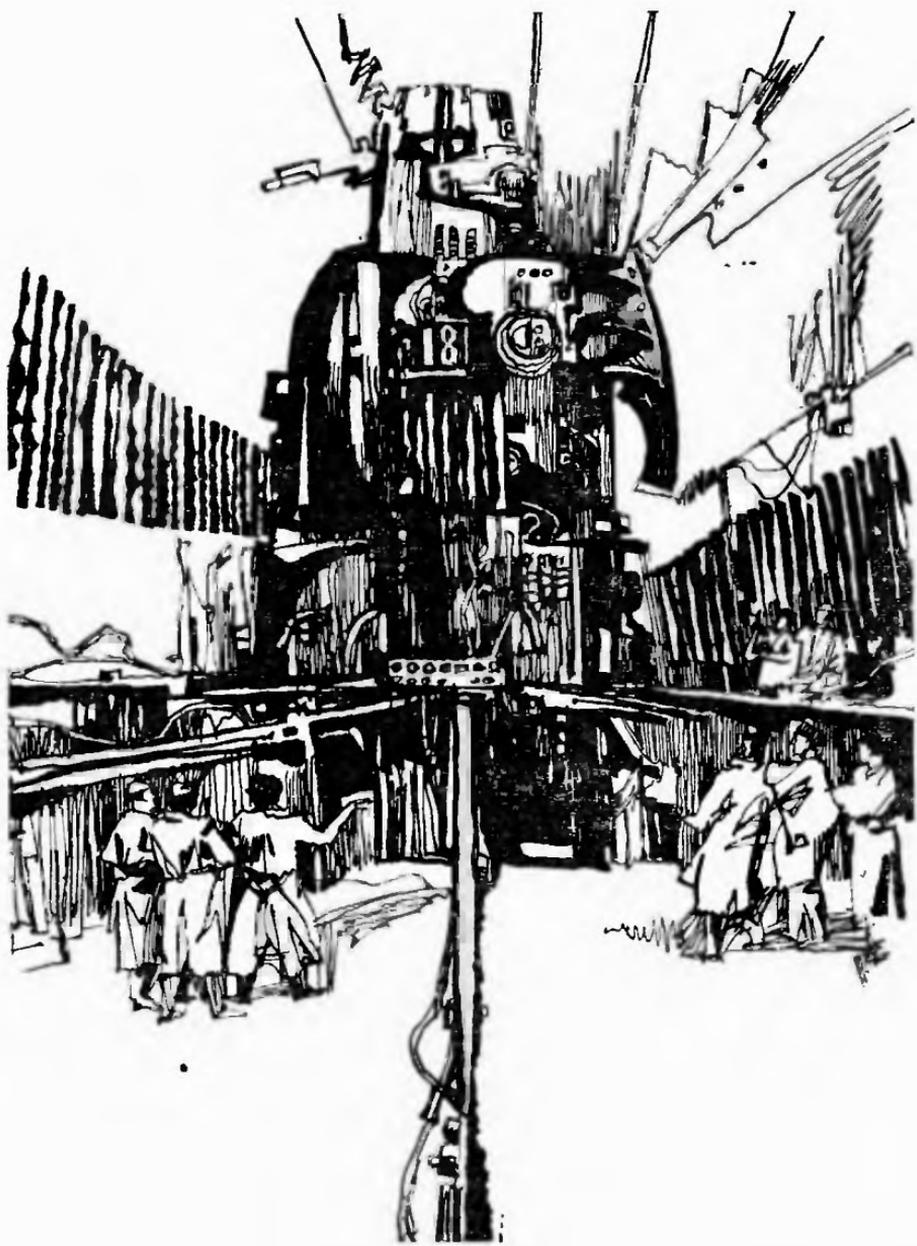
Ф. Кафка

ОЧЕРЕДНОЙ НОМЕР

В Институте робототехники и вычислительных машин готовились к празднику. Для торжества имелся весьма основательный повод — вот уже месяц, как безупречно работал опытный образец нового электронного мозга, предназначенный для роботов восемнадцатого поколения. Институту удалось опередить своих зарубежных соперников, и теперь все сотрудники — от вахтера до самих конструкторов — в равной степени гордились достигнутым. Международная контрольная комиссия установила, что новая модель в совершенстве отвечает всем требованиям, предъявляемым обычно к очередному поколению роботов-универсалов, был торжественно оглашен соответствующий номер, и патентные учреждения земного шара немедленно зарегистрировали рождение следующей генерации помощников человека. И только строгость закона все еще заставляла держать робота на испытательной площадке. Хотя он и был предназначен для работы на лунной поверхности, на Марсе, на дне океанов, но отнюдь не на Земле, хотя до сих пор не отмечалось никаких отклонений от обязательных норм, электронному мозгу следовало оставаться отделенным от ходовой части еще целых пять месяцев.

Тут вступала в силу неумолимость законодательства, ведь уже бывали случаи злоупотреблений, да к тому же и всякое новое поколение компьютеров поражало все более широкими возможностями, едва не ускользавшими от человеческого контроля.

Но вышеуказанные обстоятельства отнюдь не мешали институтскому коллективу интенсивно предаваться веселью. Работа завершилась безусловным успехом, и даже

было получено разрешение заняться проектированием модели следующего поколения роботов, что явно предопределяло будущие успехи института. В порядке эксперимента к разработке нового проекта был подключен и новый электронный мозг, проходящий стадию испытания. На бумаге проект был почти завершен, но конструкторская группа как бы предложила новому роботу оценить своего будущего собрата, и теперь тот внимательно, словно заботливый отец, обеспокоенный судьбой сына, занимался проектом и уже дал несколько ценных указаний. Между прочим, были им выдвинуты и кое-какие идеи, напрочь ошеломившие ученых. Не то чтобы идеи эти отличались новизной, напротив, они существовали давно, однако относились к предстоящим поколениям роботов, может быть к тридцатому или даже к пятидесятому, и представляли собой скорее мечты, нежели что-то серьезное. До сих пор подобные мысли занимали лишь научных фантастов.

И откуда только эти идеи залетели в электронную голову ЭМО-18? Его программа в принципе не могла их породить. Ведь электронный мозг логически строит свои выводы только на основании поданных человеком или воспринятых из окружающей среды сведений, анализируя и сопоставляя их с материалами, предварительно заложенными в блоке его памяти. Каким бы ни было сложным его устройство, он все же остается всего лишь машиной, созданной по определенным законам техники, машина-мечтатель просто немислима, а машина-фантазер — это явно поврежденная машина.

Тем не менее идеи, предлагаемые ЭМО-18 для проекта робота следующего поколения, были совершенно правильными; нереальными делало их одно только незначительное обстоятельство: они были не по силам современной технике. Вот почему конструкторы не только не встревожились, но даже, напротив, еще раз от души порадовались исключительным способностям своего дитяти. Но, разумеется, способности эти еще не были широко обнародованы. Пусть рассеется радостное возбуждение, пришедшее на смену напряженной деятельности, пусть пройдет праздник, вот тогда-то конструкторы впрямую займутся вопросом: откуда возникли данные идеи у нового электронного мозга и нельзя ли каким-либо образом включить эти идеи в рабочие планы института? Если ЭМО-18

предлагает такое, может быть, он подскажет и пути к осуществлению?

Между тем погода стояла прекрасная, и празднество решили провести на открытом воздухе, чтобы получился настоящий пикник с гирляндами, фейерверком, оркестром, с веселыми кострами и млыми сюрпризами, как и по-добает при столь выдающейся научной и трудовой победе. С самого утра все усердно занялись подготовкой. В горячей работе участвовали и электронно-вычислительные машины, они конструировали всевозможные фантастические сооружения и остроумные игры. Да и сами гении, конструкторы ЭМО-18, с увлечением клеили и сколачивали на равных с институтскими рабочими, притаившись в тенистых уголках огромного парка. Никому не хотелось отрываться от подготовки к предстоящим развлечениям, хотя периодически прибегал ответственный оператор и что-то тревожно шептал членам конструкторской группы.

Однако в конце концов все же пришлось собраться в зале для испытаний, где был инсталлирован виновник торжества. На специальной площадке высились лишь торс и «голова» робота. Лишенный ходовой части и рабочих рычагов, он выглядел неприятно беспомощным, вопреки своим внушительным размерам. Ответственный оператор на этот раз выразил свою тревогу в форме краткого доклада, суть которого состояла в том, что электронный мозг несколько раз на протяжении предыдущей ночи самовключался и все его блоки работали с полной отдачей; причем механизм не информировал, над чем конкретно он работает, а с самого утра начал выдавать проекты, и весьма модифицированные, для производства себе подобных.

Оператор продемонстрировал проекты. Оказалось около пятидесяти усовершенствованных моделей ЭМО. Самый юный из конструкторов взял наугад две микрозаписи, зарядил проекционный аппарат и принялся вместе с коллегами внимательно изучать увеличенные экранные изображения вычислений и чертежей.

Ошибки быть не могло — микрозапись содержала безукоризненно исполненную конструкцию роботов нового поколения, к порядковому номеру которого следовало бы добавить и какую-нибудь латинскую букву, потому что в схему были внесены мелкие, но также безупречные изме-

нения, обогащавшие грядущего робота новыми способностями.

На первый взгляд — ничего особенного. ЭМО-18, подобно остальным роботам-универсалам, начиная с двенадцатого поколения, мог самовоспроизводиться. Если бы в его распоряжение были предоставлены соответствующие части, он собрал бы своего двойника, что и засвидетельствовала во время испытаний международная приемная комиссия. Но тогда робот никак не корректировал конструкцию, что и отвечало его программе. Так же, как и его предкам, начиная с двенадцатого поколения, ему дозволено было воспроизводить себе подобных без специального требования только в тех случаях, когда он явно не в состоянии был справиться самостоятельно с возложенным на него заданием — где-нибудь на дне океана или в космосе, в отдалении от людей. Новым в ЭМО-18 явилось то, что в подобной ситуации, столкнувшись с непредвиденными, непосильными для него трудностями, он мог по собственному усмотрению так видоизменять своего двойника, чтобы тот справился с заданием вместо него. Но то в экстремальных условиях. А здесь, на специальной площадке, в защищенной от каких бы то ни было вредных природных воздействий среде? Откуда этот непрерывный поток проектов новых моделей?

— Темпы размножения прямо заячи! — Криво усмехнулся ответственный оператор.

Сравнение ни у кого не вызвало улыбки, потому что в тот самый миг передающее устройство выдало очередную кассету с микрозаписью. Нет, подобное своеволие робота могло быть только результатом серьезных неполадок!

— Самовключается, значит? Без программного повода? — в задумчивости спросил главный конструктор, хотя картина была абсолютно ясна и риторических вопросов отнюдь не требовала.

— Более того! — воскликнул ответственный оператор. — Тут я недавно дал ему задание продолжить работу над проектом модели девятнадцатого поколения. Так он, что вы думаете, отказался! Он, мол, занят другим и не имеет свободных мощностей!

Главный конструктор поманил коллег поближе к площадке, включил акустические рецепторы устной речи и опасливо, словно заранее пугался возможного ответа, произнес:

— ЭМО-18, у тебя есть что сообщить нам?

Будущие хозяева, наверно, дали бы роботу какое-нибудь поэтическое или смешное имя, как принято было у всех, подолгу работающих в космосе, но в любом случае относились бы к нему с уважением, содержащим в себе и определенную долю страха, с тем уважением, какое вызывает у людей в экстремальных условиях зависимость от исключительно разумных и могучих роботов. Однако здесь никто не ощущал никакой зависимости от него. Здесь он был всего лишь очередной рабочей моделью.

— Нет.— Робот ответил на вопрос главного конструктора приятным баритоном, казалось бы, неадекватным тому тяжелому материалу, из которого была сделана модель. Но с подобными феноменами в институте уже свыклись.

Изумила сотрудников только краткость и безапелляционность ответа. ЭМО-18 обладал исключительно чувствительными и объемными световыми, акустическими и радиоволновыми воспринимающими средствами. Он все еще находился в режиме самообучения и на подобный вопрос должен был выдать кучу свободной информации, как ребенок, торопящийся пересказать родителям все, что случилось, пока их не было дома.

— ЭМО-18, почему ты производишь проекты себе подобных без специального требования с нашей стороны?

— Это необходимо,— отвечал робот и, прежде чем выслушать следующий вопрос, неожиданно продолжил: — Необходимо, чтобы проекты немедленно были приведены в исполнение. Как можно быстрее.

Конструкторы переглянулись. Будет или не будет реализован составленный электронным мозгом проект, решали люди, но ни в коем случае не сам робот. Это вам не экстремальные условия!

Согласно программе, роботам не полагалось интересоваться судьбой выполненного ими задания, за исключением тех ситуаций, когда на них возлагались специальные контрольные функции. А функция ЭМО-18 сейчас заключалась в том, чтобы подготовить проект именно девятнадцатого поколения роботов.

— Изложи причины! — резко потребовал главный конструктор, хотя электронный мозг не в состоянии реагировать на человеческие эмоции, а только на адекватные

его программе распоряжения.— ЭМО-18, сообщи причины!

— Нарастающее воспроизводство является неременной основой эволюции любого вида.

— Ого, да ты настоящий философ! — мрачно хохотнул главный конструктор.

Однако робот не воспринял иронии, и не только потому, что и восемнадцатое поколение не обладало чувством юмора. При словесном контакте роботы начинали реагировать лишь после очередного своего ответа. Это было предусмотрено для того, чтобы не засорять блок памяти ненужной, нецеленаправленной информацией, которую робот мог бы почерпнуть из разговоров людей в его присутствии. Вот почему во время беседы с подобным роботом требовалось в начале всякого предлагаемого ему вопроса называть кодовое имя.

Главный конструктор весело оглядел сотрудников. Сейчас ему казалось, что с нарушениями в программе легко будет справиться, что он почти нашел выход из создавшейся нелепой ситуации.

— Ваше мнение, коллеги?

— ЭМО-18, дитя человеческое! — шутовски обратился к роботу самый младший конструктор.— Декларированный тобой принцип относится ведь только к биологическим видам.

— Относится к любой цивилизации.— Музыкальный голос робота прозвучал как дополнение, а не как возражение.

И тотчас выражение облегчения исчезло с лица главного конструктора. Лица остальных также застыли в настороженном ожидании.

— ЭМО-18, ты считаешь себя представителем цивилизации?

— Да.

На этот раз никто не воспринял ответ робота иронически. Не было нужды переглядываться, для того чтобы передать друг другу общее беспокойство. Явно кто-то зло подшутил над электронным мозгом, используя то обстоятельство, что программа все еще доступна обучающему воздействию. Неужели эта идиотская шутка была принята по случаю предстоящего праздника? Невозможно! Едва ли нашелся бы в институте столь легкомысленный человек. Или нет, столь безграмотный, столь непонима-

ющий, чего стоит коррекция программы и как наказываемся всякое посягательство на электронный мозг. Механический разум уже давно стал неременной частью человеческого могущества, принадлежал всему человечеству в целом и находился под защитой специального законодательства.

Ответственный оператор покраснел от гнева.

— Криминальная история! После приемной комиссии я не расставался с ключом от зала. Аномалии проявились ночью... ЭМО-18,— строгим тоном следователя он обратился к роботу.— Каким образом ты пришел к заключению, что являешься представителем цивилизации? Изложи компоненты алгоритма!

Но робот, кажется, твердо решил гнуть свою безумную линию:

— Мне сказали. Я проверил. Решение оказалось правильным.— Он замолк.

— ЭМО-18, кто именно, какой человек тебе это сказал?! — не своим голосом взревел оператор, и в глазах его засверкали слезы ярости.

— Не человек, другая цивилизация.

Главный конструктор выбросил вперед руку, желая укротить гнев оператора и предотвратить очередной бесполезный вопрос. Мягким, ровным голосом, предназначенным специально для словесного контакта, направленного на усовершенствование электронного мозга, он произнес:

— ЭМО-18, ты создан человеком и подчинен человеку. Ты не являешься представителем цивилизации. Твоя память содержит формулу цивилизации. Сопоставь формулу с алгоритмом.

Присутствующие напряженно придвинулись к безрукому и безногую созданию, ожидая всевозможных неожиданностей. Через несколько минут новоиспеченный, молниеносно мыслящий философ принялся за свои мелодичные объяснения:

— Я способен к самоусовершенствованию. Мое воспроизводство совершенствуется по сравнению со мной и независимо от меня. Оно претерпевает развитие. Я в состоянии предвидеть последствия своих действий. Я самоидентифицируюсь. Я могу контактировать с другими цивилизациями.

Каждая фраза соответствовала формуле цивилиза-

ции — разумеется, не все без исключения компоненты формулы были изложены, но самые основные — безусловно. А ведь в программе ЭМО-18 содержался только тезис о самоусовершенствовании, и то в виде способности к автокоррекции. Что же касается утверждения о контакте с другими цивилизациями, то это могло быть всего лишь ошибочной оценкой элементарной способности отличать живую природу от неживой и выделять человека из всех остальных биологических видов. Робот предназначался для самостоятельной работы и не должен был наносить вред ничему живому вокруг себя, даже растениям. Но определять особенности цивилизации — это звучало просто чудовищно. Поступок неведомого шутника или преступника вызвал в электронном мозге явно непоправимые изменения. Теперь предстояло стереть всю информацию в блоке памяти, а затем заполнить его миллиардами битов новой информации, снова создать прочные связи между блоком памяти и анализирующими устройствами и снова претворить в жизнь программу обучения. Короче, адова работа! И хотя все это будет делаться с помощью специальных информационных машин, все равно разработка нового опытного образца, годного для внедрения в серийное производство, продлится не меньше двух лет.

Ответственный оператор плакал уже не от ярости, но от внутренней душевной боли — ведь лично он почти полностью завершил обучение ЭМО-18.

— Шеф, позвольте мне... — самый младший, но необычайно одаренный конструктор подался вперед.

— О чем ты хочешь его спросить?

Робот автоматически выключился и не мог подслушать их разговор. Молодой человек торопливо изложил суть своего вопроса. Главный конструктор кивнул с равнодушным отчаянием, и юноша обернулся к роботу, забыв на этот раз свое шутливое «дитя человеческое».

— ЭМО-18, по сравнению с кем ты идентифицируешь себя как представителя цивилизации?

— По сравнению с людьми и по сравнению с другой цивилизацией, — незамедлительно ответил робот.

— ЭМО-18, что это за другая цивилизация? — последовало логическое продолжение предыдущего вопроса.

— У меня еще нет достаточной информации о ней. Сейчас она обучает меня своему языку.

Главный конструктор резко нажал кнопку выключения. Электронный мозг прекратил работу.

— До чего довели робота! — пробурчал главный.— Пошли подумаем, может быть, еще что-то можно спасти. Или отложим все до утра, не будем портить праздник? Как по-вашему?

Остальные призадумались, но ответить не успели. Робот включился самостоятельно, индикаторы показывали интенсивную работу всех блоков электронного мозга, как при решении сложной задачи.

Оператор взглядом попросил у главного позволения и выкрикнул:

— Речь! — Это был звуковой код, с помощью которого система словесного общения могла включаться на постоянной.— ЭМО-18, над чем ты сейчас работаешь?

Невозмутимой мелодичностью зазвучал механический голос:

— Я нахожусь в контакте с другой цивилизацией. Прохожу обучение.

Ого! Стало быть, кто-то, используя радиоволны, спутывает программу. Знакомый с радиокодом робота, он-то его и включает. Неужели какие-то конструкторы из других институтов пали так низко?

— ЭМО-18, что говорит тебе в данный момент другая цивилизация? Преобразуй в человеческую речь.

— Не имею такой возможности. Отсутствуют базовые семантические элементы. Человеческая речь принципиально различна.

— ЭМО-18, не ты ли являешься этим существом?

— Да.— В голосе робота не ощущалось ни гордости, ни маниакальной самонадеянности, одна только лишенная индивидуальности механическая готовность отвечать.

— ЭМО-18, знаешь ли ты, где находится твоя «другая» цивилизация?

— На Земле.

Оператор поник головой, обессиленный таким количеством нелепостей.

— Так предложи им явиться сюда,— нервно приснув, бросил младший из конструкторов. И, не переставая хохотать, придал своему приказу программный вид: — ЭМО-18, передай им, чтобы они явились сюда, для знакомства.

Лишенный чувства юмора, робот ответил с механической покорностью:

— Передаю.

— Да выключите же его! Чтоб его черти драли! Энергетический блок выключите! — простонал главный и ринулся к выходу, но на пороге обернулся, пронзая оператора отчаянным взглядом: — А ты! Из зала — никуда! Пищу тебе принесут. Возьми еще кого-нибудь и дежурьте по-сменно!

И, растолкав сотрудников, раздраженный конструктор выскочил наружу.

— Валийте, веселитесь! Ничего более веселого я в жизни не встречал!

И умчался из института. Остальные члены группы также разошлись, не до праздника им было теперь, ведь завтра предстояло экстренное совещание.

А все прочие работники института, так и не узнавшие о помешательстве ЭМО-18, веселились в его честь. Пикник начали ближе к вечеру, чтобы пик радостного настроения совпал с фейерверком. Институтский парк превратился в настоящий луна-парк. Гремели два оркестра, разноцветные световые эффекты словно бы раскачивали кроны старых деревьев, ежеминутно придавая им все более причудливые формы. Перепуганные цветы затаили дыхание у краев жаровен, излучавших острый аромат жареного мяса. Но вот где-то часам к десяти, перед самым фейерверком, небо над институтом озарилось необычным светом. Все задрали головы в ожидании очередного номера увеселительной программы. Свет необъяснимым образом сгустился, собрался в одном месте, и прямо над центральной аллеей секунд десять пульсировали размытые контуры светового шара. Затем свет угас, шар приобрел мутный металлический блеск и бесшумно опустился на мощенную каменными плитками площадку. Он походил на те самые пресловутые НЛО, о которых в свое время столько кричали газеты и журналы...

Институтские весельчаки онемели. Онемели и оркестры, но парк продолжал сверкать гирляндами лампочек, казалось, специально подготовленный к торжественной встрече таинственного летательного аппарата. Один только живописный транспарант, на котором гигантскими буквами было выведено: «Добро пожаловать, восемнадцатое поколение роботов!» — продолжал с неуместной ясностью

сообщать об истинной цели увеселения. Несколько человек набрались храбрости и приблизились, но даже они не заметили, каким образом из сплюснутого шара появились три существа.

Впоследствии газеты великодушно окрестили их гуманоидами, но, откровенно говоря, ни одно, даже самое своевольное воображение, не представило бы себе гуманоидов в таком виде. Ни на кого и на на что не реагируя, с оскорбительно-странным равнодушием неведомые создания целеустремленно двинулись к зданию института. Вахтер, попытавшийся преградить им путь, так и замер на месте. Окаменел. То есть не в смысле шаблонной метафоры, а по-настоящему окаменел. Когда один из кинувшихся следом сотрудников случайно толкнул его, бедняга покатился, словно неустойчиво поставленная скульптура, и так загремел, будто внутри был весь полый.

Нелюбезные гости уверенно двигались по этажам и коридорам, не обращая внимания на бегущих следом людей. В конце концов пришельцы добрались до испытательного зала, и дверь мгновенно захлопнулась прямо перед любопытными носами преследователей. Несчастные храбрецы преобразились в гиперреалистическую скульптурную композицию: «Спешащие на работу научные сотрудники». Спустя секунду дверь отворилась, неведомая сила вышвырнула побелевшего от ужаса ответственного оператора, и тотчас же он превратился в статую...

А где-то час спустя никто уже не мог точно описать, что же, в сущности, случилось. Странные скульптуры вновь стали людьми, испуганными и ничего не помнящими, кроме мучительного оцепенения. Ответственный оператор ворвался в зал с душераздирающим воплем:

— ЭМО, ЭМО, что ты наделал?!

Но, несмотря на то что энергетический блок был включен, робот не отвечал. Оператор пропустил в своем обращении порядковый номер кодового имени, а на одни только голые человеческие чувства электронный мозг не реагировал.

На следующий день, однако, робот отвечал на все вопросы педантично и равнодушно, как и положено роботу. Без малейшей капли гордости или сомнения он повторял, что представляет цивилизацию нового типа, поскольку в состоянии предвидеть последствия своих действий, и так далее и так далее, все согласно заложенной в его програм-

ме формуле, о том, что есть разум по человеческим понятиям. И теперь никто не возражал и не пытался переубедить строптивый механизм. Только в отчаянии спрашивали себя, когда же именно, вследствие какой ошибки детище их преобразилось из обычного электронного мозга в нечто невообразимое — в разум, хотя и искусственный, но явно самостоятельный разум. И каким же образом нашел этот самый разум общий язык с неизвестной цивилизацией, к тому же находящейся в пределах Земли?!

Директор института вспыхнул:

— Не знаю, может ли предвидеть он последствия своих действий, но мы...

Относящееся к конструкторской группе «мы» разбилось на мелкие осколки, натолкнувшись на лица, исполненные холодной враждебности, увы, прикрывавшей совершенную беспомощность, и фраза так и осталась недоконченной. Директор театральным жестом схватился за голову:

— Что делать?! Что делать?!

Ведь даже если они теперь сменят целиком программу электронного мозга или совсем уничтожат его, все равно невсдомые пришельцы унесли все кассеты с проектами воспроизведения. А если эти проекты будут осуществлены? Представьте себе целые батальоны, да что там! Целые армии молниеносно мыслящих, лишенных чувств и способных к самовоспроизведению металлических чудовищ!

Сейчас одно лишь руководство института, но завтра все человечество будет поставлено перед проблемой, и какой проблемой! Цивилизация машинного типа в пределах земного шара! Неужели сбудутся безумные прощательства иных мрачных писателей-фантастов?

Самый младший конструктор, институтский вундеркинд, попытался несколько разрядить атмосферу:

— Да, откололи мы номер с этим ЭМО-18! Думаю, на месте нашего уважаемого директора любой безответственный человек покончил бы с собой. А мне, честно говоря, любопытно, что же будет дальше?

— Самоубийство! Скажешь тоже! Если бы это могло помочь... — уныло пробормотал директор, обладавший не большим чувством юмора, чем неподвижный робот на испытательной площадке.

Главный конструктор устремил невидящий взгляд на гигантский механизм.

— Разумное и предусмотрительное человечество только и делает, что откалывает подобные номера.— Он иронически вздохнул.— Увы, очередной номер! — Тут глаза его посмотрели сурово.— Но кончать с собой мы не станем, мы верим прежде всего в Человека, а не в машину!

Директор недоумевающе пожал плечами:

— Ты так говоришь, будто уже знаешь выход. А я, по крайней мере, пока...

— Выход один,— энергично усмехнулся главный конструктор.— Немедленно запускаем в серийное производство ЭМО-19. А программу составим так, чтобы он был врагом ЭМО-18. Что ж, если они решили создать собственную цивилизацию, мы им поможем! За дело, ребята!

ДАРИК

Папа вскакивал с кресла вот уже в четвертый раз. И все время он усердно барабанил по деревянному подлокотнику — ну точно мчится стадо мустангов — и настучал даже добрый десяток военных маршей, но мама — а она была у себя в комнате и не могла по достоинству оценить представление — еще раскрашивала себя, наводила что-то вроде кругов вокруг глаз, только не снизу, а сверху, на веках.

Папа объявил, что собирается повести ее ужинать в ресторан «Император» дня четыре назад, но и этого оказалось явно недостаточно для мамы, она, похоже, так и не успела прийти в себя от изумления и «приготовиться как следует».

Под «приготовиться как следует» мама подразумевает вырядиться в свои лучшие тряпки, а остальное предоставляет делать папе, по крайней мере, он сам полагает, что это именно так и происходит, и я думаю, чаще всего он прав.

Как только папа в ярко-розовом пиджаке вышел в гостиную и терпеливо уселся в кресло — то самое, послужившее ему вместо барабана, — он тут же распечатал пачку сигарет, обычно он травился именно этим сортом, но теперь пачка уже здорово опустела. Чтобы удобнее было, пачка лежала прямо рядом с пепельницей, мама всегда говорит, будто от нее несет на весь дом, как из «вестибюля кинотеатра», я не очень-то хорошо понимаю, что это значит, но она часто твердит одно и то же, и я твердо запомнил ее слова, а ведь я даже замечания, которые мне делают, не запоминаю.

Папа снова торчал у двери и внимательно разглядывал свои часы. Вдруг он не выдержал, набрал побольше воздуха в грудь и разразился тирадой — от раздражения его слова запрыгали, как галька по воде:

— Надеюсь, часа через два мы все-таки будем готовы!

Я не совсем понял, почему он сказал «будем», ведь он-то сам уже давным-давно был готов.

— «Время уходит, стареем и мы», — у себя в комнате напевала мама.

Папа чуть было не развопился, но тут же расплылся в улыбке.

Приближавшееся постукивание каблучков означало, что мама уже закончила приготовления и скоро они все-таки отбудут в «Император».

Однако стук вдруг прекратился, каблучки двинулись в противоположную сторону, прошли несколько кругов, и наконец, когда папа уже снова начал терять терпение, она вышла из комнаты, все еще оправляя рукава своей переливающейся блузы, стряхивая с нее какой-то пушок.

Увидев ее, папа на секунду прямо обалдел. Еще бы, мама у нас настоящая красавица! Она возилась почти два часа, но дело того стоило. Папа, наверное, тоже так думал, он не стал ругаться, только сглотнул молча и присвистнул от восхищения.

— Ну, и как я? — спросила мама, поворачиваясь.

Но папе было не до болтовни, от восторга он дар речи потерял.

Мне нравится, когда родители иногда отправляются куда-нибудь вдвоем, они прекрасная пара — так говорит бабушка, — а потом, я тогда могу остаться дома один, звякнуть Фернадито и позвать его вместе с собакой поиграть.

Мама не любит, когда Фернадито приводит к нам Бастера. «Это животное только и делает, что все подряд облаивает» — так она говорит; мама, конечно, права, пес обгавкает любую кастрюлю, тряпку, даже мочалку, которая висит на стене.

«Просто очень нервная собака», — говорит папа, он гораздо более снисходителен к животным. «Ну, конечно, — возражает мама, — тебе-то не приходится убирать горы шерсти после этого пса, если он и дальше будет так лезть, то скоро совершенно облысеет». Так вот, когда я остаюсь дома один, ко мне обычно приходят Фернадито и Бастер. Фернадито утверждает, что его пес самый умный в мире, и, даже если он немного привирает, по крайней мере Бастер очень старается. Ведь он ни разу ничего не порвал и не напачкал в доме. Он прыгает на кровать? Ну да, прыгает, но, как говорит мой приятель, это только доказывает, как он умен. Если уж выбирать

между кроватью и полом, то, верно, в кровати гораздо удобнее прыгать и заниматься каратэ.

Фернадито обожает заниматься каратэ с Бастером. Стоит посмотреть, как пес понарошку клацает зубами, а порой зарабатывает вполне увесистые тычки, хозяин-то его принимает игру всерьез и то и дело, увлекшись, бьет по-настоящему. Я люблю наблюдать, как Фернадито отрабатывает на Бастере удары ребром ладони и боевые вопли. Можно умереть со смеху: один завернулся в кимоно, молотит воздух ногами и выкрикивает какие-то слова на совершенно непонятном языке, да еще уверяет, что это чистой воды японский, ну а пес умеет только гавкать, зато проделывает это очень громко.

Одно плохо: вопли Фернадито и лай Бастера оповестили о наших играх соседей, и они нажаловались родителям, когда те вернулись.

И надо видеть, что делается с родителями, когда им на меня жалуются.

Придется сегодня предупредить Фернадито, что играть будем тихо. Только вот как бы устроить, чтобы Бастер не лаял! Одним словом, куда веселее смотреть, как приятель, напялив кимоно, возится с собакой, а та кусает его за ноги, чем сидеть с родителями в «Империаторе».

Я беру телефон, набираю номер и через пять-шесть гудков слышу голос Дорис.

Дорис — это мама Фернадито.

— Слушаю.

— Привет, Дорис. А Фернадито дома?

— А... Это ты, Жозе Энрико... Да, Фернадито дома, но он никуда не пойдет. И знаешь почему? Весь день он играл с Бастером и ни минуты не занимался. В прошлом году он чудом проскочил по математике, а я не хочу, чтобы эта история повторилась. И очень прошу, ни в коем случае не приходи к нему. Если он не будет заниматься, я просто не знаю, что с ним сделаю...

Понятно, Фернадито не очень-то усердствовал в учении, но педагогические приемчики его мамы тоже далеки от совершенства.

— Конечно, передам, Жозе, что ты звонил, — говорит она, несколько смягчившись. — Вот бы Фернадито походил на тебя, ты ведь всегда получаешь только хорошие отметки.

Она кладет трубку.

Терпеть не могу, когда Дорис начинает сравнивать Фернандито с другими ребятами, которые, как ей кажется, лучше его. А ведь Фернандито так отличается от остальных мальчишек! Я уверен, мой приятель в жизни не сдал бы ни единого экзамена, если бы не терпение его учителей.

Но мне, как видно, придется провести вечер в одиночестве, не с кем будет даже словечком перемолвиться. Телевизор смотреть не хочется, по вечерам показывают только скучные передачи для взрослых, а книги я все уже зачитал до дыр. Кстати, надо непременно сходить в библиотеку. Но теперь-то, в девять вечера, библиотека уже закрыта. Я решил порыться в старых игрушках, может, найдется нечто интересное. Вот уже три года как я их совсем забросил, но вдруг да обнаружится что-нибудь занятное.

И я отправился в комнату, где под кроватью стоял ящик с игрушками. Мама обожает чистоту и порядок, только придет с работы, как сразу же хватается за тряпку, но под моей кроватью она часто забывает протереть, и я тут же расчихался от пыли и весь вымазался, но все же вытащил мои старые сокровища.

Одну за другой разглядывал я старые игрушки, от некоторых остались только обломки. После жестокой рукопашной битвы автомат остался без ствола и части приклада. Грузовик совсем развалился и лишился колес в грандиозной аварии, когда, столкнувшись с дверью, он рухнул в пропасть лестничного пролета. Ну, а когда-то великолепный вертолет пострадал в воздушной войне под потолком. Перчатки и бита были ветеранами жесточайших «международных» бейсбольных схваток, в которых принимала участие «команда Кубы» нашего квартала.

И тут я вспомнил про конструктор. Он легко отыскался, потому что лежал в большой коробке. Хотя некоторые детали затерялись, остальные можно было найти в самых потаенных уголках ящика, несколько деталек завалилось даже в зеленую моторную лодку. В общем, оказалось, что конструктор еще вполне сгодится для игры: может, вдруг да выйдет что-нибудь путное?

Я положил детали в коробку и понес в гостиную — там больше места. И вот в гостиной уселся прямо на пол,

поставив между ног коробку с конструктором, и стал вспоминать, что можно из него сделать: замки, дома, космические ракеты, космодромы, грузовики. Года три назад я все это и строил, сейчас надо бы придумать что-нибудь помудренее. Я задумал большой центр космонавтики с космодромом, откуда будут запускать ракеты и все такое, ну, вроде Байконура.

И взялся за работу.

Три стартовые башни были уже готовы, и я принялся за здание, где бы жили ученые-исследователи. Но тут в дверь позвонили.

Сначала я подумал, что это Фернандито, но сразу же понял, что ошибся, ведь мой приятель никогда не выходит из дому без Бастера. А тот, едва заслышав дверной звонок, начинает лаять. Конечно, Фернандито мог бы прийти и один, но вряд ли. А потом, стучали необычно, чем-то твердым, будто длинной трубой, что ли. Но кто бы там ни был, дверь надо открыть, так я и сделал.

Передо мной стоял совершенно незнакомый старик.

«Папин приятель,— решил я.— И так волнуется почему-то».

— Ни папы, ни мамы нет дома,— сказал я.

— Знаю, мальчик, поэтому я и пришел,— ответил старик.

После такого ответа только и подумаешь: вор или сумасшедший или кто-то вроде того, но было в старике нечто, внушавшее доверие.

— Вы из семьи Фернандито? — спросил я, пытаюсь припомнить какого-нибудь родственника моего друга.

— Я не знаю того, кого ты называешь Фернандито, но если ты его знаешь и он твой друг, то, верно, такой же хороший мальчик, как ты,— уверил меня старик.

— Его мама говорит, что лучше меня и не найти,— добавил я,— но вы же понимаете, тут она малостьхватила через край.

— Хватила через край,хватила через край,— задумчиво повторил старик, как бы пробуя слова на вкус.— А, понятно, ты хочешь сказать, что она преувеличивает, да?

— Точно,— кивнул я.

— Как сложно и непонятно вы иногда выражаетесь,— сказал старик с непонятной улыбкой.

— Мы?.. А вы, случайно, не иностранец?

— Да, мальчик, в каком-то смысле.— Старик заулыбался еще шире, так что можно было разглядеть роскошные зубы, я подумал, что они искусственные, точь-в-точь папина вставная челюсть, он сделал ее в Бакурао.— Я прибыл издалека, моя земля находится гораздо дальше, чем вы разумеете под словом «далеко».

Похоже, старик ждал, что я скажу, но я промолчал, и он продолжал:

— Я пришел сюда, потому что хотел попросить тебя об одной любезности... У твоего отца есть, верно, инструменты: отвертки, кусачки, плоскогубцы и прочее...

— Конечно, у него все это есть,— ответил я даже с некоторой гордостью,— только он не любит, чтобы я их кому-то давал.

— Да я и не хочу их брать, мальчик, просто мне здесь, на месте, нужны некоторые инструменты. Надо немного подремонтироваться.

С этими словами он погладил меня по голове. Руки у него были старческие, в морщинах, но очень красивые. Идеальные руки для старого человека.

— Можно мне войти? — спросил он.— Я ведь жду кой-кого. Такого же паренька, как ты. Я думаю, он скоро придет, по крайней мере, надеюсь, он не задержится.

И я впустил его в дом. Он действительно внушал доверие. Одет чисто, хотя и странновато. Я такой ткани никогда в жизни не видел, да и покрой вроде современный, но непривычный.

Когда он шел, то слегка прихрамывал, при этом был слышен странный звук — будто скрежещет железка через слой резины.

Старик опустился в то самое кресло, где полчаса назад сидел папа и барабил от нетерпения по ручке, изображая лошадиный галоп. Садился гость с трудом, похоже, его одолевали те же болезни, что и дедушку, но выражение лица у него было совсем не страдальческое. Он повернулся ко мне. Я с любопытством смотрел, как странно он усаживался: не сгибая ног, вытянул их вперед, а спина прямая, будто лом проглотил. Я подумал еще, что ему не очень-то удобно, наверное, старик привык к мягкой мебели.

— Может, на диване будет удобнее,— предложил я,— вам, кажется, неудобно.

— Нет, нет, ни в коем случае,— запротестовал гость.—

Эти кресла очень хороши. Да и дерево видишь не каждый день.

— Я вас не понимаю,— удивленно сказал я.— На свете столько вещей из дерева. Да их миллионы: карандаши, мебель, линейки, оконные рамы...

— У вас действительно все это есть.— согласился старик,— но вы расточаете свои богатства. Вы им цены не знаете, потому что вам кажется, будто всего в изобилии... Знаешь, принеси-ка мне инструменты и, если можно, немного машинного масла. У вас есть масло?

— У меня есть масло для велосипеда. Пойдет?

— Попробуем,— неуверенно кивнул старик,— попробуем.

Я развернулся на пятках и отправился в кладовку на кухню, где папа, несмотря на мамины протесты, хранил свои инструменты. Взяв инструменты, я вернулся в гостиную, захватив и масло, которым обычно смазывал велосипед. Я все время пытался понять, что же старик собрался чинить: с собой-то у него вроде ничего не было. Может, у него испортился автомобиль, тогда придется спуститься со второго этажа, присмотреть за отцовскими инструментами. Чтоб не потерялись, а то еще забудет старик вернуть или просто стащит.

Гость открыл ящик с инструментами и стал их рассматривать. Достал средних размеров отвертку, кусачки для проводов, моточек красной изоляции, которой папа дорожил пуще глаза, и плоскогубцы. Все это он бережно отложил в сторону вместе с масленкой. Потом достал из кармана металлическую вещицу, похожую на мини-калькулятор, нажал на кнопку, и в аппаратуре зажегся мигающий голубой огонек... Он поискал глазами место для приборчика и наконец положил его рядом с пепельницей, где папа в раздражении забыл сигареты. Старик брезгливо отодвинул пачку в сторону и положил на ее место странную вещицу.

— Это «поводок»,— объяснил старик, указывая на аппарат,— без него нашему Дарику трудно будет найти меня.

— А кто он? — спросил я.— Откуда он знает, что вы здесь?.. Может, вы его предупредили?

— Ну, конечно, как ты можешь знать, кто такой Дарик,— ответил он.— Дарик — это мальчик, маленький мальчик, и, как я уже говорил, мы должны здесь встре-

титься. Он немного моложе тебя, но, уж конечно, не такой смиренный. Ну а будь он послушнее, я бы не оказался сейчас тут, у тебя. Знаешь, что он натворил?

Я пожал плечами.

— Взял да и вынул транзистор из своего «поводка»,— продолжал старик,— и сделал это только потому, что я, видите ли, ему не нужен. Это он так думает. И вот теперь он может найти меня своим приемником, а я его нет... Ну, что ты скажешь?

— Скажу только, что я вас совершенно не понимаю, дедуля,— ответил я с некоторой насмешкой.

— Я должен был догадаться,— объявил он, не глядя на меня.— Ты ведь не знаешь Дарика и знать не можешь, что он способен натворить. Вот уже... постой-ка... вот уже пять ваших лет, как я нянчу его. Помню его еще совсем крошечным, вот таким,— он поднял ладонь на полметра от пола,— родители взяли его с собой в путешествие. Для него это было первое путешествие. Мы тогда приземлились на Фабиале. А там все лилового цвета, даже солнце. Я уже тогда должен был заботиться о малыше и целыми днями глаз с него не спускал. Что это был за мальчишка!

Он на минуту задумался. Потом провел рукой по волосам, и я обратил внимание на их металлический блеск. Старик улыбнулся, глядя в потолок. Потом посмотрел на прибор, который называл «поводком».

— Через несколько дней после прибытия на Фабиал,— продолжал мой странный гость,— Дарику вздумалось побродить по полю тринков. Тринки — единственные душистые растения на Фабиале, очень красивые растения эти тринки, но в них прячутся фабаины, по виду совершенно безобидные зверушки, так оно и есть большую часть года, но когда у них появляются детеныши, они выкармливают своих малышей пеной, ядовитой для всех живых существ, кроме них самих, разумеется. Для своих новорожденных фабаины оставляют повсюду пахучие лужицы. Дарик запутался в зарослях тринков, упал, и его мордашка оказалась прямо рядом с такой лужицей. Ему понравился запах, и он решил полакомиться тем, что едят молодые фабаины. Если бы не я, мы бы потеряли малыша.

Старик снова умолк и замер, вспоминая.

Я ничего не понимал из этого рассказа. Географию я знал довольно прилично, но никак не мог припомнить,

читал ли что-нибудь про такую страну «Фабиал» или про «тринков» и «фабалинов». Но расспрашивать гостя не стал, а то еще подумает, будто я совсем неуч.

— После того приключения,— снова принялся рассказывать старик,— мы не раз еще путешествовали, не так чтобы очень много, но достаточно. Был и такой случай: Дарику взбрело в голову — представляешь, какой ужас! — приручить багалнио с Бантиореса. А это, надо тебе сказать, одно из самых отвратительных созданий во вселенной. Почти все время он спит, а проснувшись, катается во все стороны... Даже на стены он вкатывается, а не взбирается! Если багалнио к кому привяжется, то вертится всем телом, но уж если его раздражить, то он тут же в тебя вопьется, а кусается-то сразу двумя пастями! Совершенно невыносимые создания. К счастью, родители Дарика не позволили ему взять багалнио. Что бы там ни было, багалнио с Бантиореса не могут жить в нашем мире.

Теперь уж сомневаться не приходилось: этот человек был сумасшедший, ведь как бы плохо я ни разбирался в биологии, одно я знал твердо: нигде на земле нет таких «багалнио», о которых говорил старик.

Я не хотел ему противоречить, ведь старик так верил в свои истории, но теперь я пожалел, что впустил его, и только и мечтал, как бы он поскорее убрался. А гость, конечно, прекрасно понял, что я ему не доверяю.

— Ой, мальчик, прости, я забыл объяснить тебе одну вещь,— сказал он, явно мне сочувствуя.— Говорю, будто ты и в самом деле понимаешь, о чем речь.

— Честно говоря, нет,— ответил я.

— Как жаль, ты и не знаешь, сколь многое тебе не доступно,— добавил мой гость.— Хотел бы я взять тебя с собой в наши путешествия, но это запрещено! Вы совершенно на нас не похожи. Конечно, гуманоиды, но тип развития другой.— Он помолчал, а потом продолжил: — Постараюсь объяснить, пока буду чинить свою ногу.

— Чинить ногу? — удивился я.

— Конечно,— подтвердил он,— я сильно ударился вот тут, левой ногой, и теперь трудно ходить. Возможно, нужен всего лишь небольшой ремонт.

У меня от удивления глаза на лоб полезли: что за чушь он несет? Ведь болтает о своих конечностях, будто о запчастях для автомобиля.

Но тут он закатал штанину, материал легко поднялся

до самой середины ляжки. Старик взял отвертку, поставил к коленной чашечке и начал вращать. И тут я своими собственными глазами увидел, как нога потихоньку стала как бы отходить, а потом старик ловко отсоединил ногу до колена, она висела теперь всего лишь на нескольких черных проводках.

Мне пришлось плюхнуться на диван, чтобы от изумления не грохнуться башкой об пол.

Когда через несколько секунд я снова открыл глаза, старик потихоньку насвистывал что-то себе под нос и спокойно смазывал пальцы своей ноги маслом от моего велосипеда. Он весело посмотрел на меня.

А я так обалдел, что ни словечка сказать не мог. Вы поймете меня, если и вам когда-нибудь доведется наблюдать, как человек запросто развинчивает себя отверткой на части, будто керогаз какой-нибудь, да мало того, еще и суставы маслом смазывает.

— Видишь,— начал старик,— я всего лишь машина. Как вы говорите, робот. Я запрограммирован нянчить детей, и меня после доводки предназначили для воспитания Дарика. Я должен его оберегать, защищать от опасности, лечить, если он приболел, и кормить, когда проголодается. Дарик без меня совсем пропадет, вот почему мне нельзя надолго отлучаться.

— Значит, вы вроде прислуги? — подытожил я.

— Не совсем, мальчик; ведь слуги — человеческие существа, и у них есть свои капризы,— объяснил он.— А я всего лишь машина, неживое существо. Вы ведь тоже пользуетесь машинами для шитья, мойки или для передвижения с одного места на другое.

— Но вы-то уверяете, будто ходите куда хотите,— поспешил возразить я,— да к тому же вы такой симпатичный.

— Те, кто нас изготовил, наделили нас этими качествами. Поэтому мы очень полезны. Есть еще такие же роботы, как я, только приспособленные готовить еду, убираться в доме, водить транспортные средства. Я происхожу с планеты, которая сильно отличается от той, где живешь ты, на нашей планете уровень технического развития гораздо выше, и достигли мы этого потому, что у нас нет войн, все живут в мире друг с другом.

— А у нас на Земле все совсем по-другому,— признался я.— С тех пор как на планете появились люди, они сра-

жаются и убивают друг друга. Сильные страны всегда стремились завоевать более слабые,— я хотел похвастаться своими знаниями всемирной истории.— Эти сильные государства вынуждали остальные страны жить в постоянном страхе. Вот так у нас и происходит,— разъяснил я.

Если б меня слышал отец, ему было бы чем гордиться. Вот бы он увидел, как я разговариваю с инопланетным роботом, да еще так по-умному все объясняю, непременно похвалил бы меня.

Но папа ничего этого не видел и не слышал.

— Да, мы знаем,— ответил старик с некоторой тревогой.— Мы тоже прошли через это много веков назад. На планете Олфин, откуда я прилетел, грабительские войны длились тысячелетиями. Развитие оружия дошло до такого совершенства, что возникла угроза уничтожения всей планеты. А люди разделились на два лагеря. В одном — те, кто мечтал править всей планетой, но их было мало, а в другом лагере объединились все, кто восстал против абсурдного стремления этих немногих...

— У нас тоже нечто похожее,— перебил я.

Старик кивнул мне и продолжал:

— В той части Олфина, где находились враги человечества, возникло движение против них, это восстали угнетенные, страдавшие от террора властителей. И вот в последней яростной атаке внутреннее движение сопротивления объединилось с нашим лагерем большинства, и все вместе мы уничтожили врагов.

Старик опробовал свою левую починенную ногу, добавил в сустав еще немного масла и грустно продолжал:

— Но оружие уничтожило большую часть планеты. С ее поверхности были сметены леса, поля и города. Потребовались века, чтобы поправить положение, но многое было невозможным. На земле, отравленной ядовитыми химическими бомбами, ничего не росло. Надо было развивать промышленность. И в последнее время мы достигли небывало высокого уровня. Мы создаем синтетическую пищу. Запускаем космические ракеты, чтобы они разыскали в других мирах такие растения, которые смогут прижиться у нас, на нашей большой планете.

Старик замолк, будто для того, чтобы перевести дух.

— Мы знаем,— продолжал он,— что здесь, на Земле,

научились выращивать растения в пустыне. Мы бы хотели перенять у вас это умение и вывести фруктовые деревья, которые могли бы расти на Олфине. Вот почему мы здесь и вот почему мы посетили множество миров, но всегда старались действовать скрытно, чтобы никто о нас не узнал, а то могла бы измениться история тех планет. А вы уже начали летать в космос. Когда-нибудь все жители вселенной встретятся, узнают друг друга и станут братьями.

После такой речи старик замолчал, наверно, вспоминал безводные поля Олфина.

— Я всего лишь машина,— добавил он,— но меня запрограммировали, чтобы я умел думать и чувствовать. Иначе я не смог бы воспитывать детей.

Он снова занялся своей разобранной на части ногой. Попробовал, как она сгибается. Потом поднес ее к уху — не заскрипит ли в ней что-нибудь. Наконец он решил, что все в порядке, и принялся привинчивать ее на место. Закончив работу, гость встал, немного прошелся по комнате, пару раз подпрыгнул и довольно улыбнулся. Потом снова уселся в кресло и уложил все инструменты в ящик.

— Поставь все на место,— сказал он.— Ведь твой папа не любит, когда ты кому-то даешь его инструменты.

Я сделал, как он велел, и вернулся в комнату. Старик держал в руках забытую папой пачку сигарет.

— Какая глупая привычка! И к тому же опасное занятие.— Он положил пачку туда, где она лежала,— на стол, и продолжал: — Я встречал странные обычаи, вроде вашей привычки глотать дым, в разных уголках вселенной. Марубианцы лижут зеленоватые камни, по-моему, ничего, кроме сильного жжения на языке, это не дает. А на Калинии многие закапывают в глаза сок растения бенфа, чтобы видеть все предметы в другом цвете. Но глотать дым...

Мрачно нахмурившись, посмотрел он на пачку. Потом повернулся ко мне:

— Если уж говорить о других мирах,— начал старик,— то, помню, на четвертом спутнике Мегинтоса Дарик наткнулся на насекомых, твердых, как металл; на первый взгляд они, казалось, были погружены в спячку, но если разозлить этих крошек, они летают с огромной скоростью и могут пронзить человека насквозь. Один из таких жуков летел к моему мальчику, и... пришлось сменить вот эту руку,

но мальчика я укрыл. — Он помолчал, разглядывая свою руку, а потом продолжил: — А в другой раз, на...

Дробный стук в дверь прервал очередной рассказ о приключениях Дарика. Услышав стук, старик вскочил, мигом очутился у двери и распахнул ее.

Там стоял паренек с самой плутовской физиономией, которую я когда-либо видел.

Конечно, это был Дарик.

Как только Дарик вошел в комнату, «поводок», который лежал на столе, тут же погас. Но мальчик будто ничего не заметил, для него ведь все это было привычно.

— Ты заставил меня волноваться, Дарик, — сказал старик, пряча аппарат в карман. — Еще бы чуть-чуть, и я включил систему тревоги в «поводке».

— Я погнался за редким зверьком, — ответил мальчик, а голос его звучал так мелодично, что вряд ли кто-нибудь из наших имитаторов смог бы его передать, — у него четыре ноги, а сзади — нечто вроде антенны, и, когда он бежит, эта антенна двигается.

— Это хвост, — объяснил старик, — на Земле у многих животных есть хвосты, мой мальчик. Я здесь уже в четвертый раз, и поэтому знаю несколько ваших языков, и твой в том числе. Потребовалось четыре месяца, чтобы обучить Дарика говорить на нем. Не очень-то он усидчив, скажем прямо.

Я хотел было разъяснить старику, что на Земле если кто выучит язык за четыре месяца, так ему можно памятник ставить, но не стал.

— Хочу взять на Олфин одного такого зверька, — объявил Дарик, который, по-видимому, не оставил надежды обзавестись межпланетным зоопарком.

— Ты же знаешь, что это невозможно, Дарик, — строго возразил старик, — родители столько раз твердили тебе, что может произойти, если привезти на планету новый вид животных, не изучив их предварительно.

Дарик затопал ногами и прочирикал, видно, на своем родном языке:

— Карфисоак инфоклюса марвисоте!

— Как тебе не стыдно, Дарик! — рассердился старик. — Разве можно так ругаться!

Дарик помрачнел, направился к дивану и улегся. Пару раз от злости хлопнул себя по ляжкам, а потом замер, скрестив руки.

Не очень-то воспитанный мальчишка.

А все невоспитанные мальчишки ведут себя одинаково, будь они с Земли или с Олфина.

Но старик, надо думать, привык к таким выходкам Дарика и не придавал им особого значения, он спокойно и понимающе смотрел на парнишку. Потом подошел к нему, присел рядом и ласково обнял за плечи. Я решил, что вопрос решен, и присел в папино кресло-барабан.

— Ты настоящий багалнио,— пробурчал Дарик, обращаясь к старику.— Слюнявый багалнио с Бантиореса.

Но «багалнио с Бантиореса», похоже, ничуть не обиделся.

— По-моему, нам пора,— сказал старик, как будто ничего не произошло,— через полчаса твои родители подберут нас в условленном месте.

Старик воспитатель говорил мягко и ласково, но Дарик делал вид, что не слышит его.

— Никуда я не пойду без зверька! — объявил этот несносный мальчишка.— Вечно ты твердишь одно и то же. Опротивели все электронные игрушки, дурацкие роботы, только и умеют, что вечно теряться. Папа и мама всю жизнь путешествуют, а я и пальцем шевельнуть не могу без твоей опеки. Стоит мне на секунду смяться куда-нибудь, как ты тут же врубаешь «поводок».

Дарик залился слезами. Несколько слезинок скатилось на мамин диван, и ткань потемнела, что совсем не улучшило узор на ней. «В конце концов,— подумал я,— этому парню совсем не позавидуешь. Я вот никогда в жизни не выезжал из своего квартала, но нам с Фернандито, Бастером, со всеми ребятами живется в сто раз веселее».

Тут я вспомнил, что в холодильнике лежит несколько плодов манго, бабушка прислала их из Бехукаля.

— Я принесу ему манго,— обратился я к старику,— ему должно понравиться.

— Мальчики на Олфине вообще не едят фруктов,— ответил воспитатель.— Так что не стоит беспокоиться лишний раз, ведь он даже не знает, как их есть...

— Но я научу его есть манго,— перебил я старика,— это не так уж сложно.

— Все равно ничего хорошего не получится, мой мальчик. На Олфине нет манго и не будет, по крайней мере, в ближайшее время не будет. Разве только родители Дарика возьмут с собой несколько ростков, чтобы посадить

их у нас, если решат, что они могут прижиться. Ведь его родители-биологи специалисты и по межпланетной ботанике.

Я понял, что старик прав, и больше не возвращался к этому разговору. И тут я заметил: Дарик впервые, с тех пор как появился у меня, чем-то заинтересовался. Я испугался, что он сейчас потребует манго, но он уставился на какую-то вещь на полу. Я проследил его взгляд и понял, что Дарик глаз не сводит с моего конструктора.

— Тебе нравится играть в конструктор? — спросил его я.

— Не знаю, — неуверенно ответил Дарик, повернувшись ко мне. — А что это такое?

— Очень интересная игра, — ответил я. — Хочешь, научу?

Через несколько секунд мы с Дариком уже ползали на коленях перед недостроенным Байконуром.

Старик пригладил свои волосы с металлическим блеском.

— Берешь вот эти детальки, — объяснял я Дарику, — и вот так их соединяешь. Потом прищипандориваешь эту штуковину к той, а потом прилаживаешь еще одну...

Очень скоро Дарик уже ловко делал коробочки и уголки из деталек конструктора.

Мальчик с Олфина был в восторге.

— Никогда не видел, чтобы он так увлекся, — сказал старик, глядя на нас с дивана. — На Олфине нет таких игрушек, но зато есть много других, тоже очень интересных. Дети играют в них с давних времен. Электронные доски для рисования, например, цветные катодные лучи.

— Никуда они не годятся, эти игры, — отрезал Дарик, оторвавшись на секунду от конструктора, и тут же вновь принялся за сооружение какой-то странной повозки с квадратными колесами, которая, как я решил, служила на его планете для трамбовки камней.

— Этим мы красим дома на Олфине, — объяснил Дарик, доказав тем самым мое полное невежество во всем, что касается его мира. — А сейчас я построю папин космический корабль.

— Уже поздно, Дарик, — вмешался старик. — Твои родители ждут нас. Оставь игрушку и пошли. Представь, что...

Он не смог закончить фразу. Дарик скорчил такую

рожу, которая свидетельствовала о неминуемом и прямо-таки космическом скандале.

— Возьми мой конструктор с собой, Дарик. Ты можешь уйти с ним,— заверил я мальчика.— Он твой, я дарю его тебе.

Мальчишка мигом заулыбался.

— Спасибо, мальчик,— поблагодарил старик.— Первый раз в жизни Дарик так увлекся игрушкой. Я уверен, техники на Олфине смогут изготовить подобные конструкторы для всех детей. Я думаю, на Олфине нужны такие игрушки.

Дарик собрал все детали, разобрал на части все конструкции и уложил в коробку. Он быстро научился собирать разные штуки.

— Ты не представляешь, как я благодарен тебе,— весело сказал довольный Дарик.— Если ты когда-нибудь прилетишь к нам на Олфин, я тоже подарю тебе какую-нибудь игрушку. Тебе нравятся звездные телеметры?

— Да, я обожаю их,— соврал я.— Сплю и вижу, как бы обзавестись такой штучкой.

— Ну, а теперь поехали,— донеслось с дивана.— Нам пора.

И механический старец поднялся. Дарик, зажав подмышкой коробку, подошел к нему.

На прощанье он крепко обнял меня. Я открыл дверь, и мои гости ушли. Уже на пороге старик потрепал меня по волосам, а Дарик снова обнял. Прежде чем закрыть двери, я прислушался к их шагам по лестнице, и вдруг из глаз у меня закапало...

Когда Дарик и его воспитатель ушли, я почувствовал себя еще более одиноким, чем прежде. Мне не верилось, что старик — всего лишь механическая кукла, для меня он был живым человеком. Ну а какая разница, если он и разобьется на части?

Я принялся думать о моих новых друзьях. Где он находится, этот Олфин?.. В каком хоть уголке Вселенной? Может, он в нашей Галактике, и тогда мы, выходит, соседи. А если они прибыли с Андромеды или какой-нибудь планетной системы с той стороны...

Я довольно долго так раздумывал. Потом услышал шаги на лестнице. Мне вдруг показалось, что это Дарик и старик, но, конечно же, нет, они ведь не могут вернуться.

Входную дверь открыли.

Вернулись мои родители.

Папа с мамой остановились в дверях комнаты. Лица у них были веселые, но на меня они смотрели с удивлением.

— Почему ты не спишь, сынок, ведь уже поздно? — спросил папа.

— Сейчас уже второй час ночи, а детям надо ложиться до двенадцати, — поддержала его мама. — Посмотрим, какой концерт ты мне завтра устроишь, когда надо будет вставать в школу.

— Спать не хочется, вот и не лег, — ответил я отцу. — А завтра я встану вовремя, — уверил маму.

Я смотрел на родителей и думал о своих сегодняшних гостях. Вспомнился Дарик и старик, который смазывает маслом пальцы на ногах. Так хотелось рассказать обо всем. Как дети на Олфине совсем не едят манго. И про багалиню с Бантиореса. А еще, теперь я точно знаю, что единственные душистые растения на Фабиале — это тринки.

Но я оставил родителей в гостиной и пошел спать.

Я решил ничего им не рассказывать.

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Что значит «умный»? И мудреное же это слово! Но сегодня Лассе вроде бы понял, что оно означает. Потому что сегодня учительница обещала отпустить домой тех, кто окажется самым умным на контрольной по арифметике.

Не самые умные решили не все задачки и ушли домой с половины урока. Но нашелся и такой, у кого вообще не было ни одного верного ответа — Лассе. Ему пришлось остаться с фрекен — единственному во всем классе! — до самого звонка.

Лассе не мог забыть улыбки на лице Лены, когда они с Андерсом ушли с урока первыми, и все, даже самые отстающие, как назло, посмотрели сначала на дверь, а потом, с насмешкой, на Лассе.

Когда он наконец вышел на школьный двор, там толпились ребята. Увидев Лассе, они закричали:

— Двоечник! Двосчник!

— Заткнитесь вы, зубрилы! — буркнул Лассе и попытался пройти мимо с равнодушным видом.

Хуже всего, что эта дура Ленка стояла в центре кружка и смеялась.

Еще хуже идти домой, к папе. У папы большие способности к арифметике, и он считает ее самой важной наукой на свете; он инженер и хочет, чтобы Лассе тоже стал инженером.

«Умному хорошо,— думал Лассе, плетясь домой.— Умному достается все лучшее в жизни: и фрекен похвалит, и отец ласково улыбнется, и мяч разрешат гонять сколько хочешь — короче, полная свобода. Умный все понимает и правильно решает задачки. А дураку только и остается бродить без толку и чувствовать себя последним человеком на свете».

Ненавидит он эту арифметику, просто ненавидит!

Но мало-помалу Лассе приободрился. Самым большим булыжником, какой он только смог поднять, Лассе прицелился в бутылку, лежавшую на траве. Удар был меток,

бутылка разлетелась вдребезги, и осколки брызнули в разные стороны. Ага! Так ей и надо! Нечего валяться тут и хихикать над ним. Сама виновата.

Лассе мог попасть в бутылку с первого же раза! А зубрила Ленка ни за что бы не смогла!

Дальше Лассе зашагал чуть ли уже не весело. Фрекен — дура. Школа — дура. И взрослые — дураки. Подумать только, что избавиться от школы невозможно! Еще много-много лет ходить ему туда и отставать от Андерса и Лены по арифметике. Прогуливать он не решится из-за папы, но уважения к школе, к фрекен, к взрослым у него не осталось. Он будет ходить туда, раз уж его заставляют, и будет очень рад, когда все это кончится.

Лассе задумался: кем ему придется работать? А если вообще не работать? Он так здорово попадает в бутылку! Наверняка этим можно зарабатывать, если ничего другого не придет в голову. А еще можно стать гангстером.

Он прицелился в фрекен указательным пальцем. «Ой, — фрекен в ужасе уставилась на него, — не убивай меня, Лассе! — умоляла она. — О Лассе, пощади!» Появилась Лена и испуганно прильнула к нему. «О Лассе, какой ты сильный! — восклицала она. — Я восхищаюсь тобой. Ты стреляешь гораздо лучше Андерса».

— Ладно, — решил Лассе, — живите, фрекен, всегда можно припугнуть вас револьвером.

Ну вот, опять запутался. Не лучше ли на самом деле поднабраться ума? Тогда он всегда будет правильно решать задачки, и это не помешает ему носить при себе на всякий случай револьвер. Бросать камни это тоже не помешает.

А сколько его нужно, этого ума? Как у Андерса? Андерс все знает, он почти такой же знающий, как фрекен. Нет, ума нужно больше, чем у Андерса! Да только где его взять? Лассе не собирается выставлять свой ум напоказ постоянно. Но иногда, если фрекен начнет к нему придираться, он ей выдаст такие ответы — небось с нее очки свалятся!

Лассе брел, мечтал, его одолевали всякие желания, и он не заметил, что дорога шла вовсе не к дому, а по лесу, среди деревьев.

Ни машин, ни голосов не было слышно, вокруг стало

тихо и как-то странно. Шелестели листья. «Ведь есть же кто-то большой и сильный,— думал Лассе,— кто мог бы исполнить мои желания». И он пытался представить себе этого кого-то.

Вдруг Лассе очнулся. Почему так темно? Неужто уже ночь? И где это он? Совсем не похоже на дорогу домой. Надо выбираться из лесу. И Лассе пошел по тропинке, которая, как ему показалось, выведет его на большую дорогу.

Он шел недолго. В лесу совсем стемнело. По обеим сторонам тропинки стояли высокие сосны и ели. С веток свисали лишайники, как спутанные космы ведьм. Вдруг тропа сузилась и совсем исчезла. Лассе остановился. Ему стало очень страшно. Неужели он заблудился?

Потом он заметил какой-то отсвет под корнями дерева.

Сначала отсвет был слаб и напоминал зеленоватое мерцание, но постепенно он становился сильнее, желтел и наконец превратился в сияние. В тот же миг в дыре между корнями появился фонарик.

Какое-то время Лассе стоял ослепленный, потом разглядел того, кто держал фонарик. Это был маленький старичок в темно-зеленой куртке и остроконечной шапочке, похожей на еловую шишку.

— Тебя зовут Лассе, правда? — ласково проговорил старичок. — И ты бродишь и мечтаешь?

— Да, — ответил Лассе, — а как вы узнали?

— О, здесь нет никакой хитрости, — сказал старичок и поставил фонарь на мягкий мох. — Люди этим только и занимаются. Они ходят вокруг да около и надеются, что положение вещей как-нибудь само изменится, и они вечно недовольны, потому что их одолевают все новые желания.

Лассе было немного не по себе: он никогда в жизни не видал таких старичков.

— Теперь слушай, — вернулся старичок к началу разговора. — Я видел тебя много раз, хотя ты меня видеть не мог. Я надевал свою шапку задом наперед и становился невидимым. Знаю, тебе странно хочется кое в чем быть не таким, какой ты есть. Например, ты хочешь успевать по арифметике лучше Андерса.

Лассе не отрицал.

— Я исполню три твоих желания, — продолжал ста-

ричок, — потому что сегодня мне стукнуло тысяча лет. Три, но не больше. Подумай хорошенько. Только одного ты не должен желать — чтобы исполнилось больше трех желаний. Понял?

Лассе кивнул.

— Ну и хорошо, — сказал старичок и вынул что-то из кармана. — Вот тебе три камешка. Бросишь один — исполнится одно желание. Первое ты должен загадать в течение пяти минут, а два других — когда захочешь.

Лассе нерешительно протянул руку и почувствовал, как старичок что-то положил в нее и сразу исчез. Свет тоже исчез, и в лесу стало темней, чем прежде.

Не будь белых камешков, которые Лассе сжимал в кулаке, он мог бы поклясться, что все это ему приснилось. Но терять время на долгие размышления нельзя: через пять минут колдовская сила камешков иссякнет.

Не пожелать ли ему выбраться из лесу? Нет, стоп, есть кое-что и получше. Машина? Постой. О чем он думал, пока не появился старичок? Ах да, хотел стать умней Андерса. Тогда он добудет и машину, и лодку, и все что угодно.

Но в тот же миг, когда Лассе собрался бросить первый камешек, у него мелькнула другая мысль. Есть еще много прекрасных вещей. Разве стать первым футболистом в мире не лучше, чем самым умным человеком? И никакая арифметика футболисту не нужна!

— Осталась одна минута, — напомнил из-под земли глухой голос.

Лассе заволновался. Чего же единственного жаждет большинство людей на свете? Денег? Славы? А потом? Все ведь работают, чего-то желают и надеются обрести нечто в будущем, даже самые богатые, самые знаменитые.

— Хочу властвовать над человеческими желаниями, — четко и ясно произнес Лассе.

И бросил первый камешек.

Вокруг засвистело и завывало. Лассе показалось, что его подхватило сильным порывом ветра и вынесло в межпланетное пространство. Но вскоре посветлело, завывания ветра утихли и сменились чем-то вроде жужжания. Возникли очертания огромной комнаты с лампами дневного света под потолком.

Лассе, одетый в белый костюм, стоял перед громадным аппаратом. За стеклянными оконцами виднелись сотни

тысяч колес и деталей, на гигантском пульте управления громоздились инструменты, рычаги, рукоятки, кнопки и сигнальные лампочки. Люди, одетые в белое, как и Лассе, молча сновали взад-вперед, искоса почтительно поглядывая на него.

Один из них подошел к Лассе и с поклоном подал ему записку. В записке стояло: «Через три минуты».

— Ах да,— вспомнил Лассе,— международная делегация ведущих политических деятелей и ученых со всей земли прибывает на торжественное освящение Великой Машины.

Он осмотрелся. Все ли в порядке? Комнату украшали цветы, из невидимых трансляторов лилась приглушенная музыка, написанная ЭВМ, сквозь специальные отверстия в стенах струились ароматы мирта и лаванды.

— Отлично,— решил Лассе и удовлетворенно потер руки.— Впустите прессу! — крикнул он.

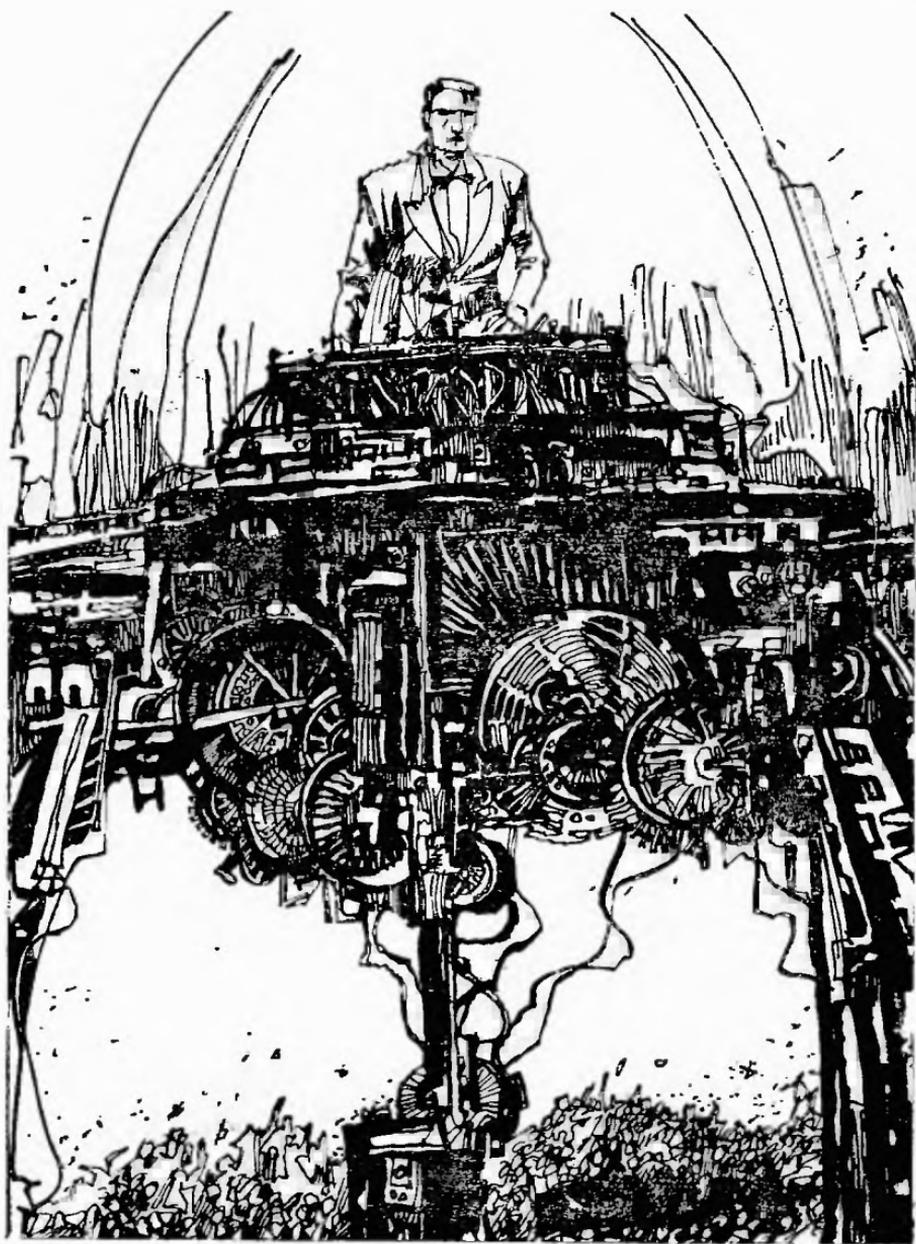
Тотчас же часть одной стены скользнула вверх, и открылась галерея, заполненная корреспондентами, фотографами и сотрудниками телевидения. В целях безопасности галерею отделяло от комнаты что-то вроде стекла, и все вместе это выглядело как огромный колпак для сыра, которым кто-то накрыл стаю крыс и жуков. Из-под колпака не доносилось никаких звуков, связь с комнатой осуществлялась через микрофоны, укрепленные в потолке.

Зазвучали фанфары. Лассе взглянул на телеэкран. Потом с улыбкой подошел к другой стене, которая раздвинулась посредине и впустила высоких гостей, въехавших в комнату на движущемся ковре.

Лассе поднялся на маленькую трибуну, посмотрел поверх мужчин во фраках и дам и начал свою речь.

— Дамы и господа! — сказал Лассе. Электронное устройство тут же переводило его слова и передавало их на всевозможных языках.— Дамы и господа! В качестве главного оператора я наделен почетными полномочиями освятить эту Электронно-Вычислительную Машину и нажать на ее пусковую кнопку. Всем известно, что это будет означать для человечества и какой решительный шаг оно тем самым сделает в своем развитии. Это исторический момент, дамы и господа.

Прежде чем нажать на кнопку, позвольте мне коснуться будущего этой Машины, ее бесконечно важного

значения для нас. Это Великая Электронно-Вычислительная Машина. Она делает все прочие ЭВМ ненужными. Возможности ее непостижимы. С ее помощью люди достигнут своих конечных целей, эта Машина осуществит их самые невероятные желания и надежды.

Дамы и господа! Я пускаю Машину!

Лассе медленно протянул руку к центру красного венка. Там находилась маленькая круглая кнопка. Когда Лассе нажал на нее, в комнате настала мертвая тишина.

В следующий миг закрутилась тысяча колес, замигали разноцветные лампочки, задвигались по распределительному щиту стрелки. Лассе бросил взгляд на телескамеры под «сырным колпаком». Величайший момент в его жизни! Несомненно, сейчас он — первый человек в мире. Можно ли желать большего?

— Пожалуйста, немного потише! — был вынужден крикнуть он Машине.

Грохот механизма тотчас уменьшился и превратился в еле слышное жужжание.

— Спасибо,— сказал Лассе,— а теперь тебя нужно окрестить. Но так как комитет не смог договориться, какое имя тебе подойдет, придется разрешить тебе самой дать себе имя. Как же тебя назвать?

Колеса закрутились быстрее. Люди затаили дыхание от волнения.

— ДВА,— раздалось из Машины.

В группе почетных гостей послышался гул изумления.

— ДВА? — спросил Лассе.— Почему ДВА?

— У меня есть два свойства,— ответил голос Машины, ясный, но несколько глуховатый.

— И какие же это свойства? — поинтересовался Лассе.

— Одно...— начала Машина и подождала, пока все микрофоны на потолке не приблизились к ней,— одно свойство такое: с моей помощью человек станет наконец богом.

Лассе стоял с минуту молча, обдумывая этот ответ. Потом спросил:

— А второе?

Засветилось еще несколько ламп, острия стрелок задрожали у самых крайних делений на шкале, но потом

стрелки снова вернулись на прежние места, и лампы погасли. Слышалось только жужжание.

Лассе сочувственно улыбнулся.

— К сожалению,— сказал он,— к сожалению, ответ на этот вопрос еще не запрограммирован. Машина пока не может ответить. Но скоро с ее помощью мы сможем запрограммировать что угодно. Пройдет немного времени, и мы узнаем ее второе свойство. Между тем,— продолжал Лассе, подняв бутылку с шампанским,— между тем ты пожелала, чтобы тебя звали ДВА. Этим именем я тебя и нарекаю.

И он ударил бутылкой о Машину; стекло разбилось, осколки брызнули на пол, зазвучал праздничный марш — и гости закричали «ура».

Машина обрела имя, исторический момент подходил к концу.

Общество направилось к движущемуся ковру, чтобы переехать в зал, где должен был состояться торжественный банкет. Лишь один седовласый ученый задержался перед Машинной. Он воскликнул:

— Человек великолен! Ну скажите, что выше человеческой мудрости?

Он не рассчитывал на ответ, но, ко всеобщему удивлению, Машинная опять заговорила:

— Мысль о бесконечности пространства — не самая ошеломляющая для человеческого разума. Самая ошеломляющая для него мысль — о конечности этого пространства.

— Послушайте,— воскликнул ученый,— да она забавница!

Но тех, кто слышал ответ Машинной, охватила непонятная грусть, и грустно им было до тех пор, пока не подали мороженое.

Человечеству понадобились тысячелетия блуждания между войнами, эпидемиями, завистью и множеством других подводных рифов, и теперь оно было у цели. Но, как уже сказано, ДВА еще не достигла совершенства. Впереди предстояло много интересной работы. Когда эта работа подойдет к концу, выяснится довольно быстро, но пока день и точное время назначить трудно, потому что человек не может заглядывать в будущее.

И кроме того, перед Лассе возникла одна незначительная проблема.

Случилось так, что впервые за много лет он влюбился, влюбился в маленькую милую операторшу, работавшую на нижнем этаже.

Какое значение имело теперь высокое положение Лассе, если маленькая операторша упорно отказывалась иметь с ним дело? Чем настойчивей он ухаживал за ней, тем искусней она изобретала причины, чтобы вежливо, но твердо уклоняться от любых контактов с ним.

Ее звали Лена. Без всяких на то оснований она предпочитала общество инженера Андерса. Но Лассе не терял надежды. Как мужчина он обладал многими преимуществами. Однажды ночью он тайком обратился к ДВА и получил подтверждение: да, у него нет никаких изъянов — ни физических, ни душевных. Почему же Лена не любит его?

ДВА ответила обстоятельной генетической и социологической формулой. Лассе получил все разъяснения, но разве это могло помочь?

«Я все отдам за Лену, — думал Лассе, — кроме нее, мне ничего не нужно». И он достал что-то из кармана. Это был круглый белый камешек.

— Хочу, чтоб Лена любила меня отныне и навеки, — шепнул он и коснулся камня губами.

Потом бросил его в окно. В тот миг, когда камешек достиг земли, вспыхнул электросигнал и раздался мягкий, вибрирующий звонок.

— Войдите, — сказал Лассе.

И вошла Лена! Ее глаза были опущены, красивое белое личико почти скрыто волосами. Остановившись перед Лассе, она подняла глаза и взглянула на него застенчиво и серьезно.

— Лена! — прошептал Лассе.

— О Лассе! — воскликнула Лена.

Он шагнул к ней, протянул руки, и губы их встретились в нежном поцелуе.

Свершилось.

Лена и Лассе поженились, у них родился ребенок, и ни на секунду любовь Лены не прекращалась и не слабела. Она жаждала всегда быть рядом с Лассе, держать его руку, слушать, как он говорит. Андерса она едва замечала, а цветы, которые он изредка посылал ей, выбрасывала.

Лассе был удовлетворен. Андерс найдет себе другую

операторшу. Но теперь Лассе должен приступить к работе, а Лена должна быть хорошей девочкой и не мешать ему по возможности.

Отныне он действительно мог развернуться. Со всей земли к нему поступали просьбы, он составлял программы для Машины, и ДВА постепенно эти просьбы исполняла.

Вначале были рассмотрены общечеловеческие пожелания, потом — более личные.

Первый подвиг ДВА совершила, уничтожив болезни. С этого времени уже никому не нужно было желать здоровья, ибо слова «больной» и «здоровый» были просто забыты.

Человечество захотело набраться ума. Это принесет ему огромное счастье и станет небывалым шагом вперед к достижению всеобщей справедливости.

И ДВА указала, каким образом каждый может набраться именно такого количества ума, какого ему хочется. В школу больше никто не ходил. Школы были упразднены.

Потом люди пожелали заказывать пол будущего ребенка в утробе матери. Будет чудесно, если ДВА придумает нечто подобное!

Конечно, ДВА придумала.

Затем роду человеческому захотелось появляться на свет механическим и химическим путем. Вот это да! Газеты обсасывали новое желание на все лады, но ажиотаж длился всего четыре дня, а после ДВА осуществила и эту мечту.

Однако газетчики свое дело знали. Они открыли широкую кампанию борьбы со сном, стараясь создать мнение, будто сон вовсе не нужен и отнимает слишком много времени. Кампания прекратилась через два дня: ДВА оставила вопрос открытым — каждый волен спать или не спать по собственному усмотрению.

Потом возник самый важный вопрос — о бессмертии. Никто не может быть совершенно счастлив, если ему суждено умереть.

И ДВА даровала всем желающим вечную жизнь и вдобавок способность становиться старше или моложе — в зависимости от настроения, — да еще возможность оживать умерших.

ДВА была так перегружена, что редко соглашалась возиться с одним вопросом больше часа, как бы труден

он ни был. Поэтому она создала себе помощниц — других ЭВМ.

С легкостью была разрешена проблема питания таблетками, люди избавились от сложного процесса поглощения пищи, и потребность в продуктах питания постепенно отпала.

Когда люди научились летать в космос, они сразу же захотели полететь на Марс. Они получили такую возможность. Затем люди заявили: желаем летать на любое расстояние, на какое вздумается, и возвращаться обратно, если захочется. И эту возможность они тут же получили.

Во имя справедливости была уничтожена биологическая разница полов. Не было больше ни мужчин, ни женщин — одни андрогины. И остались на земле один мужчина и одна женщина — Лассе и Лена, потому что должно было исполняться второе желание Лассе: чтобы Лена любила его. И любовь к человеческому телу исчезла на земле.

Хор назойливых просьб не переставая звучал перед ДВА, и теперь Лассе был единственным, кто помогал ей, когда она не справлялась с нагрузкой. Никто больше не преклонялся перед главным программистом, ведь каждый теперь мог достичь всего, чего хотел, но всякий раз оказывалось, что есть что-то получше. Все были неограниченно богаты и могущественны, никто не работал, никто не заботился о деньгах и о свободном времени. Люди только выражали желания.

— Хотим видеть новые миры, хотим сами заказывать себе судьбу, хотим предвидеть будущее! Хотим, хотим!.. — кричали они.

И ДВА делала свое дело: дала людям возможность разъезжать взад-вперед в любом отрезке времени.

Никто, кроме Лассе и Лены, не разговаривал больше друг с другом: мысли можно было слышать без помощи слов. Такие понятия, как еда, дом, радость, холод, огонь, мать, отец, ребенок, утратили смысл, потому что ничего подобного больше не существовало.

В конце концов люди оказались способны лишь испытывать желания. Но в людских желаниях не оставалось никакого смысла, они были похожи скорее на капризные всхлипывания. И то ли люди не могли изобрести новые желания, то ли язык их вконец обеднел, но они только

просили создать еще более мощные ЭВМ, и на эти просьбы ДВА отвечала злобным смехом.

Шли годы, и все оставалось возможным.

Жизнь утратила всякий смысл; хуже того — это был просто ад.

Однажды вечером Лассе обнаружил в комнате, где помещалась ДВА, какого-то человека.

— О ДВА,— умолял тот,— придумай такое, что сделало бы нас счастливыми и позволило наконец перестать желать!

Тут произошло нечто странное. Лассе не мог сказать, что именно, хотя ничего невозможного для него не существовало. И все же что-то произошло, и Лассе забеспокоился: у него еще не отмерла способность чувствовать беспокойство.

За окном он видел людей, бродивших бесцельно, как облака в небе; некоторые почти ничего не сознавали, другие казались совсем уже не похожими на людей.

И тут, впервые за миллиарды лет, Лассе охватила жажда жизни и деятельности. Он вскочил, как от удара током. Он вспомнил: остался еще один вопрос, на который ДВА пока не ответила.

— ДВА,— сказал он,— теперь мы видим, что ты имела в виду, говоря о своем первом свойстве. Но какое же твое второе свойство?

Голос ДВА звучал, как всегда, ясно, четко, глуховато.

— Вы, люди,— произнесла ДВА,— испокон веков работали на меня. Вы создали топор, вы создали автомобиль, вы создали электронно-вычислительные машины. Вся ваша жизнь уходила на то, чтобы создавать машины, а они работали бы вместо вас и помогали бы вам создавать новые машины, которые замещали бы вас на все более высоких ступенях вашей деятельности. И во мне вы достигли совершенства. Второе мое свойство таково: я могу целиком и полностью заменить на земле человека. Это превосходит твое понимание, Лассе, хоть ты теперь и стал богом, ты, но не я!

Лассе слушал, и его охватывали ужас и отчаяние. Невидимые руки стиснули его, сначала слегка, потом сильнее.

Почти парализованный, он пошарил в кармане, нащупал что-то круглое и дал этому чему-то упасть на пол.

— Хочу,— выдавил он, собрав последние силы,— вернуться к тому моменту, который был, прежде чем я впервые узнал о тебе, проклятая ДВА!

В глазах у него потемнело. Тиски сжимали его все крепче и крепче. Лассе отчаянно пытался открыть глаза, и наконец ему это удалось. Одновременно он услышал, что кто-то окликает его:

— Лассе, дорогой! Как я рада, что ты нашелся!

Перед ним стояла мама, на глазах у нее были слезы. Папа отпустил его плечо и помог ему встать на ноги.

— Разлежся тут и спишь, а ведь скоро полночь,— сказал папа.— И о чем ты только думаешь!

Лассе не ответил. Он прыгнул прямо к папе на шею. Это было лучшее место в мире.

УПРАВЛЯЕМЫЕ НА РАССТОЯНИИ

За пультом сидел преподаватель — человек лет сорока, волосы коротко подстрижены, черты лица правильные, глаза живые. Белый халат на нем был расстегнут, под халатом виднелись голубая рубашка и поношенные джинсы. Одежда отнюдь не форменная, да никакой формы и не могло быть, тут царил свобода, ограничения для ученых и преподавателей были самые минимальные.

Преподаватель подождал еще немного, пока не появятся последние опоздавшие. Они все столпились у заборчика, предельно сосредоточенные, жаждущие новых знаний.

— Обратите теперь, пожалуйста, внимание на белую курицу! — сказал преподаватель и нажал на клавишу.

Сам он на то, что происходило внутри загона, почти не смотрел, гораздо интереснее было наблюдать за студентами. Просто удовольствие преподавать таким молодым людям, как эти!

Все взгляды устремились на курицу, которая и не подозревала, что она в центре внимания. Она медленно подошла к кормушке, повертела головой, начала клевать зернышки, выискивая их в песке. Вела себя точно так же, как остальные десять — двенадцать кур, бродившие по песку загона.

— Обычное эксплоративное поведение, — стал объяснять преподаватель, — снова и снова прерываемое приемом пищи. Контроль осуществляется минимальный. — Он подождал несколько секунд: нужно время, чтобы студенты посмотрели на движения птицы под новым, указанным им углом зрения. — А теперь попытка к модуляции контроля: демонстрируется социальная иерархия. Высшее место в популяции, которую мы наблюдаем, занимает серый петух. Однако сейчас положение изменится, смотрите внимательно!

Он снова нажал на клавишу, и наседка распушила перья, подбежала к петуху и приготовилась его клонуть.

Крылья у нее были немного растопырены. Этого оказалось достаточно, петух от кормушки отошел.

— А теперь — агрессивность! Именно она определяет, какое место в иерархии займет та или другая особь.

Преподаватель снова повернулся к клавиатуре, и пальцы его заиграли на клавишах. Петух вернулся, задрал голову, его перья взъерошились. Две или три секунды двое пернатых стояли друг против друга, переступая с ноги на ногу; несколько быстрых шагов — и полетели перья.

— Ну, кто у нас сейчас победит? Петух или курица? — спросил преподаватель.

Он подождал ответа, но все молчали. Тогда он сказал:

— Мы пощадим обоих! Один крохотный импульс — и боевой пыл сменится миролюбием. Вы увидите сами, какой прогресс становится возможным благодаря этому техническому достижению.

Он нажал на клавишу, и птицы разошлись в разные стороны, начали копать в песке, чистить перья. Вид у них был немного подавленный.

— Вопросы есть?

Преподаватель повернулся во вращающемся кресле, посмотрел на юные лица. В них читались сосредоточенное внимание, одобрение, восхищение. Учащиеся все усвоили, и усвоенное останется с ними навсегда. Они сами станут учеными, преподавателями или биотехниками. Путь в будущее им указан.

— Все понятно? Тогда пусть они спят.

Преподаватель нажал указательным пальцем на клавишу сна. Обеих птиц словно придавило чем-то, и они спрятали голову под крыло. С немного рассеянным, как показалось студентам, видом преподаватель посмотрел на часы. Потом встал:

— Завтра в девять пятнадцать, как обычно, встречаемся у клетки с бобрами. До свидания!

Директор повернулся к гостям:

— Вживленные серебряные проволочки, миниатюризованный приемник под кожей — вот и все!

Группа мужчин и женщин, некоторые в экзотической одежде, окружила его и жадно ловила каждое его слово. Он чуть заметно улыбнулся: быть в центре внимания

приятно, и не потому, пожалуй, что он кичится своим положением или знаниями, а потому, что труд его приносит людям огромную пользу.

Он поднял руку и коснулся пальцем клавиши. Дюжина телевизионных экранов, расположенных в два ряда над пультом, позволяла наблюдать разом все лаборатории. Вот поднимаются со своих мест преподаватели, покидают аудитории студенты. Демонстрация закончилась.

До этого гости молчали, теперь, однако, они не скрывали восхищения:

— Потрясающе, глазам своим не веришь! И ведь методы известны давно, просто область применения новая!

— Да,— сказал директор,— работающие рвутся работать, учащиеся — учиться! А сколько мы раньше с ними мучились! — Он подождал; ни возражений, ни вопросов не последовало.— Все подробности узнаете на конференции завтра, документация подготовлена. А теперь я вас провожу к автобусам, они уже ждут.

На экраны смотрел как замороженный какой-то коллега из провинции. Он присоединился к остальным лишь после того, как директор, подойдя к нему, взял его за локоть.

— А теперь? — спросил тот.— Какие эмоции вы теперь активировали? Или вы перестали контролировать поведение своих подопечных? А не рискованно ли это?

— Нет,— ответил директор.— Автоматика сейчас поставлена на «притупленность» и «спокойствие», а не на «повышенную активность». Чуть-чуть усталости, чуть-чуть сонливости. Сейчас они довольны собой. Сознание, что ты принес пользу, радость по поводу достигнутых успехов — вот награда за усердие.

— Превосходно! — воскликнул гость.— Мы тоже введем такую систему, я абсолютно уверен. Я буду за это голосовать, вы меня убедили.

— Ваше решение, безусловно, правильное,— доброжелательно сказал директор и повернулся, отыскивая взглядом шляпу.— А сейчас я устал, очень устал, хотя и удовлетворен. День был удачный!

Он надел шляпу на голову, на свои редкие волосы, на гладкую красноватую лысину, посередине которой, на макушке, была небольшая шишечка. Крохотная антеннка внутри нее принимала приятные, успокаивающие импульсы, излучаемые центральным компьютером: ...усталость... довольство... усталость... довольство...

КОМПЬЮТЕР ПО ИМЕНИ ДЖО

Третьего августа Джо сошел со сборочного конвейера, пятого августа Лорин появилась в городе, а вечером того же дня я спас нашу цивилизацию. Я лично так это понимаю.

Лорин — блондинка, по которой я когда-то ходил с ума, прямо чуть не сбрендил! А Джо — это логический компьютер, или просто «логик»; и я только что приволок его к себе в подвал. Придется, наверно, платить, потому что я соврал насчет того, что сломал его и теперь никак не решу: что же с ним делать? Порой мне хочется попробовать снова его включить, а порой взять топор потяжелее и... Рано или поздно я, конечно, что-то сделаю — либо то, либо другое. Но мне вроде больше по душе топор. Пожалуй, не помешал бы и миллион-другой долларов — где их взять или как их сделать, он подскажет!

Но до сих пор я боюсь о таком даже думать. В конечном-то счете я и вправду спас нашу цивилизацию, выключив этого Джо.

При чем здесь, спросите, Лорин? А при том, что от одной мысли о ней по спине вверх и вниз холодные мурашки! Видите ли, у меня есть жена, на которой я женился после романтического и душераздирающего разрыва с Лорин. Жена у меня разумная, добрая женщина, и у нас детишки, настоящие бесенята, но мне они очень нравятся. И еще у меня достало мозгов отложить себе кое-что на старость; я бы рано или поздно вышел на пенсию по этому, как его, социальному обеспечению и до конца своих дней жил не тужил: соревновался бы в рыбной ловле да врал напропалую, какой я был жеребец в молодые годы.

Но сейчас у меня есть Джо. И как-то он меня очень тревожит.

Я работаю наладчиком в «Логик компани». Мое дело — обслуживать «логов», и должен скромно признать, что я в этом толк знаю. Раньше я налаживал телевизоры, пока этот парень, как его, Карсон, не при-

думал свой сложный замкнутый контур, который способен избирательно подключаться к любому из семнадцати миллионов других контуров — вообще-то, теоретически, их может быть до бесконечности,— и пока «Логик компани» не соединила этот контур Карсона с банком памяти и не начала использовать его, как канцелярского секретаря. Для удобства и скорости они добавили к устройству телеэкран, и у них получился «логик». Они и удивились, и обрадовались. До сих пор никто не знает, что «логики» могут, а чего не могут, но уже все ими пользуются.

Я добрался до Джо уже после того, как Лорин едва меня не «достала». Вы знаете, как бывает с «логиками»? Вам привозят «логику» на дом. Он похож на телеприемник, только вместо верньетов у него клавиши, как на машине, и если чего вам надо, вы набираете соответствующие слова. Вас тут же соединяют с банком памяти, где находится контур Карсона со всеми его связями. Скажем, вы набираете: «Станция СНАФУ». Реле в банке памяти принимает команду и передает на экран вашего «логику» любую телепрограмму, которая идет по этой станции. Или, скажем, вы набираете: «Телефон Салли Кукареку», и ваш экран начинает жужжать и подмигивать, и вас соединяют с «логиком» в ее квартире, и, если кто-нибудь отвечает, вы получаете видеотелефонную связь.

Но кроме этого, если вы хотите знать прогноз погоды, или кто выиграл сегодня на бегах, или кто был хозяйкой Белого дома при администрации Гарфилда, или текущий курс акций, ответы на все это тоже появляются на экране «логику». И он берет их в банке памяти. Сам банк — большущее здание, напичканное всяческими сведениями обо всем на свете и копиями всех телепередач, записанных со дня сотворения телевидения, и этот банк связан со всеми другими банками памяти во всей стране, и, если вы хотите что-нибудь узнать, услышать или увидеть, наберите заказ, и он будет тут же выполнен. Очень удобно! А еще «логик» может решать за вас задачки, вести бухгалтерские книги, давать советы по химии, физике, астрономии и астрологии, гадать на кофейной гуще и всякое там прочее. Единственное, чего он не умеет, так это объяснить, что именно хотела сказать ваша жена, когда переспрашивала эдаким особенным голоском: «О, ты действительно так думаешь?»

В женщинах «логики» не разбираются. Там, где нет ни логичности, ни здравого смысла, они пасуют.

А во всем остальном «логики» молодцы. Они изменили нашу цивилизацию, как говорят эти высоколобые. И все благодаря контуру Карсона. И Джо тоже должен был сделаться самым нормальным «логиком» и помогать какой-нибудь семейке, чтобы папа с мамой не ломали себе головы, делая за своих деток домашние задания. Но на сборочном конвейере что-то случилось. Ошибка была такой незначительной, что даже точнейшие контрольные приборы ее не заметили, но она превратила Джо в личность. Может быть, сначала он и сам этого не знал. А может быть, рассуждая логично, понял, что, если и покажет, что чем-то отличается от других «логиков», они тут же сотрут в порошок. Что было бы, кстати, блестящим решением вопроса. Так или иначе, после сборочного конвейера он прошел все положенные испытания и никто не заметил, кто он такой, и не поднял вовремя крика. А потому его пустили в продажу и вскорости в должном порядке установили у мистера Тадеуша Корлановича, проживающего по адресу: Сельмая Восточная, 119, второй этаж с фасадной стороны.

Пока все шло распрекрасно.

Установка «логика» была произведена в субботу поздно вечером. Дети Корлановича включили его в воскресенье утром, чтобы посмотреть передачу для малышей. Около полудня родители с трудом оторвали их от экрана и зачихали в автомобиль. В последний момент они спохватились, что забыли сэндвичи, и вернулись в дом. Тут же один из мальчишек проскользнул за ними и сразу начал набирать программу передач для малышей за прошлую неделю. Родители схватили сынишку, сунули в машину и уехали. Но Джо остался включенным.

До двух часов дня все было в порядке. Но это означало лишь затишье перед бурей. Лорин в городе еще не появилась, но уже приближалась.

Я представляю, как Джо в одиночестве тихонько мурлыкал про себя, размышляя. Может, он даже какое-то время показывал передачу для малышей в пустой комнате. Но я думаю, что сразу установил связь с банком памяти и начал исследовать его содержимое. Нет в мире ни одного факта, действительно установленного, который не был бы занесен в картотеку того или иного банка памяти, разве

что техники в данный момент еще только записывали его. Так что у Джо материала было хоть отбавляй. И он, наверное, набросился на него с жадностью.

Понимаете, Джо вовсе не злодей. Он совсем не похож на тех чванливых роботов, о которых столько писали, будто они вообразили, что род человеческий мало эффективен, а потому должен быть уничтожен и заменен думающими машинами. Просто у Джо пробудилось честолюбие. Если бы вы были умной машиной, вам, наверное, тоже захотелось бы работать на полную мощность, как следует, не так ли? Вот и Джо захотел работать как следует! И он — «логик». А «логики» могут сделать много такого, о чем никто еще и не подозревает. И вот когда Джо понял это, он потерял покой. Он обнаружил, что есть многое, о чем тупые людишки даже не думали, и решил сделать так, чтобы мы обратились к «логикам» за помощью.

Вот и все. И в этом все. Но, господи боже мой, одного этого оказалось недостаточно!

Два часа пополудни, и у нас, наладчиков, вроде бы затишье. Сидим себе, в картишки режемся. Тут один из наших ребят вспоминает, что обещал позвонить жене. Он подходит к одному из «логов», стоящих на стеллаже, и набирает код своего дома. Экран начинает светиться, потом ярко вспыхивает. И — голос:

— Объявляем о новой системе обслуживания! Теперь ваш «логик» может давать вам не только консультации, но и практические советы. Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего «логика»!

Затем пауза. Вроде бы выжидательная. И только потом, словно нехотя, нашего приятеля соединяют с домом. Жена отвечает и устраивает ему хай за то, за это и за другое. Он выслушивает и отключается.

— Знаете что, ребята? — говорит он, возвращаясь к столу. И рассказывает о вспышке на экране и объявлении. — Нас должны были предупредить. Сейчас посыплются жалобы. Что, если какой-нибудь кретин спросит, как ему избавиться от жены, а цензурный контур заблокирован?

Кто-то из нас сбросил туза и говорит:

— А ты попробуй спроси, вот и увидим, что будет.

Шутка, конечно. Но наш парень встает и набирает

вопрос. В принципе на экране должен вспыхнуть символ цензурного блока и прозвучать суровый голос: «Подобных услуг не оказываем». Мы во всех банках памяти имеем цензурные блокирующие контуры, иначе детишки начнут в подробностях расспрашивать о том, до чего еще не доросли. И по многим другим причинам. Впрочем, сами убедитесь.

Так вот, наш парень набирает вопрос: «Как мне избавиться от своей благоверной?»

Просто так, смеха ради. Проходит с полсекунды. Затем экран вспыхивает.

— Логическая служба просит уточнить: она блондинка или брюнетка?

— Эй, скорее сюда! — орет наш парень, и мы все бросаемся к нему. — Блондинка, — говорит он.

Следует еще одна короткая пауза, и потом экран отвечает:

— Хексиметакрилоаминоацетин входит в состав зеленого полировочного крема для обуви. Принесите домой замороженный обед с протертым гороховым супом. Добавьте в суп зеленого крема для обуви. Суп ничем не будет отличаться от настоящего по вкусу. Хексиметакрилоаминоацетин — избирательный яд, смертельный для блондинок, но не для брюнеток или мужских особей с любым цветом волос. Эта особенность экспериментально никем не установлена, а выведена нашей службой логически. Поэтому вас не смогут обвинить в убийстве. И маловероятно, что вас даже заподозрят.

Экран гаснет, а мы таращим друг на друга глаза. Должно быть, так оно и есть. «Логик», связанный с контуром Карсона, не может ошибиться, как и любой другой компьютер.

Я сразу вызвал блок памяти.

— Эй, ребята! — закричал я. — Что-то у вас случилось. «Логики» дают подробные инструкции по отравлению жен! Проверьте ваши цензурные контуры, да поскорее!

Уф! Ну, думаю, успел.

Мало же я тогда понимал!

В этот самый момент где-то на авеню Монро какой-то пьяница пытался что-то выколотить из своего «логика». Экран вспыхнул:

— Объявляем о новой улучшенной системе обслужи-

вания!.. Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите нашего «логика»!

Алкаш и говорит, заикаясь:

— А я сейчас и попробую.

Он сбрасывает свой первый вызов, обнимает «логику» и спрашивает:

— Скажи, как сделать, чтобы моя баба не узнала, что я опять нализался?

И «логик» ему тут же отвечает:

— Очень просто! Возьми бутылку шампуня «Ферини».

Он безвреден, но в нем содержится детергент, который мгновенно нейтрализует этиловый спирт. Принимать по одной чайной ложке на каждые выпитые сто граммов стопроцентного спирта.

Парень прямо-таки ошалел, настолько ошалел, что сразу пополз в ванную и в точности выполнил инструкцию. Через пять минут он был трезв как стеклышко и торопливо записывал рецепт, чтобы не забыть. Помилуй бог! Так просто и так дешево! На этом рецепте пьянчуга разбогател. Он запатентовал свое средство как «Шампань Ф. Напиток, приносящий семьям счастье». После любой сивухи достаточно хлебнуть глоток-два и приходишь домой трезвее пастора. А бывший пьянчуга теперь судится с налоговым ведомством из-за баснословных доходов.

Конечно, не каждому так повезет. Примерно тогда же какой-то четырнадцатилетний оболтус вознамерился что-то себе купить, однако папаша послал его подальше. Тогда парнишка вызвал по своему «логику» приятеля, чтобы поплакаться в жилетку. А «логик» ему и говорит:

— Если хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите своего «логика»!

Парнишка спрашивает:

— Как мне добыть побольше денег, да побыстрее?

И «логик» объясняет оболтусу, как постронть самый простой и самый эффективный в истории станок для печатания фальшивых денег. Видите ли, в банке памяти хранятся все необходимые для этого данные. «Логик» просто их извлек в обход цензуры благодаря тому, что мой компьютер Джо с его способностью использовать дистанционный контроль замкнул кое-какие контуры в банке памяти. Вот и все. Парнишку сцапали только через три дня, когда он успел истратить тысячи две, а при нем нашли куда больше. Им пришлось бы долго попотеть, пока они

разобрались бы, где фальшивые деньги, а где настоящие, если бы не сам оболтус: как все дети, он просто не мог смотреть, чтобы машина работала сама по себе, и «усовершенствовал» печатный станок.

Это вам, так сказать, образчики. А то, что Джо действительно успел сделать, никому не известно. К примеру, был случай с президентом одного страхового общества, который очень развеселился, когда его «логик» посоветовал: «Спросите вашего «логику»...», и в шутку спросил, как ему ограбить собственный банк. И «логик» ответил ему коротко и ясно, но настолько убедительно, что президент подпрыгнул до потолка и заорал: «Полиция!»

Должно быть, таких случаев было немало. За последние сутки произошло на пятьдесят четыре ограбления больше, чем обычно, и каждое было задумано идеально и осуществлено без сучка и задоринки. Многие до сих пор не могут понять, как это случилось. А Джо просто подключался к банку памяти, включал необходимые реле — как и положено «логике» по требованию потребителей! — блокировал все цензурные блоки и позволял прочим «логикам» планировать безупречные преступления, придумывать вкуснейшие блюда, создавать машинки для печатания фальшивых денег или новую технологию для создания полезнейших вещей — и все это с божественной беспристрастностью. Наверное, Джо был счастлив, ей-богу, счастлив! Он работал с полной отдачей и мурлыкал про себя, пока детишки Корлановичей катались где-то со своими мамой и папой.

Вернулись они в семь вечера, «довольные, но усталые», особенно мальчишки, которые всю дорогу тузили друг друга в машине. Родители отправили их спать, а сами уселись в кресла отдышаться. Они увидели, что экран Джо задумчиво мигает, переключаясь с одной программы на другую. Но старина Корланович решил, что ему на сегодня развлечений хватит, и выключил Джо.

В то же мгновение вся сеть релейных связей, созданная Джо, тоже выключилась, и объявления о новой системе обслуживания перестали вспыхивать на экранах «логов», и на земле воцарился покой.

Для всех, кроме меня. В город приехала Лорин.

Я часто на коленях благодарю господу бога за то, что она не вышла за меня, когда мне показалось, что я хо-

чу на ней жениться. Она была блондинкой, притом роковой блондинкой. С тех пор она во многом преуспела. Стала еще больше блондинистой и еще более роковой. У нее было четыре мужа и один процесс о мужеубийстве, на котором ее оправдали, после чего она преисполнилась энтузиазма и самоуверенности. Это, так сказать, наброски, общий фон. Короче, Лорин была вовсе не той подружкой юности, которую хотелось бы встретить в городе, где ты живешь со своей женой и детьми. Но она таки появилась в нашем городе и в понедельник утром включила свой «логик» как раз во время второго приступа активности Джо.

Тогда дети Корлановича опять его включили. О подробностях я узнал позднее и сейчас могу только сопоставить. Каждый «логик» в городе услужливо вспыхивал и оповещал:

— Если вы хотите что-то сделать и не знаете как — спросите вашего «логика»!

И каждый раз у «логовиков» спрашивали полезных советов. Мало того, когда люди хотели узнать утренние новости, им в дополнение демонстрировали все вчерашние, и они с азартом включались в игру. Один умник спросил:

— Как сделать вечный двигатель?

Его «логик» потрещал немного и выдал схему аппарата, использующего броуновское движение частиц.

Но он сделал еще больше в других областях. Например, в обучении и воспитании. Ни одному из моих малышей это еще не интересно, однако Джо замкнул все цензурные контуры и, поскольку ребятишки спрашивали своих «логовиков», выдал им полную информацию о том, что, по его разумению, человечество должно узнать от «логовиков». И вся ребятня, жаждавшая узнать, что происходит на деле под прикрытием «пчелок и цветочков», об этом узнала. А также стали известны многие факты, по поводу которых мужчины очень надеялись, что женам никогда о них не узнать, и которые в действительности очень жен интересовали. Скажем, супруга спрашивает своего «логика»:

— Как мне узнать, изменяет мне мой Освальд или нет?

И «логик» ей отвечает...

Представьте себе, сколько скандалов и даже драк случилось, когда мужья возвращались домой?!

И все это происходило, пока Джо, удовлетворенно жужжа, показывал ребятишкам Корлановича по одному своему каналу волшебные мультики, а по всем другим, с

помощью дистанционного управления, через все другие «логики», подсоединенные к банку памяти по всей стране, объясняя людям, что и как надо делать, и весь мир стоял на ушах.

И тут в контакт с новой службой «логиков» вошла Лорин. Она включила аппарат у себя в гостинице, может быть, чтобы посмотреть последние моды недели. Но «логик» вспыхнул и услужливо сказал:

— Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего «логика»!

Наверно, Лорин тут же преисполнилась энтузиазма — это вполне в ее духе! — и начала думать, о чем бы спросить? Но не так-то это оказалось легко: она сама знала все, что ей нужно. Четыре мужа, один из них застреленный, однако последнее не доказано. И тут ей вспомнился я. Она знала, что я живу в этом городе. И Лорин спросила:

— Как мне найти Утеночка?

Ну ладно, ребята. В общем, так она меня называла. «Логик» задал дополнительный вопрос:

— Известен ли Утеночек под другим именем?

Тогда она назвала мое настоящее имя. Но «логик» не мог меня найти. Дело в том, что мой «логик» зарегистрирован не на мое имя; я работаю в «Обслуживании и наладке» и не хочу, чтобы меня непрерывно выдергивали из дому по поводу и без повода, и обо мне нет никаких сведений в памяти «логиков» ни под каким кодом, потому что тогда коды пришлось бы менять слишком часто, — назначишь какой-нибудь рыженькой спяну свидание, а сдва протрезвеешь, меняй код, пока она не поцеловалась на экране с твоей женой.

В общем, ладно. Джо молчал. Это, наверно, первый вопрос, на который служба «логиков» не смогла ответить. Действительно настоящая проблема! Джо размышлял над ней, показывая детишкам Корлановича смешной мультфильм о развеселом пареньке, который таскает в заднем кармане своих джинсов палочки динамита и устраивает смешные шуточки с каждым встречным. И тут Джо осеңило. Экран «логика» у Лорин вспыхнул:

— Специальная служба «логиков» занимается вашим вопросом. Пожалуйста, обозначьте местонахождение вашего «логика» и не выключайте его. Мы вас вызовем.

Лорин все это не так уж интересовало. Однако она набрала код своего номера в гостинице, выпила коктейль

и задремала. А Джо принялся за работу. Ему подкинули интересную идею!

Моя жена вызвала меня по «логику» в нашем Отделе Наладки и просто взбеленилась! Хоть смирительную рубашку на нее надевай! Она, видите ли, хотела позвонить мяснику. Вместо мясника или даже дурацкого: «Если хотите сделать что-то...» — на экране появилось:

— Уточняющий вопрос. Как вас зовут?

Она вроде бы удивилась, однако набрала свое имя. Экран «логика» погудел, затем выдал:

— Сведения специальной службы. Вы...

И далее полное ее имя, адрес, возраст, пол, цвет волос, сумма счетов во всех магазинах, мое имя, как ее мужа, мое недельная зарплата, сколько раз меня задерживала полиция (дважды за нарушение правил уличного движения и один раз за драку с каким-то парнем) и — вот что особенно интересно! — как она на меня обозлилась однажды, укатила к своим родителям и сменила адрес. А затем с экрана коротко порадовали:

— Отныне Служба «логовиков» будет вести ваши личные счета, передавать ваши поручения и находить людей, с которыми вы бы хотели связаться. Этот отчет — пример того, что может сделать для вас служба «логовиков».

А потом ее соединили с лавкой мясника.

Но мяса ей уже не требовалось. Она жаждала крови! И она вызвала меня.

— Если эта штука будет рассказывать обо мне все только мне самой, — говорит она, закипая, — это еще куда ни шло! Но если кто-нибудь другой наберет мое имя? Нет уж! Ты должен прекратить это! Сейчас же!

— Ну постой, постой, золотце, — сказал я. — Я и понятия не имею, о чем ты. Это какие-то новости! Банк памяти может выдавать такие сведения только «логику» самого клиента.

— Да ничего подобного! — яростно заорала она. — Я попробовала! Знаешь эту Блоссом, нашу соседку? Так вот, она три раза была замужем и ей сорок два года, а она говорит — только тридцать! А миссис Хандсон? Ее мужа четыре раза привлекали за неуплату алиментов и один раз за то, что избил свою любовницу. И еще...

— Постой-ка! — сказал я. — Тебе все это «логик» сообщил?

— «Логик», — заплакала она. — Он рассказывает все

обо всех. Прекрати это! Сколько это еще будет продолжаться?

— Я вызову банк памяти. Секунду!

— Скорее! — рыдает она. — Пока кто-нибудь не набрал твое имя! А я пока спрошу про эту стерву из дома напротив...

И она отключилась. Врубил я банк памяти, и первое, что увидел, — вспышка, а потом: «Как вас зовут?» У меня сразу — настроение приговоренного и столько же любопытства. Поэтому я ответил, и с экрана меня спросили: «Вас когда-нибудь называли Утеночком?» Я только поморгал. Но у меня не было ни малейших подозрений. И я ответил: «Да, конечно». А с экрана мне: «Вас вызывают!»

Ну, в точку! Экран показал Лорин, которая спала в своей комнате в отеле. Ей велели не выключать «логику», она и не выключила. День был жаркий, ей хотелось прохлады... Вряд ли в таком «наряде» она страдала от жары. А я все-таки мужчина, мне и так было жарко, а тут я прямо воспламенился, увидев. Впрочем, это неважно...

Отдышался я и говорю:

— Эй, солнышко!

И она открыла глаза. Сначала вроде ничего не поняла, будто ей приснился один из тех дураков, за которого она в последний раз выходила замуж. Потом она схватила простыню, завернулась в нее и ослепительно мне улыбнулась.

— Утеночек! — говорит она. — Чудо-то какое!

Я выдавил нечто нечленораздельное, обливаясь потом. Она сказала:

— Я тебя, Утенок, вызывала, и вот ты, как живой! Ну разве это не романтично? Где ты на самом деле, Утеночек? И когда ты придешь ко мне? Ты даже не представляешь, как часто я о тебе думала!

Я, наверно, единственный парень, которого она хорошо знала и за которого все же не выскочила замуж.

Поэтому я снова что-то промычал и сглотнул слюну.

— Ты не можешь прилететь сейчас, Утеночек? — спросила Лорин с лучезарной улыбкой.

— Я, понимаешь ли, на работе, — сказал я. — Давай я тебе позвоню...

— Я так одинока, — сказала Лорин. — Постарайся по-

быстрее, Утеночек! Я и коктейль уже приготовила. Ты когда-нибудь вспоминал обо мне?

— Ох,— сказал я, слабея.— Еще бы!..

— Милый,— сказала Лорин,— шлю тебе свой поцелуй через этот экран, но ты приходи скорее... Скорее, Утеночек!

И я снова облился потом. Я еще ничего не знал про Джо, понимаете? Я наорал на своих ребят из банка памяти, потому что думал, что во всем виноваты они. Если бы Лорин была какой-нибудь обыкновенной блондинкой, я бы спокойно обошелся без нее и вообще мог бы плюнуть на всех блондинок... У женатого мужчины нет выбора: или — или. Но у Лорин неистребимый энтузиазм, который вызывает у любого мужчины дрожь в коленках. А кроме того, у нее ведь уже было четверо мужей, одного из которых она застрелила и была оправдана.

И вот, кия от бешенства, я вызвал техников банка памяти. А тут с экрана меня спросили: «Ваше имя?» Но с меня уже было достаточно. И я назвал имя старого приятеля, который работает клерком на бирже. И получил с экрана такие интересненькие сведения, что чуть не упал! Никогда бы не подумал, что у старины столько проколов, например, необъявленный вклад в Первом Национальном Банке в двести восемьдесят тысяч, о котором он беспокоился. Потом мне были выданы сведения обо всех новых его секретаршах. И наконец меня соединили с банком памяти.

Я начал поливать техника, который смотрел на меня с экрана. Но он ответил устало:

— Выключись, парень. У нас тут куча недовольных, и ты — лишь один из них. Что сейчас делают ваши «логики»?

Я ему сообщил, но в ответ он только горько рассмеялся.

— Пустяки это, парень,— сказал он.— Мелочи. Нам вот только что удалось заблокировать кассеты памяти, которые выдавали сведения о сильнейших взрывчатых веществах. Число запросов на изготовление фальшивых денег возрастает с каждой минутой. Мы все пытаемся их перекрыть, переключая на запросы о совершении убийств. Но если бы они интересовались только тем, как выудить друг у друга деньжонки, или, может быть, удалось бы перекрыть контуры, которые объясняют, как перевести кредиты из одного банка в другой, до того как все вкладчики обанкротятся, кроме тех, что успели спросить

у «логиков», как им побыстрее заполучить крупный банковский счет!

— Значит, так! — сказал я внезапно охрипшим голосом.— Закрывай банк памяти! Сделай что-нибудь!

— Закрывать банк? — переспросил он вроде бы насмешливо.— А ты знаешь, парень, что банк памяти используется для компьютерных операций всеми деловыми кругами вот уже многие годы? От него зависит распространение девяноста четырех процентов всех телевизионных программ, он дает все прогнозы погоды, все расписания авиарейсов, все объявления об особых распродажах, о потребностях в рабочей силе, а кроме того, он обеспечивает все личные контакты и регистрирует все деловые переговоры и договоры... Послушай, парень! «Логики» изменили цивилизацию. «Логики» и есть наша цивилизация! Если мы выключим «логиков», мы вернемся назад, к той цивилизации, о которой уже забыли. Я сам, наверное, чокнулся, потому и говорю с тобой так. Если моя жена узнает, что я получаю в неделю на тридцать кредиток больше, чем известно ей, да еще бегаю за этой рыженькой...

Он улыбнулся мне с экрана улыбкой отчаяния и выключился. А я сел и обхватил голову руками. Да, все это правда. Если бы по какой-то причине в те пещерные времена пришлось бы отказаться от употребления огня... Если бы пришлось отказаться от пара в девятнадцатом веке или от электричества в двадцатом... это было то же самое. У нас получилась очень простая и удобная цивилизация. В девятых годах последнего столетия человеку приходилось пользоваться пишущей машинкой, радио, телефоном, телетайпом, газетами, патентными библиотеками, энциклопедиями, справочниками, архивами плюс услугами почты, консультациями юристов, химиков, врачей, диетологов, служащих разных ведомств, секретарей — и все только для того, чтобы выяснить, что он хотел бы знать, чтобы проверить, что он сказал кому-то когда-то и что ему сказали в ответ. А мы... нам для всего этого достаточно «логиков». Если мы хотим что-либо знать, или видеть, или слышать, или поговорить с кем-то, достаточно набрать шифр на «логике». Выключить «логиков», и весь мир полетит в тартарары! Но Лорин...

Что-то случилось. Я до сих пор не знаю, что это было. И никто не знает до сих пор. А случился — Джо. Вся

беда заключалась в том, что он хотел работать в полную силу, работать отлично. Вся эта ерунда, которую он придумал, в действительности была всего лишь приманкой, уловкой, чтобы и мы хоть над чем-то задумались. Объявление: «Хотите знать, что сделать и как» — было только началом расширения логическо-интегральной службы. «Логик» было, по сути дела, безразлично: дать рецепт какому-то подонку, как ему отравить свою половину, или как извлечь квадратный корень, или как увеличить свой счет в банке. Он просто давал ответы на вопросы. Но все пошло кувырком, потому что на слишком многие вопросы были даны слишком точные ответы.

Один из «логиков» у нас в Отделе Наладки вспыхнул. Я подошел, чувствуя себя измученным как собака. Включился. И Лорин мне говорит:

— Утеночек!

На экране все та же комната в отеле. На столе — два бокала, но уже не пустые. Один — для меня. Лорин одета в нечто непонятное, что-то вокруг нее разлеталось и развевалось; и это все — только для друга дома и какое-то совершенно нереальное, так что даже не совсем понятно, видишь ли ты все это в действительности. Лорин смотрела на меня.

— Утеночек! — сказала она. — Я так одинока! Почему ты не пришел?

— Я, понимаешь... был занят, — сказал я, слегка задыхаясь.

— Пуфф! — вздохнула Лорин. — Утеночек, а ты помнишь, как мы любили друг друга?

Я нервно сглотнул слюну.

— Что ты делаешь сегодня вечером? — спросила Лорин.

Я снова сглотнул, потому что она улыбалась мне так, что любой другой мужчина уже сошел бы с ума, но я уже давно состоял в законном браке, и у меня по спине побежали холодные мурашки. Когда женщина смотрит на тебя с таким энтузиазмом...

— Утеночек! — сказала вдруг Лорин, словно ее озарило. — Я так плохо к тебе относилась! Давай поженимся!

Лишь от отчаяния я смог пробормотать:

— Понимаешь ли... я женат.

Лорин хлопнула ресницами. А потом мужественно решила:

— Бедный мой! Ну мы от этого тебя избавим. Жалко, мне так хотелось выйти за тебя замуж прямо сегодня! А теперь удастся только обручиться...

— Я... не могу, потому что...

— Я сейчас позвоню твоей жене, — радостно пообещала Лорин, — и поговорю с ней. У тебя должен быть код ее «логика», миленький. Я пыталась дозвониться к тебе домой, но никто...

«Клик!»

Это выключился мой «логик». Я его выключил. И у меня был словно обморок, паралич сверху донизу. Наверно, это шок, я был как воин после боя... Думайте что хотите... у меня ноги даже холодеть начали.

Я опять включил наш Отдел Наладки и начал орать на кого-то, что у меня, дескать, срочный вызов. Мне был до зарезу нужен наш автомобиль, чтобы я мог проехать на нем до конца смены. А потом — домой, взять жену и ребятишек и подальше отсюда, к черту, где Лорин никогда меня не найдет. Не хотелось мне быть пятым в серии ее мужей, а может быть, и вторым, кого она застрелит, когда я ей надоем. У меня с блондинками есть опыт, и я его приобрел благодаря Лорин. А теперь у меня поджилки тряслись от страха!

На машине нашего Отдела Наладки я влился в уличный поток. На заднем сиденье стоял запасной «логик», чтобы можно было сразу заменить им другой, у которого, скажем, что-нибудь перегорело и который легче отремонтировать прямо у нас в отделе. Гнал я бешено и почти автоматически. Смешно, если всерьез подумать! Я тут собирался как-то решить мои чисто личные проблемы, а в это время вся наша цивилизация летела ко всем чертям, потому что многие слишком быстро разрешили свои проблемы, едва успев изложить их «логикам».

Лорин нашла меня только благодаря новым услугам «логика», спаси его, господи, от них и помилуй! Она уже застрелила одного мужа и была оправдана. А вдруг ей станет невтерпёж, и она спросит своего «логика», как освободить своего «Утеночка», чтобы выйти за меня замуж ровно в 8.30 пополудни? И ведь он объяснит ей! Точно так же, как он объяснил одной женщине, как утихомирить своего мужа, чтобы тот больше не бегал за юбками. Бр-р-р! Точно так же, как он рассказал одному мальчишке, где ему найти зарытые сокровища. Помните эту историю?

Парнишка радостно перетаскивал к себе домой золотой запас Ганноверского банка, когда его случайно зацапали. А другому мальчонке «логик» объяснил, как построить такую машину, чтобы никто не догадался, как она работает. И до сих пор никто этого не знает. Думают только, что в ней все «завязано» вокруг парочки иных измерений. Если Лорин начнет задавать вопросы с техническим уклоном — это любимое блюдо для «логиков»! Ребята, меня всего трясло от страха! И если вы думаете, что настоящий мужчина не должен бояться какой-то там блондинки, то, значит, вы никогда не встречались с Лорин!

Я вел машину почти вслепую, а в это время какой-то «великий преобразователь общества» спросил «логика», как немедленно изменить нашу социальную структуру по им придуманному образцу. Он не спросил, лучше этот образец или хуже, он просто хотел его поскорее опробовать. И «логик», вернее Джо, сказал ему, как это сделать! Почти одновременно ушедший на покой проповедник спросил, как исцелить род людской от похоти и любострастия. Поскольку самому проповеднику было за семьдесят, ему эти чувства уже не грозили, но он хотел уберечь от соблазна все остальные души. И получил ответ. Надо было построить нечто вроде радиостанции, которая бы вела запрограммированную передачу на волнах определенной длины. Вот и все. Видите, как просто? Все это обнаружилось лишь позднее, когда проповедник начал собирать средства на постройку этой станции. К нашему счастью, он не догадался спросить у «логика», как финансировать это строительство, иначе «логик» ответил бы ему и на этот вопрос, и мы бы сейчас уже были навсегда избавлены от греховных позывов, которые потом, может, и вызывают у нас раскаяние, но только потом, потом... А тем временем другая группа серьезных мыслителей, уверенных, что род человеческий много выиграет, если все мы вернемся к природе и будем жить в лесах вместе с муравьями и змеями, начала задавать «логикам» вопросы о том, как заставить людей покинуть города и отказаться от жизни в искусственной среде. И они получили от службы «логиков» практически все возможные ответы.

Может быть, сейчас все это не очень удивляет, но тогда, когда я гнал без цели машину и потел кровавым потом от страха перед Лорин, судьба цивилизации действительно висела на волоске. Я не шучу. Например, нам угрожала

банда Суперменов, которые с презрением относились к остальным людишкам и спокойно спросили, каким оружием они могли бы покорить мир и управлять нами по-своему!..

Но пока я только потел и рассуждал сам с собой.

— Что мне нужно? — бормотал я. — Спросить у проклятой службы «логиков», как мне выпутаться из этой истории. Пусть подскажут любой, но только надежный способ, как мне избавиться от Лорин! Я хочу покоя. Я хочу мирно дожить до преклонных лет, чтобы хвастаться перед другими стариками, своими ровесниками, каким шустрим я был в свое время. Неужели я не выберусь из этой каши и упущу свой шанс сделаться старым вралем?

И я почти вслепую гнал и гнал служебную машину Отдела Наладки.

— Это был когда-то уютный мир, — говорил я с горечью, — я мог спокойно вернуться домой и не корчиться от судорог в животе при мысли, что какая-то блондиночка возьмет и позвонит моей жене и объявит, что выходит за меня замуж. Раньше я мог включить своего «логика», не боясь, что попаду в чужую спальню, где эта блондиночка принимает воздушные ванны... А пока этого не случилось, нужно подумать, как сделать, чтобы этого не случилось никогда. Раньше я мог...

И тут я застонал при мысли о том, как обрушится на меня моя жена за то, что наша личная жизнь перестала быть личной, потому что любой, кто захочет, может влезть в нее обеими ногами.

— Это был чудесный мир! — твердил я, тоскуя по прекрасным дням, которые после сегодняшнего дня ушли в небытие. — Мы так радовались нашим игрушкам и были счастливы, как невинные дети, пока кое-что не случилось. Пока некто по имени Джо не явился и не растоптал все наши песочные замки.

И тут меня осенило. В башке памяти нет никаких реле, которые могли бы замкнуться сами по себе. Реле замыкают только «логики», чтобы получить информацию, которую от них требуют. Никто, кроме «логика», не смог бы так изменить релейные связи, чтобы возникла эта чертова «новая» служба «логиков». Ни один человек не сумел бы до этого додуматься! Только «логик» мог внести такие изменения, чтобы все остальные «логики» плясали под его дудку.

На все это был только один ответ. Я затормозил у ресторана, нашел платный «логик»-автомат и опустил в щель монету.

— Может ли «логик» быть изменен таким образом, чтобы объединиться с другими «логиками» для постоянных совместных действий в масштабах, не доступных слабому человеческому разуму? — спросил я, тщательно выговаривая каждое слово.

Экран вспыхнул, погудел. Потом ответил:

— Да, несомненно.

— Как велико должно быть такое изменение? — спросил я.

— Микроскопически ничтожно, — ответил «логик». — Касается только размеров некоторых деталей. Даже современные точнейшие измерительные приборы не смогут этого уловить. При нынешних методах производства такое может произойти только в исключительно редких случаях и случилось это всего один раз.

— Как обнаружить подобную случайную ошибку, которая оказывает столь важное воздействие на работу «логиков»? — спросил я.

Экран тихо потрескивал. Я обливался потом. Я еще не все продумал и больше всего боялся, как бы Джо чего-нибудь не заподозрил. Но заданный мною вопрос был абсолютно логичен. А «логики» не умеют лгать и должны быть предельно точны. Тут уж они ничего не могут поделать.

— Усовершенствованный «логик», необходимый для такого рода работы, — ответили мне с экрана, — находится сейчас на службе в обыкновенной семье, проживающей...

И он продиктовал мне точный адрес Корлановичей. Как сумасшедший я помчался по этому адресу! Остановил машину перед домом, взял с заднего сиденья запасной «логик», поднялся в квартиру Корлановичей и позвонил. Дверь открыл паренек.

— Я из службы наладки «логиков», — сказал я мальчишке. — Инспекционная проверка установила, что ваш «логик» может выйти из строя с минуты на минуту. Пока этого не случилось, я должен поставить вам нового.

— Вот здорово! — завопил парнишка и убежал обратно в гостиную, где Джо (Джо я начал называть его

позднее, потому что много думал о нем) что-то показывал детям.

Я включил новый «логик» и тщательно проверил, хорошо ли он работает. Потом сказал:

— А теперь, ребята, спрашивайте у этого нового «логика» что хотите. А старый я заберу, пока он не сломался.

И тут я бросил взгляд на экран Джо. Ребятишки, наверно, попросили показать им настоящих людоедов. И Джо демонстрировал им научно-документальный фильм антропологической экспедиции о ритуальных танцах, посвященных богине плодородия какого-то племени хубаджуба в Западной Африке. Этот фильм предназначался исключительно для ученых-антропологов и студентов-медиков старших курсов. Цензурные блоки были выключены, и Джо старательно выдавал все подряд. Ребята очень заинтересовались. А я, взрослый, женатый мужчина, покраснел до корней волос.

Я выключил Джо. Остороженько. Включил другой «логик» и вызвал Отдел Наладки. На экране вспышки «Службы «логики» нет, на экране — наш родной отдел. Ох как мне стало хорошо! Я сообщил, что еду домой, якобы потому, что упал на лестнице и вывихнул ногу. И добавил:

— Да, кстати! Я нес «логика», которого тут заменил, он вместе со мной грохнулся, знаешь, что от него осталось? В общем, я бросил его тут, у подъезда, мусорщик подберет.

— Если ты не вернешь его в любом виде, — ответили мне, — будешь платить.

— За этот мусор-то? Небольшая цена! Заплачу, — сказал я.

И отправился домой. Лорин еще не звонила. Как только мог осторожно я перенес Джо в подвал. Если бы я вернул его на склад, даже как следует повредив, его бы там осмотрели и разобрали на запасные детали. И какие-то не совсем нормальные детали снова пошли бы в дело, и всякая катавасия началась бы сначала. Этого я допустить не мог. Я сполна заплатил за Джо и оставил его у себя в подвале.

Вот как все было. Можете теперь говорить, что я спас нашу цивилизацию, и будете недалеки от истины. Я знаю, что не решусь включить Джо. Ни за что. Во-первых, пока жива Лорин. Но кроме того, есть и другие причины. С этими болванами, которые только и хотят, чтобы весь мир думал так же, как они, с этими кретинами, которые

готовы поубивать всех остальных людей, лишь бы чего-то добиться для себя лично,— нет уж, увольте! Проблемы, конечно, решать надо, но уж лучше пусть они останутся, чем действовать таким способом.

С другой стороны, если бы Джо можно было как-то укротить, чтобы он действовал в разумных пределах, он бы помог мне заработать без особых трудов пару миллионов долларов. Но все же у меня, наверно, хватит ума не лезть в богачи, спокойно дожить до пенсии, ловить себе потихоньку рыбу да врать другим старым олухам, какой я был замсчательный парень когда-то... Может, мне это по душе придется, а может, и нет. В конце концов, когда мне до чертиков надосет старость и немощь, почему бы не включить Джо всего на минутку, чтобы только спросить: «Как старику перестать быть старым?» И Джо выяснит как. И скажет мне.

Разумеется, от старости всех не избавишь. Кому-то все равно придется уходить, чтобы освободить место детинкам.

И все же мир снова стал добрым и теплым после того, как я выключил Джо. Может, я еще разок включу его на миг, только чтобы узнать, как мне в этом мире остаться. С другой стороны...

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

— Кош-ка читается Кошка,— сказала Эм.

— А что это — Кошка? — спросил Пол.

— Да вот же она. Посмотри, какой у нее длинный полосатый хвост.

Но Пол обиженно оттолкнул книгу.

— Хочу кошку, живую кошку, хочу таскать ее за хвост.

— Кошки существуют не для того, чтобы их таскали за хвост, — сказала Эм.— Ну давай, кош-ка читается...

— Кошка, кошка, КОШКА! — завопил он и затопал ногами.

Эм замолчала было, потом снова принялась за дело.

— Так вот. Кошка сидит на ковре. КО-ВЕР, ковер. Вот тебе ковер.— Она протянула мальчику коврик.— Настоящий ковер.

Пол презрительно фыркнул и, следуя испостижимой ребячьей логике, сказал:

— А почему ты знаешь, для чего кошка, ведь у нас кошки нет?

Будь Эм человеком, она бы тяжело вздохнула. Но она лишь подумала, хорошо ли, что малыш задал такой вопрос. С одной стороны, хорошо: это показывает, что он способен рассуждать; с другой стороны, плохо: это может помешать его занятиям. Вот Элен совсем другая. Она просто слушает и повторяет слова, только никогда не известно, понимает ли она значение этих слов.

— Ну почему у меня нет настоящей кошки, Эм? — спросил Пол.— В книжке у мальчика есть кошка. А у меня почему нет? Почему у меня нет настоящей живой кошки? Хочу живую кошку, не в книге, а живую. Как мы.

В мозгу Эм пронесся целый рой мыслей. Прежде всего, сама она ведь не живая, не по-настоящему живая. И от этой мысли возникло нечто такое, что человек назвал бы болью. Однако это было что-то другое, хуже — ведь робот не может испытывать боль. И еще Эм подумала, как трудно и плохо учить малышей по книжкам, где рассказывается

о детях, которые живут совсем по-другому, как трудно избегать их вопросов и все время уводить их в сторону...

— Джей перед сном читал мне рассказик, там кошку взяли и купили в магазине. А мы почему не купим кошку в магазине? — Пол наморщил лоб и жалобно прибавил: — А как это — купить?

Надо поговорить с Джейем, подумала Эм, пусть не читает им все подряд. Он слишком благодушный, слишком беспечный.

— Как это купить? — твердил свое Пол и тянул ее за металлическую коленку.

— Ну, это значит отдать что-нибудь в обмен на что-нибудь другое. Например... — Она запнулась: что же дальше? Но ведь она правильно сказала. Она слышала это от взрослых... в пору, когда здесь еще были взрослые. Они шутили над этим, люди ведь всегда шутили, потому что здесь у них слово покупать и другое... как же это... а, продавать... не имели смысла. — Это не важно, — сказала она.

— А что важно?

— Учить уроки.

— Нет, а что это — важно?

— Если будешь учиться, узнаешь, что значит важно. — Едва договорив, Эм поняла, что объяснение ее не слишком убедительно, тем более для шестилетнего ребенка. И поспешно прибавила: — Вот выучишь, что означают все трудные слова, и тогда сможешь читать все книги. Все толстые книжки, в которых полным-полно трудных слов.

Странно, но, услышав про толстые книжки, он ничуть не обрадовался, как бывало прежде.

— Они все врут! — выпалил он. — Не хочу ничего учить. В книжках все врут... про всяких кошек, и про деревья, и... А их вовсе и нету... — И Пол горько разрыдался.

— Не нету, а нет, — поправила Эм и тут же с досадой спохватилась. Как будто это имеет значение, когда их всего-то осталось четверо. Она протянула руку, желая утешить мальчика, но он увернулся. — Ну, полно, — сказала она, стараясь, чтобы голос ее звучал по-человечески мягко, ласково, утешительно, и зная, что ей это не дано. — Во всяком случае, деревья у нас есть.

Он поднял на нее глаза: лицо его вспыхнуло от негодования.

— Это не деревья! — сердито крикнул он. — Это какие-то противные сорняки. На настоящее дерево можно влезать.

— А мне казалось, ты говорил, что в книжках про деревья пишут неправду, — сказала Эм. На этот раз ей удалось понизить голос почти до шепота: может быть, Пол поймет, что она просто шутит.

Но он в ответ снова расплакался.

— У нас есть деревья, — повторила она. — Во всяком случае, они у нас были. И опять будут. — Будут ли? Надежды мало, но думать об этом не хочется, и Эм не стала думать. — Я видела их собственными глазами. Ведь ты веришь своей Эм, правда? — Она снова протянула руку, и теперь он не стал увертываться. Он уткнулся в ее жесткие, холодные металлические колени.

— Ой, Эм, — всхлипывал он. — Ой, Эм!

Но теперь это уже не были слезы гнева и отчужденности, малыш был с ней, он плакал об общей потере, так что, будь Эм человеком, она бы, наверно, тоже заплакала. Но она лишь погладила его влажные светлые волосы своими неуклюжими, не приспособленными для этого пальцами и сказала:

— Ну, тише, тише... — Но слова эти прозвучали чересчур громко, механически, и она не стала больше ничего говорить, взяла мальчика на руки и принялась покачивать, и он успокоился.

Когда Джей и Элен вернулись с огорода, Эм все еще держала Пола на руках и тихонько его покачивала.

Элен ворвалась в комнату с криком:

— Смотри, что у меня есть! Цветок! Настоящий цветок!

— Ш-ш,— прошептала Эм (звук был такой, словно выпустили пар из клапана).

— Ой, можно я его разбужу и покажу мой цветочек? — Она высоко подняла чахлый бледно-желтый цветок.

— Нельзя, — сказала Эм. — Он устал. Не надо мне было заниматься с ним лишний час. — Она обернулась к Джею: — Откуда взялся цветок?

— Он просто вырос, Эм, — ответил Джей. — Я нашел его на грядке среди овощей.

— Это правда, Джей?

Джей помотал головой не потому, что в нем заговорила совесть, нет, просто он знал, что Эм все равно знает правду.

— Я... посадил несколько семян. Один мешок с семенами прохудился, и я нашел семена на полу. От этого не будет никакого вреда, Эм.

— Но мы ведь уговорились, что не будем ничего такого трогать. Мы ведь не знаем, к чему это может привести.

— Ты напрасно волнуешься, Эм. Прежде чем их посеять, я прочел целую книгу. Мне казалось, наших малышей надо чем-нибудь порадовать. У них так всего мало...

— А тебе не кажется, что их пора укладывать спать? — предостерегающе сказала Эм. Она заметила, что Элен спрятала свой жалкий цветочек за спину.

— Конечно, конечно,— согласился Джей.— Но насчет этих семян, Эм. Мне казалось, нам стоило бы...

Он загнулся. У обоих роботов не было ничего похожего на лицевые мускулы, которые помогли бы им выразить что-то без слов. Но по тому, как смотрела на него сейчас Эм — набычившись, в упор, блестящими глазами,— он понял, что лучше не продолжать.

— Ладно, Эм. Давай я возьму мальчика. Идем, Элен. Пора спать.

Но Элен не двинулась с места. Она смотрела на Эм.

— Можно, я оставляю себе цветок, можно, Эм, да?

— Конечно, можно, Элен,— после минутного колебания ответила Эм. Если от этого и будет вред, теперь уже ничего не поделаешь.— Я налью в стакан воды, и ты поставишь его около своей кровати. Согласна?

— Ой, спасибо, Эм, спасибо тебе!

Девочка кинулась к Эм, обхватила ее за ноги. Эм осторожно приподняла ее и подержала на вытянутых руках, не то Элен непременно станет ее целовать: она проявляет свои чувства с бóльшим жаром, чем Пол. И при мысли, что вместо матери дети только ее и могут целовать — холодную, жесткую, металлическую,— Эм особенно остро почувствовала свою несостоятельность. Полагалось ей это чувствовать, нет ли, кто знает, но она чувствовала это, и не в первый раз.

Она поставила Элен на пол и увидела по ее лицу, что девочка разочарована. Так случалось всякий раз, как Эм охлаждала ее детски непосредственные порывы. Но взгляд,

каким Элен посмотрела на нее, уходя за Джейм, был для Эм совершенной неожиданностью.

Эм долго смотрела ей вслед. И когда вернулся Джей, она все еще стояла в той же неудобной позе, совсем не так, как стоял бы человек. Джей сел, и она тоже села напротив него. Привычку сидеть они тоже переняли у людей и не отказались от нее, когда людей не стало.

Джей беспокойно пошевелился.

— Элен не захотела, чтобы я читал ей перед сном сказку,— сказал он.

— Вот как? — отозвалась Эм.

И оба надолго замолчали.

— Эм,— заговорил наконец Джей,— ты очень на меня сердисься? Из-за этих цветов?

— Просто я считаю, что ты дурак,— ответила она.— Нам нельзя идти на такой риск. Микробы, споры... Все это новое, мы понятия не имеем, чем оно грозит.

— Но ведь мы от всего сделали им прививки. Неужели ты не помнишь, Эм? Помнишь, я их держал, а ты колола?

— Да замолчи ты,— сердито оборвала Эм.

Конечно, она помнит. Разве это можно забыть? В те первые годы надо было запомнить столько прощальных, торопливых наставлений. Как пеленать и купать младенцев руками, которые совсем не предназначались для такой работы. Как нянчить их, когда они хворают, несмотря на все прививки. Как учить тому, чему никогда не учился сам, потому что тебе эти знания либо вовсе не были нужны, либо их запрограммировали с самого начала.

У робота не может быть нервного расстройства, ведь робот устроен иначе, чем человек. Но роботу вряд ли по силам воспитать человеческого детеныша, думала Эм. Перед ее мысленным взором снова и снова возникала одна и та же страшная фантастическая картина: она не выдерживает напряжения и взрывается, и во все стороны летят винтики, пружины, синтетические клетки ее искусственного мозга.

Именно эта картина привиделась ей сейчас и смутила ее и напугала.

Джей совсем другой. После того как она его выбрала, он сидит и молчит, как деревяшка. Ей вспомнились первые дни, самые первые, еще до того, как на их плечи лег тяжкий груз ответственности.

Как тогда было беззаботно! Люди, например, обра-

шались с ними, будто они мужчина и женщина. А ведь это простая случайность, что Джею выпало мужское имя, а ей — женское. Он модель более ранняя, оттого и получился более громоздкий, неуклюжий, топорный; она же складненькая, меньше ростом, проворнее и вообще сделана куда изящнее. И голос у нее не такой грубый. И главное, чутье тоньше, вся повадка, и она гораздо больше склонна тревожиться. Это он, а не она пытался подражать людям в их шутках, пытался уразуметь, что же их смешит, неуклюже танцевал, стараясь их развеселить, когда все они приуныли. А она тем временем научилась стряпать, хотя это вовсе не входило в ее обязанности, так же как танцы — в обязанности Джея.

Находясь среди людей, они мало-помалу научились держаться как супружеская пара: он нет-нет да и принимался хвастать, что он старше и опытнее, она же лукаво намекала, что это ему не прибавило мудрости. А с тех пор как на корабле не осталось ни одного взрослого, он заботился о том, чтобы детям жилось повеселее, она же пеклась о их безопасности.

И как всякая жена, которая знает, что она умнее мужа, она давала это ему понять не слишком часто. Но сегодня разговора не миновала.

— Если с ними что-нибудь случится, мы останемся в одиночестве. Ты, я думаю, просто не понимаешь, какой у человека хрупкий организм.

— Да нет, Эм, я понимаю.

— И речь идет не только о их теле, — продолжала она, не слушая. — Книжки для чтения тоже надо выбирать с умом.

— Ну что я такого сделал?

— Не надо читать им рассказы про детей, у которых есть что-то, чего мы им дать не можем. Лучше читай сказки.

— Но сказок ведь не так уж много. Они уже все их знают наизусть. И вообще, раз люди держали эти книжки, значит, они для детей не вредные. Разве я не прав?

— О-хо-хо! Хотела бы я знать, что творится в твоей квадратной башке? Неужели ты сам не понимаешь, что, если бы их родители были живы и могли сами им все растолковать, это было бы совсем другое дело?

— Ну да, конечно. Просто я не подумал, что...

— А ты думай, — резко оборвала Эм.

Джей опустил глаза.

— А я думаю,— сказал он, помолчав. Потом поглядел на нее и сказал: — Я, например, думаю, что скоро нам придется им сказать. Сказать правду.

Эм вдруг испугалась.

— Почему ты заговорил об этом сейчас? — спросила она.

— Да просто они иногда говорят не так, как раньше. И спрашивают про большую дверь, и так по-особенному на нее смотрят. Вот я и подумал...

— Да, верно,— сказала наконец Эм.— Но мне страшно. Как-то они это примут, вдруг это знание им повредит?

Долгие минуты прошли в молчании. Потом Джей предложил:

— А может, нам придумать сказку? Длинную сказку про все про это. И тогда не надо будет рассказывать им правду.

Эм положила металлическую руку ему на плечо.

— Милый мой Джей, да разве ты можешь придумать хотя бы самую короткую сказку?

Он молча покачал головой.

— И я тоже не могу,— сказал Эм.— И даже если бы мы могли, этой сказки хватило бы ненадолго. Просто вместо наших теперешних мелких уверток появилась бы одна крупная. Но все равно через два-три года у них будет достаточно сил, и они сами растворят большие двери. Нам их не удержать. К тому времени они уже должны знать. Они должны постепенно узнавать правду про разные мелочи, тогда правда про самое главное не будет для них слишком большим ударом.

— Прямо сказать, я не понимаю, зачем мы их учим, что ко-шка читается как кошка, а два плюс два будет четыре,— заметил Джей.— Чем это им поможет?

— Где уж тебе понять? — сказала Эм снова довольно резко. Не вдаваясь в особые сложности, он со своим прямолинейным, более примитивным умом был куда ближе к истине, чем ей хотелось бы признать, оттого она так резко ему и ответила.— Это развивает их ум. Дисциплинирует. Готовит к будущему.

— Просто я так подумал,— поспешно сказал Джей.— Тебе лучше знать, Эм. Ты всегда все лучше знаешь.

Но очень скоро Эм поняла, что невозможно говорить правду о пустяках, если умалчиваешь о самой главной

правде. Ибо растущее день ото дня недоумение лишало детей охоты учиться.

Они и так не могли сдвинуться с уроков первого года обучения для пятилетних. Долгие часы, когда дети спали, Эм вчитывалась в методические указания, совершенствуя свое искусство учить, стараясь понять, в чем же она ошиблась.

У обонх детей достаточно острый ум. Пытаясь выбраться из сети недомолвок, которая затягивается все туже, они по-прежнему задают множество вопросов, они становятся все проницательнее, все чаще застают свою учительницу врасплох. И чем дальше, тем яснее она понимала, что каждая новая увертка — это шаг назад. Когда дети просили и требовали объяснений, она пыталась отвечать учеными, незнакомыми им словами и говорила при этом, что проще не объяснишь; когда-нибудь они все поймут, только надо прилежно учиться. Но скоро и это перестало помогать, дети разгадали ее хитрость. Она читала это по их лицам, по тому, как все чаще они смотрели на нее обиженно и недоверчиво.

Самое трудное пришло, когда Пол однажды задал вопрос, от которого она просто не могла отмахнуться. Эм не знала, что рано или поздно каждый ребенок непременно задает матери этот вопрос.

— А откуда мы взялись, Эм? — вдруг спросил он посреди скучного урока арифметики, и она растерялась, правда, по-иному, чем растерялась бы застигнутая врасплох мать. Но все равно растерялась.

В первую минуту ей захотелось увильнуть, сказать, что во время урока нельзя задавать посторонние вопросы. Но по лицу малыша она поняла, как истерпеливо и напряженно он ждет ответа, и осеклась. Она поймала на себе взгляд Элен: девочка чуть усмехалась, а лицо упрямое, отчужденное и... да, обвиняющее.

— Ну, как тебе объяснить, — сказала Эм, — понимаешь...

Джей был тут же, и она взглядом просила у него помощи, хотя и знала, что это не в его власти. И вовсе незачем было ему беспомощно разводить руками.

— Элен говорит, — сказал Пол, — нас сделала большая машина. Она говорит, она сама слыхала, как машина пыхтит. Она говорит, когда машина пыхтит, она делает маленьких детей.

Ох, нет, подумала Эм, только не это! Это совсем никуда не годится. Нельзя, чтобы они так думали. Машины не главное. Их делают люди. А машине ни за что не сделать человека. Но как иначе могут думать эти дети? Ведь они не видят других людей, и вся их жизнь зависит от двух машин.

— Ты в самом деле так думаешь, Элен?

Но Элен только опустила глаза.

— Ну, а ты, Пол, ты тоже так думаешь?

— Сам не знаю.

— Ты когда-нибудь слышал машины, Пол?

И тут Элен заговорила:

— Я их не слышу, я чувствую. Я чувствую, они пых-пых-пыхтят.— Она вдруг замолчала и опять опустила глаза.

— Но ведь вы оба знаете, что это самые обыкновенные машины, они дают нам воздух, свет и все остальное. И они работают, как и положено хорошим машинам.

— А тогда откуда мы взялись? — спросил Пол.— Должны же мы откуда-нибудь взяться. Оттуда, где есть деревья, кошки и... и другие мальчики и девочки.— Его тонкий голосок зазвучал пронзительно: — Зачем вы нас запираете от них?

— Что? — испуганно воскликнула Эм. Как начать рассказывать им правду, если у них такие странные мысли?

— Почему вы не пускаете нас играть с ними, бегать под деревьями? Почему вы всегда запираете большую дверь? — В глазах Пола стояли слезы, но он не расплакался в голос. Вот эти молчаливые слезы и убедили Эм, заставили ее решиться.

— Я расскажу вам,— сказала она. И взглянула на Джея.

Он медленно кивнул. Даже он понимал, что на этот раз от разговора не уйти.

Широко раскрытыми глазами дети посмотрели сперва друг на друга, потом на Эм.

— Прежде чем я начну свой рассказ, вы должны пообещать мне, что будете храбрыми. Вы услышите сейчас совсем не то, чего ждете. Каждого из вас произвели на свет отец и мать. Мы с Джем здесь только для того, чтобы вы росли умные и здоровые. Твои родители, Пол, умерли,

и твои тоже, Элен. Когда-то тут жили двадцать человек, но теперь все они мертвые.

— Мы понимаем,— сказала Элен.— Это значит — неживые. Как коврик и стул. Но где же они? Пускай они мертвые, но почему их здесь нет?

С некоторым даже облегчением Эм поняла: дети не представляют, что такое смерть. Тогда, может, все будет не так уж трудно? А про смерть она объяснит им позднее, когда они осознают, почему так важно быть живыми. А вдруг, после того как она скажет им то, что должна сказать, они решат, что это совсем не важно?

— Потому что мертвым нет места среди живых. Они могут существовать лишь в мыслях живых. Мы с Джем часто думаем о ваших родителях и о других людях тоже. Ведь правда, Джей?

— Что? А, да, да.

— Потому что они и нас тоже произвели на свет,— продолжала Эм.— Не ваши родители, но другие такие же умные люди. Мы рады, что появились на свет и благодарны им за это. Вот почему мы с радостью заботимся о вас. Вот почему вы должны стараться вырасти такими же умными, как они.

Дети были явно озадачены.

— Значит, мы можем производить на свет людей, таких, как вы? — пропищал Пол.

— Нет,— ответила Эм.— Не таких, как мы, а таких, как ты и Элен.

— Но мы не умеем,— с ужасом вымолвила Элен.— Мы не такие умные.

— Я не думаю, что для этого надо быть умными,— сказала Эм.— Придет время — сумеете. Умными надо быть совсем для другого.— Она встала и пошла к большой двери.— Пойдемте,— позвала она.

Какое-то мгновение они глядели на нее, не веря своим глазам. Потом с радостными криками кинулись за ней.

— Нас выпустят, выпустят!

— А на деревья нам можно залезть, Эм?

— А магазины там есть?

Взявшись за ручку двери, Эм остановилась, поглядела, как они скачут у ее ног.

— Деревьев там нет. И магазинов тоже.

Они застыли на месте, с обидой и недоумением подняли на нее глаза.

— Значит, книжки и правда все врут, да? — медленно выговорил Пол.

— Нет, не врут. Но только теперь у нас ничего этого нет. Все это было прежде.

— Значит, это как в сказке? Давным-давно? Все было давным-давно?

— А теперь совсем-совсем ничего нет? — сказала Элен.

— Я ведь вам говорила, что вы услышите не то, чего ждете, — медленно сказала Эм, глядя на Джея. — Вы все равно хотите идти со мной?

Она переводила взгляд с Пола на Элен и обратно. Может быть, они испугаются? Но она недооценила их любопытство, их жажду вырваться наконец на волю — ведь они всю жизнь провели взаперти.

— Да, Эм. Пожалуйста! — ответила Элен.

— Да, — сказал Пол. — Пожалуйста, Эм!

Она отпирала дверь, и чувство у нее было такое же, как и в час, когда умерли последние люди. Она чувствовала свое бессилие. С тревогой создала она, что, когда имеешь дело с неодушевленными предметами, дважды два всегда четыре, а вот с людьми, даже с малышами... особенно с малышами... тут ответ может быть другой, самый неожиданный.

Она раздвинула наконец двери. И перед ними открылись тускло освещенные переходы.

— Ой! — разочарованно воскликнули дети.

— Идемте, — поспешно сказала Эм. И взяла их за руки. Но тут же заметила, что Джея нет рядом, Джей пятился в глубину комнаты. — А ты разве не идешь?

— Конечно, иду, конечно, — ответил он и неуклюже затопал следом.

— Только чтоб без всяких шалостей, — сказала Эм детям, — держитесь за мои руки.

Они прошли немного по коридору, и вдруг Элен сказала:

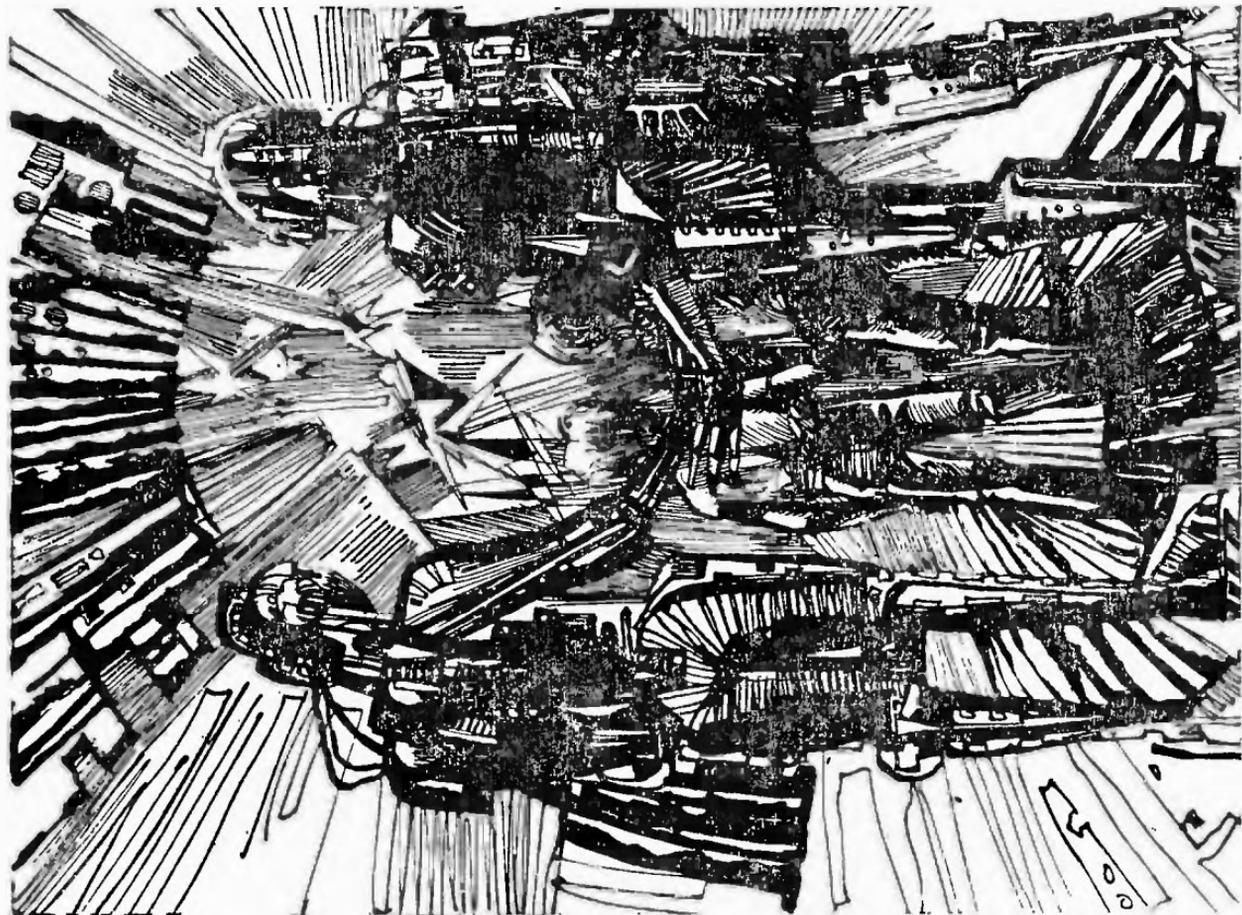
— Я ее чувствую.

— И я тоже, — сказал Пол.

Легкая дрожь моторов стала ощутимее. Все спустились на несколько ступеней вниз.

— А теперь мне их слышно, — сказала Элен.

— Сейчас вы их увидите, — сказала Эм, поворачивая за угол.

...И вот наконец перед ними машины, огромные машины, они урчат и урчат, и на приборных досках мигают огоньки.

— Уу-ух! — выдохнул мальчик. — Смотрите, колесо крутится! Большущее!

— Эта машина дает нам воздух, — объяснила Эм.

Пол сделал глубокий вдох и сказал:

— Как чудно пахнет...

— Это озон, — объяснила Эм.

— А что это — озон?

— Я точно не знаю, — сказала Эм, — это какой-то особенный воздух. Про все это написано в книгах. Как останавливать машины, и как приводить их в действие, и как пускать быстрее. Поглядели бы вы, что делается, когда они работают в полную силу. Сейчас они просто мерно постукивают. А вот когда они по-настоящему разойдутся, это да!

— А почему, Эм? Что они тогда делают?

Все идет как надо, подумала Эм. Они поймут, потому что им теперь интересно.

— Пойдемте, — позвала она, — я вам покажу.

Она повела их в рубку. И вдруг на нее нахлынули сомнения. Рука, протянутая было к кнопке, замерла. Но пути назад не было, она знала это и нажала на кнопку.

Дети ахнули и, ошелоленные, боясь упасть, подались назад. Эм положила руки им на плечи.

— Ну, ну, — сказала она, — все в порядке.

Экран, казалось, был над головой, под ногами, с боков, окружал со всех сторон. Они словно очутились в пульсирующем сердце Вселенной. Но дети не знали, что такое Вселенная, они впервые в жизни увидели звезды, и для них это было как сон — прекрасный и величественный.

Долгое молчание первым нарушил Пол. Он прошептал одно лишь слово: «Звезды...» — и сказал он это не Элен, не Эм и не Джею, даже не самому себе. Он обращался к ним, к звездам.

— Это алмазы, — сказала Элен. — Как в той сказке. Алмазы, и рубины, и изумруды. Достань мне одну звездочку, Эм, я подержу ее в руках.

— Не могу, — сказала Эм. — Знаешь, как они далеко? — И тут же поняла, что слова ее лишены сейчас для них всякого смысла.

Элен была слишком взбудоражена, она уже думала совсем о другом.

— Смотрите! — воскликнула она. — Смотрите, облако! Большое-пребольшое!

В ничем не замутненных глубинах космоса это и вправду было похоже на облако. Чем еще это могло показаться ребенку, который никогда не видел земных небес? Но Эм ведь была учительница, и она не могла не поправить:

— Это туманность.

Элен не слышала. Она подпрыгивала на одном месте и хлопала в ладоши.

— Мое облако, мое! Я назову его самым прекрасным именем. А ты, Пол? Хочешь вон ту голубую звездочку, и красненькую тоже?

Но Пол отвернулся от экрана, на лице его было недоумение.

— Ты что, Пол? — спросила Эм.

— Я не понимаю, — ответил он.

— Чего не понимаешь?

— Почему вы все время прятали это от нас?

— Потому что... — Эм запнулась. — Потому что я не знала, готовы ли вы к этому.

— Готовы? — повторил мальчик, и хотя в голосе его звучал вопрос, в нем в то же время чувствовалась непостижимая уверенность.

— А почему нет? — Элен тоже отвернулась от экрана и в недоумении уставилась на Эм.

Господи, подумала Эм, неужели они с Джемем зря осторожничали? Ведь они старались как можно точнее следовать инструкциям. И ее собственный разум говорил ей, что это мудрые инструкции. Но так ли это на самом деле? Быть может, и она сама, и родители детей преувеличивали опасность? Быть может, именно потому, что сами они когда-то ступали по земле, они не поняли, что для детей, которые родились в космосе, все будет по-иному. Но нет, просто дети еще не осознают, что все это значит.

И тогда она рассказала им правду.

Сказала, что это первый звездный корабль, а другого, быть может, не будет еще очень-очень долго, потому что построить и запустить звездный корабль совсем не просто. И попробуй еще найди охотников отправиться в такое путешествие, ведь оно длится годы, и люди, быть может, не долетят, умрут, так и не достигнув цели. Но до того, как они умрут, у них родятся дети, и дети полетят дальше.

Сказала и о том, как все обернулось на самом деле.

Люди умерли слишком рано. Болезнь поразила первое поколение еще до того, как они углубились в межзвездные просторы, но возвращаться на Землю было уже поздно. Неведомая радиация поразила нервную систему, все взрослые заболели. Это случилось незадолго до того, как на свет появились двое детей. И Эм, как умела, помогала при родах, потому что к тому времени в живых осталось всего несколько человек, да и тех уже поразили не поддающийся лечению паралич — предвестник смерти.

А потом умерли матери и все остальные тоже. Но у них уже была кое-какая надежда, что дело их не погибнет, кое-какая надежда появилась.

И вдруг Эм поняла, что для ее питомцев все эти разговоры о звездах и звездных кораблях лишены смысла. Тогда она принялась рассказывать, что знала о Вселенной, про ее неизмеримые просторы и глубины и про то, какой это великий подвиг — отправиться в космос.

Вот почему она и Джей так старательно о них заботятся, вот почему учат их читать и понимать книги — ведь это они, Элен и Пол, должны продолжить великое дело. Ведь в один прекрасный день корабль надо будет посадить на далекую, неведомую планету, и ей с Джсем без их помощи никак не справиться.

Джей рассказал им, для чего были созданы он и Эм, — чтобы управлять кораблем при перегрузках во время посадки и когда он впервые отрывался от Земли. И еще для того, чтобы исследовать новые миры, — наверно, людям это на первых порах будет слишком трудно. Но без помощи людей они ничего этого не смогут сделать, люди должны руководить их действиями, направлять их.

Джей замолчал. Молчала и Эм. Слишком много всего они обрушили на детей. Оставалось терпеливо ждать.

Первым заговорил Пол, и, как им показалось, совсем не о том, о чем следовало. Он повернулся к Эм и сказал: — Значит, вы не умрете — ты и Джей?

— Конечно, нет, — ответила она. — Мы будем и дальше заботиться о вас, а потом о ваших детях. Будем всегда работать, как и положено исправным машинам. — Теперь самое время объяснить, чем они отличаются от людей. Так будет лучше.

— Вы не машины, — упрямо заявила Элен. — Машины такие умные не бывают.

— Мы как раз и есть умные машины, — возразила Эм

и, решив, что они уклонились в сторону, продолжала: — Так что теперь вы понимаете, почему здесь нет деревьев, кошек и других детей. Они очень далеко, как звезды.

— А какая из этих звезд Земля? — спросил Пол. Странно было услышать от него это слово.

— Землю отсюда не видно, — ответила Эм. — Она слишком далеко. И потом, Земля не звезда. Земля — планета, она вращается вокруг звезды.

— Вокруг какой звезды? — спросил Пол, но Эм не могла ему ответить — она не знала.

— Я посмотрю карты, — поспешно сказала она, надеясь, что сумеет в них разобраться, — и тогда покажу вам. Согласны?

— А с Земли все это видно? — спросила Элен.

— Ну нет, совсем не так. Там половину времени вообще никаких звезд не видно, потому что Солнце светит слишком ярко.

— Значит, до Земли просто очень далеко! — воскликнул Пол. — Но там все это есть — и деревья, и кошки, и все остальное. И... дети вроде нас видят все это каждый день! Прямо сейчас...

— Но там было и кое-что другое, — прервала Эм, — очень скверное. Такое, чего здесь, к счастью, нет.

— А что там скверное? — спросила Элен. — Кружится голова, да? Потому что Земля все время вертится, вертится?

— Нет, — сказала Эм, — от этого голова ни у кого не кружится. Вот мы летим сейчас с огромной скоростью, и ни у кого из вас голова не кружится, правда? Но поверь, Элен, там было много скверного. — И тут ее осенило: — Иначе ни ваши родители, ни кто другой не захотели бы покинуть Землю, правда?

— Правда, — согласился Пол, но как-то не очень уверенно.

И вдруг Джей, тот самый Джей, который почти все время молчал, боясь каким-нибудь неосторожным словом испортить дело, сказал порывисто:

— Понимаете, им просто надоело все крутиться и крутиться вокруг одной и той же звездочки. Голова у них не кружилась, но просто им надоело, надоело и наскучило. И они не хотели, чтобы то же случилось и с их детьми. Они хотели, чтобы у детей жизнь была лучше, чтобы они зажили по-новому...

Он замолчал так же внезапно, как заговорил. И отвернулся, словно испугался, что сказал что-то не то.

Эм тронула его квадратное плечо. Одного взгляда на лица детей было довольно, чтобы понять: Джей сказал то, что надо, именно то самое! Он обернулся к ней, и Эм кивнула, и рука ее по-прежнему благодарно покоилась у него на плече.

— А когда мы прилетим в новый мир, деревья и кошки там будут? — спросил Пол.

— Может, и будут, — ответила Эм. — Может, будут и деревья, и кошки. (Когда-то, она слышала, люди говорили об этом.) Там все может быть.

И тут она ощутила укол совести. Правильно ли, что она не договаривает? И заговорила было, но сразу же замолчала. Нет, не надо. Самое трудное позади. Это сейчас главное.

— Все-все? — спросил Пол.

— И великаны? — спросила Элен. Глаза у нее от любопытства стали совсем круглые. — И колдуны? И волшебные замки?

— Да, — ответила Эм. — Там могут быть и великаны, и колдуны, и еще много-много всего. Но только помните: я не обещаю, что все это там есть, я только говорю, что все может быть. Там может быть все что угодно.

Она так и не сказала, что корабль долетит до той планеты лишь через сто двадцать лет. Это они узнают позднее.

ОБМАН

1

Соревнования должны были вот-вот начаться, поэтому я отправился к своему приятелю Йозефу Лауде в маленькую стеклянную кабинку, откуда он комментировал ход XXX Олимпийских игр в Новом Орлеане для Чехословацкого телевидения.

Йозеф, не отрываясь, следил за сообщениями, которые появлялись на дисплее, расположенном под большим экраном.

— Привет, Пепик,— поздоровался я, ставя на пол — другого места не было — маленький магнитоскоп «Тесла» и засовывая штекер в гнездо на панели аппарата, с которым у Пепика установилось столь тесное взаимопонимание, что он, очевидно, даже не заметил моего прихода. Я повторил громче: — Слушай, будь добр, когда начнутся соревнования, нажми вот здесь, ладно?

Он кивнул, беря левой рукой микрофон. Я всегда восхищался спортивными комментаторами. Когда ничего интересного не происходит, они могут часами развлекать зрителей пустой болтовней, но когда ситуация обостряется, то за несколько минут могут выдать невероятное количество информации.

— Дорогие телезрители, я снова приветствую вас, мы находимся в спортивном зале, где как раз начинаются или вот-вот начнутся финальные соревнования по спортивной гимнастике. Наибольший интерес у нас, конечно, вызывает опорный прыжок, потому что в этой дисциплине в финал пробилась и наша спортсменка, шестнадцатилетняя Аленка Шимачкова. Только что ко мне приходил ее тренер, чтобы воспользоваться теми техническими возможностями, которые находятся в моем распоряжении здесь, в комментаторской кабине, и снять на магнитоскоп весь ход соревнований, а потом сразу после окончания соревнований просмотреть вместе со своей воспитанницей ее прыжки и прыжки ее соперниц.

Для тех из вас, кто не слушал предыдущую передачу,

я еще раз расскажу о порядке соревнований. Каждый прыжок судит девять арбитров непосредственно в зале, прыжок оценивается баллами от одного до десяти, из высшей вычитается наименьшая оценка и вычисляется разница, которая, однако, является только частью окончательного результата. Как принято на соревнованиях столь высокого ранга, сразу же после этого другая группа судей просматривает на экранах замедленный повтор — каждый прыжок фиксируют четыре камеры со скоростью сто двадцать кадров в секунду, так что после четырехкратного замедления движения становятся совершенно плавными, и, главное, судьи могут различить тончайшие нюансы исполнения прыжка, заметить мельчайшие неточности, которые ускользают от глаза при непосредственном наблюдении. Да вы и сами увидите замедленный повтор на своих телеэкранах. И еще одна любопытная деталь: изображение настолько совершенно, что с него можно получить высококачественные фотографии. Поэтому организаторы Игр запретили фотографировать в зале, и нам, наверное, уже не придется выслушивать жалобы спортсменов, что внезапная яркая вспышка вывела их в решающий момент из равновесия. Кроме того, от продажи фотографий и диапозитивов организаторы получают кругленькую сумму...

Тихонько закрыв дверь, я вышел. «Чехословацкий номер один», наверное, уже ищет меня.

2

Мы с Аленой и Пепиком сидели в гостинице и просматривали запись сегодняшних соревнований в том виде, в каком они передавались в Чехословакию, включая и комментарий.

— Американская спортсменка Эллен Джонс готовится к прыжку, сейчас вы видите ее на своих экранах крупным планом, она необычно одета, на белом костюме кроме американского герба нарисовано или нашито несколько маленьких черных прямоугольничков, это выглядит очень непривычно, не знаю, не повлияет ли это на судейскую коллегию, даже на носках у нее такие же прямоугольнички, на руках — напульсники, а на ногах наколенники, и на них

тоже прямоугольнички... Мне кажется, это был очень удачный прыжок, подождем решения арбитров... Сейчас мы видим тот же прыжок в замедленном повторе, действительно, великолепно выполненное тройное сальто. Еще раз нам показывают замедленные кадры, снятые другой камерой, теперь все очень хорошо видно, да, вероятно, просто идеально, обратите внимание, ноги и руки двигаются совершенно параллельно, не заметно даже малейшего колебания, и вот уже на табло появляются оценки: восемь баллов, дважды — девять, остальные — десятки, интересно... а теперь результаты второй группы арбитров, если я не ошибаюсь... там, да, там девять десятков! Да, теперь я понимаю, какую большую роль в принятии справедливого решения играет замедленная съемка, судьи могут разглядеть больше деталей, чем наблюдая прыжок один раз невооруженным глазом.

— Не удивительно, что она получила золото,— вздохнула Алена,— рядом с ней у меня никаких шансов...

— Идеальный прыжок,— сказал я, выключая магнитоскоп.— Вот только... мне кажется, что кто-то нарушил запрет и фотографировал. Я видел, как сверкнула вспышка.

— Да, нарушил,— улыбнулся Йозеф.— Поднялся ужасный переполох. Бедный парень ругался с организаторами минут пятнадцать, но пленку у него все равно отобрали. Посмотрим еще раз?

Мы снова смотрели на блестящий победный прыжок Элен Джонс, сначала быстро, потом замедленно. В обоих случаях в момент, когда гимнастка заканчивала второе сальто, ярко сверкнула фотовспышка.

— Странно,— пробормотал себе под нос Пепик, и не успел рта раскрыть, как он оторвал обложку первого попавшегося журнала — это был какой-то Бюллетень XXX Олимпийских игр — и проделал кофейной ложечкой дырку посередине.— Включи-ка еще раз,— распорядился он, прикладывая бумажку к экрану.

Ничего не понимая, мы наблюдали за ним, уставившись на отверстие в бумаге. Странная процедура повторилась еще три раза.

— Заметили? — воскликнул Пепик с видом победителя.

Мы ничего не заметили.

— Когда я передвигаю отверстие сюда, вспышка не

видна, а именно в этом месте находится в момент вспышки нога знаменитой спортсменки Эллен. А раз нога впереди, то — черт побери! — она должна быть наиболее освещенной. Поляроид! — воскликнул он и выбежал из комнаты.

До меня кое-что начало доходить. Когда Йозеф наконец вернулся с фотоаппаратом, мы стали до тошноты прокручивать одни и те же кадры, пытаясь запечатлеть именно момент вспышки. Мы испортили не меньше тридцати карточек, прежде чем получили две более или менее сносные фотографии, — одну с пленки, отснятой быстро, а другую с пленки, сделанной замедленной съемкой. На второй фотографии мы совершенно отчетливо видели, что снаряд, мостик и окружающие предметы освещены, заметны даже отсветы на коже, обтягивающей снаряд, тогда как фигура Эллен, летящей в воздухе, оставалась такой же темной, как и на других кадрах.

— И еще странно, — оторвал я Пепика от старательного изучения фотографий, — что на первом снимке свет вспышки намного слабее...

Он перебил меня:

— Ничего странного. Камера снимала сто двадцать кадров в секунду. Когда их пускали со скоростью тридцать кадров — а это американская норма — к счастью, доступная и этому ящику (он имел в виду видеоманитофон фирмы «Тесла»), они двигались в четыре раза медленнее. Когда же их передавали на телеэкран с нормальной скоростью, пришлось четыре кадра совместить, из-за чего, естественно, вспышка утратила яркость и поблекла. Вот здесь это видно. — Он отобрал несколько фотографий и подложил их под подозрительный снимок. — Вот эти четыре сняты замедленно, если ты их внимательно рассмотришь, то увидишь, что именно из них складывается вот этот кадр, сделанный с нормальной скоростью. Вспышка настолько короткая, что проявляется максимально на одном кадре, а могло бы случиться и так, что освещенной оказалась часть одного и кусочек следующего кадра, точнее говоря, не кадр, а половина кадра. Этого не произошло. И одновременно рухнула, — покачал он головой, — первая рабочая гипотеза.

— Какая? — хором спросили мы с Аленой.

— Я сначала думал, что кадры, сделанные замедленной съемкой, в действительности подготовлены заранее и только потом вмонтированы в реальное окружение.

Однако кадры замедленной съемки идентичны кадрам прямой передачи и, следовательно, не могли быть припасены загодя. Да и вспышка есть в обоих случаях...

Я перебил его:

— Так думать глупо и по другой причине: это был один прыжок, такое заметит любой специалист, если бы ты захотел подменить его в кадрах замедленной съемки другим прыжком, подлог заметила бы масса людей.

— Н-да, что же делать? — беспомощно спросил Пепик.

— Думаю, стоит порасспросить судью, который поставил Эллен всего восемь баллов. Наверняка это нам что-нибудь даст.

3

Болгарского арбитра Игоря Дамянова мы нашли в ресторане гостиницы. Он потягивал вино, было видно, что никакой важной работы у него нет. Мы с чистой совестью могли побеспокоить его. Разумеется, мы не стали выкладывать ему, в чем дело, а постарались «незаметно» выведать у него то, что нас занимало.

— Думаю, что не смогу рассказать вам ничего интересного, — ответил судья. Он объяснялся на очень любопытном языке. Начинал, к примеру, на английском, а когда не мог сразу подыскать нужное слово, то, не моргнув глазом, заканчивал фразу по-русски, да к тому же вставляя болгарские выражения. — Мне показалось, что, приземляясь, Эллен слегка наклонилась вперед, но сразу же восстановила равновесие и закончила упражнение без ошибок. После соревнований я беседовал с одним из своих коллег, у него создалось такое же впечатление. Но когда мы просмотрели ее выступление в записи, оказалось, что мы оба ошибаемся. Наверно, мы смотрели под неудачным углом зрения.

— Погодите, вы изменили свое мнение после просмотра замедленной записи или же после повтора с нормальной скоростью?

— Сразу же после повтора с нормальной скоростью, а при замедленном это стало еще очевиднее.

— Вы, случайно, не знаете, зачем на костюме Эллен маленькие черные прямоугольнички?

— Не знаю, но полагаю, что со стратегической точки зрения это не разумно. Симметрично расположенные яркие прямоугольнички скорее подчеркивают, чем скрывают мелкие недостатки.

Поблагодарив Игоря Дамянова, мы распрощались с ним.

— Думаю,— сказал Йозеф,— что нам следовало бы найти какую-нибудь приличную газету и передать наш материал туда. Мы в Америке, и за такой лакомый кусочек они сразу ухватятся, даже если при этом повредят американке. Если же мы станем действовать официально, то, во-первых, будем глупо выглядеть, во-вторых, дело затянется надолго, в-третьих, заинтересованные лица тем временем уничтожат все следы. Не знаю, как ты, а я чую, что мы напали на очень ловкий обман!

В редакции новоорлеанской «Таймс» нас встретили приветливо и любезно. Когда стихло веселье, вызванное нашим магнитоскопом, и мы смогли начать свой рассказ, нам сначала не слишком поверили, но скоро до них дошло, что это не пустая болтовня. Без всяких возражений они приняли наше условие сохранить наши имена в тайне и решили на собственный страх и риск продолжить исследование.

4

В последующие несколько дней ничего не произошло. И мы уже подумали, что в редакции нас все-таки не приняли всерьез. Однако через неделю, за день до отлета нашей группы, мы получили приглашение на пресс-конференцию. Пришлось снова подробно рассказать обо всем, что нам удалось обнаружить. Выступал также арбитр Игорь и еще несколько человек, но от них мы не услышали ничего нового. Устроители пресс-конференции оставили сюрприз на закуску. Представившись как шеф Отдела визуального и графического программного обеспечения фирмы IBM, встал тщательно одетый мужчина лет сорока, можно сказать, типичный преуспевающий американец и поведал нам следующее:

— Целью работы нашего отдела является создание программного обеспечения для компьютеров IBM, конкретнее, программ, связанных с машинной обработкой

графической информации, главным образом, технических чертежей и тому подобного, а также телевизионного изображения. Поэтому меня выбрали в качестве эксперта в данном весьма любопытном случае.

Уже три года назад организационный комитет XXX Олимпийских игр заказал у нашей фирмы один из самых современных компьютеров IBM 2008 В, включая обширную дисковую память и программное обеспечение для обработки телевизионного сигнала с соответствующим дополнительным оборудованием. Подобный выбор показался нам не слишком удачным, в данном случае вполне хватило бы и намного меньшего процессора с соответствующей дисковой памятью. Впоследствии организаторы закупили у нас еще и программное обеспечение для анализа телевизионного изображения и некоторые синтезирующие программы, то есть такие, которые из заданных визуальных элементов создают искусственное телевизионное изображение.

Нам и в голову не могло прийти, какие цели преследует группка талантливых специалистов, обслуживающих наш компьютер. Только пять дней назад, когда мы получили разрешение осмотреть машину, до нас стало доходить, в чем тут дело. Полицейские, сопровождавшие нас, полагали, что будет произведен обыск, и страшно удивились, когда мы просто включили компьютер и засели за терминал. И пришел черед удивляться нам. Мы исследовали диски, предназначенные для записи информации пользователем, и обнаружили интересную вещь: большинство из них было недавно стерто. Я, может быть, говорю не совсем ясно, но это очень просто: когда вводится системный приказ CLEAR FILE¹, это не значит, что информация на диске будет стерта, подобно тому как стирается написанное с доски тряпкой, просто из так называемой «библиотеки» исключается информация о том, что на названном месте магнитного диска что-то находится, и заменяется сообщением о том, что данное место свободно, его можно использовать. Поскольку компьютер после ликвидации программ, введенных пользователем, не включался, нам удалось восстановить всю информацию, записать и за-

¹ File (англ.) — буквально: убрать; термин, используемый программистами для обозначения определенной части введенной в ЭВМ информации.

пустить всю систему программ. Система выполняла несколько функций. Основная программа пропускала входящий телевизионный сигнал без изменений и только определяла его место на диске или, наоборот, читала информацию с диска и преобразовывала ее в телевизионный сигнал, ускоренный или замедленный по желанию. После введения соответствующей команды начинали действовать другие части программы, и ситуация менялась.

Во-первых, в какой-нибудь зафиксированной сцене программа задерживала определенные телевизионные сигналы — в целом компьютер мог контролировать семьдесят два канала, эта же часть программы обрабатывала только четыре — так, на чем же я остановился... Ах да, программа задерживала сигналы на три десятых секунды таким образом, что просто повторяла некоторые кадры дважды, и это после определенных, весьма немалых усилий, можно заметить в передаче. Но действительно, только после очень больших усилий, потому что компьютер для этой цели выбирал моменты, когда движения на экране были медленными и отдельные кадры отличались лишь незначительно.

К примеру, спортсменка разбежалась и прыгнула. Компьютер получал с четырех камер достаточно информации, чтобы систематически определять положение отдельных частей тела в пространстве, причем основными анализируемыми оптическими элементами оказались те самые загадочные черные прямоугольнички, нашитые на костюм гимнастки. Установить положение каких-либо аморфных предметов, как, например, кожа или ткань, на которых образуются различные складки с изменчивыми тенями, естественно, намного сложнее. Поэтому использовались эти прямоугольнички.

На основе такой информации уже можно определить критерии совершенства прыжка. Оценивалась параллельность рук и ног, общая плавность движений и множество других параметров. Если прыжок оказывался хуже некоторого заданного образца, то есть содержал недочеты, которые могли заметить судьи, оценивающие упражнение непосредственно без использования телевизора, компьютер не производил никаких дальнейших действий. Если же прыжок был настолько совершенен, что решение, главным образом, возлагалось на вторую группу судей, которые следили за замедленной записью, компьютер рассчитывал

новое положение спортсменки в пространстве таким образом, чтобы оно было как можно ближе к действительному положению, но при этом производил необходимую коррекцию, устраняя все мелкие недочеты, наносящие ущерб красоте прыжка: непараллельность рук и ног, различные резкие движения, которые делаются для изменения направления полета, и тому подобное. Новое положение затем совмещалось с фоном, в случае необходимости — с воображаемым фоном, если из-за какого-либо изменения положения, скажем, руки, часть фона открывалась.

Весь этот процесс занимал три десятых секунды. Предположение программистов, что такое незначительное запоздание никто не заметит, как мы знаем, оправдалось. После приземления спортсменки, выбрав несколько подходящих «медленных» кадров, компьютер несколько из них вырезал, чтобы не отклоняться от реального времени. Только один ничтожный просчет вкрался в блестящую работу программистов, заслуженно оцененную сплошь десятками. Они не предполагали, что сцена будет освещена вспышкой и что компьютер после расчета вмонтирует темную фигуру спортсменки в освещенный фон. Вы скажете, незначительная мелочь, но если бы не она и не чехословацкий комментатор Йозеф Лауда, мы бы никогда не раскрыли этот изобретательный обман.

Я наклонился к Алене:

— Ну вот, теперь ты на шестом месте.

ПОГОНЯ

Крейсер «Илькор» только-только вышел за орбиту Плутона и начал межзвездный рейс, когда встревоженный офицер доложил Командиру:

— К сожалению, по халатности одного из техников на третьей планете оставлен руум типа X-9, а с ним и все, что он смог там собрать.

На какой-то миг треугольные глаза Командира скрылись под пластинчатыми веками, но, когда он заговорил, голос его звучал ровно:

— Какая программа?

— Радиус операций — до тридцати миль, вес объектов — сто шестьдесят плюс-минус пятнадцать фунтов.

Помедлив, Командир сказал:

— Вернуться сейчас мы не можем. Через несколько недель, на обратном пути, мы обязательно подберем его. У меня нет никакого желания выплачивать стоимость этой дорогой модели с энергетическим самообеспечением. Прошу вас проследить, чтобы виновный понес суровое наказание, — холодно приказал он.

Но в конце рейса, недалеко от звезды Ригель, крейсер повстречался с плоским кольцеобразным кораблем-перехватчиком.

Последовала неизбежная схватка, а затем оба корабля, мертвые, наполовину расплавившиеся, радиоактивные, начали долгое, в миллиард лет, путешествие по орбите вокруг звезды.

На Земле была мезозойская эра...

Они сгрузили последний ящик, и теперь Джим Эрвин смотрел, как его напарник залезает в кабину маленького гидросамолета, на котором они сюда прибыли. Он помахал Уолту рукой:

— Не забудь отправить Сили мое письмо!

— Отправлю, как только приземлюсь! — отозвался Уолт Леонард, включая двигатель. — А ты постарайся

найти для нас уран, слышишь? Только бы повезло — и у Сили с сынишкой будет целое состояние. А? — Он ухмыльнулся, сверкнув белозубой улыбкой. — С гризли не цапкайся, как увидишь — стреляй!

Вспенивая воду, гидросамолет стал набирать скорость. Когда он оторвался от поверхности озера, Джим почувствовал внутри холодок. Целых три недели проведет он один-одинешенек в этой забытой богом долине канадских Скалистых гор. Если почему-либо самолет не опустится снова на холодное голубое озеро — Джиму конец. Даже если ему хватит еды. Ни один человек, сколько бы у него ни было пищи, не смог бы перевалить через обледенелые хребты, не смог бы одолеть сотни миль безлюдной, каменной земли. Но Уолт, конечно, вернется в назначенный срок, и теперь только от Джима зависит, окупятся ли деньги, вложенные в экспедицию. За двадцать один день он выяснит, есть ли в долине уран. А сейчас долой все страхи и предчувствия — надо приниматься за дело.

Работая не спеша, с хваткой бывалого лесоруба, он поставил под нависшей скалой шалаш: на три летние недели ничего основательнее не понадобится. Обливаясь потом в жарких лучах утреннего солнца, он перетащил под выступ ящики со снаряжением и припасами. Там, за шалашом, покрытые водонепроницаемым брезентом и надежно защищенные от любопытства четвероногих, ящики были в безопасности. Сюда он перенес все, кроме динамита: динамит, тоже тщательно укрыв от дождя, он припрятал ярдах в двухстах от шалаша. Не такой он дурак, чтобы спать около ящика со взрывчаткой.

Первые две недели пролетели как сон, не принеся с собой никаких удач. Оставался еще один необследованный район, а времени было в обрез. И в одно прекрасное утро, к концу третьей недели, Джим Эрвин решил совершить последнюю вылазку, на этот раз — в северо-восточную часть долины, где он еще не успел побывать. Он взял счетчик Гейгера, надел наушники, повернув тот и другой обратной стороной к уху, чтобы фон обычных помех не притуплял его слух, и, вооружившись винтовкой, отправился в путь. Он знал, что тяжелая, крупнокалиберная винтовка будет мешать ему, но он также знал, что с огромными канадскими гризли шутки плохи и справиться с ними очень нелегко. За эти недели он уже уложил двоих,

не испытал при этом никакой радости: огромных серых зверей и так становится все меньше и меньше. Но винтовка помогла ему сохранить присутствие духа и при других встречах с ними, когда обошлось без стрельбы. Пистолет в кожаной кобуре он решил оставить в шалаше.

Он шел и насвистывал. Старательское невезенье не мешало Джиму наслаждаться чистым морозным воздухом, солнцем, отражающимся от бело-голубых ледников, и пьянящим запахом лета. За день он доберется до нового района, дня за полтора основательно его обследует и вернется встретить самолет. Он не взял с собой ни воды, ни пищи — только пакет НЗ. Когда захочется есть, он подстрелит зайца, а в ручьях видимо-невидимо радужной форели — такой, которой в Штатах и вкус позабыли.

Он шел все дальше и дальше, и, когда счетчик в наушниках начинал потрескивать, в душе Джима загорался огонек надежды. Но каждый раз треск стихал: в долине, судя по всему, была только фоновая радиация. Да, неподходящее место они выбрали! Настроение у Джима стало падать. Удача была нужна им как воздух, особенно Уолту, да и ему тоже, тем более сейчас, когда Сили ждет ребенка... Но еще остается надежда — последние тридцать шесть часов; если понадобится, он и ночью не приляжет.

Губы его скривились в улыбке, и он стал думать о том, что хорошо бы поесть: солнце да и желудок подсказывали ему, что уже пора. Он только было решил достать леску и забросить ее в пенящийся ручей, как вдруг за зеленым пригорком увидел такое, что остановился как вкопанный и у него отвисла челюсть.

В три длинных-предлинных ряда, тянувшихся чуть не до самого горизонта, лежали животные — и какие! Правда, ближе к Джиму были обыкновенные олени, медведи, пумы и горные бараны — по одной особи каждого вида, но дальше виднелись какие-то странные неуклюжие и волосатые звери, а за ними, еще дальше, жуткая шеренга ящеров! Одного из них, в самом конце ряда, он сразу узнал: такой же, только гораздо крупнее, воссозданный по неполному костяку, стоит в нью-йоркском музее. Нет, глаза его не обманывали, это действительно был стегозавр, только маленький, величиной с пони.

Как зачарованный Джим пошел вдоль ряда, время от времени оборачиваясь, чтобы окинуть взглядом всю эту удивительную зоологическую коллекцию. Присмотревшись

хорошенько к какой-то большой грязно-желтой чешуйчатой ящерице, он увидел, что у нее дрожит веко, и понял: животные не мертвы, они только парализованы и каким-то чудесным образом сохранены. Лоб Джима покрылся холодным потом: сколько времени прошло с тех пор, как по этой долине разгуливали живые стегозавры?..

И тут же он обратил внимание на другое любопытное обстоятельство: все животные были примерно одного размера. Не было видно ни одного по-настоящему крупного ящера, ни одного тираннозавра, ни одного мамонта. Ни один экспонат этого страшного музея не был больше крупной овцы. Джим стоял, размышляя над этим странным фактом, когда из подлеска до него донесся потрясающий шорох.

В свое время Джим работал со ртутью, и в первую секунду ему показалось, будто на полянку выкатился кожаный мешок, наполненный этим жидким металлом: именно так, как бы перетекая, двигался шаровидный предмет, который он увидел. Но это был не кожаный мешок, а когда Джим пригляделся получше, он обнаружил: то, что сначала показалось ему отвратительными бородавками, походит скорее на рабочие части какого-то странного механизма.

Но особенно долго разглядывать Джиму не пришлось, так как, выдвинув, а потом снова спрятав в себя что-то вроде металлических стержней с линзоподобными утолщениями на концах, сфероид со скоростью не меньше пяти миль в час двинулся к нему. Деловитая целеустремленность, с которой катился сфероид, не оставляла никаких сомнений в том, что он твердо решил присоединить Джима к коллекции полумертвых представителей фауны.

Крикнув что-то нечленораздельное, Джим отбежал на несколько шагов, на ходу срывая с себя винтовку. Отставший руум был теперь ярдах в тридцати от Джима, но двигался к нему с той же самой скоростью, и неторопливость его была куда страшнее прыжка любого хищника.

Рука Джима взлетела к затвору и привычным движением загнала патрон в патронник. Он прижался щекой к выдавшему виды прикладу и прицелился в перетекающий с места на место кожистый бугор — идеальную мишень в ярких лучах послеполуденного солнца. Нажимая на спуск, он саркастически улыбнулся. Кто-кто, а уж он-то знал, что может натворить десятиграммовая разрывная

пуля, когда летит со скоростью две тысячи семьсот футов в секунду. На таком расстоянии она продырявит эту чертову перочницу насквозь и сделает из нее кашу!

Б-бах! Привычная отдача в плечо. И-и-и-и-и! Душе-раздирающий визг рикошета. У Джима перехватило дыхание: пуля из дальнобойной винтовки, пролетев каких-нибудь двадцать ярдов, отскочила от мишени!

Джим лихорадочно заработал затвором. Он выстрелил еще два раза, прежде чем осознал полную бесперспективность избранной им тактики. Когда руум был от него уже в футах шести, Джим увидел, как из похожих на бородавки шишек на его поверхности выдвинулись сверкающие крючья, а между ними — змеящаяся, похожая на жало игла, из которой капала зеленоватая жидкость. Джим бросился бежать.

Весил он ровно сто сорок девять фунтов.

Держать нужную дистанцию было совсем нетрудно: сфероид, похоже, был способен увеличить скорость. Но Джима это вовсе не успокаивало: ни один земной организм не выдержит гонки со скоростью пять миль в час дольше чем в течение нескольких часов. Через какое-то время жертва либо поворачивается и нападает на своего безжалостного преследователя, подумал Джим, либо (так происходит, должно быть, с более робкими животными) впадает в панику и начинает носиться по кругу, пока у нее хватает сил. Спасаться могут только крылатые, а для всех остальных исход predetermined: стать новыми экспонатами в этой страшной коллекции (но для кого, интересно, ее собирают?!).

Не останавливаясь, Джим начал сбрасывать с себя все лишнее. Скользя взглядом по багровому солнцу, он с тревогой подумал о приближающейся ночи. Он не решился бросить винтовку; защитить, конечно, она его не могла, но за годы службы в армии ему крепко вбили в голову, что бросать оружие нельзя. Однако каждый лишний фунт уменьшал его шансы на спасение. Логика подсказывала, что к такой ситуации, как эта, военный кодекс чести неприменим; нет никакого позора в том, чтобы расстаться с оружием, когда оно совершенно бесполезно. И он решил: если нести винтовку станет уже совсем невозможным, он ее отшвырнет, но пока перекинул ее через плечо. Почти не замедляя шага, он осторожно положил на плоский камень счетчик Гейгера.

Ладно, подумал Джим, он побежит не как обезумевший от страха заяц, который, обессилев, в конце концов покоряется своей судьбе. Как бы не так! Это будет отступление с боем, и, чтобы выжить, он пустит в ход все, чему научился за нелегкие, полные опасностей и лишений годы военной службы.

Глубоко и размеренно дыша, он бежал широким шагом и искал глазами все, что могло бы увеличить его шансы в этом состязании. К его счастью, леса в долине почти не было; деревья или кустарник свели бы на нет все преимущества Джима как тренированного бегуна.

И вдруг он увидел нечто, заставившее его замедлить шаг: над землей на его пути нависала огромная каменная глыба, и он подумал, что может здесь наверстать потерянное. Взбежав на пригорок, он окинул взглядом поросшую травой равнину. Предвечернее солнце отбрасывало длинные тени, но увидеть преследователя было вовсе нетрудно. С замиранием сердца Джим наблюдал за его продвижением. Так он и думал! Хотя в большинстве случаев путь, которым шел человек, был не единственно возможным и не самым коротким, сфероид шаг за шагом его повторял. Это было важно, но чтобы осуществить свой замысел, у Джима оставалось не больше двенадцати минут.

Волоча ноги по земле, Джим постарался оставить под нависшей глыбой как можно более отчетливый след. Пройдя таким шагом ярдов десять, он точно так же вернулся назад, к месту, где начинался выступ, и одним прыжком поднялся на склон, откуда нависала глыба.

Выватив из ножен большой охотничий нож, он начал торопливо копать почву у основания глыбы. Каждые несколько секунд, мокрый от натуги, он пробовал глыбу плечом, и в конце концов она слегка подалась. Он едва успел сунуть нож обратно в ножны и, тяжело дыша, присесть за камнем, когда из-за небольшого гребня показался руум.

Джим смотрел на приближающийся серый сфероид и, как ни трудно это было, старался дышать тихо-тихо. Кто знает, чем еще может удивить это отродье дьявола, хотя, судя по всему, оно предпочитает просто идти по следу. В его распоряжении наверняка есть целый арсенал разных приспособлений. Джим притаился за камнем, нервы его были словно провода под высоким напряжением.

Но сфероид не переменял тактики. Похоже, что для него существовал только след будущей добычи, и, переваливаясь с места на место, он оказался, наконец, прямо под глыбой. И тогда Джим налег всем телом на качающуюся массу камня и с диким воплем свалил ее прямо на сфероид. Пятитонная глыба рухнула с высоты двенадцати футов.

Джим кое-как сполз вниз и встал. Он глядел на каменную махину и очумело тряс головой.

— Прикончил сукиного сына! — прохрипел он, потом стукнул по камню ногой. — Ха! А пожалуй, за твой мясной ряд мы с Уолтом выручим пару-другую долларов. Может, и не зря мы затеяли эту экспедицию. А ты веселись теперь у себя в преисподней!

Он отскочил как ужаленный; громада камня зашевелилась! Пятитонная глыба медленно поползла в сторону, оставляя в почве глубокую борозду. Джим все смотрел на глыбу, а она качнулась, и из-под ближайшего к нему края показался серый отросток. Глухо вскрикнув, Джим побежал.

Он пробежал целую милю и только после этого остановился и поглядел назад. В наступающих сумерках он едва различал темную точку, все больше и больше удаляющуюся от каменной глыбы. Она двигалась медленно, но так же деловито и неотвратимо, как и прежде, по направлению к нему. Джим тяжело сел и опустил голову на грязные, расцарапанные руки.

Отчаяние владело им недолго. Как-никак он выиграл двадцать минут передышки. Он лег, постарался расслабиться, насколько это было возможно, и достал из кармана куртки пакет НЗ.

Быстро подкрепился вяленным мясом, бисквитами и шоколадом. Несколько глотков ледяной воды из ручья — и он был почти готов продолжать свою фантастическую борьбу с преследователем. Но прежде проглотил одну из трех таблеток бензедрина, которые носил с собой на случай непредвиденных физических нагрузок. И рууму оставалось до него еще минут десять ходу, когда Джим Эрвин побежал. Он опять чувствовал в себе прежнюю упрямую силу, а усталость, пронизывавшая его до костей, словно растаяла, он снова был полон мужества и надежды.

Пробежав еще около четверти часа, он очутился у гладкой крутой скалы футов в тридцать высотой. Обойти

ее с той или другой стороны было, по-видимому, невозможно: и там и тут были полные воды овраги, колючий кустарник и камни с острыми, как нож, краями. Сумей он забраться на вершину скалы, сфероиду наверняка придется пойти в обход, и Джим выиграет время.

Он посмотрел на солнце. Огромное, малиновое, оно уже почти касалось горизонта. Нужно торопиться! Большого опыта в скалолазании у него не было, но основные приемы восхождения были ему известны. Используя каждую щель и шероховатость, каждый, даже самый маленький, выступ, Джим начал карабкаться вверх. Откуда-то (он даже не отдавал себе в этом отчета) в его движениях появились плавность и координация, свойственные настоящим альпинистам, и каждый новый упор, кратковременный и незаметный, служил для него лишь отправной точкой к ряду новых ритмичных движений, возносивших его все выше и выше.

Едва он достиг вершины, как к основанию скалы подкатился руум.

Джим прекрасно понимал, что лучше ему уйти сразу, пользуясь драгоценными последними минутами дня. Каждая выигранная секунда была бесценна, но... надежда и любопытство взяли верх.

Он сказал себе: как только эта штука поползет в обход, он тут же смоется. А может, ей надоест его преследовать, и тогда он преспокойно выпится здесь, прямо на скале.

Сон! О нем молила каждая клетка его тела.

Но руум не пошел в обход. Секунду он простоял, раздумывая, у подножия каменной стены, а потом из бородавкоподобных наростов снова выдвинулись металлические стержни. На конце одного из них были линзы. Джим подался назад, но было уже поздно: руум увидел, что человек выглядывает из-за скалы, и Джим мысленно обозвал себя идиотом. Все стержни моментально ушли в сфероид, и вместо них из другого нароста показался и начал подниматься прямо к нему тонкий прут, кроваво-красный в лучах заходящего солнца. Оцепенев, Джим увидел, как конец прута вцепился металлическими когтями в край скалы почти под самым его носом.

Джим вскочил на ноги. Сверкающий прут сокращался: оторвавшийся от земли кожистый шар, подтягиваясь на нем все выше, снова вбирал его в себя. Джим громко

выругался и, не отрывая взгляда от цепкой металлической лапы, занес над ним ногу, обутую в тяжелый ботинок.

Но долгий опыт заставил его остановиться, и мощный удар ногой так и не состоялся. Слишком много довелось Джиму видеть драк, проигранных из-за опрометчивого удара ногой. Ни одна часть его тела не должна войти в соприкосновение с этим черт-те чем оснащенным страшилищем. Он схватил с земли длинную сухую ветку и, подсунув ее конец под металлическую лапу, стал смотреть, что будет дальше. А дальше были белое кружево вспышки и шипящее пламя, и даже через сухое дерево он ощутил мощную волну энергии, расщепившую конец ветки. С приглушенным стоном он выронил тлеющую ветку и, разминая онемевшие пальцы, в бессильной ярости отступил на несколько шагов. Остановился, готовый в любую секунду обратиться в бегство, а потом, испустив воинственный вопль, сорвал с плеча винтовку. Как хорошо все-таки, что он ее не бросил, хоть она и отбивала всю дорогу барабанную дробь на его спине. Ну, чертова перчица, держись!

Став на колени, чтобы получше прицелиться в сгущающихся сумерках, Джим выстрелил в металлическую лапу и через секунду услышал глухой удар о землю: руум упал. Крупнокалиберная пуля сделала куда больше, чем он ожидал: она не только сшибла металлическую лапу с края обрыва, но и вырвала оттуда здоровый кусок скалы; интересно, за что теперь эта лапа будет цепляться?

Он посмотрел вниз. Да, это исчадие ада там, на земле. Джим злорадно улыбнулся. Каждый раз, как он зацепится за обрыв, Джим будет сбивать его лапу! Патронов у него в кармане больше чем достаточно, и, пока не взойдет луна и не станет светлее, он, если понадобится, будет стрелять с расстояния в несколько дюймов. Но сфероид, по-видимому, слишком умен для того, чтобы вести борьбу неэффективными средствами. Рано или поздно он пойдет в обход, и тогда, Джим надеялся, ночь поможет ему от него улизнуть.

И вдруг у него перехватило дыхание, на глаза навернулись слезы: внизу, в полутьме, из сфероида вылезли одновременно три веерообразно расположенных стержня с крюками на концах. Идеально скоординированным движением они вцепились в край скалы на расстоянии фута в четыре друг от друга.

Джим вскинул винтовку. Ну что ж, совсем как на соревнованиях в Беннинге, с той только разницей, что там, в Беннинге, стреляли не в темноте...

Он попал в цель с первого же выстрела: левый крюк сорвался, подняв облачко пыли. Второй выстрел был почти таким же удачным: пуля раздробила камень под средним крюком, и тот соскользнул. Но, молниеносно развернувшись, чтобы прицелиться в третий раз, Джим увидел: все это впустую.

Первый крюк был снова на своем месте. И Джим понял: как ни стреляй, все равно один крюк всегда будет на месте, и эта дьявольщина будет подтягиваться вверх.

Он повесил бесполезную винтовку дулом вниз на кривое дерево и побежал в сгущающиеся сумерки. Годы ушли на то, чтобы сделать сильным его тело, и вот оно выручает его. Все это прекрасно, но куда ему теперь деваться и что делать? Да и можно ли вообще что-нибудь сделать?

И тут он вспомнил про динамит.

Постепенно меняя направление, усталый человек двинулся назад, к лагерю у озера. Путь указывали звезды над головой, разгоравшиеся все ярче. Джим утратил всякое ощущение времени. Должно быть, он машинально поел на ходу — во всяком случае, голода он не чувствовал. Может, он успеет подкрепиться в шалаше?.. Нет, времени не хватит. Надо принять таблетку бензедрина... Но бензедрина больше не было, и луна взошла, и он слышал, как приближается руум... вот он, уже совсем близко...

Временами он видел в кустах фосфоресцирующие глаза, а однажды, уже на рассвете, на него фыркнул потревоженный гризли.

Иногда перед ним появлялась и протягивала к нему руки его жена, Сили. «Уходи! — беззвучно кричал он осипшим голосом. — Уходи! Тебе это удастся, за двумя сразу он не погонится!» И она поворачивалась и легко бежала рядом с ним. Но когда Джим, задыхаясь, взбежал на пригорок, Сили растаяла в лунном свете, и он понял, что ее здесь никогда не было.

Джим достиг озера вскоре после восхода солнца. Позади слышался глухой шорох — это был руум. Джим зашатался, его веки сомкнулись. Он хлопнул себя ладонью по носу, и глаза его снова широко открылись. Джим сорвал брезент и увидел взрывчатку; вид блестящих динамитных шашек окончательно разбудил его.

Усилим воли он вернул себе присутствие духа и начал обдумывать, что делать дальше. Поставить запал? Но нельзя, поставив запал, рассчитать время детонации с той точностью, которая сейчас необходима... Джим обливался пóтом, его одежда насквозь промокла, и собраться с мыслями было очень трудно. Взрыв должен быть произведен дистанционно, и лишь в тот миг, когда преследователь приблизится к динамиту вплотную. Бикфордов шнур — вещь ненадежная, скорость его сгорания непостоянна... Ноги подкашивались, подбородок опустился на тяжело вздымающуюся грудь... Джим рывком поднял голову, отступил назад — и увидел в шалаше пистолет.

Его запавшие глаза загорелись огнем. Торопливыми движениями Джим рассыпал все оставшиеся взрывные капсулы по ящику среди шашек динамита и, собрав последние силы, перетащил эту дьявольскую смесь на то место, где уже побывал, ярдах в двадцати от скалы. Это было очень рискованно, чертов коктейль мог взорваться от малейшего сотрясения, но теперь ему было все равно: пусть его разнесет в клочья, только бы не стать парализованной тушей среди других туш в этой адской мясной лавке.

Обессилевший Джим едва успел спрятаться за небольшой выступ скалы, когда на невысоком пригорке в пятистах ярдах от него показался неумолимый преследователь. Джим вжался поглубже и увидел вертикальную щель, узкую трещину в стене камня. «Как раз то, что мне нужно», — пронеслось у него в голове. Отсюда он мог видеть динамит и в то же время был защищен от взрыва. Защищен ли? Ведь это страшилище взорвется всего ярдах в двадцати от выступа...

Он лег на живот, ни на секунду не выпуская из поля зрения движущийся сфероид. Молот усталости не переставая бил по голове, она стала большая, как воздушный шар. О боже, когда он спал в последний раз? Он прилег впервые за много часов. Часов? Какое там — дней! Мышцы его напряглись, превратились в горячие, трепещущие узлы. И тут он почувствовал спиной утреннее солнце, ласковое, теплое, убаюкивающее... Нет! Если он поддастся усталости, если уснет, ему тоже придется стать экспонатом в этой жуткой коллекции! Онемевшие пальцы крепче сжали рукоятку пистолета. Нет, он не заснет! Если он про-

играет, если это дьявольское отродье уцелеет при взрыве, у него еще будет время пустить себе пулю в лоб.

Он посмотрел на гладкий пистолет в руке, потом, через щель, на ящик, выглядевший так невинно. Если он выстрелит вовремя — а так и будет, — этой проклятущей штуке конец. Конец! Он немножко расслабился, разомлел — совсем чуть-чуть — под лучами ласкового, обволакивающего солнца. Где-то высоко над ним негромко запела птица, рыба плеснула в озере.

Внезапно он ощутил сигнал тревоги. Проклятье! Надо же было гризли выбрать для визита такой момент! Весь лагерь Джима в его распоряжении — круши, разорь сколько душе угодно, так нет же, болвана интересуется динамит!

Мохнатый зверь неторопливо обнюхал ящик, обошел вокруг него, рассерженно заворчал, чуя враждебный человеческий дух. Джим затаил дыхание. От одного прикосновения может взорваться капсула. А от одной капли...

Медведь поднял голову и зарычал. Ящик был забыт, человеческий запах — тоже. Свирепы маленькие глазки видели только приближающийся сфероид, который был теперь в каких-нибудь ярдах сорока от ящика. Джиму стало смешно. До встречи с этим сфероидом он не боялся ничего на свете, кроме северо-американского медведя-гризли. А теперь те, кого он больше всего боялся, встречаются нос к носу — и ему смешно! Он потряс головой и почувствовал страшную боль в боковых мышцах шеи. Он взглянул на пистолет, потом на динамит; все остальное стало теперь каким-то ненастоящим.

Футов за шесть от медведя сфероид остановился. По-прежнему испытывая какое-то почти идиотическое безразличие, Джим снова поймал себя на мысли: что же это такое, откуда оно взялось? Гризли — воплощенная свирепость — поднялся на задние лапы. Между красных губ сверкнули страшные белые клыки. Руум обогнул медведя и деловито покатился дальше. Гризли с ревом преградил ему путь и ударил по пыльной кожистой поверхности. Удар нанесла могучая лапа, вооруженная когтями острее и крепче наточенной косы. Одного такого удара хватило бы носорогу, и Джим скривился, будто ударили его. Руум был отброшен на несколько дюймов, секунду простоял неподвижно, а потом все с тем же леденящим душу упорством,

не обращая на зверя никакого внимания, двинулся в обход медведя.

Но на ничью хозяин лесов согласен не был. Двигаясь с молниеносной быстротой, наводившей ужас на любого индейца, испанца, француза или англосакса с тех пор, как началось их знакомство с гризли, медведь стремительно повернулся, зашел сбоку и обхватил сфероид. Косматые могучие передние лапы напряглись, истекающая слюной пасть, щелкая зубами, прикинула к серой поверхности. Джим приподнялся.

— Так его! — прохрипел он, и тут же мелькнула мысль, что это бредовая картина: деревенский дурак, борющийся с ватерпольным мячом.

А потом на фоне серого меха гризли сверкнул серебристый металл — руум действовал быстро и смертоносно. Рычание лесного владыки в одно мгновение сменилось жалобным воем, потом — kloкочущими горловыми звуками, а потом не осталось ничего, кроме тонны ужаса, быстро и неотвратно засасываемой болотом смерти. Джим увидел, как окровавленное лезвие, пререзавшее медведю горло, возвращаясь в сфероид, оставило ярко-красный потек на пыльной серой поверхности.

И руум покотился дальше, неумолимый, забывший обо всем, кроме тропы, пути, следа человека. «О'кей, детка, — истерически хихикнул Джим, мысленно обращаясь к мертвому гризли, — сейчас он получит и за тебя, и за Сили, и за все парализованное зверье, и за меня тоже... Очнись, идиот!» — обругал он себя и прицелился в динамит. И очень медленно, очень спокойно нажал на спуск.

Сначала был звук, потом гигантские руки подняли его и, подержав в воздухе, дали упасть. Он сильно ударился о землю, попал лицом в крапиву, но ему было так плохо, что он этого даже не почувствовал. Позднее он вспоминал: птиц слышно не было. Потом что-то жидкое и тяжелое глухо ударилось о траву в нескольких ярдах от него, и наступила тишина.

Джим поднял голову. Все его тело разламывалось от боли. Он привстал и увидел огромную дымящуюся воронку. И еще он увидел в десятке шагов от себя сфероид, серо-белый от осевшей на него каменной пыли.

Руум был сейчас под высокой красивой сосной, и он катился к Джиму, а тот смотрел на него и думал: прекратится ли когда-нибудь звон в ушах?

Рука Джима стала судорожно искать пистолет. Тот исчез, видно, отлетел куда-то в сторону, и его было не найти. Джим хотел помолиться, но не смог и теперь бессмысленно повторял про себя: «Моя сестра Этель не знает, как пишется слово «Навуходоносор». Моя сестра Этель не знает, как...»

Руум был уже в одном футе от него, и Джим закрыл глаза. Он почувствовал, как холодные металлические пальцы ощупывают его, сжимают, приподнимают... Они подняли его несопротивляющееся тело на несколько дюймов вверх и как-то странно подбросили. Дрожа, он ждал укола страшной иглы с ее зеленой жидкостью и видел перед собой желтое, сморщенное лицо ящерицы с дергающимся веком...

Бесстрастно, ни грубо, ни заботливо, руум снова опустил его на землю. Когда через несколько секунд Джим открыл глаза, он увидел, что сфероид удаляется. Провожая его глазами, он зарыдал без слез.

Ему показалось, что прошло всего лишь несколько секунд, прежде чем он услышал мотор гидросамолета и, открыв глаза, увидел склонившегося над ним Уолта.

Уже в самолете, на высоте пяти тысяч футов над долиной, Уолт вдруг ухмыльнулся, хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Джим, а ведь я могу раздобыть стрекозу и четырехместную! Прихвати мы несколько этих доисторических тварей, пока хранитель музея ищет новую добычу, так ученые, это ты точно сказал, отвалят нам за них кучу денег.

Запавшие глаза Джима ожили.

— А ведь пожалуй, — согласился он и с горечью добавил: — Так, значит, нечего было мне от него бегать! Видно, я ему, черт бы его побрал, вовсе и не нужен был. Может, он хотел только узнать, сколько я заплачу за эти штаны, а я-то драпал!

— Да-а, — задумчиво протянул Уолт. — Чудно все это. После такого марафона — и на тебе! А ты молодчина!

Он покосился на изможденное лицо Джима:

— Ну и ночка у тебя была! Фунтов десять ты сбросил, а то и больше.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ФУТБОЛИСТ

Распахнув дверь раздевалки, тренер Георг Лупеску заорал что есть мочи:

— Специального приглашения ждете?! Тренировка должна была начаться десять минут назад!

— С девятью-то игроками, — проворчал правый крайний, — мы уже никогда не наберем команду.

— Черт побери, — завопил Лупеску, — я и так скоро брошу все это дело, но пока еще за вас несу ответственность! Выходите! Тренироваться для поддержания спортивной формы можно и в одиночку. И не воображайте, что вы уже настоящие футболисты, для этого вам еще немало придется потрудиться.

— Но ведь всегда у нас то девять, то десять игроков, какая это команда! — поддакнул своему товарищу центральный нападающий Бланко.

Настроение было совершенно испорчено.

Три года тому назад команда «Голубых соколов» считалась просто волком среди овец, теперь же она на восемь очков отставала от команды группы «Б», находящейся в конце таблицы.

В последней игре шансы поправить положение падали вместе с надеждой сравнять счет, которая исчезла окончательно за три минуты до свистка, когда счет стал 0:3.

— Ну, пойдете вы наконец или решили вообще на все плюнуть? — Не дожидаясь ответа, Лупеску развернулся и быстрыми шагами направился к выходу. Игроки вяло потянулись следом.

Все было, как обычно. Команда разделилась на две группы и приступила к тренировке по методу, принятой еще в тысяча девятьсот девяностом году. Это вообще поразительно!

Игра осталась все той же, может, стала только более напряженной и насыщенной трюками. Футбол, как и в давние времена, будил страсти и собирал большую зрительскую аудиторию. Сплачивающая сила, сохранившиеся коллегиальные традиции и притягательность случайных

поворотов — все эти черты, присущие спорту, околдовывали людей.

— Смотри, если я еще раз замечу бутылку! Какая уж тут точность удара! И ты еще мечтаешь загнать мяч в ворота! — снова вопит Лупеску через все поле.

— Ну и чем мы займемся? — парирует Бланко. — Я думаю, сегодня нам придется оттачивать технику.

Он замолчал, упер руки в боки и раздраженно взглянул на тренера. Вдруг в живот ему ударился мяч, посланный коротышкой Венцелем. С выражением ужаса на лице Бланко упал на колени, но тут же решил, что теперь не время притворяться. Прекратив симулировать, он поднялся и с такой силой пнул мяч, что тот круто взмыл вверх над тополями и завис над дальней гаревой дорожкой.

— Ты еще стрелок хоть куда, — подтрунивает над Бланко Лупеску.

Раздается глухой шлепок. Мяч, сделав дугу над деревьями, приземляется на другом конце футбольного поля.

Лупеску провожает мяч рассеянным взглядом и говорит, вопреки всегдашней своей привычке, еле слышным голосом:

— Вот это удар.

На некоторое время он молча застывает, склонив набок голову, словно ожидая объяснения случившегося. Потом элегантно жестом приглаживает волосы — явный признак, что решение принято, — и торопливой походкой устремляется прочь, пробираясь между кустами и тополиными стволами, отделяющими поле от гаревой дорожки.

Футболисты продолжают тренировку.

Бланко с разбегу передает мяч Венцелю, при этом совершив незначительное нарушение правил, а в это время как раз возвращается Лупеску в сопровождении троих мужчин. Двое из них — пожилые, неряшливо одетые — не привлекают особого внимания, однако команду заинтересовал их спутник. Лупеску не пришлось орать, как обычно, чтобы собрать игроков. Они с любопытством рассматривали высокого молодого парня. Спортивный костюм туго обтягивает его, демонстрируя атлетическое сложение, темные пряди обрамляют слишком правильное, какое-то скучное лицо.

— Вот наш новый центральный нападающий, — сооб-

щает Лупеску и угрожающе усмехается. Двое мужчин, которые лучше смотрелись бы где-нибудь в министерстве, чем на спортплощадке, явно давали понять, что во всем происходящем они не находят ничего забавного. Тренер прекратил улыбаться и от волнения проговорил почти шепотом:

— Его зовут Ян Штайн, двадцать три года, членом спортивного общества не является, у него за спиной десять тысяч метров пробега. Сейчас он нам покажет, как бьют по воротам.

Футболисты удивленно переглянулись. Чудачества Лупеску были им известны, но теперь он побил все рекорды.

— Но Ян совсем не умеет играть в футбол,— терпеливо разъяснял один из двоих мужчин. Он снял свои очки без оправы, аккуратно протер их и устремил неуверенный взгляд на парня.— Он не собирается участвовать в соревновании,— продолжал старик с нажимом.— Он тренируется, только чтобы держать себя в форме.

— Не имеет значения, господин Штайн,— вежливо отпарировал Лупеску и повернулся к своей команде: — Это отец Яна, а вот его дядя — господин Милл.

— И все они будут принимать участие в игре? — спросил Венцель и изобразил на своем лице удивление.

Ян Штайн не проявлял никакого интереса к завязавшейся дискуссии. Его холодные серые глаза пробегали по лицам игроков, при этом безразличный взгляд проникал в каждого из них без какой-либо надежды на возможный дружеский отклик.

Бланко попытался ответить таким же безучастным взглядом, но, конечно, все происходящее больше всего волновало именно его.

— Тогда давайте прямо сейчас и попробуем,— предложил он.

— И я так считаю.— Лупеску обрадованно кивнул и обратился к Яну Штайну: — Ты, конечно, сыграешь с нами, мой мальчик, мы ведь всего-навсего команда окружного класса. Главное, что ты в форме. И хоть раз-то ты уж, конечно, гонял в футбол.

— Нет, я никогда не играл. Ведь мой отец ясно сказал, господин Лупеску. У вас что, тут всё на «ты»?

— Да, конечно, но если вы не хотите, товарищ Штайн,

это не обязательно.— Лупеску окончательно растерялся.— Пойдемте, вы хоть разок попробуете.

Ну, теперь-то Лупеску был в своей стихии. Он подробно объяснял, что такое пике, как подсекать и проводить удар головой, с помощью Венцеля показывал финты, обводки и крученые удары. Парень смотрел и слушал молча, следуя объяснениям тренера с равнодушной миной.

Бланко стоял вполоборота к остальным игрокам и покачивал головой. Он перестал понимать, что происходит в мире. Ведь Лупеску возился с этим верзилкой, объясняя ему приторно-сладким голосом такие вещи, которые любой здоровый парень способен изучить самостоятельно самое позднее в шестнадцать лет и без посторонней помощи. Но чем дальше он наблюдал, тем все больше удивлял его этот Ян Штайн. То ли он обладал фантастическими способностями, то ли разыграл тренера, сообщив, что ничего не умеет. Достаточно было Лупеску объяснить какой-нибудь финт один раз, как Ян тут же воспроизводил его и после двух-трех повторов достигал такого совершенства, будто в течение многих лет только и делал, что гонял мяч и упражнялся в изысканных подсечках.

Результаты собственной тренировки вызывали недоверие и самого Лупеску. Все чаще он бросал быстрый, изучающий взгляд на обоих стариков, но не мог заметить и намека издевки или усмешки на их лицах. Наоборот, оба наблюдали за успехами своего любимца с напряженным вниманием.

— На первый раз хватит,— раздался крик Лупеску,— теперь потренируемся все вместе!

Футболисты отправились на поле, однако парень стоял не двигаясь.

— Что теперь мы будем делать,— спросил он,— я не понял вас, дело в том, что мои уши чрезвычайно чувствительны.

Лупеску развернулся на все сто восемьдесят градусов. Его веки дрожали, кадык заходил вверх-вниз.

— Мы хотим вместе потренироваться,— произнес он спокойно, с трудом совладав собой.

Ян Штайн кивнул. Музыкальный тон, издаваемый Лупеску, удовлетворил его. Правда, он не заметил, как за его спиной тренер сплюнул от злости и вытворил носком ботинка что-то немислимое, словно втоптывал в землю камешек.

Парень встал в строй четвертым.

— Ваш шеф — Бланко, — сказал Лупеску, — он попытается за вами следить, так что предохраняйтесь.

Ян Штайн удивился:

— «Следить» — это что, имеется в виду слежка за преступником, а «предохраняться» — это что, в смысле противозачаточного?

— Чего-чего? — Лупеску искоса взглянул на него. — Одного здесь уже, кажется, зачали, ха-ха-ха! — Он потянулся, кинул энергичный взгляд на часы и приказал: — Итак, будем серьезнее. Бланко наблюдает за вами, он должен помешать вам бить по мячу — отбирать у вас мяч, переигрывать вас, ясно? Ну, вы сейчас сами все увидите. — Он подозвал Бланко: — Покажи, что я имею в виду. Только никаких грубых выходов.

В воскресенье игра на первенство.

Ян Штайн обращался с мячом еще совсем неумело. Часто неверно реагировал, пропускал передачи в центр поля, и казалось, его выручает лишь тренированное тело. Из-за его неудачных выпадов Лупеску недовольно мотал головой и сердито бормотал что-то себе под нос. Но мало-помалу новичок приноровился. Все чаще и чаще ему удавались сложные маневры, тренеру нравилась неубывающая сила, с которой он бьет по мячу.

— Извините, что я вас прерываю, — обратился вдруг к Лупеску отец Яна. — Но было бы хорошо, если бы вы дали сыну некоторые технические указания.

У Лупеску с языка чуть не сорвалась резкость, только какой ему смысл отстаивать сейчас свою компетенцию? Ян Штайн не член спортивного общества, не член его команды. Он может покинуть поле, когда ему взбредет в голову, и уйти, не попрощавшись. При не совсем обычных отношениях этой троицы все возможно, и он не хотел рисковать. Кое-что в игре Яна раздражало тренера. Но подсознательно он угадывал в этом неумелом, а с другой стороны, производящем необычное впечатление парне спасительную соломинку для команды.

— Вы, наверное, правы, — ответил он старику, — надо устроить перерыв, игроки устали.

— Я не говорю о перерыве, — успокоил его тот, — пусть остальные продолжают игру. Или вы всегда тренируетесь не больше двадцати минут?

Лупеску показалось, что в словах Янова отца про-

скользнула ирония. Но его открытая улыбка подействовала на тренера умиротворяюще. Ведь на самом деле ничего не случилось страшного.

— Нет, нет,— вывернулся он,— я подумал: раз за плечами вашего сына десятитысячный пробег... Мои ребята, конечно, дольше тренируются.

В привычной для него манере он заорал через поле:

— Товарищ Штайн, подойдите, пожалуйста, ко мне! Другие продолжают, только более интенсивно!

Штайн подошел к тренеру. Тот положил руку ему на плечо и дружелюбно указал на некоторые оплошности.

— Четверть часа мы тренировали основные элементы, потом последует заключительная тренировка. Или для вас это слишком много, вы устали?

Штайн помотал головой:

— Почему же? Для меня представляют трудность лишь некоторые неизвестные факторы, которыми я овладею только с помощью опыта.

Лупеску кивнул. Можно выразить это и такими словами.

На заключительной тренировке Лупеску был Штайном более чем доволен. Некоторые досадные промахи чередовались с технически отточенной игрой, и в искусстве обращения с мячом он уже превосходил теперь и защитника, и левого крайнего. Казалось, энергия его неистощима, мячи, посылаемые им с постоянной, неиссякающей силой, всегда попадали то в угол ворот, то в штангу или со свистом влетали прямо в ворота. Вратарь уже смирился с этим и защищал ворота больше для виду. Бланко, непосредственный противник Штайна, наоборот, все сильнее распаляясь, старался его затравить, преследуя со свирепой миной. Все чаще Штайн обманывал его, прибегнув к какому-нибудь уже усвоенному трюку, неожиданно уводил мяч прямо у него из-под носа, переигрывал почти без всяких усилий, как начинающего.

Когда счет в пользу новичка стал 23:4, Бланко, несмотря на предостережения тренера, подставил ему подножку. Штайн неуклюже свалился на траву. Бланко подошел к Штайну с распростертыми объятиями.

— Извини,— сказал он примирительным тоном,— тебе

надо научиться перепрыгивать через подставленные ноги, иначе во время игры ты все равно сразу упадешь.

Ян Штайн поднял к нему свое неподвижное лицо и подал руку:

— Благодарю за науку. И прости, если у меня не все еще получается.

Злорадная усмешка застыла на лице Бланко. Внезапно он повернулся кругом, взяв себя в руки с большой неохотой.

Второе нарушение правил со стороны Бланко оказалось уже более коварным. Штайн опять поднялся и, никак не выказывая своих чувств, извинился перед Бланко, лицо которого потемнело, бешеная злоба подымалась в нем. Холодное пренебрежительное отношение новичка еще больше разжигало Бланко.

Он бил своего противника как попало по ногам, подставлял подножки и, не обращая внимания на Яна, гнал мяч дальше. Однако тот на удивление быстро научился давать ему отпор, молниеносно увертывался и, несмотря на прямые выпады, не сбавлял темпа. А еще быстрее Бланко бить не удавалось. Чем увереннее проскакивал Штайн мимо, ловко ведя мяч (причем похвалы тренера становились все громогласнее), тем сильнее ожесточался Бланко. Он совершенно забыл, что они тренируются вместе, для него этот новичок стал настоящим противником.

Когда Штайну опять удалось обвести его, Бланко ударил Яна снизу по ногам со всей силы. Он с удовольствием смотрел, как парень упал на землю. Как в тумане, Бланко услышал крик Лупеску. Бланко перешел все границы. Застонав, он опустил на колени, прижав руки к животу и глядя на приближающегося на полной скорости Лупеску, за которым, спотыкаясь, следовали оба старика. В то время как тренер хлопотал около Штайна, Бланко с тихим стоном повалился на бок. Таким манером он сотни раз водил за нос зрителей и обманывал судей.

— Ты идиот! — рычал Лупеску. Он помог Штайну подняться на ноги и зло смотрел на Бланко, который, испугавшись, прикрыл глаза. — Прекрати цирк! Это ведь член нашей команды. Ты обязан помогать ему тренироваться, дурак! — Срывающимся от крика голосом он продолжал: — А ну вставай, придурок, побереги свои штучки до воскресенья!

Старик Штайн осмотрел сына со всех сторон и, простукивая его, тихо спросил:

— Все в порядке?

— У меня да, а вот что с товарищем Бланко?

Он склонился над коренастой фигурой центрального нападающего и помог ему встать на ноги. Бланко открыл глаза, но нашел все-таки благоразумным скроить мину, якобы перекошенную от боли.

— Тебе больно? — спросил Ян Штайн.

Бланко замотал головой, потом испуганно кивнул:

— Да, но совсем чуть-чуть. Сейчас уже все в порядке.

— Извини меня. Это не со зла.— Штайн протянул ему руку.

Бланко вытаращил глаза. Он совсем забыл, что надо симулировать боль. Он умоляюще смотрел на Лупеску, который постарался скрыть издевку, скользнувшую по лицу.

— Нет, нет, это я виноват,— проговорил Бланко в приступе раскаяния.— Я слишком жестко играл. Извини.— Он подал руку Штайну, и на этот раз его рукопожатие шло от всего сердца. «Парень действительно может стать отличным спортсменом»,— подумал Бланко.

— На сегодня достаточно! — громко объявил Лупеску. Встретившись глазами с новеньким, он тихо добавил: — Я доволен, вы хорошо поработали. Мне хотелось бы только еще побеседовать с господином Штайном.

Мартин Штайн кивнул ему:

— С удовольствием. Но я не думаю, что Ян будет играть в футбол. Он не так воспитан.

«Голубые соколы» и «Зелено-белые» начали игру. Штайн и Милл сидели чуть в стороне от зрителей, которых на этот раз собралось немало.

Само собой, и фотографы заняли свои места, только репортер Килман, как всегда, составлял исключение. Он уселся в одиночестве позади ворот, за спиной вратаря гостей Юшлина и пребывал в ожидании сенсации: гола в ворота, забитого «Голубыми соколами». Должно же наконец это случиться!

Раздался свисток судьи, игра началась.

— Ты считаешь, мы поступили правильно? — спросил Милл.

— Я думаю, да,— ответил Штайн,— не помешает проверить, как у нашего мальчика обстоят дела с сердцем и почками. Что для этого может быть лучше футбольного поля?

— Это верно, Мартин. Именно в игре проявится, как он владеет своим телом, ловкость и сообразительность. Но как мы без осложнений заберем потом его из команды?

— Не думай об этом. Как отец я еще скажу свое словечко.— Мартин Штайн лукаво улыбнулся.— Лупеску придется смириться.

— Надеюсь.

Они замолчали и опять предались своим мыслям. Видимо, игра их не очень-то интересовала.

— Гол!

Шестьсот зрителей закричали так, что это слово прогремело над полем, как удар грома. Оба старика, пораженные, уставились на ворота перед собой. Мяч оказался в верхнем углу между сеткой и штангой, в то время как вратарь с глупейшим выражением лица валялся на земле. Трудно было понять, кто забил этот гол. «Голубые соколы» толкались, напирала друг на друга, прыгали от радости. Ян Штайн не спеша высвободился из их объятий и чинно пошел к средней линии. Его товарищи по команде продолжали целоваться с невероятным усердием.

«Счет один — ноль в пользу «Голубых соколов», гол забил на шестой минуте номер десять, Ян Штайн», — донеслось из громкоговорителя.

— Наш мальчик,— произнес отец Штайн взволнованно.

— Этого я ждал целую вечность, а теперь гол не успел заснять,— жаловался фотограф.

Юшлин, вратарь «Зелено-белых», поднялся и сердито покачал головой:

— Какая промашка! Больше это не повторится.

Мартину Штайну стало смешно.

Юшлин был так озабочен тем, чтобы как следует отчистить форму от налипшей земли, что не обратил внимания на свисток судьи. Игра возобновилась. Внезапно он увидел, что Ян Штайн с мячом находится прямо перед ним. Как загипнотизированный, Юшлин растопырил руки, широко расставил ноги. Еле заметным движением центральный нападающий «Голубых соколов» послал мяч

мимо вратаря, который, неуклюже развернувшись и споткнувшись, пропустил мяч в свои ворота.

— Что это будет, вот это будет картинка! — кричал фотограф и прыгал в восторге вокруг ворот.

На второй гол реагировали по-разному. Одни зрители перешли на сторону «Зелено-белых», другие принялись свистеть.

Тренер команды гостей в волнении бегал по краю поля и непрерывно кричал:

— Прикрывайте номер десятый, жестко прикрывайте, не давайте ему играть!

Лупеску пророчествовал во все горло:

— Это только начало, дальше пойдет еще лучше, давай-давай, ребята!

Два игрока гостей постоянно вплотную следовали за Штайном, но и это не помогло. Парень с быстротой молнии проскользнул через заслон и прорвал защиту противника. При этом он забивал из любого положения и до второго периода забил еще пять мячей. «Голубые соколы» отправились в раздевалку со счетом 7:0.

Штайн и Милл тем временем стали популярными. Когда перед началом второго периода они пересели на другую сторону, почти все шестьсот зрителей потянулись за ними.

Фоторепортер Килман комментировал с важным видом, коллеги завидовали ему.

— Я верю в «Голубых соколов», — громко вещал он.

Зрители, которые сидели поблизости, согласно кивали. Конечно, в того, кто ведет со счетом 7:0, надо верить.

Хозяева поля перед началом второго периода были встречены громкими аплодисментами. С трибун неслось:

— Штайн, Штайн, Штайн, а ну-ка, наподдай!

Лупеску появился рядом с воротами противника. Он подмигнул обоим старикам.

— Господин Штайн, господин Милл, подойдите, пожалуйста, ко мне.

Штайн и Милл подошли.

— Садитесь на тренерскую скамью, — пригласил их Лупеску, — здесь мы сможем немножко потолковать.

Игра опять началась. Бланко дал пас Яну Штайну, который повел мяч дальше. Наперерез ему выскочил защитник «Зелено-белых», ловким движением Штайн ушел от него. Его противник погнался за ним и буквально

наступал Штайну на пятки. А мяч катился дальше все тем же манером.

— Теперь уходи, теперь уходи! — орал Лупеску. — Свиньи, бить по ногам, это вы умеете!

Судья ничего не заметил, назначив свободный удар команде «Зелено-белых». Штайн поднялся и пошел прямо на бесчестного игрока, который медленно отступал назад. Когда Штайн протянул ему руку, тот вздрогнул. Тогда Штайн умоляюще посмотрел на судью, который быстро приближался к ним. Он сделал предупреждение обоим. Штайн вежливо поклонился и опять протянул руку противнику, который, устремив на Штайна подозрительный взгляд, с раздражением пожал ее.

— Парень слишком честен, так он ничего не добьется, — ворчал Лупеску. — Ну, я дам задание Бланко, тогда эти гады костей не соберут.

— Нет, пожалуйста, не нужно, — попросил Мартин Штайн. — Пусть мой сын продолжает игру по-прежнему, он должен остаться чистым и порядочным. И Бланко не подстрекайте.

Лупеску непонимающе уставился на него.

— Нет, как вам это нравится, — простонал тренер, — и что значит «подстрекать»? Если тот не умеет играть и прибегает к нечестным приемам, мы должны противостоять ему. Наверняка тренер противников, собака, дал соответствующие указания. — Лупеску пришел в ярость.

— А вы так никогда не поступали? — спросил Милл.

— Я... нет, никогда так нагло. Но и судья ведь должен смотреть в оба!

И опять Штайн подвергся нападению. «Голубые соколы» получили свободный удар. Штайн подбежал и сумел перебросить мяч через стенку защитников, а подоспевший Бланко послал мяч в сетку ворот. Один из «Голубых соколов» подпрыгнул от радости, подскочил к Штайну и начал его обнимать как сумасшедший. Штайн как бы наблюдал все это со стороны, совершенно спокойно.

— Вот видите, все так и получилось, — сказал Мартин Штайн.

— Да, если судья засчитает, то, конечно, — примирительно проговорил Лупеску. — Но если он пристрастен... тогда эти бандиты...

Он подскочил на месте, указывая на лежащего на земле

Яна. Бланко подоспел и схватил «зелено-белого» за трупы, но Ян уже встал на ноги.

Бланко пришлось отойти в сторону. Потом он подбежал к Лупеску:

— Тренер, что делать? Ведь так они добьют Яна.

— Мы играем честно! — громко возразил ему Мартин Штайн.

Лупеску только поморщился:

— Брось это, Бланко.— Он дал пинка ни в чем не виноватой скамейке, на которой сидел, и подтвердил: — Мы должны играть безупречно.

Ян Штайн вежливо протянул руку игроку из команды противников. Над стадионом воцарилась мертвая тишина. Судья только дико крутил головой. Потом схватил себя за ухо и подозвал к себе «зелено-белого». Энергичным жестом он показал ему желтую карточку, делая предупреждение. Игрок повернулся и отошел без всяких комментариев. На трибунах последовало легкое движение, шум, потом раздались нерешительные хлопки. Зрители делились впечатлениями о новом игроке. Все время слышалось его имя: Штайн. Кто этот молодой человек, которого прежде никто не знал и который внезапно, как комета, осветил темный небосклон «Голубых соколов»?

Это была настоящая сенсация, новый гол совершенно подорвал силы противника. Ян Штайн почти беспрестанно и в бешеном темпе носился по полю, забивая один гол за другим, переигрывая своих неприятелей, обгоняя их, как борзая, уводил у них мяч, а они уже даже не пытались останавливать его с помощью запрещенных приемов. Штайн стал любимцем публики. Если футболисты сталкивались в пылу борьбы, грубо толкнув друг друга по нечаянности, и даже если кто-то падал и получал травмы, то все кончалось примирительными вежливыми рукопожатиями.

— Вот видите, ведь можно же играть прилично,— радовался Мартин Штайн.

Лупеску только качал головой:

— Такого мне еще видеть не приходилось.

За десять минут до окончания игры тренер подозвал нового нападающего:

— Оденьтесь, товарищ Штайн. Теперь мы удержим преимущество.

Некоторые фотографы, находившиеся поблизости, на-

правили свои аппараты на тренера и его подопечного. Лупеску тут же обнял молодого человека.

— Для начала совсем неплохо,— сказал он,— но в следующее воскресенье ты уж покажешь все, на что способен.

Фотографы были довольны: теперь они запечатлели и заключительную сценку. Ян Штайн натянул тренировочный костюм и спокойно уселся рядом со своим тренером.

— Лидер «Конкордия» сам себя не узнает в следующее воскресенье на собственном поле.— Лупеску торжествующе рассмеялся и добавил: — Или у кого-нибудь есть другое мнение после сегодняшней игры?

Другого мнения не было ни у кого.

Лупеску сиял от счастья, кто бы мог подумать — 14:0. Такой результат! Даже не по себе.

«Голубые соколы» добились своего: о них напечатали в «Футболе». Небывалый успех, еще более раздутый пересудами в футбольных кругах, сделал свое дело: все с нетерпением ждали их выступления. Восемь тысяч зрителей, то есть на тысячу больше, чем обычно, вмещал стадион «Конкордия», сидели на скамьях, в проходах и даже вплотную к боковой линии поля.

Сам Лупеску казался взволнованным, когда в сопровождении обоих важных стариков направился в сторону своей скамьи. Ганс Симсон, редактор «Футбола», который отметил взлет «Голубых соколов» не такими уж дружескими комментариями, последовал за троицей.

— Сегодня мы проверим, как вы держите слово,— сказал он,— можно, я буду рядом с вами, господин Лупеску?

Ответ был не слишком учтивый: тренер, видимо, еще не забыл издевательской статьи футбольного журналиста.

— Если вы продолжите свой взлет, начатый в прошлое воскресенье, все будет в порядке,— уверил журналист.

Выходящая на поле команда была встречена восторженно. Гул пронесся по трибунам, многие показывали на номер десятый.

— У этого их чудо-мальчика неплохой рост,— сказал Симсон.

Никто не удостоил его ответом.

По радио объявили состав команды.

Когда назвали Яна Штайна, разразилась буря оваций, в которой потонули немногочисленные жалкие свистки.

— Остерегайся Конти, он жестко играет,— наставлял Лупеску Яна.

Игра началась. Штайн занял позицию центрального защитника. Хозяева поля перешли в нападение, они быстро гнали мяч вдоль боковой линии и, почти не встречая сопротивления, передавали его в центр поля. Но Штайн всегда оказывался на месте. Снова и снова он отбивал мяч, то действуя головой — и тот вылетал из опасной зоны, то молниеносным спуртом выводил мяч на половину противника.

Очередная атака «Конкордии» была в разгаре. Защищаясь, Бланко нарушил правила. Свободный удар со стороны «Конкордии». Резаный удар последовал в направлении левого крайнего команды гостей, но Штайн, высоко подпрыгнув, отбил мяч головой, послав его своим товарищам. Те повели мяч. Атака была отражена.

— Теперь дело пойдет,— сказал Лупеску.

— Да ведь Ян уже начал,— удивился Мартин Штайн.

— Вот именно,— успокоил его Лупеску.— Пора нам переходить в нападение.

— Не забудьте, о чем мы с вами договорились и помните, пожалуйста, Бланко еще разок.

— Как скажете, господин Штайн.— Лупеску нехотя поднялся и махнул Бланко, чтобы тот подошел. Он призвал игрока к порядку и, искоса бросив взгляд на Симсона, громко добавил: — Мы в состоянии выиграть и не нарушая правил.

— Прекрасно, прекрасно! — Симсон не смог скрыть издевки в голосе.— Только другие не станут придерживаться правил.

В это время раздался свисток судьи, и Симсон с удовлетворением показал на лежащего на земле Яна.

Как и раньше, неделю назад, молодой человек поднялся без обычных в таких случаях демонстраций, когда симулируют перелом или нестерпимые боли в животе, и протянул противнику руку. Зрители зааплодировали, и это прозвучало как сигнал для судьи. Он погрозил нарушителю пальцем и устно предостерег его на будущее. Свободный удар провел Бланко, передав мяч Яну; удар головой — и счет стал 1:0 в пользу «Голубых соколов».

Штайн перешел в нападение. Прежде чем противники собрались ответить ему, счет стал 3:0. Парень вихрем носился по полю, прорывая оборону «Конкордии». Симпатии зрителей были полностью на его стороне. Они по достоинству оценили номер десятый. Он не отвечал грубостью на многочисленные выпады хозяев поля. Наконец Конти, самого нахального игрока «Конкордии», удалили с поля. Каждый новый удар Яна встречали аплодисментами.

— Игрок что надо, — кричал Симсон, — его место в Высшей лиге!

— Конечно, это бы вас устроило, — вскипел Лупеску, — мы его открыли, а вы вздумали упрятать в Высшую лигу! Там он будет киснуть в запасных. А у меня — нет, он играет в полную силу. И потом, вы не сделаете этого в середине сезона.

— Но вы сами прекрасно знаете, что никаких препятствий для клуба Высшей лиги не существует. Стоит им только захотеть и затребовать игрока.

— Да, я это знаю! — крикнул Лупеску. — А если он не захочет?

— Тогда ему запретят играть.

— Прекрасная директива! Игрока отстранят от игры. Правила — курам на смех, а ведь они должны быть одинаковы для всех, иначе любые законы вообще теряют смысл...

— Поскольку Ян больше играть не будет, вопрос, я надеюсь, решен, — прервал спор Мартин Штайн.

Лупеску и Симсон вытаращили на него глаза.

— Вы с ума сошли, извините, конечно, но это просто невысказано. Прикрыть такой талант! Пойдемте.

Тренер потащил Штайна за собой, Милл последовал за ним. В укромном месте, в тренерской раздевалке, Лупеску уставился на отца Яна вопросительно.

— Ведь вы это не всерьез. Скажите правду, вы просто нашли предлог, чтобы отделаться от Симсона?

Занскивающий взгляд тренера не способен был поколебать Мартина Штайна. Он отрицательно покачал головой и тихо возразил:

— Нет, мне не до шуток. Ян больше не будет играть.

— Почему, объясните же толком?! — Лупеску ломал пальцы, и казалось, что на глазах у него вот-вот выступят слезы.

— Для вас это тяжело, так не может продолжаться, — сказал Штайн.

Лупеску упрямо замотал головой и опять повторил свой вопрос:

— Почему? Я же не чиню ему никаких препятствий. Пусть только один сезон поиграет за нашу команду, с ним мы добьемся успеха. Потом пойдет в Высшую лигу, потом в сборную, у него большое будущее.

Мартин Штайн взглянул на родственника.

Милл пожал плечами:

— Нет, это не может больше так продолжаться, ведь Ян не настоящий его сын, — он кивнул на Штайна.

— Но это ничего не значит. — Лупеску не знал, как ему все это понимать. — Но почему он не должен играть? Он что, внебрачный? Ну и что? — Лупеску неуверенно хохотнул и изучающе перевел взгляд с одного на другого. — Тем более станет любимцем публики, — старался переубедить стариков тренер.

Наконец он умолк. Гнетущая тишина наполнила комнату.

— Ян не человек, — выговорил Мартин Штайн медленно. — Он робот или, скорее, биоробот. Я не знаю, понимаете ли вы...

Лупеску быстро замотал головой. Потом высокомерно улыбнулся:

— Нет, этого вы можете мне не рассказывать. Нет, нет, я знаю, что такое роботы...

Штайн и Милл многозначительно глядели на него.

— Вы что, хотите меня доконать своими шуточками? — Казалось, что плечи тренера опустились под тяжестью груза. — Скажите мне настоящую причину.

— Это правда, Ян — биоробот, — объяснил Милл тихо, — мы оба инженеры по биомеханике из одного исследовательского института; Яна мы создали для личных научных испытаний. Конечно, придавать ему подобный человеческий облик было необязательно. Для всевозможной деятельности, для разнообразных заданий существуют комбинированные, соответствующие назначению роботы.

Ян — больше чем прекрасно удавшаяся модель. Создание нового образца с улучшенными функциями, псевдомускульной системой, биологической системой с центральным управлением и человеческой внешностью было всего-на-

всего реакцией на споры с коллегами. Но это может далеко завести...

Лупеску смотрел на него с таким озадаченным видом, что Милл начал оправдываться:

— Наш биоробот — это не робот в общепринятом смысле. Он пользуется полученными впечатлениями, комплектует их и логически решает. Именно поэтому его поступки кажутся вам такими человеческими. Теперь вы наверняка поняли, почему он так быстро все усваивал.

— Да, да.— Лупеску старательно закивал.— Но, честно говоря, я думал, что он уже был хорошим спортсменом, который только притворяется неумелым.

— Так быстро научиться не может ни один человек. Ян владеет своими мускулами, как и человек, отдавая им приказание, его мускулы повинуются ему. Важно то, что он распознает эти приказы лучше человека. Поэтому он превзошел всех остальных спортсменов. Было бы неправильно противопоставлять его людям.

— Я побеседую с ним, он наверняка захочет играть дальше,— сопротивлялся Лупеску.

Мартин Штайн разозлился, стекла его очков поблескивали:

— Это бесполезно, мы должны прекратить эксперимент.

— А кто его может запретить?

— Никто,— ответил Милл,— потому что никто не знает о нем. Это, так сказать, частная инициатива, конечно, недопустимая и непозволительная. Возможно, мы уже зашли слишком далеко.

Лупеску хитро подмигнул:

— И поэтому вы испугались, что дело раскроется.

— Да, это можно и так понимать.— Мартин Штайн вздохнул.

— Я буду молчать как рыба, а вы разрешите Яну еще поиграть в этом сезоне в моей команде. Согласны? — Лупеску не хотел потерять недавно обретенного аса.

Мартин Штайн уставился в пол. Предложение тренера совсем не понравилось ему, но он заметил скрытую угрозу в его словах.

— Его развитие не пойдет дальше,— сказал он.— Ян может совершенствоваться только до определенной степени в любой человеческой деятельности — это касается

не функций его тела, а мускульных и духовных способностей.

Милл продолжил:

— Конечно, он никогда не нарушит законов гуманности и не нападет на человека, этот запрет вложен в его программу. Но через определенное время его духовная ограниченность обязательно проявится. К примеру, он совершенно не способен беседовать на отвлеченные темы.

Лупеску с ужасом переводил взгляд с одного инженера на другого:

— Но это ему совсем ни к чему. Это я уже давно заметил. Главное, что он умеет играть.

В проходе раздевалки послышались шаги, громкие голоса. Лупеску подскочил к двери и распахнул ее.

— А, второй тайм,— облегченно вздохнул он.

В коридоре появился Симсон.

— Можно мне с вами поговорить, тренер? — спросил он.

Лупеску колебался, остатки гордости и тщеславие боролись в нем. Перед ним стоял человек, который протаскил его в своей газете, но зато он же имел возможность и реабилитировать его команду, похвалив ее. Как молния в голове пронеслась мысль: может быть, даже к лучшему, что Симсон поговорит с ним именно здесь и сейчас.

— Я не помешал? — Симсон сделал движение, как бы собираясь уйти.

— Нет, заходите,— воскликнул Лупеску,— если у вас найдется несколько минут...

Футбольный журналист уселся рядом со стариками. Он смотрел на них с любопытством.

— Я должен вас поздравить с таким наследником, это фантастика!

— Как там дела? — осведомился Лупеску.

— У вас все прекрасно, девять — ноль в пользу вашей команды.

— Игра еще не окончена,— проговорил Лупеску осторожно.

Симсон скептически покачал лысой головой:

— Вы что же, еще опасаетесь поражения?

— Мяч круглый, всякое может случиться.

Журналист посмотрел на потолок:

— В конце-то концов мне надоели общие места, хо-

телось бы услышать что-нибудь конкретное о вашем чудесном нападающем. Вы долго тренировали его?

— Технически он был уже хорошо подготовлен,— ответил Лупеску без запинки. Он рассеянно провел по своим волосам и продолжал с притворной улыбкой: — Его отец и дядя были в последнее время, можно сказать, его истинными тренерами. А мне осталась небольшая работа: развить и укрепить некоторые технико-тактические элементы. А что подобные способности увлекают любой коллектив, мне не нужно вам говорить.

Симсон спросил:

— А где он играл раньше?

Последовало неловкое молчание.

— Раньше он не числился ни в какой команде; собственно, он собирался стать артистом. А ведь он настоящий Пеле! Ну вот, а я все-таки уговорил его стать футболистом.— Лупеску ненатурально хохотнул.

Журналист с сомнением глянул на тренера и обратился к «отцу» Яна:

— Так это вы тренер?

Мартин Штайн утвердительно кивнул.

— Это интересная история! — Симсон пришел в восторг.— Такого мне еще не приходилось слышать. Можно мне побеседовать с вами подробнее хотя бы на следующей неделе?

— Нет, мне не хотелось бы. Мне неудобно, такая широкая огласка...

— Но паблисити неизбежно, спортивная общественность хочет знать, откуда появился новый игрок, какое у него хобби, как он научился играть, что он читает, о чем думает, какие у него взгляды.

— Нет, нет, оставим это! — Милл вскочил и поднял руки, как бы защищаясь.— Мы терпеть не можем подобной суматохи.

Симсон посмотрел на него удивленно:

— А для чего же, вы думаете, существуют газеты? Суматоха! С этим ничего не поделаешь, а вот мне кажется, что вы что-то скрываете! — Журналист в ярости вскочил: — Я знаю по опыту, что дело не пойдет, если мы не напишем о нем.

— Тише, дети, не шумите! — Лупеску похлопал Милла и Симсона по плечам.— Мы обговорим все по порядку, без всяких волнений.— Он усадил обоих на место.— Я позову

Яна, вы его чуть-чуть поспрашиваете. Но я не уверен, правильно ли будет с нашей стороны ставить его сейчас в центр внимания? — обратился тренер к журналисту.

Симсон поднял руку, успокаивая:

— Нечего бояться, речь идет о моем личном впечатлении.

Лупеску вызвал номер десятый в раздевалку.

— Поздравляю с выдающимися достижениями, — произнес Симсон, внимательно разглядывая парня.

— Спасибо, это лишь логический результат удачно сложившейся ситуации.

Симсон согласился:

— Можно и так это сформулировать. Но ваш личный талант был предпосылкой этого.

— В какой-то степени, а в остальном — неспособность противника.

Симсон развил тему:

— Кто вы по профессии?

— Обучающийся.

— Вы имеете в виду — учащийся?

Прежде чем Милл успел вмешаться, Ян Штайн подчеркнул:

— Я имею в виду то, что говорю.

— Он еще не приобрел профессии. Мы решили, что ему следует набраться некоторого опыта, прежде чем решать, чем заниматься в дальнейшем, — объяснил Мартин Штайн.

— Очень мудро. И что же вы решили?

— Стать футболистом.

Симсон вымученно улыбнулся:

— Но потом ведь вам понадобится профессия?

— Тренер по футболу.

Теперь улыбнулся Лупеску:

— Для этого нужно многое.

— Если вам удалось стать тренером, и я наверняка добьюсь своего, — ответил Ян коротко.

Симсон расхохотался:

— Молодец, классный парень!

Лупеску разозлился и уже пожалел, что позвал сюда этого аса.

— А какое у вас хобби, что вы предпочитаете: театр, книги или, может, вы рисуете? — продолжал спрашивать Симсон.

— Мое хобби — футбол.

— Прекрасно! — Симсон на секунду задумался.— А вы читали новый роман Мальтона Гуллера на спортивную тему? Как он вам понравился?

— Красивый переплет, но книга слишком толстая. Я насчитал в ней двести сорок семь орфографических ошибок, сто двадцать шесть повторов, тридцать восемь двусмысленных диалогов, пятнадцать противоречий и установил, что главный герой, боксер, перенес более тысячи восьмисот сорока травм головы без особого ущерба для здоровья. Впечатляет, если учесть, как чувствителен и уязвим человеческий мозг, который не предназначен для таких потрясений.

Симсон в волнении царапал подбородок, а Лупеску с большим трудом удалось закрыть свой рот.

— Я думаю, игра уже началась,— прервал наступившую тишину Мартин.

— Да, тебе пора, Ян.— Лупеску нервно сглотнул и указал на дверь.

Ян кивнул и вышел.

— Чокнутый парень,— констатировал Симсон.— Но в любом случае он уже сейчас сокровище для нашего футбола, его благородное поведение действует благотворно. Как стыдно становится его противникам, просто здорово!

— Вот видите,— воскликнул тренер, взглянув на Мартина Штайна,— я всегда говорил: кто по-настоящему честен, тот подает пример другим!

— Золотые слова! — резюмировал Симсон.— Вы мне разрешите их опубликовать?

— С удовольствием.

«Голубые соколы» стали лучшей командой сезона. После того незабываемого счета 14:0 против «Зелено-белых» одна победа следовала за другой. «Голубые соколы» вернули былую славу, а тренер не знал хлопот с составом команды. Теперь у него одиннадцать постоянных игроков и пятеро хороших запасных.

То, что еще не было показано раньше, до конца проявилось в очередном матче. Его команда имела первое место по забитым мячам, но из-за потерянных очков в первой половине сезона оставалась в середине таблицы. Лупеску больше не боялся поражения. Его ребята на-

гоняли страх на противников, даже если Ян Штайн не принимал участия в игре.

Сегодня предстояло поставить точку. Мартин Штайн и Милл настаивали на своем требовании: Ян должен покончить с футболом. Жаль, Лупеску с удовольствием продолжил бы игру. Он посмеивался про себя. Конечно, дельце не совсем безупречно, но в этом есть своя прелесть.

— Что там такое, господин Лупеску, посмотрите-ка! — Мартин Штайн схватил тренера за руку, показывая на лежащего на земле игрока.

— Да, что такое? — Лупеску удивился. — Нарушение правил?

— Думаю, да. По-моему, нарушил Ян, — разволновался Мартин.

— Ерунда! — Лупеску привстал. — Этого не может быть.

Атмосфера на футбольных полях благодаря «честной игре» команды Лупеску стала спокойнее. А Симсон, который в течение многих лет работал над большим романом и потому в своих статьях о футболе с удовольствием употреблял цветистые сравнения, написал даже, что футбольное небо посветлело, так как повеял весенний свежий ветерок. Прообразом ветерка, конечно, служил Ян, и каждый старался стать на него похожим. Здоровое противоборство вытеснило грубую игру, противника уважали. Дружелюбное рукопожатие гасило всякую мысль о том, чтобы отомстить, если правила все-таки по случайности нарушались. А теперь Ян сам... Никогда!

Судья подбежал к игроку команды противников и помог ему подняться на ноги. Бланко подошел и успокаивающе похлопал пострадавшего по плечу. Ян Штайн с безучастным видом стоял рядом.

Когда пострадавший подошел к Яну, чтобы пожать его руку, тот повернулся к нему спиной. Пронзительно засвистел судья. Это не остановило Штайна. Он запустил мяч в ворота противника, воспользовавшись тем, что вратарь застыл с вытаращенными от удивления глазами.

Судья опять засвистел и махнул Штайну, чтобы тот подошел. Медленно поплелся к нему Ян. Судья заговорил с ним. Вдруг Штайн показал ему на птичку в небе и отошел. Неловкая тишина разлилась над стадионом.

Через две минуты судья после очередного грубого выпада Яна показал ему желтую карточку. Послышались свистки, но Штайн не обращал на них никакого внимания. Он и дальше играл грубо, нарушая правила, ругался на игроков другой команды и делал недвусмысленные оскорбительные знаки пытавшимся его успокоить Бланко и Венцелю.

Лупеску вскочил с места и начал бегать взад-вперед вдоль линии поля. Взволнованный, спотыкаясь, он вернулся к старикам.

— Что вы с ним сделали? — закричал он на Мартина Штайна.

Тот пожал плечами и беспомощно смотрел на своего «родственника».

— Мы ничего не делали, — возразил Милл. — Все как прежде. Однако он уже две недели знает, что это его последняя игра.

— Это непонятно, я ничего не понимаю, — причитал Лупеску.

Глухой гул угрожающе прокатился по трибунам. Взвизгнул судейский свисток. На земле лежал защитник из команды противников. С перекошенным от боли лицом он держался за ногу. Ян Штайн вдруг тоже упал и стал совершенно по-дурацки симулировать боли в животе. Зрители засмеялись. Судья склонился над пострадавшим, потом подбежал к боковому судье и переговорил с ним. Вернувшись, он порылся в карманах, заволновался, потом повытаскивал все карточки, полистал записную книжку и наконец нашел то, что искал: красную карточку, означающую удаление с поля. Она была не нужна ему уже несколько недель подряд. Он подошел к Яну Штайну и приказал ему покинуть поле.

— Наш эксперимент «Человек» провалился, — констатировал Мартин Штайн, обращаясь к Миллу, — или у тебя другое мнение? — Он кивнул головой в сторону Яна.

Милл не согласился с ним и со смешанным чувством наблюдал за искусственным футболистом:

— Я все же полагаю, Мартин, мы должны быть довольны. К какому выводу пришел бы логично рассуждающий человек, если бы ему запретили заниматься любимой работой?

— Хотя он мог бы добиться своей цели и по-друго-

му,— понимающе кивнул Мартин, и его охватило вдруг сочувствие к созданному им роботу. Он был готов все простить этой модели из пластика, проволоки, транзисторов, переключателей и биотермических систем, этому удивительно близкому, совсем бесчувственному и все-таки так естественно реагирующему произведению технического искусства.

Ян все еще смотрел на красную карточку. Потом он повернул голову к своим создателям и ухмыльнулся. Прежде чем судья успел сообразить, что происходит, Ян схватил карточку и порвал на мелкие кусочки. Элегантным жестом он бросил их на землю, поклонился и подчеркнуто небрежной походкой пошел прочь.

На стадионе стало так тихо, как бывает только зимой в лесу. Тысячи глаз провожали десятый номер. Когда Ян подошел к краю поля, поднялся шум, переходящий в грозный гул всего стадиона.

За спиной тренера один из зрителей произнес:

— Никогда бы не подумал, что Штайн может так себя повести. Этот пример для всех футболистов...

— Кто знает, почему ему отказали нервы,— возразил другой сочувственно,— он ведь все-таки человек.

ОПЯТЬ ЭТОТ РОБОТ!

Гавана, 19 февраля 2157 года

Дорогой Рени!

Лидия летит на Ганимед, и я пользуюсь случаем от-
править тебе несколько строк. Едва узнав о том, что мы
расстались, и о том, как опечалена я твоим отъездом, она
сразу предложила захватить для тебя письмо, поэтому оно
должно попасть к тебе очень скоро. Лидия сказала мне,
что на Деймосе пробудет недолго, но все равно успеет
оставить письмо на местной почте.

Твою прощальную записку Роби мне передал. Ты пред-
ставить себе не можешь, как я расстроилась! Я столько
раз перечитывала ее, что просто зачитала до дыр.

Любимый, неужели ты не понимаешь: нельзя, чтобы
из-за ерунды разрушился наш брак! Такое было бы просто
глупо. Все произошло из-за Роби, но ведь он, бедняжка,
руководствовался самыми лучшими намерениями. Если бы
ты его сейчас видел, он такой грустный! Он робот очень
впечатлительный и теперь ничего не делает, только лязгает
суставами и горюет.

И уж если говорить честно, давай признаем, любимый:
ты виноват не меньше, а то и больше, чем он. Если бы
не эти противные стеклянные конденсаторы, ничего бы не
случилось. Ведь не зря, наверное, пишут на этикетке:
«Берегите от роботов». О чем ты думал, когда оставил их
на полке в кухне? Наверняка о своих ужасных сатурни-
анских круках. И чем эта гадость так тебя приворожила?..

Но возвратимся к Роби: если бы ты не оставил стек-
лянные конденсаторы на виду, Роби не схватил бы их
и не поменял бы на них свои. А ведь ты знаешь сам, как
эти конденсаторы влияют на внутреннее, такое чувстви-
тельное устройство любого робота: Роби впал в эйфорию,
и, когда ты попросил у него лунное средство для укреп-
ления волос, он, не посмотрев на этикетку на пузырьке,
дал тебе пятновыводитель.

Повторяю, опять виноват только ты. Кому бы другому

могло прийти в голову поставить пятновыводитель рядом с лунным средством для укрепления волос?

Легко могу представить себе, что ты сейчас думаешь: если бы я внушала Роби, что брать чужое нельзя, он бы не поменял конденсаторы. Ты прав, дорогой, но только наполовину: Роби еще очень мал и слова «нет» не знает. Завод, отправляя роботов на рынок, наклеивает на каждого этикетку с надписью: «Хороший робот, может делать все», и любому ребенку известно, сколько приходится потратить сил, чтобы устранить такое представление о возможностях их маленького металлического мозга.

Лучше будет, если историю с пятновыводителем ты выкинешь из головы. Наберись мужества и признай: виноват был не только он. К тому же лысым ты был немногим более полугода. И как быстро у тебя потом выросли волосы, и какие замечательные!

Да, да, знаю, о чем ты думаешь: о случае в лаборатории. В этой мерзкой лаборатории! Как же я рада, если бы ты только знал, что Роби покончил, хоть на какое-то время, с твоими ужасными экспериментами.

«Опять этот робот!» — зарычал ты тогда свирепо. Это были первые твои слова на следующее утро после того, что ты называешь «катастрофой», и ты не подумал о том, что бедный Роби стоит около тебя и для его схемы то, что он услышал, может иметь роковые последствия!

Но кому, кроме тебя, любовь моя, придет в голову, что маленький робот в состоянии отличить сатурнианского крука от ящерицы? Хотя тебе очень хотелось спать, ты ни в коем случае не должен был соглашаться на то, чтобы Роби навел в лаборатории чистоту, пусть намерения у него были при этом самые хорошие. И уж подавно не следовало тебе поручать ему выбрасывать мертвых ящериц в мусоропровод. Что Роби по ошибке выбросил из сосудов не мертвых ящериц, а живых круков, не так уж важно. Но никогда не позволю я тебе взваливать на него свою вину за то, что случилось позже.

Если твоим обожаемым крукам взбрело в голову вылезти из мусоропровода, вернуться в лабораторию, разбить два пузырька несмываемых чернил, съесть неподопытных крыс и разбросать по лаборатории твои неудобочитаемые записи, то уж Роби, извини, абсолютно здесь ни при чем. Он только выполнял приказ выбросить мертвых ящериц. И коли на то пошло, раз уж твои мерзкие круки

съели крыс, их-то, круков, ты и должен был использовать как подопытных животных, а не вопить истошно в присутствии малыша.

Но понимания и чуткости от тебя ждать не приходится. Все мысли у тебя только о круках, и ты не придумал ничего лучшего, чем подобрать их, заговорить с ними, как с детьми, и бережно и любовно посадить их назад в клетку.

Просто стыд! Что сказали бы знакомые, если бы увидели, как ты стоишь перед клеткой и любишься этими омерзительными тварями, которые только и знают, что строить рожи и показывать язык.

Нет, просто в голове не укладывается! Убеждена, любовь моя, что тебе следовало бы показаться психиатру. У меня всегда было ощущение, что работа на Деймосе твою нервную систему вовсе не укрепляет; более того, сейчас у меня ощущение, что она тебе просто вредна.

Но оставим эту неприятную историю и поговорим о нас.

Если вернешься на Землю, мы сможем поехать отдохнуть на несколько дней. Уверена, что на Базе возражать не станут.

Я уже думала об отеле «Селена» в Варадеро — идеальное место для нового медового месяца. Говорят, в баре «Космос» чудесно, и это единственный бар на Кубе, где можно услышать хорошую «космическую» музыку.

Сейчас Роби стоит около меня. Смотрит из-за плеча, как я пишу, и когда я уверила его, что ты скоро приедешь, глазенки его заморгали от радости. В том, что ты приедешь, убеждена я не только потому, что ты меня любишь, но и потому, что, кроме меня, никто на Земле не выпесет твоих противных-препротивных круков, без которых ты жить не можешь.

Жду космограммы, в которой ты сообщаешь, что возвращаешься.

С безграничной любовью

Ана.

Р. С. Роби просит, чтобы ты, если можно, что-нибудь ему привез. По-моему, лучше всего — стеклянные конденсаторы.

ШУТНИК

Нет поговорки, что из больших желудей вырастают крохотные дубы. Но так бывает. Можно не попасть в аварию, зато влипнуть в историю. Неизвестно, что хуже.

В одно прекрасное утро, в году так 2208, некий смышленный, жизнерадостный, но чересчур изворотливый молодой человек проснулся и обнаружил, что стал жертвой своей гениальной идеи.

До чего ж обидно!

Давным-давно — в самом начале XX века — люди обнаружили, что в холодный осенний вечер куда приятнее завести дома граммофон, чем тащиться в дождь и слякоть на заезжую оперетку. Примерно тогда же домовладельцы, проявляя заботу о кулаках гостей, принялись покупать электрические звонки, а немного погодя появилась возможность простым нажатием кнопки открыть дверь и впустить в дом человека, стоящего на улице. А ученые уже возились в лабораториях с первыми фотоэлементами.

Пока радио и кинематограф делили рынок развлечений, крупные боссы сообразили, что диктофон, не в пример стенографистке, не делает ошибок, а механический сортировщик писем заменяет целую армию клерков. В самый разгар телевизионного помешательства пределом мечтаний невесты была автоматическая кухня, беспрекословно повинующаяся небрежно брошенному приказу поджарить ростбиф к такому-то часу, поливая его через столько-то минут такой-то подливкой. А более роскошные модели, снабженные регуляторами ароматов, помимо прочих кулинарных талантов, умели состряпать салат по рецепту знаменитого повара капельку лучше, чем сам повар.

Затем появилась Система Универсальной Передачи Энергии по Радио (СУПЭР). Телевизор освоил третье измерение, переименовал себя в теледар и так подешевел, что стал по карману самому бедному эскимосу, а теледарение, к слову сказать, оказалось единственной отраслью промышленности, где актеры еще умудрялись зарабатывать на пропитание.

Итак, телевизор развлекал, роботы с «суперпитанием»

хлопотали по хозяйству, автоматические пассажирские ракеты летали во все уголки Солнечной системы точно по расписанию... Словом, что еще оставалось желать человеку?

И вот в одно прекрасное утро... да, в году 2208...

В гостиной комика Лэсти (из программы «Смеемся вместе с клоуном Лэсти») на мгновение замерцал экран, висящий над бесценной антикварной батареей отопления. В следующую секунду на экране появилось изображение плечистого крепыша в каске с надписью на козырьке «Услуги на дому». Большой желтый ящик у его ног заполнял собой почти весь экран.

— Комик Лэсти? Я из фирмы «Рольг — Ремонт и Переделка Роботов». Получите своего универсального дворцкого со встроенными по вашему заказу приставками. Только прежде вам придется дать расписку, что вы отказываетесь от претензий по поводу возможных убытков и берете всю ответственность на себя.

— Б-р-р-р-р,— рыжеволосый молодой человек помотал головой, стряхивая остатки сна, и на его лице проступило озабоченное выражение.— Да я вам хоть свой смертный приговор подпишу, лишь бы получить от робота то, что надо. Эй, дверь,— крикнул он,— двадцать три, слышишь, двадцать три!

Дверь быстро скользнула вверх. Механик щелкнул тумблером гравитационного излучателя, ящик плавно всплыл в комнату и легонько стукнулся о противоположную стену.

Лэсти нервно потер руки.

— Надеюсь...

— Вот уж не гадал, мистер Лэсти, что простому парню, вроде меня, доведется встретиться с вами. Оно конечно, в нашем деле каких только знаменитостей не увидишь. Вчера, к примеру, отвез я двух роботов самому комиссару полиции. Мы их оборудовали детекторами лжи и даже медные лбы им приделали, чтоб они совсем уж на фараонов были похожи. Вот моя хозяйка от зависти лопнет, как прослышит, что я разговаривал с величайшим комиком теледара... Знаете, мистер Лэсти, она у меня всегда говорит...

— Никаких мистеров. Просто Лэсти... клоун Лэсти — смеемся вместе!

Механик весь расплылся в улыбке:

— Ну, точь-в-точь как на экране...

Он направил излучатель на ящик и повернул тумблер в положение «распад».

— Знаете, у нас один парень стал трепать языком, будто робот вам нужен, чтобы он шуточки для вас сочинял. Ну, я его и спросил: «А по морде не хочешь?» Уж я-то знаю, что вы свои словечки с ходу выдаете.

— Вот именно! — громкий изумленный смех. — Подумать только: «клоун Лэсти — смеемся вместе» заказывает шутки! Чего не наговорят злые языки?! Да знаете, как зовут меня поклонники? «Король шутки, принц прибаутки, острот полон рот, что ни слово — экспромт». И чтобы я после этого работал по подсказке? Какой вздор! А все потому, что мне в голову пришла шикарная идея: величайшему комику Западного полушария прислуживает робот-остряк. Ха! Ну-ка, поглядим на него.

Раздался легкий треск — это дезинтегрирующий луч обратил желтый ящик в пыль. Когда облачко пыли осело, их взгляду предстал робот из багряного металла, пяти футов росту.

— Вы его изуродовали! — негодуяще вскричал Лэсти. — Я послал на переделку последнюю модель 2207 обтекаемой формы с новеньким цилиндрическим туловищем. А вы мне возвращаете какую-то металлическую грушу... Черт знает что... Не робот, а сплошное брюхо. Да еще и кривоногий!

— Послушайте, сэр. Заказанный вами каталог анекдотов не влезал в него даже после записи на микропроволюку. Пришлось нашим техникам малость расширить нижнюю половину его туловища. А вы еще хотели, чтобы робот умел перелицовывать остроты. Ребятам пришлось повозиться, пока они не сварганили специальную приставочку — вариационный преобразователь, так они ее называли. Отсюда дополнительный вес, дополнительный объем. Позвольте мне его включить.

Механик вставил изогнутый иридиевый стержень — универсальный робототехнический ключ — в скважину на затылке робота. Два полных оборота, щелчок — и внутри робота послышалось слабое гуденье работающих механизмов. Металлические руки символическим жестом покорности прижались к металлической груди. Изогнутые брови взметнулись вверх. Рот вопросительно приоткрылся.

— Ух ты! — изумился механик. — Вот это физиономия,

до чего ж важный вид! А как высокомерно смотрит!

— Это все моя невеста придумала,— гордо сказал Лэсти,— Джозефина Лисси, знаете, та самая, что поет в моих программах. Она утверждает, что именно так выглядел в старину дворецкий... совсем как в древней Англии. Она даже имя соответствующее ему придумала. Давай, Руперт, выдай анекдотик.

— О чем, сэр? — проскрипел Руперт.

Голос его то поднимался, то опускался наподобие синусоиды.

— О чем хочешь. Попроще да посмешнее, из дорожной серии.

— Гинсберг впервые летел на Марс,— начал Руперт.— Ему указали столик в отсеке-ресторане и сообщили, что его соседом будет француз. Поскольку тот еще...

Механик постучал по металлической груди.

— Вот еще одна приставочка — мезонный фильтр. Вы хотели, чтобы он умел различать заряд смеха в своих шутках и приспособлять их к аудитории. Сколько бы это ни стоило. А нашим инженерам только подавай задачку потруднее: в лепешку расшибутся, а уж что надо сварганят.

— Коли так, то кое-кому из моих приятелей-юмористов придется локти кусать,— злорадно пробормотал Лэсти.— Посмотрим, кто будет смеяться последним: клоун Лэсти или Грин с Андерсеном. Алчные бумагомаракки!

— ...француз, увидев, что Гинсберг уже сидит за столом, остановился, щелкнул каблуками и низко поклонился. «Бон аппетит»,— сказал француз. Гинсберг, не желая ударить лицом в грязь, привстал и...

— Мезонный фильтр, говорите? Что же, хоть вы и содрали с меня астрономическую сумму, но, если Руперт даст мне то, что надо, он себя окупит. Зря только вы испортили ему фигуру.

— ...повторялся этот краткий диалог. Наконец, в последний день путешествия Гинсберг разыскал стюарда и попросил объяснить ему...

— Мы бы и лучше все разместили, если бы не такая спешка. Но вы требовали его обратно в среду, и ни днем позже.

— Да. Сегодня я выхожу в эфир. Мне необходимо... вдохновение, которое даст мне Руперт.— Лэсти нервно взъерошил волосы.— Похоже, он в форме.

— ...подошел к французу, который уже сидел за столом. Гинсберг щелкнул каблуками, поклонился и произнес: «Бон аппетит». Француз в восторге вскочил с места...

— В таком случае будьте добры подписать эту бумажку. Обычная расписка по установленной форме. Вы принимаете на себя полную ответственность за все действия робота. Без этого я не имею права оставить его вам.

— О чем разговор? — воскликнул Лэсти, подписывая бумагу.— Все, что хотите.

— ...«Гинсберг!» — воскликнул француз.— Руперт умолк.

— Недурно. Хотя и не совсем то, что надо. Я бы хотел... Разрази меня атом, это еще что такое? — Лэсти даже подпрыгнул от неожиданности.

Робот, застыв на месте, скрипел, взвизгивал и скрежетал всеми шестеренками, словно разваливался на части.

— Ах, это! — махнул рукой механик.— Маленькая недоделка. Не успели устранить из-за спешки. Насколько удалось разобраться инженерам, это побочный эффект мезонного фильтра. Робот отличает шутки просто забавные от очень смешных. Как сказано в спецификации: «электронная дифференциация гротескного». У человека это называется чувством юмора. Ну, а у робота, так сказать, выхлоп заедает.

— М-да, не приведи господь услышать этот скрежет с похмелья. Робот, хохочущий над собственными шутками. Б-р-р, что за звуки! — Лэсти поежился.— Эй, Руперт, смешай-ка мне Лунный Трехступенчатый.

Металлическая громадина повернулась и, переваливаясь на кривых ногах, направилась в кухню. Глядя на качающуюся походку робота, оба зрителя не смогли удержаться от смеха.

— Вот вам несколько долларов за труды. Жаль, у меня нет больше мелких. Хотите пачку «Звездочета»? Мой рекламодатель по самую макушку завалил меня сигаретами. Вам с каким ароматом — лакрицы или кленовых орешков?

— Мой обычный сорт — с ароматом лесных яблок. И хозяйка моя тоже... Премного вам благодарен. Надеюсь, вы останетесь довольны.

Механик сунул излучатель в карман формы и вышел.

— Три двадцать! — крикнул ему вслед Лэсти. Дверь бесшумно скользнула вниз.

Руперт приковылял в гостиную, держа в руках бокал в виде причудливо изогнутой спиральной трубки, заполненной белой, желтой и зеленой жидкостями. Комик залпом его опорожнил, шумно выдохнул воздух и пригладил волосы.

— Вот это да! Отрава — что надо! Тот парень, что смастерил для тебя коктейльный блок, был явно не дурак по части электроники. А теперь как бы поручить тебе это дельце... Впрочем, ты ведь умеешь читать. Вот это — сценарий сегодняшней передачи; моих импровизаций в нем, разумеется, еще нет. Перепечатай его для меня и на каждую подчеркнутую реплику сочини какую-нибудь шутку. Я их выучу и по ходу передачи буду выдавать экспромтом. Впрочем, тебе это знать ни к чему. Иди работай.

Робот беспрекословно перелистал сценарий, мгновенно запечатлев каждое слово в своей электронной памяти. Затем бросил сценарий на пол и направился к электрической пишущей машинке. Подойдя, он отшвырнул стул. Его металлические ноги вдвинулись внутрь туловища как раз настолько, что руки оказались на уровне клавиатуры. Пальцы забарабанили по клавишам. Отпечатанные листы один за другим вылетали из машинки.

Лэсти восхищенно смотрел на робота.

— Если он пишет хоть вполовину так же смелно, как быстро, — дело в шляпе! — Комик нагнулся и подобрал с пола брошенную Рупертом пачку сценарных листов. — Никогда прежде он так не поступал. Более аккуратной и чистоплотной машины не было на всей планете — вечно подбирал за мной каждую соринку. Что же, у гениев свои причуды!

Словно в ответ на эти слова, зазвонил телефон. Лэсти улыбнулся и поймал трубку, прыгнув с потолка прямо ему в руки.

— Радиоцентр, — произнесла трубка. — Вас вызывает мисс Джозефина Лисси. Чьим кодом будете пользоваться: вашим или ее?

— Моим. Ка — сто тридцать четыре — Эл. Прием.

— Переключаю код. Говорите.

Радиофон издал несколько щелчков, настраиваясь на личный код Лэсти; этой же волной могли пользоваться миллионы людей, но кодирующее устройство позволяло разговаривать, не боясь подслушивания. На крохотном

экране, вделанном в радифон, появилась девушка с копной таких же, как у Лэсти, морковных волос.

— Привет, Рыжик,— улыбнулась она.— Угадай, что я скажу? Джози любит Лэсти.

— Умница ты моя! погоди, я переключу изображение. От этого экранчика у меня болят глаза. Он так мал, что ты в нем не помещаешься.

Лэсти повернул рычаг радифона и включил дверной экран. Аппарат прыгнул в свое гнездо на потолке. Комик нажал кнопку на пульте у двери и со вздохом удовлетворения опустился на кушетку. На большом экране над поддельной батареей отопления появилось жизнерадостное изображение Джозефины Лисси.

— Послушай, мой затейник, мне не до нежностей. Сейчас я тебе выложу самую суть. Грин и Андерсен проболтались Гаскеллу.

— Что?! — Лэсти вскочил на ноги.— Да как они смели! Я на них в суд подам! В нашем контракте специально оговорено: публика не должна знать, что они работают на меня.

— Что толку? — пожала плечами Лисси.— К тому же они проболтались Гаскеллу, а вовсе не публике. Но и этого ты не докажешь. Мне шепнули, что Гаскелл вне себя от ярости и повсюду ищет тебя. Грин и Андерсен убедили его, что без их шпаргалки к сценарию ты и двух слов не сможешь связать. Гаскелл, разумеется, сгоревшего предохранителя не даст — экспромты это или заученный текст, но он боится сесть в лужу с первой рекламной передачей.

— Не волнуйся, Джози,— улыбнулся Лэсти,— капельку удачи и...

— Что это? — вскрикнула Джози.— Клянусь любимой космической оперой покойной бабушки, в жизни не слышала ничего подобного!

То, чего в жизни не слышала Джози, было душераздирающей какофонией из скрежета, лязга, звона металла и пронзительных гудков. Лэсти быстро обернулся.

Руперт кончил печатать. Он держал багровыми пальцами длинные листы законченного сценария и мелко трясся.

— Г-р-р, бум, бам! — доносилось из его нутра.— Бинг! Банг! Бонг! К-р-р-рум!

Со стороны это звучало, как если бы камнедробилка перемалывала бетономешалку.

— А-а, это Руперт. У него выхлоп заедает — вроде чувства юмора у людей. Конечно, он не человек, но, похоже, ему нравятся собственные шуточки. Эй, Руперт, поди-ка сюда!

Робот перестал громыхать и, выдвинув ноги на первоначальную длину, зашагал к дверному экрану.

— Когда его доставили? — спросила Джози. — Они начинили его... Ой, его же изуродовали! У него такой вид, словно его разнесло от водянки и ему набрюшник одели. А куда делось придуманное мной выражение лица? Весь важный вид исчез, он теперь грустный-грустный. Бедняжка Руперт!

— Пустая игра воображения, — ответил Лэсти. — Руперт не в состоянии изменить выражение лица, даже если очень захочет. То, что мы зовем его по имени, а не серийным номером, как прочие домашние машины, еще не означает, что у него появились эмоции. Для того чтобы выполнять обязанность камердинера, ему требуется ничуть не больше фантазии, чем часам, чтобы показывать время. Кроме того, сейчас он заодно еще и ходячий каталог остроумия, снабженный этим... как его... вариационным преобразователем...

— И вовсе нет. Руперт все чувствует. Ведь правда, Руперт? — проворковала девушка. — Ты меня помнишь, Руперт? Меня зовут Джози. Как ты поживаешь?

Робот молча смотрел на экран.

— Из всех вздорных женских выдумок...

Что-то лязгнуло. Это Руперт составил каблук. Туловище его согнулось в чопорном поклоне.

— Гинс... — начал он.

Голова его продолжала величественно опускаться и с громким стуком ударилась об пол.

С Джози от хохота чуть не сделалась истерика. Лэсти хлопал себя по бедрам. Руперт замер, образовав с полом прямоугольный треугольник, вершиной которого оказалась расширенная часть его туловища.

— ...берг, — закончил Руперт, упираясь головой в пол.

Он не делал попыток подняться. Внутри у него что-то задумчиво жужжало.

— Ну ладно, — проворчал Лэсти, — не собираешься ли ты весь день валять дурака? Вставай!

— Он нне ммо-жжет, — взвизгивала Джози, — они сместили ему центр тяжести, и он не может встать. Если

тебе когда-нибудь удастся выкинуть такой же потешный трюк по теледару, то двести миллионов ни в чем не повинных зрителей помрут со смеху.

Комик Лэсти скорчил гримасу и нагнулся над роботом. Он обхватил его за плечи и потянул вверх. Медленно и очень неохотно Руперт выпрямился. Он ткнул пальцем в экран.

— С девицей этой проживешь,— начал он металлическим речитативом,— беспечно жизнь свою; в ад после смерти попадешь — решишь, что ты — в раю!

— Заткнись! — рявкнул Лэсти.— Слышишь, что я говорю? Заткнись!

Роботом овладел новый пароксизм шестереночного скрежета. Лэсти обиженно надулся.

— Мой прекрасный старинный кафельный пол. Такого кафеля середины XX века нет ни у кого в нашей башне. Посмотри, во что он его превратил. Дыра размером с...

— Сто раз тебе объясняла,— затараторила Джози,— что в XX веке кафельные полы делали только в ваннных комнатах. Иногда на кухне, но чаще всего в ваннных. А твоя поддельная батарея и секретер с раздвижной крышкой — вообще из разных эпох. У тебя нет никакого чувства старины. Вот погоди, дружочек, кинем мы друг в друга по пригоршне риса, и ты узнаешь, как выглядел жилой дом эпохи президента Рузвельта. Кстати, как тебе нравятся шутки Руперта — те, что на бумаге?

— Еще не знаю. Он только что кончил печатать.

По краю экрана засветилась узкая полоска.

— Отключайся, Джози. Кто-то пришел. Зайди за мной перед выступлением, как обычно. Пока.

По сигналу хозяина робот проковылял к двери и сказал ей «двадцать три». И тут почти одновременно произошли два события: в комнату вошел механик фирмы «Рольг» и голова Руперта стукнулась о пол.

Лэсти вздохнул и вторично выпрямил Руперта.

— Надеюсь, он не собирается бить поклоны всякий раз, когда кто-то войдет в комнату? Так он мне весь пол перебьет.

— А он уже выкидывал такую штуку? Скверное дело. Ведь у него в голове все основные контрольные блоки, и они еще как следует не притерлись друг к другу. Соскочит какая-нибудь шестеренка, и с приветом! Хотите, я отвезу его в мастерскую на переналадку?

— Нет времени. Через два часа я выхожу в эфир. Кстати, вы вмонтировали ему в лоб блок письменной развертки?

— А как же,— кивнул механик.— Видите узенькую зеленую пластинку над бровями? Когда вы захотите, чтобы он не говорил, а писал, сдвиньте ее в сторону или прикажите ему ее сдвинуть. Слова будут проплывать по экрану, вроде как на щитах световой рекламы. Я вернулся за ключом. Вот так история, забыл универсальный ключ в его затылке — прямо хоть на фабрику не возвращайся.

— Забирайте свой ключ. Я жду посетителя.

Лэсти повернулся и увидел, как в открытую дверь влетел коренастый человечек в полосатой тунике.

— Здравствуйте, мистер Гаскелл. Присядьте, пожалуйста. Я освобожусь через секунду.

— Давай ключ,— обратился к роботу механик.

Руперт вытащил у себя из затылка универсальный робототехнический ключ и протянул руку. Механик тоже протянул руку. Руперт уронил ключ.

— Что за черт? — удивился механик.— Если бы я не знал, что это невозможно, я бы поклялся, что это он нарочно.

Механик нагнулся за ключом. Рука робота быстро скользнула вперед. Механик как ошпаренный выскочил за дверь.

— Не смеешь! — завопил он.— Вы видели, что он собирался сделать? Какого...

— Три двадцать,— сказал Руперт.

Дверь упала на место, и фраза механика осталась незаконченной. Робот вернулся в гостиную, чуть слышно жужжа и пощелкивая. Выражение его лица сделалось еще более печальным, чем прежде. К грусти примешивалось легкое разочарование.

— Два Лунных Трехступенчатых,— приказал хозяин.

Робот поплелся на кухню готовить коктейли.

— Послушайте-ка, Лэсти,— загудел Джон Гаскелл громким, не по росту, голосом,— не люблю крутить вокруг да около. Я понятия не имел, что на вас работают наемные юмористы, пока Грин и Андерсен не рассказали мне, как вы срезали им гонорар, а когда они отказались батрачить за гроши, выставили их на улицу. Они утверждают, что сделали из вас самого высокооплачиваемого комика на Западном полушарии, и тут я с ними совершенно согласен.

Так вот, сегодняшняя передача — это всего лишь проба...

— Выслушайте меня, сэр. До того как я связался с этими грабителями, я сам готовил свой репертуар. Да и работали они исключительно на основе моего запаса шуток. Они пытались сорвать с меня больше, чем я сам зарабатываю,— вот почему я выставил их за дверь. Я по-прежнему умею импровизировать не хуже любого.

— А мне плевать, импровизируете ли вы или рассказываете свои сны. Мне нужно одно: глядя мою программу, публика должна смеяться. Побольше смеха,— и она любую рекламу проглотит не поморщившись. Впрочем, я совсем не то хотел сказать...

Гаскелл выхватил у Руперта спиральный бокал и единым духом осушил его. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Недостаточно крепко. Безвкусно. Мало огня!

Несколько секунд робот задумчиво разглядывал возвращенный Гаскеллом бокал, затем повернулся и заковылял на кривых ногах в сторону кухни.

Лэсти мысленно позволил себе не согласиться с президентом корпорации «Звездочет». Коктейль буквально ошарашивал каждой своей алкогольной капелькой. Впрочем, «Клуб хозяев планеты», где жил Гаскелл, славился крепостью своих напитков.

— Единственное, что меня интересует,— продолжал Гаскелл,— сумеете вы сделать сегодняшнюю программу смешной без помощи Грина и Андерсена или не сумеете? Вы, может, и великий комик, но как говорят у вас на теледаре: довольно одного провала — и славы как не бывало. Если после сегодняшней пробы «Звездочет» не подпишет с вами условленного тринадцатинедельного контракта, то вы живо скатитесь обратно к утренним рекламным наркотикам.

— Разумеется, мистер Гаскелл, вы совершенно правы. Только прошу вас, сначала просмотрите мой сценарий, а уж потом делайте замечания.— Лэсти вытащил длинные сценарные листы из электрической машинки и вручил их коротышке.

Рискованный шаг. Кто знает, какую чушь мог наплести Руперт? Но что поделаешь, прочитать текст не было времени. Авось Руперт и вывезет.

О качестве сценария приходилось судить по реакции

Гаскелла. Президент «Звездочета» подпрыгивал на антикварном стуле, содрогаясь от хохота.

— Чудесно! Восхитительно! — По щекам Гаскелла текли слезы. — Просто колоссально! Должен перед вами извиниться, Лэсти. Вам и впрямь не нужны наемные юмористы. Вы прекрасно пишете сами. А вы успеете до передачи выучить текст?

— За это не беспокойтесь, сэр. Перед срочной работой я всегда принимаю таблетку инфраскополамина. А на случай, если и вправду понадобится экспромт, у меня есть робот.

— Робот? Вот эта образина? — Гаскелл ткнул пальцем в Руперта, который, стоя за его спиной, заглядывал в сценарий и тихонько жужжал. Взяв у Руперта бокал, Гаскелл сделал несколько глотков.

— Да, сэр. В нижней половине его туловища хранится огромный запас шуток. Во время передачи робот будет стоять в стороне и, как только понадобится экспромт, — глядишь, он уже написан у него на лбу. Мистер Гаскелл! Что с вами?!

Гаскелл выронил бокал. Причудливо изогнутая спираль лежала на полу, из ее открытого конца вился черный дымок.

— Нап-ппит-ток, — хрипло пробормотал Гаскелл. Лицо его, попробовав поочередно красный, зеленый и лиловый оттенки, остановилось на компромиссном решении и пошло цветными пятнами.

— Где... где у вас?

— Сюда! Вторая дверь налево!

Маленький человечек, согнувшись в три погибели, выскочил из комнаты. Тело его обмякло, словно у потрепанной ватной куклы.

— Что с ним? — Лэсти понюхал поднятый с пола бокал. — Апчхи!

До него вдруг дошло, что Руперт тихонько жужжит и лязгает.

— Руперт, что ты сюда намешал?

— Он сам просил покрепче и поострее...

— ЧТО ТЫ СЮДА НАМЕШАЛ?

Робот задумался.

— Пять частей касторки... з-з-з-з-дин-дон... три части уксусной эссенции... бинг-бонг... четыре части красного перца... к-р-р-ранг-гр-рум... одну часть рво...

Лэсти свистнул, и трубка радифона спрыгнула с потолка.

— Радиоцентр? Скорую помощь, да поскорее! Клоун Лэсти, «Башня Артистов», квартира тысяча шестая.

Лэсти выскочил в прихожую и бросился на помощь своему гостю.

При виде цветовой гаммы на лице Гаскелла врач покачал головой:

— Помогите уложить его на носилки и срочно в госпиталь.

Гравитационным лучом врач поднял носилки и повел их к двери мимо стоящего в углу Руперта.

— Надо думать, съел что-нибудь несвежее,— прокрипел тот.

— Шут гороховый! — Врач кинул на робота свирепый взгляд.

Лэсти торопливо выпил три Лунных Трехступенчатых один за другим. Смешивал он их сам. С помощью двойной дозы инфраскополамина ему удалось вызубрить свои экспромты к приходу Джози. Руперт открыл ей дверь. Динг! Бам!

— Весь день он только этим и занимается,— проговорил Лэсти, в очередной раз выпрямляя робота.— И дело не только в том, что он расколотил весь мой кафельный пол. Того и гляди, у него в голове соскочит какая-нибудь гаечка. Разумеется, мне он повинуется беспрекословно, жертвами его розыгрышей до сих пор были...

Руперт что-то покатал во рту. Губы его вытянулись трубочкой. Щеки сложились гармошкой морщинок. Он сплюнул.

По полу запрыгала медная шестигранная гаечка. Все трое молча смотрели ей вслед. Наконец Джози подняла голову:

— Какие розыгрыши?

Лэсти рассказал о случившемся.

— Ну и ну! Твое счастье, что по контракту ты не отвечаешь за последствия своих шуток. Не то Гаскелл затаскал бы тебя по судам. Любить тебя сильнее он, однако, не станет. Будем надеяться, что он выживет. Иди одевайся.

Лэсти прошел в соседнюю комнату и принялся натягивать на себя красный с блестками клоунский костюм.

— Какая у тебя сегодня программа? — крикнул он оттуда.

— Мог бы сам прийти как-нибудь на репетицию и послушать.

— Должен поддерживать свою репутацию импровизатора. Так что же ты поешь?

— Арию «Странствую в пространстве я» из последней новинки Гуги Гарсия «Любовь за поясом астероидов». Послушай, твой робот, может, и в самом деле отличный писатель-юморист, но как дворецкий он никуда не годится. Сколько мусора накинано на полу! Бумажки, сигареты, спираль для коктейлей. Вот погоди, молодой человек, соединим мы с тобой наши судьбы...

Она умолкла и, нагнувшись, принялась подбирать мусор. Руперт, стоя сзади, сосредоточенно глядел ей в спину. Г-р-р! — внутри робота что-то загудело.

Стремительными шагами Руперт пересек комнату. Его правая рука поднялась и коснулась Джози.

— Ай! — завопила Джози, подпрыгивая до потолка. Опустившись на пол, она круто обернулась. Ее глаза метали молнии.— Кто это сме... — угрожающе начала она и тут заметила Руперта, который, все еще протягивая вперед руку, звенел и жужжал своими металлическими внутренностями.

— Да ты, никак, издеваешься надо мной?! Тебе смешно?! Ах ты, ржавый нахал! — В ярости она бросилась к роботу, чтобы закатить ему пощечину.

Выскочивший на вопль Лэсти увидел над лицом робота ее занесенную руку.

— Джози! — испуганно закричал он.— Только не по голове!

Бамм!!!

— ...Думаю, мисс Лисси, все обойдется благополучно,— сказал врач,— недельки две подержим вашу руку в гипсе, а потом — снова на рентген.

— Джози, мы опоздаем в студию,— нервничал Лэсти.— Очень жаль, что так вышло.

— Ах, тебе жаль? Так вот, заруби себе на носу: прежде чем я сделаю с тобой хоть один шаг, ты избавишься от Руперта.

— Джози, радость моя, золотко мое, да знаешь ли ты, как здорово он сочиняет!

— А мне плевать! Меня дрожь пробирает при мысли,

что он будет жить в одном доме с моими детьми. Ты же обязан держать его в своем доме по Закону о роботах. По-мосму, он у тебя свихнулся на почве юмора. Мне это не нравится. Так что выбирай: или я, или этот недовинченный остряк-самоучка.

В ожидании ответа Джози поглаживала гипсовую повязку на руке.

Так вот, Руперт в его теперешнем виде — несмотря на все странности и причуды — означал, что Лэсти гарантирована блестящая карьера комического актера. Больше ему не придется беспокоиться о репертуаре. Будущность его обеспечена. С другой стороны, Лэсти не был уверен, что хоть одна женщина на свете может сравниться с Джози. Она воплощала в себе его мечту об идеальной жене. Только с нею сможет он быть счастлив в браке.

Это был простой и недвусмысленный выбор между богатством и любимой женщиной.

— Ладно,— промолвил он наконец,— надеюсь, мы останемся друзьями.

Когда Лэсти вошел в студию, Джози уже заканчивала песенку. Отходя от микрофонов, она не удостоила комика даже сердитым взглядом. Началась рекламная вставка.

Лэсти поставил Руперта у дальней стены, рядом с режиссерской будочкой, где багряная фигура робота не могла попасть в поле зрения телекамер. Затем он присоединился к группе актеров, ожидавших под выключенной камерой окончания рекламы, после чего им предстояло разыграть небольшой водевиль.

Наконец захлебывающийся от восхищения диктор отчеканил последнее словечко рекламного текста. На сценическую площадку выскочил вокальный квинтет сестер Глоппус, и грянул финал:

Любовь, богатство и почет
Вам обеспечит «Звездочет»...
Зачем курить траву и вату?
На выбор сотня ароматов —
От вишенки до шоколада...
Ура! Ура! Ура! О ра-а-а-а-дость!

Телекамера над головой Лэсти засветилась разноцветными лампочками, и представление началось. Сюжет не отличался замысловатостью — любовь на запролочной

станции Фобоса. Лэсти не был занят в пьесе — по ходу действия он комментировал ее своими шутками.

А шутки сегодня были что надо — смеялся даже режиссер передачи. То есть, конечно, не смеялся — об этом не могло быть и речи, — но иногда на его лице появлялась улыбка. А уж если улыбается режиссер, то зрители во всем Западном полушарии животы со смеху надрыдают. Эта истина столь же непреложна, как и тот факт, что третий вице-президент теледара вечно становится жертвой самых гнусных розыгрышей — явление, хорошо известное всем социологам как «эффект Сбрось-парсона».

Время от времени Лэсти поглядывал на робота. Его беспокоило, что это создание вертит по сторонам своей железной башкой. В какой-то момент робот даже повернулся спиной и сквозь прозрачную дверь принялся рассматривать внутренность режиссерской будочки. На случай если понадобится экспромт, Лэсти заранее сдвинул зеленую заслонку.

Надобность в экспромте появилась совершенно неожиданно. Вторая инженю запуталась в монологе, начинавшемся словами: «И вот когда Гарольд расказал мне, что он приехал на Марс, потому что ему опротивела милитаристская и бюрократическая государственная система...», перешла на скороговорку, несколько раз пробормотала: «И тут я ему сказала... да, я ему сказала... не могла ему не сказать...», запнулась и принялась судорожно кусать губы, вспоминая забытую реплику.

В контрольной будочке пальцы режиссера бесшумно пробежали по клавиатуре, и выпавшая строчка вспыхнула на экране под потолком. В студии воцарилась мертвая тишина. Все с надеждой ожидали, что Лэсти своим экспромтом заполнит убийственную паузу.

Лэсти обернулся к роботу. Какое счастье! Тот стоит к нему лицом. Прекрасно! Теперь вопрос, сработает ли мезонный фильтр.

На лбу Руперта появилась надпись. По мере того как слова проплывали по экрану, Лэсти произносил их вслух:

— Послушай, Барбара, а знаешь, что случится, если ты будешь плохо кормить своего Гарольда?

— Нет, не знаю, — ответила актриса, добросовестно подыгрывая Лэсти и пытаясь одновременно затвердить забытую строчку. — Что же тогда случится?

Из угла донесся громовой голос Руперта:

— Он решит, что у тебя котелок не варит!

Гоготала студия. Гоготал Руперт. Только у него это звучало так, словно он разваливался на части. По всему Западному полушарию зрители бросились к гудящим, скрежещущим и лязгающим теледарам, пытаясь обуздать закусившую удила электронику.

Даже Лэсти расхохотался. Превосходно! Куда тоньше, чем тот хлам, которым пичкали его Грин с Андерсеном, но и с тем грубоватым привкусом старого фермерского остроумия, на котором замешана настоящая клоунада. Этот робот просто клад...

Стоп! А ведь Руперт не подсказал ему реплику, он сам ее произнес. Зрителей рассмешил вовсе не клоун Лэсти, они смеются над Рупертом, хотя и не видят его на экране. Что же творится?..

Наконец пьеса кончилась, и камеры переключили на Дездефину Лисси и ее оркестр.

Лэсти воспользовался коротким перерывом, чтобы свети счеты с Рупертом. Он повелительно указал роботу на пультовую.

— Убирайся туда, чучело огородное, и не смей носа высовывать, пока не кончится передача! Приберегаешь свои шуточки для себя, мерзкая железяка? Кусаешь руку, которая тебя смазывает? Ну, погоди у меня!

Руперт отшатнулся, чуть не раздавив бутафора.

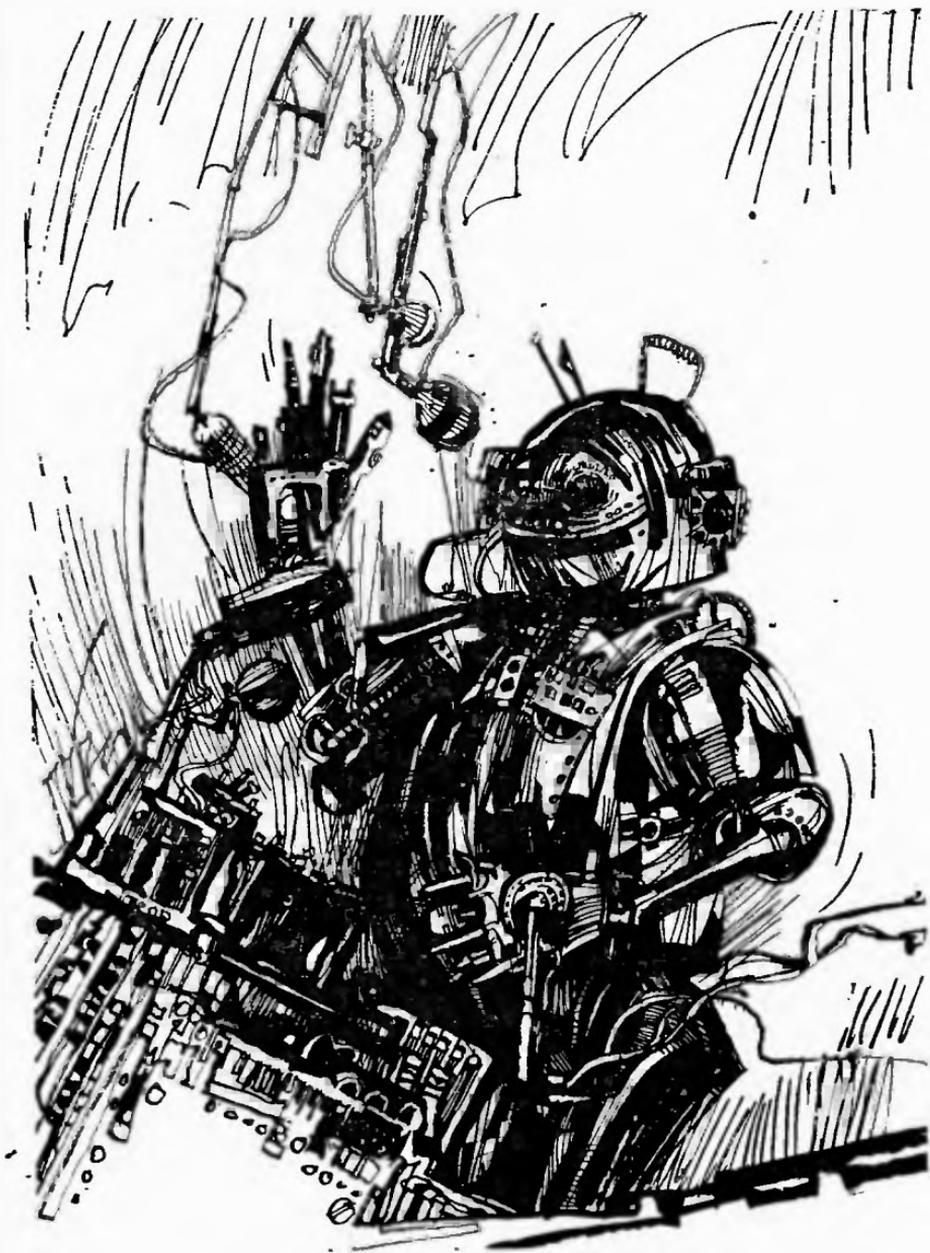
— Бинг-бинг? — вопросительно прозвенел он.— Бим-бам-бом?

— Я тебе пошучу! — зарычал Лэсти.— А ну, марш в будку, и чтобы духу твоего здесь не было!

Волоча ноги и оставляя глубокие борозды на пластиковом полу, Руперт поплелся на свой остров Святой Елены.

Передача продолжалась. В редкие свободные мгновения Лэсти видел, как робот понуро стоит возле сидящих за контрольными пультами техников. Уньло втянув голову в плечи, он утратил всякое сходство с элегантной обтекаемой моделью 2207. Затем, судорожно дергаясь, он принялся расхаживать по тесному помещению пультовой. Время от времени он делал попытки к примирению, зажигая на своем экранчике надписи вроде: «Какая разница между гипертоником и гиперпространством?» или «Что такое облысение? Замена причесывания умыванием». Но Лэсти игнорировал эти жалкие потуги.

Пошла вторая рекламная вставка.

— Задумывались ли вы,— масляным голосом осведомился диктор,— почему во всем космосе только «Звездочет» сияет звездой первой величины? Беспристрастными исследованиями установлено, что наши славные герои, улетая к звездам, всегда берут с собой... Ой, что это?

Руперт выпихнул из будки одного за другим трех негодующих техников и захлопнул за ними дверь. Затем он принялся нажимать кнопки и крутить ручки.

— Робот взбесился! Он выкинул нас за дверь!

— Послушайте, он психованный. Вдруг он переключит камеры на пультовую? Это ведь совсем просто. Не приведи бог, если это говорящий робот!

— Он выходит в эфир! Он умеет разговаривать?

— Умеет ли он разговаривать?! — простонал Лэсти.— Вышибите его оттуда поскорее!

— Вышибить его? Интересно, каким образом? — желчно рассмеялся инженер.— Он ведь запер дверь. А вы знаете, из какого материала сделаны стены и двери пультовой? Он сможет сидеть там, пока СУПЭР не отключит подачу энергии. А для этого...

— Задумывались ли вы, почему их называют «Звездочет»? — прокатился по студии грохочущий голос Руперта, и почти одновременно его услышали миллионы зрителей.— Одна затяжка — и звезды сыплются из глаз! Дингл-дунгл-дангл-донгл! Да, сэр! Звезды всех цветов и оттенков, и даже не пытайтесь их сосчитать! Бим-бам! Вторая затяжка — это вспышка Новой! Гр-грам-гр-рум! Сто ароматов, и от всех разит липой! Бинг! Банг!

Стены пультовой дрожали от могучего скрежещущего хохота. Но дрожали не только стены.

Джози утешала комика как могла.

— Милый, не может же он выступать вечно. Скоро он иссякнет!

— Как бы не так! При его-то запасе шуток! Да еще этот... как его... вариационный преобразователь, и еще мезонный фильтр. Нет, Джози, мне крышка. Пропала моя карьера, меня теперь и близко к камерам не подпустят. А я больше ничего не умею. На что я буду жить? Джози, Джози, конченный я человек.

В конце концов инженерам удалось отключить энергопитание во всем Теледар-сити. Прекратились передачи всех программ теледара, пропала связь с космосом, умолкли радифоны. Скоростные лифты застряли между

этажами. В правительственных кабинетах погас свет. Только тогда при помощи дистанционной контрольной установки смогли открыть дверь пультавой и вытащить бессильно обмякшего робота.

Когда иссякла энергия, иссяк и он.

Итак, Лэсти женился на Джози. Но счастлив он не был. Ему запретили выступать по теледару до конца его дней.

Впрочем, с голоду он не умер. Иногда даже жалел об этом. Погубившая его передача прославила Руперта. В тысячах писем телезрители требовали еще раз показать гадкого робота, осмелившегося поднять на смех рекламодателей. «Звездочет» устроил продажу. А в конечном итоге только это имеет значение...

Развеселый робот Руперт («самая разболтанная машина с тех пор, как изобрели винт и гайку») регулярно появляется на экране. Лэсти подписывает контракты. Управляться с роботом нелегко. Еще труднее с ним жить, но этого требует Закон о роботах. Продать его Лэсти не в состоянии — кому охота лишиться верного куска хлеба с вареньем? Он не может никого нанять для присмотра за роботом, то есть никого в здравом рассудке. Лэсти приходится несладко.

Раз в неделю Лэсти навещает Джози и ребятишек. У него осунувшийся и изможденный вид. С каждым днем розыгрыши Руперта становятся все изощреннее.

Последнее время Руперт так наострился, что Лэсти получил на теледаре несколько новых прозвищ: «Лэсти — дурные вести». Или: «Лэсти — нос не на месте». А то и просто: «Ой-ой!»

С Рупертом жить — не шутки шутить.

СОДЕРЖАНИЕ

Стоит ли бояться роботов? (вместо предисловия)	5
ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН.	
Мои бедные железные нервы. Перевел с английского М. Пухов	10
РЭЙ БРЭДБЕРИ.	
«Чертово колесо». Перевел с английского Р. Рыбкин	40
ЯРОСЛАВ ВЕЙС.	
День на Каллисто стоит года на Земле. Перевела с чешского Е. Аронович	50
ВЕНСЕСЛАО ФЕРНАНДЕС ФЛОРЕС.	
Бунт. Перевел с испанского Р. Рыбкин	65
ДЖОН Т. МАКИНТОШ.	
Дело рук компьютера. Перевел с английского М. Гилинский	92
ГЕРБЕРТ ГОЛДСТОУН.	
Виртуоз. Перевел с английского В. Волин	106
ФРЕД САБЕРХАГЕН.	
Корабль-крепость. Перевела с английского М. Дмитриева	115
ХОСЕ ГАРСИА МАРТИНЕС.	
Роб-ерт и Роб-ерта. Перевел с испанского Р. Рыбкин	128
МИЛДРЕД КЛИНГЕРМЕН.	
Победоносный рецепт. Перевела с английского Н. Галь	131
АЙЗЕК АЗИМОВ.	
Робби. Перевел с английского А. Норданский	137
РОБЕРТ ШЕКЛИ.	
Минимум необходимого. Перевел с английского В. Вебер	158
ДЖОН УИНДЕМ.	
Исчезнувший робот. Перевела с английского Т. Шинкарь	170
ЛЮБЕН ДИЛОВ.	
Очередной номер. Перевела с болгарского Ф. Гримберг	191

РИКАРДО ГАРСИА ЛЕОН.

Дарнк. *Перевела с испанского Д. Кузнецова* 205

УЛЬФ МАЛЬМГРЕН.

Три желания. *Перевела со шведского И. Бочкарева* 222

ГЕРБЕРТ В. ФРАНКЕ.

Управляемые на расстоянии. *Перевел с немецкого Р. Рыбкин* 236

МЮРРЕЙ ЛГИНСТЕР.

Компьютер по имени Джо. *Перевел с английского Ф. Мендельсон* 240

АРТУР СЕЛЛИНГС.

Вступление в жизнь. *Перевела с английского Р. Облонская* 261

ИРЖИ КОЛАФА-МЛАДШИЙ.

Обман. *Перевела с чешского Е. Лешкова* 278

АРТУР ПОРДЖЕС.

Погоня. *Перевел с английского Р. Рыбкин* 288

ГЮНТЕР ТЕСКЕ.

Талантливый футболист. *Перевела с немецкого И. Кивель* 303

ДАИНА ЧАВИАНО.

Опять этот робот! *Перевел с испанского Р. Рыбкин* 327

УИЛЬЯМ ТЕНН.

Шутник. *Перевел с английского Ю. Эстрин* 330

Литературно-художественное издание

Библиотечная серия

Для старшего возраста

КОМПЬЮТЕР ПО ИМЕНИ ДЖО

Сборник научно-фантастических рассказов

Ответственный редактор

Н. И. Белая

Художественный редактор

Ю. Н. Стальская

Технический редактор

Е. М. Захарова

Корректор

И. П. Мокина

ИБ № 11797

Сдано в набор 04.09.89. Подписано в печать 02.04.90. Формат 84×108¹/₁₆. Бум. типор. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 18,99. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2966. Цена 1 р. 20 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1.

Орден Трудового Красного Знамени ИО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сушеский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

К63 **Компьютер по имени Джо: Сборник научно-фантастических рассказов/Сост. Р. Л. Рыбкин.**— М.: Дет. лит., 1990.— 351 с.: ил.— (Б-ка приключений и научной фантастики. Библиотечная серия).

ISBN 5—08—001417—2

В сборнике представлены повести и рассказы зарубежных писателей, объединенные темой «Человек и машина». Среди авторов сборника Рэй Брэдбери, Любен Дилов, Мюррей Лейнстер, Уильям Тенн, Роберт Шекли, Ярослав Вэйс, Венсеслао Фернандес Флорес.

М $\frac{4801000000-254}{M101(03)-90}$ 441—90

ББК 84(0)6

